РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ

Берзиньш Валдис Мартынович, Бирон Анатолий Карлович, Дризул Александр Арвидович, Крастынь Ян Петрович, Руберт Янис Александрович, Спреслис Аусеклис Индрикович, Томан Бруно Арведович

Революционные латышские стрелки (1917—1920)

Издание: Революционные латышские стрелки (1917—1920)
Рига: «Зинатне», 1980.

[1] Так обозначены страницы. Номер страницы предшествует странице.
{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Революционные латышские стрелки (1917—1920). — Рига: «Зинатне», 1980. — 354 с. / Под редакцией академиков АН ЛатвССР *А. Дризула* и *Я. Крастыня.* // Тираж 10000 экз. Цена 2 р. 40 к.

Из текста: В кровопролитных битвах гражданской войны, завершившейся полной победой над международной контрреволюцией, активно участвовал и латышский народ в лице своих доблестных стрелков.
Воспитанные Коммунистической партией, преданные великим идеям В. И. Ленина, латышские стрелки на протяжении своего боевого пути высоко несли знамя пролетарского интернационализма. Долгим был овеянный славой путь латышских стрелков. Они прошли с боями от Балтийского до Черного моря, сражались против иностранных интервентов в самой Латвии, участвовали в подавлении антисоветских мятежей в Москве, Ярославле, Нижнем Новгороде, Калуге, Рыбинске, Вологде, Архангельске, Муроме и в других местах. Они покрыли себя неувядаемой славой в боях с белочехами на Восточном фронте, армией Юденича на петроградском фронте, армиями Каледина, Деникина и Врангеля на Южном фронте.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (*А. Дризул)* [11]

Глава I. **Латышские стрелки в период подготовки и проведения Октябрьской революции** (разд. 1—4 — *Я. Руберт,* разд. 5—6 — *А. Дризул)* [13]

1. Создание революционных организаций в латышских стрелковых полках [13]
2. Переход латышских стрелков на сторону Коммунистической партии [21]
3. Сплочение и укрепление революционных сил в латышских стрелковых полках [31]
4. Сдача Риги в августе 1917 года. Участие латышских стрелков в разгроме корниловщины [42]
5. Подготовка вооруженного восстания в районе XII армии [52]
6. Участие латышских стрелков в Октябрьской социалистической революции [62]

Глава II. **В первых рядах Красной Армии** *(Б. Томан)* [67]

1. Латышские стрелки в борьбе за упрочение Советской власти [67]
2. Создание Латышской стрелковой советской дивизии [82]
3. Партийно-политическая работа [93]

Глава III. **Боевая деятельность латышских стрелков** (апрель — декабрь 1918 года) *(Б. Томан)* [99]

1. Против внутренней контрреволюции [99]
2. На Восточном фронте [111]
3. На Северном и Южном фронтах [126]

Глава IV. **В борьбе за Советскую Латвию** *(В. Берзиньш)* [133]

1. Освобождение территории Латвии в декабре 1918 и январе 1919 года [133]
2. Обострение борьбы в Латвии в зимние месяцы 1949 года [147]

Глава V. **Дальнейшая борьба латышских стрелков на Западном фронте** (апрель 1919—июнь 1920 года) *(В. Берзиньш)* [165]

1. Защита Советской власти в Латвии в апреле и мае 1919 года [165]
2. Борьба латышских стрелков в Латгале, Псковской области и Белоруссии во второй половине 1919 года [183]

Глава VI. **Участие латышских стрелков в разгроме армии Деникина** *(Я. Крастынь)* [196]

1. Общая обстановка на Южном фронте летом 1919 года [196]
2. Латышские стрелки в Орловско-Кромском сражении [203]
3. Разгром армии Деникина после Орловско-Кромского сражения [226]

Глава VII. **Участие латышских стрелков в разгроме армии Юденича** *(Я. Крастынь)* [241]

1. Обстановка на Северо-Западном фронте осенью 1919 года [241]
2. 5-й особый латышский стрелковый полк в боях под Петроградом [246]
3. Преследование армии Юденича [258]
Глава VIII. **Латышская стрелковая дивизия на врангелевском фронте весной и летом 1920 года** (*А. Спреслис)* [265]
1. Возникновение врангелевского фронта [265]
2. Латышские стрелки в боях против Врангеля в апреле — июле 1920 года [270]
Глава IX. **Латышские стрелки в боях за освобождение Северной Таврии и Крыма** (август — ноябрь 1920 года) *(А. Спреслис) [288]*
1. Латышская дивизия в боях за создание каховского плацдарма [288]
2. Защита каховского плацдарма и борьба за инициативу в Северной Таврии [296]
3. Участие Латышской стрелковой дивизии в освобождении Северной Таврии [310]
4. Участие латышских стрелков в штурме юшуньских позиций и освобождении Крыма [316]
Глава X. **Краткий историографический обзор** *(А. Бирон)* [327]
Заключение *(Я. Крастынь)* [344]
Именной указатель (Сост. *В. Берзиньш)* [347]

Революционные латышские стрелки (1917—1920)
Иллюстрации
Предисловие
Глава I. **Латышские стрелки в период подготовки и проведения Октябрьской революции**
1. Создание революционных организаций в латышских стрелковых полках
2. Переход латышских стрелков на сторону Коммунистической партии
3. Сплочение и укрепление революционных сил в латышских стрелковых полках
4. Сдача Риги в августе 1917 года. Участие латышских стрелков в разгроме корниловщины
5. Подготовка вооруженного восстания в районе XII армии
6. Участие латышских стрелков в Октябрьской социалистической революции
Глава II. **В первых рядах Красной Армии**
1. Латышские стрелки в борьбе за упрочение Советской власти
2. Создание Латышской стрелковой советской дивизии
3. Партийно-политическая работа
Глава III. **Боевая деятельность латышских стрелков (апрель — декабрь 1918 года)**
1. Против внутренней контрреволюции
2. На Восточном фронте
3. На Северном и Южном фронтах
Глава IV. **В борьбе за Советскую Латвию**
1. Освобождение территории Латвии в декабре 1918 и январе 1919 года
2. Обострение борьбы в Латвии в зимние месяцы 1919 года
Глава V. **Дальнейшая борьба латышских стрелков на Западном фронте (апрель 1919 — июнь 1920 года)**
1. Защита советской власти в Латвии в апреле и мае 1919 года
2. Борьба латышских стрелков в Латгале, Псковской области и Белоруссии во второй половине 1919 года
Глава VI. **Участие латышских стрелков в разгроме армии Деникина**
1. Общая обстановка на Южном фронте летом 1919 года
2. Латышские стрелки в Орловско-Кромском сражении
3. Разгром армии Деникина после Орловско-Кромского сражения
Глава VII. **Участие латышских стрелков в разгроме армии Юденича**
1. Обстановка на Северо-Западном фронте осенью 1919 года

2. 5-й особый латышский стрелковый полк в боях под Петроградом
3. Преследование армии Юденича
Глава VIII. **Латышская стрелковая дивизия на Врангелевском фронте весной и летом 1920 года**
1. Возникновение Врангелевского фронта
2. Латышские стрелки в боях против Врангеля в апреле — июле 1920 года
Глава IX. **Латышские стрелки в боях за освобождение Северной Таврии и Крыма (август — ноябрь 1920 года)**
1. Латышская дивизия в боях за создание каховского плацдарма
2. Защита каховского плацдарма и борьба за инициативу в Северной Таврии
3. Участие Латышской стрелковой дивизии в освобождении Северной Таврии
4. Участие латышских стрелков в штурме Юшуньских позиций и освобождении Крыма
Глава X. **Краткий историографический обзор**
Заключение
Именной указатель
Примечания

Иллюстрации

1. П. Стучка. *(стр. 28)*
2. Раненые латышские стрелки читают газету «Бривайс стрелниекс» (1917 г.) *(стр. 31)*
3. Командир 5-го Земгальского латышского стрелкового полка И. Вациетис. *(стр. 47)*
4. Председатель Военно-революционного комитета района XII армии Ю. Чаринь. *(стр. 61)*
5. Сотрудники редакции газеты «Бривайс стрелниекс» в конце 1917 года в Валке. *(стр. 69)*
6. Места боев латышских стрелков на фронтах Гражданской войны в конце 1917 и в 1918 году. *(стр. 77)*
7. Группа командиров 1-го латышского стрелкового полка в 1918 году. Слева сидит командир полка Р. Вайнянис, справа стоит командир батальона А. Фрейберг. *(стр. 83)*
8. Комиссар Латышской стрелковой советской дивизии К. Петерсон. *(стр. 86)*
9. Комиссар Латышской стрелковой советской дивизии К. Дозитис. *(стр. 86)*
10. Латышские стрелки перед первомайской демонстрацией в Москве в 1918 году. *(стр. 87)*

11. Латышские стрелки в Кремле (1918 г.). *(стр. 101)*
12. Группа стрелков 9-го латышского стрелкового полка во время подавления мятежа левых эсеров в Москве 7 июля 1918 года. *(стр. 105)*
13. Расположение частей Латышской стрелковой советской дивизии в Москве и ее окрестностях 6 июля 1918 года. *(стр. 107)*
14. Группа стрелков 3-го латышского стрелкового полка в Калуге летом 1918 года. *(стр. 109)*
15. Почетное красное знамя ВЦИК, врученное 5-му (Земгальскому) латышскому стрелковому полку. *(стр. 119)*
16. Командир 3-й латышской стрелковой бригады Я. Юдынь. *(стр. 123)*
17. Отряд латышских кавалеристов в Арзамасе в 1918 году. *(стр. 125)*
18. Группа командиров Витебского кавалерийского полка в 1918 году. Первым справа стоит командир полка А. Видзе. *(стр. 129)*
19. Стрелки 4-и роты 9-го латышского стрелкового полка на Поворинском фронте осенью 1918 года. *(стр. 131)*
20. Освобождение территории Латвии в декабре 1918 — январе 1919 года. *(стр. 136)*
21. Члены революционного военного совета армии советской Латвии Я. Пиече (слева) и А. Дауманис. *(стр. 142)*
22. Латышские стрелки вступают в Елгаву в январе 1919 года. *(стр. 143)*
23. Почетное революционное красное знамя ВЦИК, врученное 7-му стрелковому полку Советской Латвии. *(стр. 151)*
24. Председатель комитета коммунистической организации латышских стрелков П. Крустынь. *(стр. 155)*
25. Наступление контрреволюционных сил на Советскую Латвию в январе — марте 1919 года. *(стр. 156)*
26. Комиссар 8-го стрелкового полка Советской Латвии А. Приверт. *(стр. 160)*
27. 7-я рота 4-го стрелкового полка Советской Латвии у Стренчи (март 1919 г.). *(стр. 163)*
28. Стрелки 18-го стрелкового полка Советской Латвии. *(стр. 173)*
29. Положение армии Советской Латвии 21 мая 1919 года. *(стр. 175)*

30. Латышские стрелки во время праздника 1 мая 1919 года в Риге. *(стр. 177)*
31. Стрелки 4-й роты 8-го стрелкового полка Советской Латвии под Бауской весной 1919 года. *(стр. 179)*
32. Начальник штаба 1-й бригады 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии Т. Кауфелд. *(стр. 181)*
33. Начальник политотдела XV армии Я. Ленцманис. *(стр. 184)*
34. На отдыхе. *(стр. 187)*
35. Стрелки 4-го латышского стрелкового полка на позициях в Латгале летом 1919 года. *(стр. 188)*
36. Группа стрелков 6-го латышского стрелкового полка. *(стр. 189)*
37. Санитарный отряд полка особого назначения XV армии. *(стр. 191)*
38. Начальник Латышской стрелковой дивизии А. Мартусевич (в штатском) в штабной автомашине. *(стр. 193)*
39. Группа командиров полка особого назначения XV армии (посередине сидит командир полка Я. Бейка). *(стр. 195)*
40. Положение на Южном фронте в июле 1919 года и план главнокомандующего И. Вациетиса, направленный на разгром армии Деникина. *(стр. 201)*
41. Группа командиров и комиссаров 8-го латышского стрелкового полка на Южном фронте в октябре 1919 года. *(стр. 214)*
42. Командир 8-го латышского стрелкового полка Г. Бокис. *(стр. 220)*
43. Разгром Дроздовской дивизии в районе Кром и отступление белогвардейцев по всему фронту. *(стр. 221)*
44. Червонные казаки бригады В. Примакова. *(стр. 223)*
45. Группа командного состава Латышской стрелковой дивизии, слева направо: начальник разведки О. Лацис, командир 1-го легкого артиллерийского дивизиона Э. Берзинь, начальник штаба дивизии К. Шведе, командир 1-й бригады А. Фрейберг и начальник дивизии Ф. Калнынь. *(стр. 225)*
46. 2-й латышский стрелковый полк на переходе. Январь 1920 года. *(стр. 233)*
47. Командир 2-й латышской стрелковой бригады Ф. Лабренцис. *(стр. 235)*
48. Рота музыкантов Латышской стрелковой дивизии. *(стр. 237)*
49. Помощник командира 5-го особого латышского стрелкового полка В. Павар. *(стр. 255)*

50. Боевая деятельность 3-й бригады 21-й дивизии с 27 октября по 2 ноября 1919 года. *(стр. 257)*
51. Группа командиров 5-го особого латышского стрелкового полка осенью 1919 года на Петроградском фронте. Слева направо: командир полка Я. Грегор помощник адъютанта Сниедзе, адъютант полка Я. Гесте, помощник командира полка Я. Павар. *(стр. 259)*
52. Штаб 5-го особого латышского стрелкового полка весной 1920 года в Москве. *(стр. 261)*
53. Обоз штаба 3-й латышской стрелковой бригады в пути из Змиева в Александровск в январе 1920 года. *(стр. 269)*
54. Штаб 3-й латышской стрелковой бригады в имении Преображенка в апреле 1920 года. В первом ряду слева направо: Г. Бокис, К. Стуцка, Р. Зилгалвис; во втором ряду слева направо: первый — Э. Лиепинь, второй — Я. Булан, четвертый — И. Миезитис, последний — Э. Сакенфелд. *(стр. 271)*
55. Расположение частей Перекопской группы 14 апреля в 6 часов. *(стр. 272)*
56. Командир авиационного отряда П. Межарауп (посередине) у своего самолета. *(стр. 273)*
57. Наступление Врангеля из Крыма 7—9 июня 1920 года. *(стр. 275)*
58. 1-й латышский кавалерийский полк проходит через Чаплинку весной 1920 года. *(стр. 277)*
59. Конники 9-го латышского стрелкового полка. *(стр. 285)*
60. Правобережная группа XIII армии на защите каховского плацдарма во второй половине августа 1920 года. *(стр. 293)*
61. Понтонный мост через Днепр у Каховки в августе 1920 года. *(стр. 297)*
62. Второе наступление каховской группы на перекопском направлении *(стр. 299)*
63. Штаб 2-й латышской стрелковой бригады летом 1920 года. *(стр. 301)*
64. Командный состав Латышской стрелковой дивизии. Слева направо: начальник штаба К. Шведе, комиссар Р. Апинис и начальник дивизии К. Стуцка. *(стр. 303)*
65. Политработники Латышской стрелковой дивизии. Август 1920 года. *(стр. 305)*
66. Перекопская операция с 8 по 11 ноября 1920 года. *(стр. 319)*

Предисловие

Все революционные преобразования нашего века, в том числе и борьба латышского народа за социализм, связаны с именем Владимира Ильича Ленина и его учением. «Для миллионов угнетенных и эксплуатируемых, всех трудящихся ленинизм стал символом социального обновления мира, революционным знаменем нашей эпохи. С именем Ленина, с его учением связаны все выдающиеся революционные события XX века. Нет и не может быть марксизма без того нового, что внес в его развитие Ленин. Ленинизм — это марксизм современной эпохи, единое, целостное, непрерывно развивающееся учение международного рабочего класса», — указано в постановлении ЦК. КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина»{1}. Трудящиеся Советской Латвии гордятся тем, что с именем и деятельностью В. И. Ленина неразрывно связана героическая борьба революционных латышских стрелков, последовательных пролетарских интернационалистов, мужественных бойцов за победу Великого Октября и упрочение его завоеваний. 17 (30) мая 1917 года начинается увеянная славой героическая история революционных латышских стрелков. В этот день они решительно встали под красное знамя большевистской партии, под знамя Ленина. Латышские стрелки направили приветственную телеграмму В. И. Ленину: «Мы приветствуем Вас как величайшего тактика пролетариата России, подлинного вождя революционной борьбы, выразителя наших дум и желаем видеть Вас в нашей среде»{2}. С этого дня революционные латышские стрелки, став верным отрядом социалистической революции, с честью пронесли красное знамя пролетарской революции через огонь битв в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции.

Соратник В. И. Ленина Петр Стучка неоднократно отмечал, что латышский стрелок — это вооруженный латышский рабочий и что Ленин всегда полагался на латышских стрелков. В своих воспоминаниях о Ленине П. Стучка писал: «1905 год привлек внимание Ленина к рабочему движению в Латвии, и он своим ясным умом тотчас же оценил большую революционную роль этого движения... Когда латышские стрелки в 1917 году перешли на сторону революции, его интерес полностью оправдался»{3}.

> «Так возникла его уверенность, — писал П. Стучка, — в революционности латышей. Трижды в критические моменты у нас шла речь о верности латышских стрелков (в Петрограде — в Смольном в период разгона Учредительного собрания, в Москве во время эсеровского восстания и, наконец, когда Деникин приближался к Орлу, а Юденич —

[12] к Петрограду). Во всех этих трех случаях наши стрелки оказались достойными доверия Ленина»{4}.

О героической истории революционных латышских стрелков повествует представляемая вниманию читателя книга «Революционные латышские стрелки», являющаяся сокращенным вариантом коллективного труда советских историков Латвии — «История латышских стрелков (1915 — 1920)», изданного под редакцией академика АН ЛатвССР Я. Крастыня на латышском (1970) и русском (1972) языках. В ходе подготовки данной монографии академик АН ЛатвССР А. Дризул провел необходимые сокращения текста (в том числе из издания 1972 года были исключены главы XI и почти полностью глава I), уточнения и правки редакционного характера. Значительной переработке самим автором подверглись главы, написанные Б. Томаном. В редакционной работе при подготовке данного издания участвовал также академик АН ЛатвССР Я. Крастынь.

Авторами книги «Революционные латышские стрелки» широко использованы документальные материалы архивных фондов, хранящиеся в Центральном государственном архиве Советской Армии (ЦГАСА), Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), Центральном государственном историческом архиве Латвийской ССР (ЦГИА ЛатвССР), Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР), Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства Латвийской ССР (ЦГАОР ЛатвССР), Партийном архиве Института истории партии при ЦК КПЛ (ПА ИИП при ЦК КПЛ), Государственном музее революции Латвийской ССР, Мемориальном музее красных латышских стрелков и др. Также использованы периодическая печать времен Октябрьской революции и гражданской войны, воспоминания бывших латышских стрелков, сборники статей, монографии, сборники документов и материалов и другие печатные источники о латышских стрелках. Особое внимание авторы книги уделили произведениям В. И. Ленина о пролетарской революции, гражданской войне и Красной Армии.

Книга «Революционные латышские стрелки» предназначена для самых широких читательских масс и выходит в свет в год 40-летия восстановления Советской власти в Латвии. Книга состоит из 10 глав, предисловия и заключения. Иллюстрации и схемы, которыми снабжена книга, помогут читателю лучше ориентироваться в боевых действиях латышских стрелков.

Авторский коллектив (академики АН ЛатвССР А. Дризул и Я. Крастынь, член-корреспондент АН ЛатвССР А. Бирон, доктор исторических наук А. Спреслис, кандидаты исторических наук В. Берзиньш, Я. Руберт, Б. Томан) надеется, что данная книга будет с

интересом встречена читателями Советской страны — нашей многонациональной социалистической Родины.

А. Дризул [13]

Глава I. **Латышские стрелки в период подготовки и проведения Октябрьской революции**

1. Создание революционных организаций в латышских стрелковых полках

Осенью 1916 года во всех воюющих странах назрел революционный кризис, вызванный империалистической войной. Его признаки наиболее ярко проявились в России. Непрерывное усиление экономических трудностей грозило стране всеобщей хозяйственной разрухой. В декабре 1916 года 39 предприятий Петрограда были вынуждены прекратить производство из-за недостатка топлива, а 11 предприятий — из-за нехватки электроэнергии. Железнодорожный транспорт не мог больше обеспечить даже подвоза продовольствия для армии. В сельском хозяйстве сильно уменьшилось число рабочих рук, поэтому валовой сбор зерна и технических культур резко падал. По всей стране все острее ощущался недостаток продовольствия. В конце января 1917 года в Петрограде запас муки был только на 10 дней, а мяса совсем не было.

Положение трудящихся масс становилось все тяжелее, это привело к обострению классовой борьбы. Главной силой массового движения был пролетариат России, которым руководила большевистская партия, несмотря на репрессии упорно готовившая массы к решающей битве с царским самодержавием. Движение пролетариата слилось со стихийным протестом солдат против ужасов войны: солдаты не желали больше умирать на фронте за чуждые им интересы буржуазии. Таким настроением в начале 1917 года были охвачены солдаты многих воинских частей.

В начале января 1917 года в ознаменование Кровавого воскресенья 1905 года в Петрограде, Москве, Баку и других городах состоялись политические стачки, направленные против войны и царизма. Стачечное движение с каждым днем ширилось. Особенно ярко это проявилось в Петрограде, где во второй половине февраля начали стачку 30 тыс. рабочих Путиловского завода, а уже 24 февраля число стачечников в городе достигло 200 тыс. На следующий день стачкой были охвачены все рабочие Петрограда, начались столкновения с полицией. 26 февраля всеобщая политическая стачка начала перерастать в вооруженное [14] восстание. Центр Петрограда заняли войска, которым было приказано стрелять в демонстрантов, но ни полиция, ни верные правительству войска не смогли остановить восстание. 27 февраля начался массовый переход солдат петроградского гарнизона на сторону революции. Отряды революционных рабочих и солдат заняли правительственные учреждения, вокзалы, арестовали министров и других представителей царской власти, освободили из тюрем заключенных революционеров. Узнав о событиях в

Петрограде, солдаты частей Северного фронта, выделенные по приказу генерала Рузского для борьбы с революцией, на вокзале в Луге взбунтовались против генерала Иванова, вышли из вагонов и вместе с местным гарнизоном решили не пропускать в столицу и разоружать прибывающие в эшелонах войска. Будучи не в силах подавить широкое революционное движение народных масс, поддержанное армией, царь Николай II был вынужден отречься от престола. Самодержавие было свергнуто, в России победила буржуазно-демократическая революция.

После победы Февральской буржуазно-демократической революции в стране сформировались органы революционно-демократической власти пролетариата и крестьян — Советы рабочих и солдатских депутатов. Сначала большинство в Советах принадлежало меньшевикам и эсерам, которые вступили в соглашение с буржуазией и добровольно отдали ей власть, поддерживая буржуазное Временное правительство. В Россия образовалось двоевластие: одновременно существовали две государственные власти — Советы рабочих и солдатских депутатов, за которыми стоял народ, и буржуазное Временное правительство.

В Латвии также победила буржуазно-демократическая революция. Революционные события, происходившие здесь, были частью широкого революционного движения России. Во время Февральской революции неоккупированная часть Латвии являлась прифронтовой полосой, где находились войска Северного фронта, насчитывавшие сотни тысяч солдат. Это обстоятельство в большой мере повлияло на дальнейшее развитие революции. Революционным движением масс в Латвии руководила Социал-демократия Латышского края. Революция в Латвии созрела под непосредственным влиянием революционных событий в Петрограде, несмотря на то что военные власти всеми силами старались изолировать местное население и войска от влияния революционной столицы. Для того чтобы в Латвию не проникали сведения о событиях в Петрограде, на почте и телеграфе был установлен строжайший контроль. Полиция и жандармерия находились в боевой готовности. Солдатам запрещалось покидать казармы и выходить за пределы мест расквартирования. Однако эти меры не смогли предотвратить революционизацию войск.

Страшась широкой волны солдатских беспорядков, Ставка верховного главнокомандующего утром 3 марта дала указание штабам всех фронтов пока не рассылать по воинским частям манифест об отречении царя от престола. Было приказано также арестовать прибывших из Петрограда агитаторов и передать их военно-полевому суду. Однако ни войска Северного фронта, ни Ригу, ни в целом прифронтовую полосу не удалось изолировать от революционного Петрограда. 2 марта в Ригу пришли вести о победе революции, а несколькими днями позже высшие [15] должностные лица царской администрации вместе с губернатором,

полицейскими и жандармскими начальниками бежали из Риги в Видземе. Только 5 марта был издан приказ главнокомандующего войсками Северного фронта генерала Рузского, в котором официально сообщалось об отречении царя от престола и создании Временного правительства. Приказ призывал войска поддержать новое правительство и продолжать войну до победы{5}.

Получив вести о победе революции, отдельные члены СДЛК и партийные кружки, нелегально работавшие в латышских стрелковых полках, начали организовывать и сплачивать свои силы. 4 марта в Риге собрались на совещание самые активные члены СДЛК из 4-го Видземского, 5-го Земгальского и 7-го Бауского полков: П. Эйланд, Э. Викманис, Х. Валдбах, Я. Олдберг, Э. Юревич и О. Лацис. На совещании было решено установить связь со всеми находящимися в стрелковых полках членами партии и объединить их в одну организацию. Для этой цели на совещании был создан кружок «Март», которому предстояло стать основой большевистской партийной организации латышских стрелковых полков. Задачей этого кружка было сразу же начать агитационную работу среди латышских стрелков и русских солдат.

В первые же дни марта большевики развернули активную деятельность в русских полках XII армии. Большевистские организации были созданы в 436-м Новоладожском полку, где до революции существовал кружок членов партии, основанный Д. И. Гразкиным, Р. Ф. Сиверсом и А. Г. Васильевым, в 303-м Сенненском полку и в других частях. Февральская буржуазно-демократическая революция пробудила политическую активность в самых широких солдатских массах. На фронте солдаты живо следили за всеми событиями, начинали осознавать свои гражданские права. В одном из солдатских писем в марте 1917 года говорилось: «Мы уже перестали быть рабами дома Романовых... Теперь мы стали людьми, а не собаками. Старая власть нас не считала людьми»{6}.

Активность солдат особенно усилил приказ № 1, принятый 1 марта Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов и адресованный войскам Петроградского военного округа. Приказом предписывалось, что во всех ротах, батальонах, полках и на судах военного флота немедленно должны быть избраны солдатские комитеты и представители солдат в Советы рабочих депутатов, все оружие и снаряжение должны взять в свое ведение ротные и батальонные комитеты. Приказом № 1 устанавливалось, что вне службы солдаты имеют такие же права, как все граждане, а также отменялись унизительные отдача чести и титулование офицеров «благородиями», «высокоблагородиями» и т. п., а офицерам запрещалось грубое обращение с солдатами.

Командный состав XII армии отнесся к этому приказу враждебно и старался воспрепятствовать его выполнению. Так, командующий XII армией генерал Радко-Димитриев (в настоящем издании в соответствии с болгарскими источниками он в дальнейшем именуется [16] Р. Димитриев) уже 5 марта сообщил главнокомандующему войсками Северного фронта генералу Рузскому, что отмечено много случаев, когда солдаты не отдавали чести офицерам, за что получили дисциплинарные взыскания. Генерал Рузский, в свою очередь, дал указание командующим армиями в приказах разъяснить, что упомянутый приказ Петроградского Совета относится только к столице и ее гарнизону.

Революционным движением были охвачены также Латгале и размещенная там V армия. 4 марта из Петрограда в Резекне прибыли делегаты РСДРП(б), которые установили связь с местной партийной организацией и солдатами гарнизона. В городе были освобождены заключенные, разоружена полиция, в управлениях начальника гарнизона и коменданта, а также в полицейских участках были сожжены все личные дела заключенных. 5 марта в Даугавпилс вместе с маршевыми ротами прибыли представители большевиков Петрограда, которые потребовали освобождения арестованных и вместе с солдатами и рабочими города арестовали начальника гарнизона генерала Безладнова, преследовавшего солдат.

В начале марта в Валмиеру прибыла делегация революционных рабочих Петрограда, которая привезла приказ № 1 и вместе с городскими рабочими и стрелками Запасного полка разоружила жандармерию. Потом эта же делегация организовала разоружение жандармов и полицейских и освобождение арестованных солдат в Цесисе. 5 марта в Риге, Валмиере, Цесисе и Даугавпилсе состоялись мощные солдатские демонстрации. Демонстрацию в Валмиере возглавил кружок членов СДЛК Запасного латышского стрелкового полка «Пелекие» («Серые»). Командир полка полковник Я. Францис пытался отговорить стрелков от участия в демонстрации, а когда уговоры не подействовали, пригрозил пустить в ход пулеметы. Однако стрелков не удалось запугать, они взломали склад с оружием, взяли необходимое количество винтовок и патронов и с оружием в руках приняли участие в демонстрации солдат и населения города. Вечером того же дня состоялось собрание представителей рот Запасного полка и русских частей, в котором участвовали 40—50 человек. Собрание приняло большевистские резолюции о положении в стране и задачах в связи с приказом № 1 Петроградского Совета. В качестве делегатов Запасного латышского стрелкового полка в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов были посланы большевики К. Гайлис, Я. Вилке, Я. Ларозе и А. Анскин. Они установили связь с центрами партии большевиков в Петрограде, получили указания от П. Стучки. На

следующий же день во всех шестнадцати ротах Запасного полка были избраны ротные комитеты, председателями или членами которых почти повсеместно были большевики. Был избран также комитет Запасного полка, его председателем стал член СДЛК В. Страутынь.

Запасной полк был первым латышским стрелковым полком, в котором стрелки избрали солдатские комитеты и создали Совет.

В XII армии политическую инициативу удалось захватить в свои руки эсеровской и меньшевистской соглашательским партиям. Под их руководством при поддержке командного состава в начале марта были проведены выборы Совета солдатских депутатов. На съезд, состоявшийся [17] в Риге 8 и 9 марта, от каждой воинской части XII армии избирался один делегат. В результате получилось так, что полки, дивизии и корпуса, насчитывавшие по многу тысяч солдат, послали такое же число представителей, как и небольшие тыловые команды, в которых числились всего несколько десятков солдат или чиновников. Так, путем грубой фальсификации солдатского представительства соглашательские партии обеспечили себе большинство и Совет был составлен главным образом из офицеров и военных чиновников тыловых учреждений. Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов (Искосол) XII армии впоследствии объединился с офицерским Исполнительным комитетом (Искомоф) и до Октябрьской революции оставался главной опорой контрреволюционных сил в XII армии и в Латвии.

Успеху массового революционного движения в Латвии в большой мере способствовала активная поддержка солдат. После Февральской революции на всей неоккупированной части Латвии были избраны Советы, из которых наибольшее значение имел Рижский Совет рабочих депутатов во главе с большевиком Р. Эндрупом. Рижский Совет ликвидировал царскую полицию и организовал народную милицию, на всех предприятиях установил восьмичасовой рабочий день, арестовал назначенного Временным правительством комиссара Лифляндской губернии А. Красткална, который под конвоем был доставлен в Петроград, и добился утверждения на пост комиссара социал-демократа А. Приедкална.

Прежде всего революционное движение поддерживали действующие в то время в Латвии латышские стрелковые части, в которых тоже состоялись выборы солдатских комитетов. Благодаря широкой разъяснительной работе, проведенной в полках членами СДЛК, и предпринятым ими энергичным организационным мерам, а также пролетарскому и полупролетарскому составу полков на выборах в комитеты определенных успехов добились большевики.

В первые недели после Февральской революции националистические элементы сумели в известной степени использовать выборы комитетов в

своих интересах, так как кружки СДЛК в действующих латышских стрелковых полках еще не успели укрепиться и охватить широкие массы. Это особенно наглядно выявилось на первом совещании делегатов латышских стрелковых полков, состоявшемся 13 марта в Валмиере, где наряду с признанием, что революция еще не завершена, заявлялось о необходимости «вести войну против внешнего врага и свергнутого реакционного правительства», а в качестве главного лозунга было выдвинуто требование о создании автономной Латвии в составе Российской демократической республики. Большевистская газета «Циня» («Борьба»), критикуя этот националистический лозунг, писала, что в резолюции сказалось влияние национальной буржуазии, а также меньшевиков{7}. Необходимо было сплотить революционные силы всех частей, чтобы не допустить подчинения стрелков влиянию буржуазии и соглашательских партий. Это могла сделать только сильная партийная организация, авторитет которой признавали бы широкие массы стрелков. В первой [18] половине марта 1917 года ЦК СДЛК дал указание группам членов партии создать в латышских стрелковых полках единую партийную организацию и провести выборы в первый Совет латышских полков.

Первое общее собрание членов СДЛК латышских стрелковых полков состоялось 26 марта в Риге, в нем участвовали 71 человек, в том числе 34 бывших подпольщика. На это собрание прислали своих представителей также Рижский комитет СДЛК и Рижский Совет рабочих депутатов. Участники собрания признали, что в полках необходимо создать партийные организации, которые должны объединиться в общую Организацию СДЛК латышских стрелковых полков. Была прочитана и обсуждена разработанная группой большевиков 109-й дивизии программа солдатских требований, которую на своих собраниях поддержали солдаты этой дивизии и многих сибирских стрелковых полков. В программе были выдвинуты требования организовать рабочие и солдатские Советы, немедленно начать переговоры о заключении справедливого мира, обеспечить солдатам все политические права, конфисковать земли помещиков, монастырей и церквей и передать их крестьянам, установить восьмичасовой рабочий день для рабочих, организовать социальное обеспечение и т. д. Общее собрание членов СДЛК латышских стрелковых полков присоединилось к этой программе.

На собрании была основана Организация СДЛК латышских стрелковых полков и избран временный комитет организации из 9 человек. Было решено также созвать новое собрание членов партии, так как из-за фронтовых условий не все смогли прибыть. На второе собрание, состоявшееся 3 апреля в Риге, также смогли явиться главным образом только члены СДЛК из 2-й латышской стрелковой бригады, так как 1-я бригада находилась на позициях. В собрании приняли участие более 70

членов партии из латышских стрелковых полков. Обсуждая вопросы о войне, собрание потребовало немедленно начать переговоры о заключении мира без аннексий и контрибуций и призвало всех организованных товарищей не верить распространяемой в буржуазной печати лжи о том, будто латышские стрелки жаждут войны «до окончательной победы». Участники собрания отправили приветствия большевистским газетам «Правда», «Социал-демократ», «Циня» и «Социал-демократе» в связи с их упорной борьбой за прекращение кровавой войны и расширение завоеваний настоящей революции, а также большевистской организации Ревельского (Таллинского) гарнизона, представитель которой прибыл на собрание с приветствием участникам собрания.

Собрание решило, что организация будет работать в духе коммунистического интернационализма, а также утвердило структуру Организации СДЛК латышских стрелковых полков, постановив, что в ротах и командах члены СДЛК должны объединяться в кружки, входящие в полковую организацию с полковым комитетом во главе. В Комитет организации СДЛК всех латышских стрелковых полков были избраны следующие товарищи: Э. Викманис (секретарь), О. Лацис, П. Эйланд, Э. Юревич, Я. Олдберг, Г. Валдбах, А. Анскин и М. Штал. Были избраны также делегаты на XIII конференцию СДЛК. Таким образом, все члены СДЛК латышских стрелковых полков сплотились в единую организацию, которая [19] быстро росла и завоевала доверие и поддержку самых широких масс латышских стрелков, став их организатором, идейным и политическим руководителем.

Социал-демократия Латышского края смогла за такой короткий срок заслужить доверие латышских стрелков потому, что последовательно выступала за немедленный демократический мир, конфискацию помещичьего землевладения, за восьмичасовой рабочий день, демократические гражданские права как для гражданского населения, так и для солдат, и т. д. Политика же буржуазного Временного правительства, направленная на продолжение войны, не пользовалась симпатией и поддержкой в массах стрелков, так как они уже успели в полной мере испытать все ужасы империалистической войны и не желали больше проливать кровь за достижение целей империалистической буржуазии в войне. Из-за хозяйственной разрухи в России положение солдат становилось все хуже, особенно в отношении продовольствия. 28 марта Временное правительство приняло решение уменьшить солдатам нормы выдачи хлеба, крупы, бобовых и чая, а лошадям — сена и овса.

Командующий XII армией Р. Димитриев в этой связи лицемерно писал, что солдатам придется принести «еще и эту жертву на алтарь отечества, чтобы одержать полную победу над врагом»{8}.

После свержения царизма значительно активизировалась латышская буржуазия, пытавшаяся национал-шовинистической агитацией привлечь к себе народные массы, особенно крестьянство. Буржуазные идеологи после Февральской революции агитировали за национальное освобождение, желая отвлечь внимание рабочих, крестьян и стрелков от революционной классовой борьбы, направленной против помещиков и капиталистов. В начале марта в Риге состоялось собрание представителей мелкобуржуазных и буржуазных организаций, на котором был создан Рижский совет общественных организаций — городской орган латышской буржуазии, который «горячо приветствовал» призыв Искосола к сотрудничеству. Организовалась и латышская сельская буржуазия, представители которой — крупные хозяева, волостные старосты, писаря, агрономы, председатели церковных общин и другие — на состоявшемся 12 и 13 марта в Валмиере собрании избрали Видземский временный земский совет. С помощью совета буржуазия надеялась взять в свои руки управление общественными делами Видземе.

Трудящиеся Латвии резко протестовали против попыток буржуазии захватить власть. Во многих резолюциях, принятых на собраниях и митингах рабочих, батраков и безземельных крестьян, разоблачались и осуждались эти стремления латышской буржуазии. Латышские стрелки также выступили против стремления буржуазии навязать латышскому народу свое господство. После Февральской революции как в городах и селах неоккупированной части Латвии, так и в латышских стрелковых полках обострилась классовая борьба, чему способствовали сплочение революционных сил вокруг СДЛК, их рост и широко развернутая большевиками разъяснительная работа. Эти процессы нашли отражение также в работе I съезда латышских стрелков 27—29 марта в Риге. [20]

На съезде присутствовало 190 делегатов, в том числе 176 стрелков и 14 офицеров, которые представляли все полки, команды и санитарные части. 3 дня съезд обсуждал вопросы, имевшие большое значение в определении позиций латышских стрелков на дальнейший этап. На съезде отразилось обострение классовой борьбы в полках. В работе съезда активно участвовала небольшая группа членов СДЛК, боровшаяся за принятие революционных решений.

Представителям буржуазно-националистического и меньшевистско-соглашательского направлений не удалось добиться принятия разработанной программы в целом без обсуждения. В ходе рассмотрения каждого пункта программы отдельно члены СДЛК предложили несколько резолюций и добились их принятия. Для стрелков, как и для всего латышского народа, особенно важен был вопрос о мире. Среди них мало было таких, кто хотел бы снова идти в наступление, поэтому делегаты не поддержали предложения офицеров воевать до окончательной победы, за

что особенно горячо ратовал реакционный полковник К. Гоппер. Однако под влиянием соглашателей съезд принял резолюцию, которая требовала агитировать за продолжение войны до тех пор, пока возникнет возможность заключить международный мир без аннексий и контрибуций. Внесенное большевиком К. Петерсоном предложение начать агитацию за немедленное заключение справедливого мира между воюющими странами не получило большинства голосов. Вопреки принятой резолюции массы стрелков в вопросе о войне и мире были настроены более революционно.

Делегаты съезда отклонили предложение о безоговорочной поддержке буржуазного Временного правительства, однако они приняли меньшевистское решение поддерживать это правительство до тех пор, пока оно будет осуществлять провозглашенную программу и работать в согласии с Советами рабочих и солдатских депутатов. Это объясняется тем, что часть большевистских партийных организаций, в том числе и комитет Петроградской организации, латышский район этой организации «Прометейс» и его газета «Циня» в то время заняли неправильные позиции по отношению к Временному правительству, призывая пролетариат контролировать каждый шаг правительства и не допускать его попыток помешать дальнейшему развитию революции. Такие призывы появились в результате неправильной оценки классовой сущности и роли Временного правительства.

Несмотря на попытки офицеров изолировать стрелков от влияния революционных масс, делегаты после продолжительных дебатов решили, что выбранный Исполнительный комитет должен поддерживать связь с Советами рабочих депутатов в Риге и Петрограде. Кулацкий Видземский временный земский совет делегаты отказались признать органом, представляющим интересы народа.

Более острая борьба на съезде развернулась в связи с выборами в Исполнительный комитет. Представителям офицеров не удалось добиться уменьшения состава Исполнительного комитета, что дало бы офицерам возможность влиять на остальных его членов. В Исполнительный комитет Объединенного Совета депутатов латышских стрелковых полков, [21] который стал известен под сокращенным названием «Исколастрел», были избраны 22 стрелка и 6 офицеров, а в его президиум вошло 7 членов. Председателем Исколастрела был избран штабс-капитан В. Озол, одним из его помощников — член СДЛК стрелок П. Барда, а секретарем — младший офицер Ю. Тимерманис. Почти треть состава Исколастрела и 3 из 7 членов его президиума были членами СДЛК{9}.

I съезд латышских стрелков решил издавать газету для стрелков, однако предложение членов СДЛК соблюдать строго социал-демократическое направление газеты не было принято, а вместо этого было утверждено мнение, что газета не может быть «органом только одной

партии», что она «должна быть защитницей всеобщих интересов стрелков». Воспользовавшись этим, газетой «Бривайс стрелниекс» («Свободный стрелок») до 19 мая (она начала выходить 10 апреля) руководили меньшевики во главе с М. Скуениеком, который поддерживал и защищал интересы буржуазии. Съезд все же способствовал сплочению и укреплению революционных сил в латышских стрелковых полках. Его ход показал, что процесс революционизирования стрелков неудержимо развивается. Известный деятель революционного движения в Латвии Юлий Данишевский позже писал: «Полны противоречий были политические позиции латышских стрелков в марте — апреле. И все же в конце апреля не было сомнений, куда движутся стрелки».

Большевики Латвии своей агитационно-пропагандистской работой добились того, что в это время все большее число стрелков вступало на путь, приведший в мае 1917 года все латышские полки в лагерь революционных сил, который сплотила и которым руководила Социал-демократия Латышского края.

2. Переход латышских стрелков на сторону Коммунистической партии

Буржуазное Временное правительство, пришедшее к власти после Февральской революции, не оправдало связанные с революцией надежды народных масс: оно не дало народам России ни мира, ни хлеба, ни полной свободы, оно стремилось использовать власть для продолжения войны и осуществления своих империалистических целей. Временное правительство оставило землю помещикам, предприятия — капиталистам, оно отказалось издать закон о восьмичасовом рабочем дне, сохранило старый управленческий аппарат, признало обязательства царского правительства перед империалистами Антанты и обязалось продолжать войну до окончательной победы, утверждая, что война отныне якобы не является империалистической, а ведется в интересах свободной России. Меньшевики и эсеры поддерживали Временное правительство, а большевики считали, что революция еще не завершена и в интересах ее дальнейшего развития и победы необходимо разъяснять массам сложившуюся ситуацию, революционизировать Советы и крепить союз рабочих [22] и крестьян. Все организации сплотились вокруг ленинской программы борьбы за социалистическую революцию, которая была выдвинута в знаменательных Апрельских тезисах В. И. Ленина, теоретически обосновавших конкретный план перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. «Своеобразие текущего момента в России, — писал В. И. Ленин, — состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»{10}.

Опираясь на Апрельские тезисы, VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б), проходившая с 24 по 29 апреля в Петрограде, признала, что партия должна взять курс на переход к социалистической революции. Ближайшую задачу партии В. И. Ленин сформулировал как лозунг «Вся власть Советам!», а это значило, что двоевластие нужно ликвидировать, вся власть должна быть передана Советам, в которых необходимо завоевать большинство, что следует изгнать представителей помещиков и капиталистов из органов власти и разоблачить соглашательскую политику меньшевиков и эсеров. Необходимы были разрыв с политикой доверия Временному правительству, организация и вооружение пролетариата, укрепление его связи с армией как важнейшее условие обеспечения мирного перехода власти к Советам. Конференция объявила, что партия будет всячески поддерживать братание, «стремясь превратить это стихийное проявление солидарности угнетенных в сознательное и возможно более организованное движение к переходу всей государственной власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата»{11}.

В соответствии с Апрельскими тезисами В. И. Ленина работала также XIII конференция СДЛК и латышских групп РСДРП (б) в Москве с 19 по 22 апреля. Конференция приняла большевистские решения о войне и мире, о переходе революции на новый этап, об отношении к Временному правительству и т. д. Конференция высказалась за прочный союз Латвии с революционной Россией, резко осудила великорусский шовинизм, местный национализм и национальную ограниченность. По аграрному вопросу конференция высказалась за национализацию всей земли и конфискацию крупных землевладений без компенсации. Большевики Латвии, начав борьбу за переход к социалистической революции, в своей практической работе опирались на Апрельские тезисы В. И. Ленина, решения VII (Апрельской) конференции РСДРП (б) и XIII конференции СДЛК.

Для улучшения агитационно-пропагандистской работы партии в массах латышских стрелков по предложению Комитета организации СДЛК латышских стрелковых полков 6 апреля Исколастрел на своем заседании [23] решил кооптировать в свой состав 9 членов Комитета организации, что давало возможность улучшить работу в агитационной комиссии Исколастрела. Установив тесную связь со всеми полками, партийная организация усилила политическую работу в массах, приняла активное участие в работе Исколастрела и вместе с выбранными в него членами СДЛК настойчиво боролась против буржуазных националистов.

В апреле произошло дальнейшее революционизирование латышских стрелков. Решения массовых собраний стрелков и полковых комитетов свидетельствуют о том, что политические взгляды латышских стрелков

неуклонно приближались к позициям партии большевиков. С возрастающей активностью они поддерживали идеи, высказанные в Апрельских тезисах В. И. Ленина. Наиболее резко стрелки выступали против продолжения войны в империалистических интересах буржуазии. Латышские стрелки и русские солдаты XII армии решили развернуть антивоенную агитацию в немецких войсках. Представители 2-го, 3-го и 4-го латышских стрелковых полков, а также артиллерийских частей сибирских стрелков, обсудив этот вопрос на состоявшемся 13 апреля совещании, приняли решение вести антивоенную пропаганду в армии противника как устно, так и печатным словом, т. е. с помощью листовок. Агитаторов должны были подобрать полковые комитеты из среды солдат. Агитировать намечалось в нейтральной зоне, прекратив на это время огонь всех видов.

Солдаты нескольких русских частей XII армии уже в первой половине апреля открыто выступили против руководимого меньшевиками Искосола и выразили ему недоверие. Росло недовольство солдат буржуазным Временным правительством. Протесты солдат особенно усилились в связи с нотой министра иностранных дел Милюкова от 18 апреля, адресованной союзникам, в которой было обещано продолжать войну «до окончательной победы». Солдаты 436-го Новоладожского полка на состоявшемся 22 апреля митинге протестовали против действий правительства, характеризуя их как политику грабежа и завоеваний, и отказались от присяги Временному правительству.

Революционизированию латышских стрелков и сплочению революционных сил во всей Латвии в значительной мере способствовал проходивший в Валмиере с 16 по 18 апреля 1917 года съезд безземельных крестьян Видземе, организованный и руководимый СДЛК. В работе съезда участвовало 436 делегатов, представлявших сельскохозяйственных рабочих, крестьян-бедняков и стрелков. Оценивая сложившееся в России положение, съезд установил, что революция еще не окончена, что «она должна быть продолжена совместными усилиями рабочего класса и революционного крестьянства».

По вопросу о Временном правительстве делегаты съезда заявили, что оно не является выразителем воли народа, так как в своем большинстве состоит из представителей имущих классов. Съезд потребовал в интересах революции и всего угнетенного народа в ближайшее время прекратить империалистическую войну.

Съезд безземельных крестьян большое внимание уделил аграрному вопросу. Были приняты решение о конфискации помещичьих и церковных [24] землевладений, положившее начало коренному повороту в развитии аграрных отношений в Латвии, а также важные постановления об улучшении положения сельскохозяйственных рабочих, организации

профсоюза сельскохозяйственных рабочих, создании Советов безземельных и др. Съезд признал, что Латвия должна быть политически автономной областью в составе Российской демократической федеративной республики, что трудящиеся Латвии могут одержать полную победу в революции только в прочном союзе с рабочим классом России{12}.

Избранный на съезде Видземский Совет безземельных крестьян, в котором преобладали большевики, присоединился к Рижскому Совету рабочих депутатов и стал его секцией. Решения съезда безземельных крестьян активизировали революционные силы, укрепили союз рабочего класса и беднейшего крестьянства в борьбе за власть Советов, мир, землю и социализм. В деревнях повсеместно началась напряженная работа по организации беднейшего сельского населения к выборам в Советы.

В латышских стрелковых полках, как и во всей XII армии, в весенние месяцы 1917 года происходил процесс обособления политических сил. Большевики Латвии считали, что в стрелковых полках важнейшей задачей было полностью изолировать соглашателей и националистов, чтобы получить безраздельную поддержку стрелков и большинство в Исколастреле. Проделанная партией агитационная и разъяснительная работа привела к тому, что во второй половине апреля стрелки со все большей решительностью выступали против любой поддержки буржуазного Временного правительства. Усилились протест стрелков против контрреволюционных действий штабов и офицеров и критика соглашательских тенденций большинства членов Исколастрела.

Активным проявлением антивоенных настроений солдат было широкое движение братания, которое весной 1917 года охватило всю армию России. Эта форма революционной антивоенной борьбы способствовала пробуждению классового сознания солдат и распространению идей интернационализма как в русских, так и немецких войсковых частях. Латышские стрелки вопреки приказам и распоряжениям своих офицеров также начали брататься с немецкими солдатами, заводили с ними беседы, обменивались продуктами, куревом и др. В ознаменование праздника 1 Мая особенно широкое братание состоялось на кекавском участке Рижского фронта, где находился 3-й Курземский полк. Вывесив по краю окопов белые флажки, латышские стрелки вышли из окопов под звуки «Марсельезы», исполнявшейся полковым оркестром. Из своих окопов вышли и немецкие солдаты, после чего солдаты обеих сторон начали переговоры. Организованное СДЛК братание показало, что солдаты стали проявлять известную инициативу в деле мира, что они намерены взять его в свои руки и пытаться революционным путем прекратить войну. Командующий XII армией генерал Р. Димитриев в начале мая 1917 года, признавая свое бессилие, жаловался

главнокомандующему [25] войсками Северного фронта генералу А. М. Драгомирову, что на фронте продолжается братание. Солдаты 21-го корпуса переправляются через Даугаву для встреч с немецкими солдатами, а некоторые части 2-го сибирского корпуса фактически находятся в состоянии перемирия с противником.

Комитет организации СДЛК латышских стрелков, борясь за прекращение империалистической войны, 10 мая решил основать немецкую секцию, задачей которой было бы как устно, так и с помощью печати и листовок призывать немецких солдат прекратить войну. Несмотря на тяжелые условия работы, секция делала все, чтобы разъяснить немецким солдатам сущность империалистической войны.

Социал-демократия Латышского края приняла все меры для создания Военной организации СДЛК в XII армии. В конце марта 1917 года при Рижском комитете партии сформировалась Военная организация СДЛК XII армии, которая поддерживала тесную связь с Петроградской военной организацией РСДРП (б) и вместе с нею руководила партийной работой на Северном фронте.

В процессе революционизирования XII армии огромную роль играли издания большевистской печати, попадавшие в руки как русских солдат, так и латышских стрелков. С начала марта 1917 года в Петрограде издавалась «Правда», которая, несмотря на многочисленные преграды, доходила до солдат в окопах, помогала партийным организациям разоблачать предательскую деятельность меньшевиков и эсеров и способствовала распространению большевистских настроений среди солдат. Представители контрреволюции ненавидели и беспощадно преследовали «Правду» с самого начала ее издания. Р. Димитриев отметил, что ««Правда» оказывает чрезвычайно разлагающее влияние на умы солдат», и требовал избавить армию от подобных изданий.

30 апреля 1917 года начала выходить также газета большевистских организаций XII армии «Окопная правда», которая вначале являлась изданием группы большевиков 436-го Новоладожского полка. Наибольшие заслуги в издании и развитии газеты принадлежали большевикам Гразкину, Сиверсу и Васильеву, а также офицеру Хаустову, примкнувшему к большевикам. С 17 мая газета перешла в ведение большевистской Военной организации XII армии, которая издавала ее совместно с русской секцией Рижского комитета СДЛК. Новое издание горячо приветствовали и поддержали ленинская «Правда» и большевистская газета «Солдатская правда». Его тираж с 5000 экземпляров за короткий срок возрос до 10 тыс. Газету знали и читали во всех частях Северного фронта. «Окопная правда» попадала также и к солдатам других фронтов, письма и корреспонденции ей писали даже с Кавказа.

Для сплочения революционных сил латышских стрелков большое значение имело то, что ЦК СДЛК в начале мая переехал из Москвы в Ригу; там с 13 мая стала выходить газета «Циня», завоевавшая симпатии и поддержку стрелков. Когда буржуазная пресса и другие контрреволюционные силы (Искосол, командование армии, офицеры) уже через несколько дней начали яростно нападать на «Циню», газета ответила: «Не запугаете! Мы уверены, что вокруг «Цини» стоят и будут стоять [26] латышские рабочие и стрелки. И в этом сила «Цини»»{13}. Многие стрелки в своих письмах обещали центральному органу СДЛК свою поддержку и помощь.

Важнейшей задачей, направленной на завоевание масс латышских стрелков, СДЛК считала изгнание меньшевиков из Объединенного Совета латышских стрелковых полков.

В конце апреля требование о перевыборах Исколастрела стало всеобщим. Во всех полках началась активная подготовка ко II съезду делегатов латышских стрелковых полков. На выборах во всех ротных и полковых комитетах большинство получили члены СДЛК или стрелки, поддерживавшие большевиков.

Латышские стрелки, проявлявшие большую политическую активность, участвовали в выборах делегатов на II съезд стрелков и послали на съезд главным образом членов СДЛК или же тех своих представителей, которые поддерживали партию. II съезд делегатов латышских стрелковых полков открылся 12 мая в Риге. На съезде присутствовали 226 делегатов. Его председателем был избран председатель Исколастрела капитан В. Озол, а заместителем председателя — член СДЛК П. Барда. Командование XII армии и Искосол, которых тревожил стремительный процесс революционизирования стрелков, пытались бороться против влияния большевиков на делегатов съезда. С этой целью на съезд прибыл генерал Р. Димитриев и выступил с патриотической речью. Но его льстивые восхваления «героев латышей» и горячие призывы продолжать империалистическую войну не произвели на стрелков впечатления. Адъютанта военного министра Временного правительства А. Керенского Ильина, который пытался уговорить стрелков идти в наступление, делегаты прогнали с трибуны.

Первые 2 дня заняли сообщения Исколастрела и его комиссий о деятельности после I съезда. Председатель Исполнительного комитета капитан В. Озол в своем сообщении был вынужден признать отрыв Исколастрела от масс латышских стрелков и отметить, что стрелки не считались с его решениями. «Стрелки забыли Исполнительный комитет, и поэтому он не был по-настоящему на месте», — сказал В. Озол. Одновременно он пытался доказать, что между стрелками и офицерами нет политических противоречий, так как все они, по его словам, являются

трудящимися, которых объединяют общие интересы, и т. д. С подобными заявлениями выступали также представители меньшевиков и офицеров.

На съезде активизировались представители контрреволюционных сил из среды офицеров и буржуазных националистов, а также соглашатели. Полковник К. Гоппер, верой и правдой служивший самодержавию, предложил выразить полное доверие Временному правительству и требовал восстановления неограниченной власти офицеров, пугая анархией. Однако речь Гоппера делегаты прервали свистом и топотом. Представители националистов и меньшевиков стремились доказать, что большинство солдат русской армии — за войну, поэтому стрелки должны подчиниться этому большинству. Так, один из лидеров меньшевиков П. Калнынь [27] заявил, что нельзя «отворачиваться от решения большинства» и следует поддерживать Временное правительство. Выступления самих стрелков свидетельствуют о том, что подобные предложения они не принимали. Подавляющее большинство делегатов съезда горячо поддержали большевиков — представителей ЦК СДЛК Ю. Данишевского и Я. Ленцманиса, которые активно участвовали в начавшемся 14 мая обсуждении политического положения.

Делегаты II съезда латышских стрелков тепло приняли П. Стучку, который от имени ЦК РСДРП (б) приветствовал стрелков — передовой отряд пролетариата и напомнил, что Временное правительство не решило вопроса о земле и не добивается мира, поэтому, по его словам, следует продолжать братание на фронте. П. Стучка подчеркнул, что власть должна перейти в руки пролетариата{14}. От имени ЦК СДЛК и Рижского Совета рабочих депутатов Я. Ленцманис призвал стрелков сплотиться вокруг СДЛК и накрепко объединиться с революционным народом России, ибо это единственно правильный путь к достижению свободы Латвии. От имени московской латышской большевистской организации стрелков приветствовал К. Пратниек.

Для сплочения революционных сил на съезде широкую агитацию среди делегатов развернули также представители организации СДЛК латышских стрелковых полков. Э. Викманис, П. Бруниниек, П. Барда, В. Штейнхарт, Т. Драудынь и другие участвовали в трехдневной дискуссии с объединенными силами меньшевиков, эсеров и буржуазных националистов, поддерживавших Временное правительство. Особенно большое впечатление на делегатов съезда произвели пламенные речи Ю. Данишевского. Он характеризовал действия Временного правительства как империалистические и категорически высказался против наступления на фронте, так как поддержка последнего означала бы поддержку империалистов воюющих стран. Оратор указал, что вместо войны нужно развернуть классовую борьбу. Попытки группы меньшевиков помешать

Ю. Данишевскому и не дать ему высказаться вызвали резкий протест большинства делегатов и возгласы: «Долой черносотенцев, буржуев!»

После прений о текущем моменте Ю. Данишевский от имени ЦК СДЛК предложил II съезду стрелков резолюцию, которую 16 мая при первом голосовании делегаты приняли 194 голосами при 29 голосовавших против и 1 воздержавшемся. При окончательном голосовании 17 мая эта резолюция в отредактированном виде была принята почти единогласно (1 делегат голосовал против нее и 8 воздержались). Резолюция утверждала, что война является империалистической, и призывала революционные силы бороться за мир без аннексий и контрибуций, прогнать свои империалистические правительства. В целях революционизирования немецкой армии резолюция советовала под наблюдением солдатских комитетов продолжать братание. По самому важному для революции вопросу — вопросу о власти — съезд заявил: «Нашим лозунгом и ныне является призыв революционной демократии: всю власть Советам [28] рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». В резолюции подчеркивалось, что войну можно прекратить только революционным путем — борьбой против капиталистов всех стран. Было решено опубликовать эту резолюцию также во всех русских газетах, чтобы русские солдаты и широкие массы во всей России знали о политических позициях латышских стрелков.

Позже П. Стучка писал, что первая его встреча с революционными латышскими стрелками состоялась в мае 1917 года в Риге, куда он приехал накануне принятия славной резолюции. Вот что пишет П. Стучка об этом событии: «Я видел только восторженное, почти *единогласное голосование.* Должен признаться, я был сильно поражен этой решимостью. Днем позже, выступая на отдельном общем собрании одного из полков, я убедился, что это — *думы и воодушевление масс,* а не только избранной верхушки»{15}. П. Стучка отметил, что, вернувшись в Петроград, он сообщил о рижских событиях В. И. Ленину, который с самым пристальным вниманием отнесся к факту революционизирования стрелков. По предложению В. И. Ленина П. Стучка послал «Правде» «Письмо из Риги», рассказав в нем и о резолюции стрелков.

Делегаты II съезда латышских стрелков, засвидетельствовав свою симпатию и верность вождю партии большевиков В. И. Ленину, отправили ему приветствие: «Мы приветствуем Вас как величайшего тактика пролетариата России, подлинного вождя революционной борьбы, выразителя наших дум и желаем видеть Вас в нашей среде»{16}. Приветствия были посланы К. Либкнехту, П. Стучке, Ф. Розиню и Я. Райнису, а также большевистским газетам «Правда» и «Циня». На съезде был избран новый Исполнительный комитет Совета депутатов латышских стрелковых полков (Исколастрел), в который вошли 50 человек, в том

числе 44 стрелка и 6 офицеров. Более половины состава нового комитета были членами СДЛК, и подавляющее большинство поддерживали программу партии большевиков. В состав Исколастрела был кооптирован также капитан В. Озол, которого избрали председателем. Его первым заместителем стал П. Барда, а В. Штейнхарт был избран представителем Исколастрела в Петроградском Совете. В агитационную комиссию Исколастрела съезд избрал по 1 представителю от каждого полка, а также кооптировал [29] одного из способнейших пропагандистов ЦК СДЛК Ю. Данишевского. Съезд решил, что для выражения воли стрелков в Искосол должны быть посланы новые представители. Большевистская резолюция 17 мая и вместе с тем радикальный поворот в истории латышских стрелков не были случайными. Их обусловили как широкая разъяснительно-организационная работа большевиков Латвии, так и весь предшествующий этап истории стрелков, их пролетарское или полупролетарское происхождение. Позже, в 1927 году, вспоминая этот выдающийся день, Ю. Данишевский писал в газете «Криевияс Циня» (от 28 мая): «17/30 мая латышские стрелки стали армией пролетариата Латвии, армией рабочего класса... Силы рабочего класса Латвии возросли десятикратно после решения стрелков, принятого 17/30 мая. Рига и вся Латвия стала одним из главных центров пролетарской революции».

17 мая 1917 года было началом славной истории революционных красных латышских стрелков. Соотношение сил резко изменилось в пользу революции. Исколастрел стал главной опорой СДЛК в Риге и в Латвии. В свою очередь, СДЛК, которая опиралась на массы рабочих и революционных стрелков, была самой значительной политической силой в неоккупированной части Латвии.

После 17 мая 1917 года все силы контрреволюции в Латвии единым фронтом выступили против латышских стрелков, их уверенного и непоколебимого перехода на сторону Коммунистической партии. Царские генералы и офицеры, разные группы и партии латышской буржуазии, меньшевики и эсеры — все объединились против революционных стрелков.

Буржуазная печать изо дня в день твердила, что кучка большевиков «обманула» стрелков, что немецкие агенты их подкупили. Она обвиняла стрелков в предательстве и трусости, призывала латышский народ осудить резолюцию II съезда стрелков, отмежеваться от них и не поддерживать материально, пока они не откажутся от «нелепой» резолюции. Больше всех стрелков ругала газета латышских крупных землевладельцев «Лидумс» («Подсека»). В одной из статей, обвиняя стрелков в неблагодарности, она призывала: «А впредь — не единой бумажной марки большевистским стрелкам до тех пор, пока они не откажутся от той ошибочной резолюции, которая ведет народ навстречу разорению и обреченности, нужде и

вымиранию». В ответ газета «Бривайс стрелниекс» писала: «Неужели и вправду эти одуревшие патриоты кошелька думают, что латышские стрелки проливают свою кровь ради их грошей? Неужели они думают, что стрелки не сумеют снова пожертвовать своими жизнями, но только по-прежнему рука об руку с братьями по классу, пролетариатом и трудовым народом России и всех стран?»

В стрелковых полках против резолюции II съезда изо всех сил пытались бороться офицеры, созывая отдельно собрания рот, команд и других подразделений.

Латышские стрелки в целом единодушно и с твердой решимостью защищали резолюцию от 17 мая. На многих собраниях и массовых митингах были приняты решения поддержать эту резолюцию и бороться за ее осуществление. [30]

Стрелки 3-й роты 4-го Видземского полка в своей резолюции подчеркнули: «Мы рассматриваем резолюцию Совета латышских стрелков как выразительницу наших дум и остаемся солидарными с нею...»

ЦК СДЛК и Исколастрел призывали трудящихся Латвии поддержать стрелков, отмежевавшихся от своих национальных «благодетелей» и открыто ставших на сторону революции, не допустить их наказания голодом и нуждой, собрать средства для поддержки стрелков. Стрелков защищали центральный орган СДЛК «Циня» и газета латышских стрелков «Бривайс стрелниекс». 19 мая 1917 года меньшевик М. Скуениек отказался редактировать газету стрелков, из состава редакции был исключен также меньшевик-интернационалист Ф. Мендер. Руководство газетой «Бривайс стрелниекс» было поручено большевикам Я. Херманису, К. Озолиню (Томасу) и др.

Выполняя свои обязательства перед империалистами Антанты, Временное правительство в мае 1917 года начало готовить наступление на фронте, изо всех сил стараясь прекратить братание и поднять «боевой дух» армии. 18 мая военный министр Керенский телеграфировал штабам всех фронтов, требуя прекратить братание, а верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев 21 мая в телеграмме Керенскому потребовал немедленно возобновить деятельность военных судов — быстро расследовать все проступки, виновных отдать под суд и приговоры сразу же привести в исполнение, а также восстановить власть командного состава в армии.

Керенский старался не только восстановить палочную дисциплину, но и использовать метод личного убеждения. С 20 по 24 мая он пробыл в Риге, чтобы поднять настроение солдат и подготовить их к наступлению на фронте. Меньшевистское руководство Искосола устроило Керенскому торжественную встречу и организовало вечер единства так называемой революционной демократии. На этом вечере присутствовали также

несколько солдат-большевиков, которые резко выступили против Керенского и Временного правительства. За это они были арестованы. Рижский Совет рабочих депутатов и Исколастрел во встрече с Керенским не участвовали, выразив таким образом свое отрицательное отношение к политике Временного правительства. В опубликованном Исколастрелом «Приветствии Керенскому» указывалось, что латышские стрелки как сила, сплоченная сознательной революционной дисциплиной, готовы идти в бой за свободу, если народ этого потребует, но в настоящий момент революции и свободе России наступление не необходимо. Пребывание Керенского в Риге еще больше обострило политическую ситуацию.

В мае на Рижском фронте уже один полк 109-й дивизии, несколько сибирских стрелковых полков и другие соединения высказались против наступления на фронте, требовали перевыборов Искосола на демократической основе и т. д. На собрании солдат 1-го батальона Тираспольского полка было принято решение полностью присоединиться к резолюции латышских стрелковых полков, делегаты 303-го Сенненского полка на своем собрании 17 июня также поддержали позицию латышских стрелков по отношению к Временному правительству. Таким образом, латышские стрелки уже в это время — сразу после II съезда — не были [31] одиноки, их поддерживали революционные русские полки, число которых непрерывно увеличивалось. Это было заслугой партии большевиков.

В революционизировании солдатских масс и их сплочении вокруг выдвинутых партией лозунгов большую роль продолжали играть издания большевистской печати. После перехода латышских стрелков на сторону Коммунистической партии и изменения политического направления газеты «Бривайс стрелниекс» ее тираж увеличился на 1000 экземпляров. Стрелки поддерживали свою газету и защищали ее от нападок буржуазной печати. Заслуженное доверие русских и латышских солдат себе завоевала газета «Окопная правда». Положительно оценив эту газету, с 5 июля выходившую как издание Военной организации СДЛК XII армии, центральный орган РСДРП (б) «Правда» отметил, что точки зрения обеих газет в оценке основных вопросов момента полностью совпадают. Названные издания освещали настроения латышских стрелков и русских солдат, сплачивали их для общей борьбы за победу социалистической революции в России и Латвии.

3. Сплочение и укрепление революционных сил в латышских стрелковых полках

В мае и июне 1917 года солдаты XII армии, как и других армий, быстро революционизировались. В частях XII армии росло сопротивление попыткам командования организовать на фронте новое наступление. [32]

Антинародный характер политики Временного правительства особенно ярко проявился в отношении к солдатам. 30 мая Временное правительство приняло решение, что солдаты, которые не будут подчиняться офицерам и откажутся выполнять боевые приказы, должны быть сосланы на каторгу и лишены всех прав. Были высказаны также угрозы расформировать «непокорные» части.

Однако попытки командования армии и Временного правительства помешать революционизированию солдат были тщетными. Латышские стрелки и после пребывания Керенского в Риге и его речей отказались поддерживать империалистическую политику Временного правительства. Командир 43-го корпуса генерал В. Г. Болдырев, который в начале июля посетил позиции 1-й латышской бригады, в своем дневнике писал о латышских стрелках: «Все они сплошь большевики и, конечно, за мир без аннексий и контрибуций и т. д.»

Влияние партии большевиков на массы объясняется тем, что партия выражала и защищала интересы народа. В интересах народных масс партия боролась за заключение демократического мира без аннексий и контрибуций, за революционный выход из войны, к чему стремились самые широкие солдатские массы на фронте, а также рабочие и крестьяне в тылу. Сила большевистской агитации и пропаганды проявилась в умении приблизиться к массам, сформулировать в ясных партийных лозунгах их стихийную неудовлетворенность, а также довести до масс основные задачи и вдохновить их на борьбу за осуществление этих задач.

В латышских стрелковых полках значительно увеличились влияние и авторитет организаций СДЛК. Комитеты и кружки партийных организаций в полках, ротах и командах поддерживали тесную связь с полковыми советами и комитетами; на всех собраниях и совещаниях представители стрелков обычно единодушно поддерживали партию. Значительную роль в укреплении Организации СДЛК латышских стрелковых полков и увеличении ее значения сыграла конференция партийной организации, проходившая с 4 по 6 июня. В ней участвовало 30 делегатов, а всего партийные организации полков в это время объединяли уже 1737 членов СДЛК{17}. Центральный Комитет СДЛК на этой конференции представляли его члены Р. Эйхе и Я. Шилф-Яунзем. Последний сделал сообщение о работе ЦК СДЛК по укреплению большевистской организации латышских полков. О работе Комитета организации СДЛК латышских стрелков сделал сообщение П. Эйланд, отметивший, что Комитет взял в свои руки всю массово-политическую и культурную работу в стрелковых полках, уделял большое внимание работе среди русских солдат, причем самые значительные успехи были достигнуты в сибирских стрелковых полках. Комитет организации послал крупную группу работников в Военную организацию XII армии. Было также отмечено, что

партийная организация проделала большую работу вне полков, участвуя в борьбе рабочих и крестьян-бедняков за политические права и улучшение [33] экономического положения, что проявилось в организации стачек и руководстве ими.

Во время работы конференции Организации СДЛК латышских стрелковых полков, 5 июня, в Риге собралось совещание представителей большевистских кружков войсковых частей XII армии. Участники совещания решили основать бюро Военной организации. Кроме того, было решено, что все партийные организации размещенных в Латвии воинских частей войдут в состав СДЛК. Свою практическую деятельность Военная организация отныне должна была согласовывать с ЦК СДЛК и ее местными организациями, а также с центром Военной организации в Петрограде. Такие единые действия СДЛК и военных организаций способствовали революционизированию масс и их сплочению в борьбе за победу социалистической революции.

С 16 по 23 июня в Петрограде проходила Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП (б), в которой участвовали 43 фронтовых и 17 тыловых военных организаций, в том числе и представители военных организаций Риги, Рижского фронта, Цесиса, Даугавпилса и V армии. 107 делегатов представляли 26 тыс. членов партии большевиков. На конференции доклад о текущем моменте и об аграрном вопросе сделал В. И. Ленин. Конференция обсудила вопросы демократизации армии, цели и задачи военных организаций. В резолюции о текущем моменте выдвигалась задача бороться против попыток контрреволюции расформировать революционные полки, а также готовить силы пролетариата и армии к новому этапу революции. Об успешной работе СДЛК в латышских стрелковых полках сообщение сделал представитель партийной организации стрелков Э. Юревич. Конференция поручила партийным организациям приложить все усилия, чтобы подготовить революционные силы пролетариата и армии к социалистической революции. На конференции было избрано Всероссийское Центральное бюро военных организаций.

В июле 1917 года ЦК РСДРП (б) принял решение о подчинении Военной организации XII армии Центральному Комитету СДЛК. Из всех армий Северного фронта в XII армии, где СДЛК вела большую организационную работу, большевистская Военная организация росла и укреплялась успешнее всего. По существу, это была первая военная организация в масштабе целой армии.

Организация СДЛК в латышских стрелковых полках росла очень быстро: в конце марта 1917 года в ней было немногим более 70 членов, в начале мая их число в стрелковых полках достигло 1000, в начале июля — более 1800, а в середине августа — примерно 3000{18}.

Латышские стрелки после перехода на сторону партии стали не только вооруженным отрядом большевиков, но и крупнейшей, наиболее организованной и дисциплинированной силой в Латвии, которая энергично и деятельно включилась в политическую работу среди рабочих и беднейших крестьян. Поддерживая самую тесную связь с СДЛК, Исколастрел [34] сотрудничал также с Рижским Советом рабочих депутатов, Видземским Советом безземельных крестьян и другими революционными организациями. Исколастрел боролся против спекуляции продовольствием, конфисковывал скрытые запасы, следил за соблюдением цен, участвовал в работе губернских и местных продовольственных комитетов. При поддержке стрелков и революционных солдат других частей в июне 1917 года были конфискованы имения Золитуде, Анныньмуйжа, Шампетерс, Маздамме и др. Члены СДЛК Запасного латышского стрелкового полка играли ведущую роль в Валмиерском Совете рабочих и солдатских депутатов, в его Исполнительном комитете, в уездном Совете безземельных крестьян и других организациях. Поэтому в Валмиере был проведен целый ряд революционных мероприятий: 1 мая объявлено нерабочим днем, запрещено агитировать за «заем свободы» Временного правительства, обложены налогами торговцы и домовладельцы, продовольственный комитет регистрировал все запасы продуктов, заботился о снабжении населения.

При поддержке организации Запасного полка в Валмиерском уезде было конфисковано и передано местным Советам несколько имений, владельцы которых отказались вести переговоры с бастующими рабочими.

До начала июля в Валмиерском уезде стачки состоялись в 15 имениях и нескольких кулацких хозяйствах. В организации стачек и руководстве ими активно участвовали стрелки. Во всех волостных уездах были основаны Советы безземельных. Для поддержки Валмиерского Совета рабочих, солдат и безземельных крестьян стрелки пожертвовали более 1000 рублей. Прямым результатом деятельности революционных стрелков было то, что 25 июня на выборах в Валмиерскую городскую думу в числе 28 депутатов были избраны 18 членов СДЛК.

Временное правительство, стремясь угодить буржуазии России, а также империалистам Антанты, готовило на фронте наступление. В ответ на антинародную политику Временного правительства партия большевиков решила провести широкие демонстрации трудящихся. ЦК и Рижский комитет СДЛК призвали рабочих и солдат выйти на улицы под знаменем СДЛК и протестовать против политики Временного правительства, продемонстрировать свою сплоченность вокруг партии, готовность бороться за свободу и права трудящихся и солдат.

18 июня 1917 года в Петрограде состоялась крупная демонстрация рабочих, направленная против Временного правительства и его политики.

В этот же день прошли широкие демонстрации рабочих и солдат в Риге, Валмиере и Валке, а также выступления крестьян-бедняков в сельских округах. В Риге в демонстрации участвовало около 50—60 тыс. рабочих и солдат. Колонны демонстрантов шли с большевистскими лозунгами: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Мир между народами!», «Вся власть Советам рабочих, солдат и безземельных!»

Части латышских стрелков утром 18 июня с красными флагами направились на митинг в Царский лес (ныне Межапарк), где с речью выступил Ю. Данишевский. В тот же день по распоряжению командования [35] на Эспланаде (ныне площадь Коммунаров) был проведен парад 1-й латышской бригады. В своем обращении к стрелкам командир бригады полковник К. Гоппер осудил демонстрацию и призвал стрелков участвовать в наступлении на фронте. Стрелки ответили на этот призыв свистом и возгласами: «Мы не пойдем в наступление!», «Пора кончать войну!»

Демонстрации и митинги, состоявшиеся 18 июня в крупнейших центрах Латвии, были организованы местными организациями СДЛК и проходили под их руководством. Латышский пролетариат и стрелки продемонстрировали свою поддержку партии большевиков и солидарность с революционными рабочими и солдатами всей России. В. И. Ленин, назвавший 18 июня переломным днем в русской революции, писал: «Демонстрация 18-го июня стала демонстрацией сил и политики революционного пролетариата...»{19}

Несмотря на то что подготовка к наступлению еще не была завершена, Временное правительство приказало 18 июня начать операцию, которая вскоре закончилась тяжелым поражением и большими потерями для армий Юго-Западного фронта. В соответствии с разработанным планом Северный фронт должен был нанести противнику вспомогательный удар, чтобы поддержать наступление на Юго-Западном фронте. Под влиянием революционной агитации большевиков солдаты Северного фронта упорно сопротивлялись приказам идти в наступление, невзирая на репрессии против солдат и разоружение нескольких частей V армии. Вследствие такого поведения солдат наступление V армии началось только 8 июля и уже 10 июля оно фактически закончилось полной неудачей. В результате этой преступной авантюры убитыми и ранеными оказались около 13 тыс. солдат и офицеров, а число репрессированных было намного больше. 12 июля Временное правительство восстановило смертную казнь в армии и создало военно-революционные суды, задачей которых была расправа с революционно настроенными солдатами.

Категорически против наступления была настроена XII армия, многие ее части не подчинились приказам отправиться в окопы.

Латышские стрелки не были единственными, кто во время июньского наступления отказался выполнять приказы командного состава. Командующий XII армией Р. Димитриев рапортовал главнокомандующему войсками Северного фронта об усилении антивоенных настроений под влиянием агитации большевиков. Он отметил, что боевые приказы отказались выполнять солдаты 4-й особой дивизии, 17-й и 38-й пехотных дивизий, 86-го и 439-го пехотных полков и других частей, не пожелавшие выступить на позиции или участвовать в наступлении. Главнокомандующий Северным фронтом генерал В. Клембовский писал, что он предлагал командующему XII армии для установления порядка применить оружие, но не было верных частей. На массовых митингах солдаты выдвигали требования дать народу мир и отнять власть у буржуазного Временного правительства.

Чтобы создать верные Временному правительству воинские части, которые можно было бы использовать и для борьбы против революционных [36] солдат, верховное командование армии решило приступить к формированию особых «ударных частей», или «батальонов смерти».

Реакционные офицеры латышских стрелковых полков поддерживали формирование «батальонов смерти». Полковник К. Гоппер разработал план комплектования «батальона смерти» из латышских стрелков, которым «не опасна агитация коммунистов». В этот батальон намечалось привлечь около 570 офицеров и 1500 стрелков и вооружить его пулеметами. Если бы этот план удалось осуществить, у латышской буржуазии для защиты ее интересов была бы верная и послушная вооруженная сила, которую в случае нужды можно было бы использовать для подрыва революционной сплоченности других стрелков. Однако латышские стрелки не желали вступать в «батальон смерти», добровольцев записалось совсем мало: в 4-м Видземском полку — всего 3 офицера и 1 стрелок. Только в 1-м Даугавгривском полку удалось завербовать примерно полроты добровольцев — стрелков и офицеров, но их пришлось расформировать из-за протеста других стрелков. 28 июня Исколастрел в своем постановлении осудил формирование «батальона смерти» из латышских стрелков: «Стрелков латышских полков, доказавших свою храбрость и героизм во многих боях, нельзя делить на «стойких» и «ненадежных». Инициаторы деления, видимо, больше всего желают «разделять и властвовать», а не централизовать силы революционных полков. Подобный вид деления мы считаем контрреволюционным»{20}. Протестуя против организации особых ударных отрядов, Исколастрел решил предпринять необходимые меры для сохранения единства латышских стрелков.

Отрицательное отношение революционных организаций латышских стрелков и самих стрелков к «батальонам смерти» помешало командному составу подорвать единство революционных полков и укрепить силы контрреволюционной буржуазии. Попытку скомплектовать «батальон смерти» из латышских стрелков не удалось осуществить, ибо его формирование поддерживали только офицеры и стрелки, представлявшие буржуазные круги. В русских частях добровольцев также было немного, поэтому на всем Северном фронте были сформированы только 7 таких батальонов, а в Ригу, где не было сформировано ни одного такого отряда, перебросили «батальон смерти» 38-й дивизии, который контрреволюционное командование использовало для организации провокаций против революционных частей.

Неудача июльского наступления на фронте, реакционная политика Временного правительства, репрессии, направленные против солдат, — все это усилило недовольство народных масс. 3 и 4 июля рабочие Петрограда организовали демонстрации в знак своего возмущения Временным правительством. Юнкерские и офицерские отряды обстреляли участников мирных демонстраций петроградских рабочих и солдат, требовавших, чтобы Советы взяли власть в свои руки и чтобы были приняты меры для прекращения империалистической войны. События в Петрограде изменили ситуацию и соотношение классовых сил в России. С помощью меньшевиков и эсеров, захвативших большинство в Советах Петрограда, [37] Москвы и других городов, буржуазия ликвидировала двоевластие и забрала власть в свои руки. Период мирного развития революции закончился.

Реакционная буржуазия начала жестокое преследование Коммунистической партии, был издан приказ об аресте В. И. Ленина. Свою активность повысили и контрреволюционные силы Латвии, начав наступление против революционных масс. Усилились преследования солдат, «батальон смерти» натравили на латышских стрелков. В ночь на 6 июля в Риге между «батальоном смерти» и 3-м Курземским латышским стрелковым полком произошла вооруженная стычка, в результате которой «смертники» были рассеяны и вынуждены отступить. ЦК и Рижский комитет СДЛК и Исколастрел в связи с провокационной политикой контрреволюционных сил призывали солдат и стрелков воздержаться от преждевременных и неорганизованных выступлений, которые могли быть на руку только контрреволюции.

В соответствии с указанием ЦК СДЛК в латышских стрелковых полках и других частях XII армии были приняты меры по укреплению революционной бдительности: приказы штабов, связанные с политическими событиями, выполнялись только с ведома полковых или ротных комитетов. Эти меры были своевременны и необходимы, так как

командование XII армии пыталось добиться расформирования революционных латышских стрелковых полков. Так как латышских стрелков поддерживали многие сибирские стрелковые полки, командующий XII армией Р. Димитриев был вынужден обе латышские бригады оставить на Рижском фронте.

Характеризуя настроение XII армии, в начале июля Р. Димитриев отметил, что успехи большевистских газет «Правда», «Окопная правда» и «Солдатская правда» растут, а присланные полкам пополнения в большой мере усиливают большевистский дух. Русские части и латышские стрелки были совершенно единодушны в вопросе об отказе идти в наступление.

Главнокомандующий войсками Северного фронта генерал В. Клембовский в первой половине июля неоднократно в своих донесениях Ставке верховного главнокомандующего требовал закрыть большевистские газеты «Окопная правда», «Циня» и «Бривайс стрелниекс», а также разогнать Исколастрел и арестовать всех главных агитаторов-большевиков, среди них П. Стучку и Ю. Данишевского.

После расправы с рабочими Петрограда контрреволюция начала наступление на революционно настроенных солдат, их организации и печать. Командование XII армии в июле приказало расформировать несколько революционных воинских частей, среди них 10-й сибирский полк, 3 роты 54-го сибирского полка, 3-й батальон 79-го сибирского полка и другие части, которые отказались подчиняться приказам контрреволюционных командиров. Расформирование активно поддержали и приняли в нем участие представители Искосола. При расформировании непокорных частей десятки солдат были отданы под суд и осуждены как «подстрекатели». [38]

Не удовлетворившись решением Временного правительства о восстановлении смертной казни и создании военных судов на фронте, 26 июля штаб верховного главнокомандующего издал приказ: если при усмирении солдат возникает необходимость применить оружие, надо действовать энергично и не следует стрелять в воздух, так как это не дает результатов.

Особенно опасной для сил контрреволюции была большевистская печать. 15 июля А. Керенский, не решившись закрыть все революционные издания, приказал закрыть большевистскую газету «Окопная правда». Этот приказ был официально объявлен только 18 июля{21}. Чтобы выполнить его, были пущены в дело верные контрреволюции силы — «смертники», казаки и кавалерия. 21 июля они ворвались в Дом народной милиции в Риге и произвели обыск, разгромив редакции газет «Окопная правда» и «Циня». Вопреки репрессиям большевистские газеты продолжали выходить. Уже 23 июля вместо газеты «Окопная правда» начала

издаваться газета «Окопный набат», которая продолжала революционную пропаганду среди солдат.

Против преследований большевистской печати выступили многие русские полки, а также латышские стрелки. Стрелки 2-го Рижского полка в письме в газету «Циня» писали: «Это — подлое ограничение и запрещение свободного слова и печати, какое мы привыкли видеть только во времена Николая Кровавого... Мы требуем, чтобы запрещенные газеты по-прежнему своевременно доставлялись армии». Активизировались контрреволюционные силы и в латышских стрелковых полках. 19 и 20 июля 1917 года состоялось общее собрание офицеров полков, на котором в центр внимания был выдвинут вопрос о борьбе против большевиков и их влияния в латышских стрелковых частях.

Контрреволюционные офицеры латышских стрелковых полков, чтобы объединить свои силы для борьбы против революционных стрелков, в июле 1917 года основали «Национальный союз латышских воинов». Одним из инициаторов создания этого союза был полковник Гоппер, которого поддержали многие другие реакционные офицеры — А. Пленснер, С. Стапран, Э. Рамат и др. Массы латышских стрелков были против существования и деятельности такого контрреволюционного союза офицеров.

После ликвидации двоевластия, когда вся власть перешла в руки контрреволюционной буржуазии, пролетариат мог получить ее только путем вооруженного восстания. Партия большевиков изменила тактику. Из подполья она начала готовить вооруженное восстание. В этих условиях В. И. Ленин предложил на время снять лозунг «Вся власть Советам!» Эта тактика была направлена против руководимых меньшевиками и эсерами Советов, которые поддерживали контрреволюцию. Однако это отнюдь не означало, что большевики вообще отказываются от этого лозунга. Советы как подлинные органы революционной борьбы могли возникнуть только в условиях нового подъема революции, при условии завоевания большевиками в них большинства. [39]

Несмотря на проводимые контрреволюцией репрессии, в Риге с 9 по 19 июля работал V съезд СДЛК, проходивший под охраной латышских и сибирских стрелковых частей.

V съезд СДЛК указал, что близится решительный бой против буржуазии, в котором пролетариат должен завоевать государственную власть. Расположенные в Латвии воинские части необходимо было превратить в вооруженную силу революции, создав в них партийные кружки и организации, объединенные в Военную организацию, руководимую ЦК СДЛК. Было решено создать объединение революционных частей XII армии. V съезд СДЛК поддержал борьбу сельскохозяйственных рабочих за конфискацию имений и их

общественную обработку. Он признал, что объединенная Латвия должна быть автономной составной частью демократической России, и поручил организациям СДЛК настойчиво бороться за выборы всех органов самоуправления на подлинно демократических основах. Съезд решил создать Совет рабочих, безземельных и солдатских депутатов Латвии и призвал трудящихся Латвии сплотиться вокруг лозунгов партии большевиков.

По указанию В. И. Ленина вопросы революции, в том числе новую тактику, разработал VI съезд партии большевиков, состоявшийся в Петрограде с 26 июля по 3 августа. В его работе приняли участие 14 делегатов Социал-демократии Латвии (так по решению V съезда Социал-демократии Латышского края — СДЛК — стала именоваться партия). В их числе были П. Стучка, Я. Берзинь-Зиемелис, Я. Ленцманис, К. Гайлис, А. Дижбит, Д. Бейка, Э. Эферт, К. Римша.

Съезд признал, что мирный переход власти в руки Советов уже невозможен, поэтому пролетариат должен захватить ее путем вооруженного восстания. В Манифесте ко всем трудящимся России съезд призывал готовиться к решительному бою против буржуазии. Делегатов VI съезда РСДРП (б) от имени революционных солдат XII армии приветствовал А. Дижбит. Представитель Рижской организации СДЛ, упомянув, что латышские большевики проводят до 49 митингов в день, подчеркнул: «Если работа будет и в будущем идти таким же темпом, то ... мы не только латышские полки, но и XII армию сделаем «красной армией»»{22}.

О деятельности Военной организации СДЛ XII армии на съезде рассказал делегат организации К. Римша.

Вопреки наступлению реакции большевики Латвии, опираясь на широкие массы, продолжали свою революционную работу. ЦК СДЛ важнейшей задачей считал не допустить расформирования латышских стрелковых и других революционных полков. Чтобы сплотить все революционные силы XII армии для выступления против объединенных сил контрреволюции, Военная организация СДЛ XII армии и Исколастрел предложили созвать совещание представителей тех полков, которые были в оппозиции против Искосола и поддерживали партию большевиков. 11 июля на это совещание собрались более 90 представителей из 23 полков и еще 3 отдельных подразделения. Это объединение было названо «Левым блоком». Совещание решило требовать перевыборов всех [40] комитетов на демократических началах и созыва съезда армии для выборов нового Исполнительного комитета. Кроме того, было решено не выполнять никаких распоряжений Керенского, нацеленных против большевистского направления в армии.

В начале августа в Левый блок входили 9 латышских стрелковых, 9 русских пехотных и 10 сибирских стрелковых полков, т. е. всего 28 полков. Организационную и практическую работу взяло на себя бюро Левого блока, которое работало как постоянный орган, проводя в неделю по 2 заседания, а в срочных случаях созывая внеочередные совещания. Командование XII армии было вынуждено считаться с Левым блоком как реальной силой и в нескольких случаях отказаться от репрессий, направленных против революционных солдат. 20 июля собрание представителей, входивших в Левый блок русских, сибирских и латышских стрелковых полков, решило послать в Петроградский Совет делегацию из 3 человек с резолюцией, в которой выражался протест против введения смертной казни и репрессий в армии. Под влиянием Левого блока находились многие солдатские комитеты, особенно в 43-м корпусе, где большевики, опираясь на революционно настроенных солдат, активно боролись против меньшевиков и эсеров. Объединение революционных частей в Левый блок способствовало воспитанию в латышских, сибирских и других полках благородных чувств братской интернациональной солидарности и верности идеям большевиков, идеям Ленина.

Левый блок XII армии, руководимый СДЛ, стал объединением сплоченных латышских стрелков и русских революционных частей, которое могло сорвать контрреволюционные меры командования, направленные против частей, поддерживавших партию большевиков. Левый блок XII армии в конце июля объединял большое число солдат-большевиков. На VI съезде РСДРП (б) было отмечено, что в организацию большевиков русских полков входит 1800, а в латышских стрелковых полках насчитывается более 2000 членов партии.

Свою верность партии большевиков и ее политической линии стрелки еще раз засвидетельствовали на IV съезде делегатов латышских стрелковых полков, который проходил в Риге с 22 июля по 3 августа. На съезде присутствовали 212 делегатов с правом решающего голоса, а также 150 делегатов с совещательными правами и правами гостей. Участников съезда приветствовали представители русских, украинских, татарских и казахских солдат и солдат V армии, а также рабочих и курземских беженцев. Отвечая на приветствие ЦК СДЛ, представитель латышских стрелковых частей П. Барда от имени всех стрелков обещал, что они и впредь останутся вооруженной силой Социал-демократии Латвии.

На съезд стрелков были приглашены также представители казачьих частей с целью разъяснить им позиции латышских стрелков и убедить казаков не верить контрреволюционной агитации и не поддаваться натравливанию против стрелков. От имени стрелков выступили К. Петерсон, А. Рибе, Я. Штраус, К. Лукстынь, П. Шмидре и др. Они

добились того, что казаки решили присоединиться к позиции латышских стрелков и действовать совместно с ними. Учитывая серьезность положения на фронте и внутри страны, съезд решил совместно с ЦК СДЛ подписать [41] призыв об укреплении революционной дисциплины в армии и на 2 дня прервать работу, чтобы делегаты съезда могли вернуться в полки и разъяснить стрелкам решения ЦК СДЛ и IV съезда стрелков.

После возобновления работы съезда были заслушаны отчеты Исколастрела и его комиссий. IV съезд латышских стрелков решил, что на выборах в Рижскую городскую думу стрелки должны голосовать за кандидатов СДЛ. Съезд требовал изгнания контрреволюционных элементов из командного состава армии, установления контроля выборных комиссий над всеми штабами, выборов всех членов военных судов на демократических основах.

Чтобы лишить контрреволюционно настроенных офицеров возможности препятствовать работе Исколастрела, влияя на отдельных его членов, IV съезд латышских стрелков решил избрать Исполнительный комитет в более широком составе на основе новых избирательных норм: от каждого действующего полка избиралось по 5 делегатов, от Запасного полка — 8, а от каждой бригады — по 2 делегата. Всего в Исколастрел были избраны 52 человека{23}. Большевики и впредь сохранили в нем руководящую роль.

Центральный Комитет СДЛ и Совет латышских стрелковых полков 27 июля обратились к рабочим и солдатам с призывом укреплять революционную дисциплину в армии, считая разжигание любой национальной ненависти контрреволюционными действиями, цель которых — посеять вражду между отдельными частями армии.

Латышские стрелки поддержали этот призыв и еще теснее сплотили свои ряды вокруг СДЛ, будучи готовы отразить любое наступление контрреволюции.

Не сумев подорвать революционную сплоченность латышских стрелков, контрреволюция снова прибегла к провокации. В начале августа 1917 года 2-й Рижский латышский стрелковый полк находился в Риге, где нес милицейскую службу. В связи с начавшейся подготовкой к выборам в Рижскую городскую думу положение в городе было напряженным.

12 августа, накануне выборов в Рижскую думу, между латышскими стрелками и «батальоном смерти» 38-й дивизии произошла вооруженная стычка. Воспользовавшись тем, что на Двинской улице был сорван предвыборный плакат черносотенцев, солдаты «батальона смерти» обвинили в этом проступке латышских стрелков и пытались добиться того, чтобы стоявшие на постах стрелки этот плакат снова повесили. Когда стрелки отказались выполнить необоснованное требование, «смертники» с оружием в руках напали на стрелков, которые дали им достойный отпор.

Контрреволюционеры уже заранее на балконах и крышах домов установили пулеметы, в дело были пущены ручные гранаты. Латышские стрелки отразили нападение «батальона смерти», нанеся ему потери: по сообщению начальника рижского гарнизона, 2 «смертников» были убиты и около 15 ранены, а из латышских стрелков ранения получили только 2 человека. [42]

Провокационная попытка помешать выборам Рижской думы потерпела неудачу: 13 августа СДЛ одержала большую победу на выборах, так как за ее кандидатов проголосовали 41,2% избирателей, а за блок оборонцев (эсеры, Бунд, меньшевики), поддерживаемый Искосолом XII армии, — всего 15%; остальные голоса получили списки различных буржуазных группировок. Контрреволюционным силам не удалось с помощью провокации укрепить свои позиции. «Батальон смерти» пришлось вывести из Риги.

Сплочение и укрепление революционных сил в латышских стрелковых полках и их союз с сибирскими стрелками сорвали планы контрреволюционного командования, направленные на расформирование революционных полков. Латышские части подготовились к успешной борьбе за победу социалистической революции в Латвии.

4. Сдача Риги в августе 1917 года. Участие латышских стрелков в разгроме корниловщины

Рост и сплочение революционных сил в неоккупированной части Латвии серьезно тревожили Временное правительство, буржуазию и контрреволюционных генералов. Намеченные на 20 августа выборы Видземского земского совета страшили латышскую буржуазию, так как в связи с нараставшим влиянием СДЛ в массах можно было предвидеть победу большевиков на этих выборах. Контрреволюционное командование армии старалось усилить борьбу против большевизации воинских частей Рижского фронта, расформировывая отдельные части и подразделения, однако обрушить репрессии на латышских стрелков оно не решалось.

Стремясь мобилизовать и сплотить контрреволюционные силы России для подавления народных масс и назревавшей в стране социалистической революции, Временное правительство 12 августа созвало в Москве так называемое Государственное совещание, в котором участвовали представители помещиков, буржуазии, генералов, офицеров и других контрреволюционных кругов. Главным вождем этих сил стал верховный главнокомандующий армией генерал Корнилов, который в своей речи потребовал ликвидации комитетов и Советов, восстановления палочной дисциплины в армии и жестокой расправы с революционным движением, угрожая в противном случае тем, что «неустойчивость нашей армии не даст нам возможности удержаться на побережье Рижского залива, дорога к Петрограду будет открыта» и Рига — потеряна.

Контрреволюционные генералы уже с весны 1917 года непрестанно говорили о «развале» армии под влиянием агитации большевиков и требовали принять все возможные меры против революционизирования армии. Однако репрессии, направленные против большевиков и особенно усилившиеся после июльских событий в Петрограде, не дали желаемых результатов. Это открыто признал генерал Клембовский на совещании главнокомандующих фронтами, состоявшемся 16 июля: «Что может помочь? Смертная казнь? Но разве можно казнить целые дивизии? Предать [43] суду? Но тогда половина армии окажется в Сибири. Солдат каторгой не испугаешь».

Борьбе с процессом революционизирования армии контрреволюционно настроенное командование уделяло больше внимания, чем укреплению Рижского фронта. Для того чтобы установить в стране военную диктатуру, потопить революцию в крови рабочих и крестьян, верховное командование во главе с Корниловым было готово сдать Ригу кайзеровским войскам и использовать сдачу Риги для организации наступления сил контрреволюции на Петроград. Разведывательный отдел XII армии еще задолго до начала наступления немцев на Рижском фронте узнал о подготовке этой крупной операции. То, что немецкое наступление 19 августа не было неожиданным, признал и помощник комиссара Северного фронта В. Войтинский, который вскоре после падения Риги писал: «В течение 3 недель изо дня в день мы получали сообщения о приготовлениях противника. Агентура доносила об ударе, подготовляемом немцами под Икскюлем. Военная разведка сообщала о скоплении вражеских сил в районе Нейгут — Балдоне. Перебежчики рассказывали о переброске на Северный фронт дивизий с юга и с запада. Мы ждали удара в районе Икскюла. И мы заранее знали, когда будет нанесен этот удар»{24}.

Игнорируя совершенно бесспорные данные о подготовке немецких войск к наступлению, командование Северного фронта и XII армии не заботилось об укреплении фронта. В июне и в первой половине июля 1917 года в связи с неудачным наступлением на Юго-Западном фронте и даугавпилсском участке Северного фронта в эти районы из XII армии было переброшено несколько дивизий, тем самым Рижский фронт был ослаблен.

Боеспособность XII армии значительно ослабило большое число больных солдат: в середине июля в госпиталях лечились более 39 тыс. солдат, заболевших в большинстве случаев из-за плохого питания. Много было раненых. Солдаты, прибывшие для пополнения, большей частью были совершенно не обучены и не пригодны в бою. Стратегическое положение XII армии в известной мере ухудшил отвод войск с икшкильского предмостного укрепления (Остров Смерти), произведенный 10 июля по приказу главнокомандующего войсками Северного фронта.

Вследствие этого у немецких войск появилась возможность выйти к реке Даугава в месте, где было выгодно ее форсировать, чтобы прорваться в тыл XII армии. Во второй половине июля и в начале августа, чтобы «сократить фронт в целях усиления резервов и улучшить санитарно-гигиенические условия для войск», XII армию в районе Рижского взморья оттянули до Антиньциемса, а потом — до Бранькюциемса, около Слоки. Генерал Д. Парский, который в конце июля вместо Р. Димитриева вступил на должность командующего XII армией, переместил многие части и перегруппировал силы. После переброски 6-го сибирского корпуса на позиции в Бранькюциемс XII армия в середине августа занимала следующее положение: 13-й корпус защищал побережье Рижского морского залива, 6-й и 2-й сибирские корпуса занимали линию обороны Рижского плацдарма [44] от Бранькюциемса до Берзменте, а 43-й и 21-й корпуса — позиции от Берзменте до Яунъелгавы.

В августе 1917 года 1-я латышская стрелковая бригада входила в состав 2-го сибирского корпуса и занимала участок фронта по обе стороны от шоссе Елгава — Рига.

Немецкая VIII армия во время Рижской операции состояла из 3 корпусов, в которые входили 11 пехотных и 2 кавалерийские дивизии, а в артиллерии армии имелось примерно 2000 орудий. В ударную группу, которой предстояло форсировать Даугаву, входили 4 дивизии. В соответствии с планом командования немецкой армии для форсирования Даугавы был намечен участок Икшкиле, потом силам наступающих следовало продвигаться к Скрипте, Риекстыни, Ропажи и Инчукалнсу, чтобы прорваться в тыл XII армии и окружить ее. Напротив Икшкиле и Огре было размещено около 100 немецких батарей, которые могли обстреливать правый берег Даугавы вплоть до Малой Юглы. Первая линия обороны русской армии проходила по правому берегу Даугавы, а вторая тянулась вдоль Малой Юглы. Сооружение последней еще не было закончено. Икшкильский участок оказался одним из слабейших в обороне XII армии: оборона сектора фронта длиной около 19 км была поручена 186-й дивизии, полностью не укомплектованной и недостаточно вооруженной. Линии связи между этой дивизией и главными силами 43-го корпуса, расположенными в районе Кекавы, были повреждены уже в самом начале немецкой артиллерийской подготовки, и дивизия оказалась полностью оторванной от командования корпуса и других частей{25}.

Так как официальные городские власти ничего не предпринимали для обеспечения порядка в Риге в случае немецкого наступления, то ведущие революционные организации — ЦК и Рижский комитет СДЛ, Рижский Совет рабочих депутатов и Исколастрел — заботились о том, чтобы Рига защищалась всеми силами, в городе поддерживался порядок и не поднималась паника. Уже 14 августа в связи с полученными известиями об

угрожавшем немецком наступлении Рижский комитет СДЛ созвал собрание старейших членов партии, чтобы обсудить свои действия в случае, если немцы займут Ригу. Участники собрания почти единодушно высказались за то, чтобы все остались в Риге.

Получив сообщение о начале наступления немецкой армии, Исколастрел 19 августа на внеочередном заседании обсудил положение на фронте. Было решено послать в обе бригады по 5 членов Исколастрела, чтобы они разъяснили стрелкам обстановку. Для поддержания постоянной связи с Искосолом было решено 6 представителей Исколастрела послать в Исполнительный комитет XII армии. 20 августа «Циня» опубликовала обращение ЦК СДЛ к организациям и населению с призывом всем оставаться на своих местах: «Все общественные, революционные и партийные органы должны оставаться на своих местах. Так же — все население. Таково решение Социал-демократии Латвии». Рижский Совет рабочих депутатов в своем воззвании, адресованном населению города, также призывал сохранять полное хладнокровие, абсолютный порядок и [45] спокойно оставаться на местах, не верить слухам и не толпиться на улицах, так как был возможен повторный обстрел немецкой артиллерии.

ЦК, Рижский комитет СДЛ и Рижский Совет внимательно следили за положением в городе и на фронте. Официальные правительственные учреждения уже с самого начала были охвачены паникой, их работники заботились лишь о том, чтобы быстрее уехать из Риги, а не о порядке в городе. ЦК СДЛ решил, что часть членов Центрального Комитета останутся в Риге, чтобы в условиях немецкой оккупации организовать революционную борьбу трудящихся и руководить ею.

Наступление немецкой армии началось 19 августа в 5 часов утра, когда немецкая артиллерия открыла огонь по русским позициям на правом берегу Даугавы. Около 600 немецких орудий открыли невиданный по силе ураганный огонь: сначала они стреляли химическими, а потом — обычными снарядами. Обстрел велся с таким расчетом, чтобы сначала парализовать расчеты русских батарей, а потом разрушить наблюдательные пункты, окопы и огневые точки 186-й дивизии. Связь русских батарей с окопами пехоты и штабом дивизии сразу же оборвалась, все окрестности на несколько километров вглубь были окутаны плотным облаком газов и дыма, отравлявших людей и лошадей. Невозможно было подвозить к пушкам снаряды, расчеты многих батарей пострадали от прямых попаданий немецкой артиллерии. Таким образом, сопротивление русской артиллерии за несколько часов было полностью сломлено. К полудню немцы перебросили через Даугаву 3 моста, сооруженных из заранее подготовленных понтонов. Немецкая 2-я гвардейская пехотная дивизия, не понеся никаких потерь, переправилась через Даугаву, потом заняла позиции русской 186-й дивизии, защитники которых отступили,

потеряв около 50% своего состава{26}. Примерно около часа дня, когда выяснилось, что переправившиеся через Даугаву части уже полностью прорвали русскую линию обороны и заняли Икшкиле и его окрестности, командующий XII армией Парский приказал командиру 43-го корпуса генералу Болдыреву отбросить противника за Даугаву. С этой целью в распоряжение 43-го корпуса были переданы резервы армии: 33-я и 136-я пехотные дивизии, 1 бригада 116-й дивизии и 2-я латышская стрелковая бригада. Однако командир и штаб 43-го корпуса не смогли объединить все предназначавшиеся для контрудара силы, так как командиры действовали неумело, в тылу царила непреодолимая растерянность и немецкая артиллерия нарушила линии связи. Командир 33-й дивизии, монархистски настроенный генерал Скалон, не сконцентрировал все силы дивизии для одновременного сильного контрнаступления, а постепенно бросал в контратаку отдельные полки или даже батальоны. Такие удары отдельных частей не принесли никакого успеха, одна за другой они несли большие потери под огнем немецкой артиллерии и пулеметов и были рассеяны. Приказы и директивы штаба армии давались с большим опозданием, они, как правило, были противоречивы и лишь усугубляли замешательство.

1-я латышская стрелковая бригада 19 августа в районе Олайне отразила несколько немецких демонстративных атак, отбросив цепи [46] наступавших на исходные позиции. Лишь получив повторный приказ отступить, латышские и сибирские стрелки оставили свои позиции, хотя и считали этот приказ провокацией. 21 августа 1-я латышская стрелковая бригада заняла линию обороны на берегу Малой Юглы. Латышские стрелки весь день вели тяжелые бои, а вечером, получив приказ командира 43-го корпуса, отступили к Инчукалнсу. На следующий день, 22 августа, 1-я бригада заняла оборонительные позиции у Лигатне, прикрывая отступление частей XII армии.

С величайшей самоотверженностью и упорством выполнила свою боевую задачу 2-я латышская стрелковая бригада, которая 19 августа после полудня заняла оборонительные позиции у Малой Юглы протяженностью около 15 км. Латышские стрелки защищали линию Шталы — Мелнмугуре — Скриптес — Вилишкалны — Тинужи от наступления значительно превосходящих немецких сил. В центре обороны был 5-й Земгальский полк (командир — полковник И. Вациетис), занявший позиции у хутора Скриптес, по обе стороны большака. В боевом составе полка было 1600 стрелков, а на его вооружении — 27 пулеметов и 8 бомбометов; полк поддерживали 1 тяжелое орудие и 2 легкие батареи, у которых было 800 снарядов. И хотя эта артиллерийская поддержка была ничтожной по сравнению с превосходящими силами немецкой артиллерии, латышские стрелки героически защищали свои позиции, которые от ударов немецкой артиллерии частично оберегал лес.

Несмотря на то что многие части и их штабы в панике отступили и всюду царила растерянность, латышские стрелки решительно преградили путь наступавшей немецкой 2-й гвардейской дивизии и задержали ее наступление на целых 26 часов, избавив тем самым всю XII армию от окружения. Вместе с латышскими стрелками у Малой Югла сражались и отдельные подразделения 130-го Херсонского пехотного полка.

Утром 20 августа после мощной артиллерийской подготовки немцы перешли в наступление.

Хотя артиллерия противника местами разрушила окопы и нанесла ущерб их защитникам, латышские стрелки успешно отразили первое наступление немцев, нанеся им большие потери. К полудню артиллерийский обстрел траншей, занимаемых 5-м Земгальским полком, еще усилился. На правом фланге полка противник полностью уничтожил 1-ю роту земгальцев. Немцы пошли в атаку с еще большими силами, чем в первый раз, но при поддержке легких пушек опять были отброшены. Такие немецкие атаки повторялись несколько раз, и постоянно перед траншеями, защищавшимися стрелками, оставались сотни трупов завоевателей. После полудня, когда кончились снаряды, а защитники позиций понесли большие потери, положение стало очень тяжелым. Все силы 2-й латышской стрелковой бригады иссякли, а обещанные резервы корпуса еще не прибыли. Бой почти всюду проходил уже у самых траншей стрелков, а на отдельных участках немцам удалось ворваться в траншеи. Несмотря на это, уцелевшие стрелки 5-го Земгальского полка все еще героически защищали свои окопы. Только получив указание командующего бригадой, полковник И. Вациетис дал распоряжение об отходе. [47]

Вечером 20 августа, когда латышским стрелкам угрожало полное окружение, 2-я бригада получила разрешение отступить на позиции у Большой Юглы, а днем позже, она была оттянута к Нитауре.

21 августа немецкая армия заняла Ригу, из которой отступили последние русские воинские части, предварительно взорвав мосты через Даугаву.

Героизм латышских стрелков, проявленный в боях у Малой Юглы, были вынуждены признать в официальных сообщениях как Искосол, так и комиссары Временного правительства. Так, в донесении Искосола военному министру, Центральному Исполнительному комитету Советов и комиссару Северного фронта отмечалось, что латышские стрелки героически сражались, понеся огромные потери{27}.

25 августа части XII армии заняли так называемые цесисские позиции. Эта линия обороны начиналась на берегу Рижского залива, к северу от устья Гауи, и шла через Лигатне и Нитауре до Кокнесе на реке Даугава. После ожесточенных боев у Малой Юглы немецкое командование из-за нехватки сил не желало продолжать наступление и перешло к обороне.

Оно начало перемещать на Западный фронт (во Францию) и в Италию дивизии, которые были подтянуты для захвата Риги. В октябре [48] 1917 года немецкое командование, чтобы удерживать фронт в районе Риги сравнительно небольшими силами, оттянуло свои соединения примерно до линии Инчукалнс — Огре. Перед отходом немцы к югу от Малпилса и Сунтажи разрушили все дороги. Русские войска остались на своих прежних позициях, на которых они разместились в начале сентября. Между силами обеих сторон образовалась широкая полоса, на которой действовали группы разведчиков и патрули.

Во время боев по обороне Риги общие потери XII армии достигли 25 тыс. человек, из них более 8000 были убиты или пропали без вести, остальные — ранены. Немецкая армия потеряла 4000—5000 солдат. При отступлении и частично также в боях XII армия потеряла 190 легких и 83 тяжелых орудия, 256 пулеметов, 185 бомбометов, 48 минометов, 111 тыс. снарядов разных калибров, а также много армейского имущества.

Большие потери понесли латышские стрелковые полки — всего около 5500 стрелков, т. е. на долю этих полков пришлось более пятой части всех потерь XII армии, к тому же из общего числа потерь в обеих бригадах было около 3500 убитых и пропавших без вести, что составляло более 40% всего числа убитых и пропавших без вести в XII армии. Тяжелее всего пострадал в этих боях 5-й Земгальский полк, который потерял из своего боевого состава 80% офицеров и 67% стрелков{28}, а 1-я и 5-я роты этого полка были уничтожены почти полностью.

Захватив Ригу, оккупанты подвергли оставшихся там революционных рабочих жестоким репрессиям. Буржуазия — как местная латышская и немецкая, так и российская по ту сторону фронта — встретила действия захватчиков с нескрываемым одобрением. Один из лидеров российской буржуазии, Родзянко, выступая на съезде «общественных деятелей» в Москве, не постеснялся высказаться за сдачу Петрограда, заявив: «Опасаются, что в Петрограде погибнут центральные учреждения. На это я возражал, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли... После сдачи Риги там водворился такой порядок, какого никогда не видели; расстреляли 10 человек главарей, вернули городовых»{29}.

Героическое сопротивление латышских стрелков и других частей XII армии под Ригой заставило германское командование отказаться в это время от планов быстрого продвижения на Петроград через Видземе. Этим был нанесен первый удар по заговору реакции, по корниловщине.

После падения Риги буржуазная печать начала травлю солдат Северного фронта и большевиков, обвиняя их в преднамеренной сдаче города. Но факты свидетельствовали о другом. Вся тяжесть боев под Ригой легла на плечи революционных солдат XII армии. Наибольшие потери

понес именно ряд революционных соединений. Исколастрел 19 августа послал своих делегатов в полки для организации защиты Риги и отпора наступающим войскам германского империализма. Солдатские комитеты [49] сделали все возможное для сплочения частей, мужественно отражавших натиск противника. Это были вынуждены признать даже представители контрреволюционного Временного правительства. По свидетельству одного из них, «без помощи солдатских комитетов наша армия, сбитая с позиций под Ригой, не сохранила бы свои силы и не удержалась бы на венденских позициях». В боях под Ригой многие большевики, находясь вместе с другими солдатами на передовых линиях, оказались жертвами ураганного огня врага. Большевистские организации частей XII армии потеряли в этих боях почти 2000 человек, причем число членов СДЛ в латышских полках после падения Риги сократилось с 3000 до 1430 человек. В то же время нельзя было скрыть, что Ригу в соответствии с заранее разработанным планом сдали реакционные генералы во главе с Корниловым. Это подтверждается и телеграммой румынского посланника Диаманди главе своего правительства. Сообщая о разговоре с Корниловым, посланник отмечал, что генерал «рассчитывает также на впечатление, которое взятие Риги произведет в общественном мнении в целях немедленного восстановления дисциплины в русской армии», т. е. в целях подавления революционных сил.

Очевидец падения Риги П. Стучка, ушедший утром 21 августа из города пешком и проделавший весь путь отступления вместе с солдатами, свидетельствовал: «Единогласно все рассказы тт. солдат сводятся к тому, что артиллерии было выставлено против переходящих Двину германцев ничтожное количество, тогда как в распоряжении отступающего начальства была масса артиллерии (я сам видел значительное количество среди отступающего обоза). Когда благодаря небывалой газовой атаке германцам удалось переправиться у Икскюля через Двину и уничтожить наши части, то латышским стрелкам, посланным на выручку, удалось их оттеснить, но когда германцы успели перейти в другом месте (у Кекау) и окружили латышей, то они уже тщетно ждали выручки ... вместо нее был получен приказ об общем отступлении, который они не могли выполнить, ибо оказались брошенными высшим командованием в мертвый обхват смерти. О сражениях под Олайне передавали, что только то, что латышские стрелки (1-й бригады. — *Я. Р.*) не подчинились первому приказу об отступлении, дало им возможность еще несколько раз отразить наступление германцев, которые вообще понесли очень серьезные потери. Но распоряжение об отступлении все-таки было повторено, пришлось и здесь отступить, прикрывая отступление массовыми жертвами»{30}.

Контрреволюционная буржуазия и генералы всю вину за сдачу Риги взвалили на революционных солдат и большевиков, хотя Рига была сдана

из-за предательских действий командования и Искосола. Клевеща на солдат, штаб Корнилова пытался дискредитировать революционные организации армии, чтобы легче было с ними расправиться. На заседании ЦИК Российского Совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшемся 24 августа, большевистская фракция вручила свою декларацию о прорыве Рижского фронта. Опровергнув ложь и обвинения, адресованные солдатам, фракция большевиков заявила, что сложившееся угрожающее [50] положение она считает результатом политики Временного правительства, которое интересы мира и народной республики приносит в жертву империалистам союзных стран и России. Военная неудача, указывалось в декларации, ставит под угрозу завоевания революции, их может спасти лишь осуществление всех революционных требований масс.

Среди командного состава латышских стрелковых полков также было немало сторонников Корнилова, которые клеветали на стрелков и их революционные организации. 28 августа на состоявшемся в Цесисе заседании Исколастрела было отмечено, что полковник Гоппер нападает и клевещет на Исколастрел, газету «Бривайс стрелниекс», а также и на демократические организации, взваливая на них всю вину за катастрофу и обвиняя их в деморализации латышских и русских полков. Участники заседания Исколастрела единодушно признали, что вся вина за сдачу Риги немцам ложится на верховное командование.

Солдаты многих частей и соединений после отступления из Риги требовали, чтобы их командование за трусость и предательство было отдано под суд. Под давлением солдатских масс и общественности Искосол вынужден был пообещать, что будет предпринято расследование с целью выявления виновников катастрофы на Рижском фронте. Однако меньшевистско-эсеровские руководители Искосола и не думали всерьез выступать против контрреволюционных элементов в командовании XII армии, поэтому все обещания о расследовании так и остались на бумаге. Во время отступления армии из Риги в тылу царили беспорядок и растерянность.

Так как командование XII армии утратило способность руководить подчиненными ему частями, солдатские комитеты и Советы фактически взяли в свои руки организацию жизни войск и боролись против хаоса и развала в тылу. Исколастрел во время отступления армии создал посты, которые, разместившись на железнодорожных станциях и перекрестках дорог, должны были собирать отбившихся от своих частей стрелков, особенно из 1-й бригады, и направлять их обратно в полки. Исколастрел боролся против дезорганизации армии, задерживал дезертиров и пресекал грабежи. В Цесисе, где во время отступления царил полный хаос, Исколастрел организовал пункты питания и выпечку хлеба в частных пекарнях, а также позаботился о том, чтобы интендантство не уничтожило

те запасы продуктов на складах, которые не смогло эвакуировать. Особо энергичные меры были приняты по организации эвакуации раненых, где царил наибольший хаос. Так как санитарных вагонов не было, Исколастрел добился, чтобы для эвакуации раненых были предоставлены обычные пассажирские вагоны, из которых высадили здоровых солдат, чиновников и частных лиц. Всего удалось эвакуировать около 2000 раненых.

Знаменательным успехом Исколастрела было издание газеты «Бривайс стрелниекс». Уже 23 августа она вышла в Цесисе и информировала стрелков и гражданское население о сложившемся положении, призывая солдат, отбившихся от своих частей, явиться на регистрационные пункты, а население — оставаться на местах своего жительства. Цесисское городское управление перешло в руки Исколастрела, городским головой был избран член Исколастрела К. Лукстынь. Вскоре возобновили свою деятельность [51] Центральный Комитет СДЛ и Исполнительный комитет Советов Латвии (Исколат), который был создан в конце июля в Риге. Сразу же после боев за Ригу начала снова действовать и Организация СДЛ латышских стрелковых полков.

Пользуясь положением, которое сложилось в результате наступления немецкой империалистической армии, активизировались силы контрреволюции. 26 августа по приказу Керенского были запрещены центральный орган Социал-демократии Латвии «Циня» и газета латышских стрелковых полков «Бривайс стрелниекс». Однако вопреки приказу Керенского Исколастрел уже на следующий день решил издавать новую газету «Латвью стрелниекс» («Латышский стрелок»), в первом номере которой, вышедшем 27 августа, отмечалось: «Наша задача — объединить все действительно революционные силы армии и трудовой демократии в борьбе с объединенной буржуазией, против внешних и внутренних сил контрреволюции...»

Против закрытия газеты стрелков протестовали как Исколастрел, так и сами стрелки. Комитет 2-го Рижского стрелкового полка в своей резолюции отметил, что закрытие газеты стрелков он считает грубым наступлением контрреволюции на свободное слово и требует немедленной отмены этого распоряжения.

Несмотря на то что силы контрреволюции организовали заговор против революции и усилили репрессии против участников революционного движения, большинство населения неоккупированной части Латвии поддерживало партию большевиков. На состоявшихся в августе 1917 года выборах Видземского земского совета в Валмиере и уезде около 67,2%, а в Валкском и Цесисском уездах и их городах более чем половина избирателей голосовали за список кандидатов, выдвинутых СДЛ. В результате в Земском совете Лифляндской губернии из 40 мест

большевики получили 24, партия сельской буржуазии «Крестьянский союз» — 15, эсеры — 1 место{31}. Силы революции в Латвии росли и крепли.

Падение Риги верховный главнокомандующий армией Корнилов использовал как сигнал для начала мятежа и захвата всей власти в стране в свои руки, стремясь установить военную диктатуру и с ее помощью задушить социалистическую революцию. В те дни, когда на Рижском фронте шло отступление, Корнилов начал подтягивать контрреволюционные воинские части для похода на Петроград. Большевики организовали рабочие и солдатские массы столицы на разгром контрреволюционного мятежа Корнилова. Петроградские рабочие вооружались и вступали в Красную гвардию, солдаты гарнизона также готовились к контрудару по войскам Корнилова. На помощь Петрограду выступили моряки Кронштадта, тысячи рабочих были готовы дать отпор контрреволюции, стремившейся задушить революционное движение. Под руководством большевиков мятеж удалось быстро подавить.

Солдаты XII армии, особенно латышские стрелки, были готовы выступить на помощь Петрограду и подавить мятеж. 29 августа на заседании Исколастрела в Цесисе обсуждалось положение в стране, создавшееся [52] в связи с мятежом Корнилова, и было решено, что необходимо бросить все силы против контрреволюционеров, а также строго контролировать деятельность штабов и арестовывать всех, кто агитирует за Корнилова. Исколастрел требовал ареста активных сторонников Корнилова — полковников Гоппера и Карклиня, а также корреспондента Тупиня. Еще в первые дни мятежа были арестованы прибывшие в район XII армии агенты Корнилова.

Для охраны Исколастрела в Цесис была вызвана учебная команда 4-го Видземского стрелкового полка. О готовности латышских стрелков защищать революцию свидетельствует телеграмма Запасного полка, отправленная 29 августа Центральному Исполнительному Комитету Советов в Петрограде: «Распоряжайтесь нашими штыками против контрреволюции!» Было намечено послать на помощь Петрограду 2 полка XII армии, в том числе 1 латышский стрелковый полк.

В борьбе с корниловцами активно участвовал Запасной латышский: стрелковый полк, дислоцированный в Валмиере. Комитет полка установил контроль над размещенными в городе вооруженными силами и боевым снаряжением. Он выдал также ротным комитетам боевые патроны для вооружения стрелков и организовал отряд примерно из 1500 вооруженных стрелков, который был отправлен в распоряжение Валмиерского уездного Совета для борьбы с контрреволюционерами. Эти меры уже в самом начале парализовали попытки корниловцев организовать выступления в Латвии, а также в XII армии.

Революционные латышские стрелки энергично поддерживали меры, предпринятые партией большевиков для подавления корниловского мятежа.

Активные действия латышских стрелков и трудящихся Латвии, направленные против корниловского мятежа, облегчили борьбу рабочих и солдат Петрограда с войсками мятежников и способствовали быстрому подавлению мятежа. Под давлением народных масс Временное правительство 27 августа издало распоряжение о смещении Корнилова как мятежника с поста верховного главнокомандующего армией. Разгром контрреволюционного мятежа Корнилова приблизил начало социалистической революции и ее победу в России.

5. Подготовка вооруженного восстания в районе XII армии

Разгром контрреволюционного корниловского мятежа коренным образом изменил обстановку в стране в пользу социалистической революции. Рабочие, солдаты в окопах, трудовые крестьяне убедились в правоте большевистских требований, и снятый в июльские дни лозунг «Вся власть Советам!» снова стал на повестку дня. 31 августа Петроградский Совет принял большевистскую резолюцию о переходе всей власти к Советам, затем его примеру последовали Московский и многие другие Советы. Между 12 и 14 сентября В. И. Ленин обратился к ЦК РСДРП (б), Петроградскому и Московскому комитетам партии с письмами, призывающими [53] немедленно приступить к подготовке вооруженного восстания. «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, — писал Владимир Ильич, — большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки»{32}. Он подчеркивал, что в стране созрели все объективные предпосылки для успешного вооруженного восстания, завоевания власти, свержения правительства.

Призыв партии большевиков к подготовке вооруженного восстания был поддержан всеми революционными силами района XII армии. 15 сентября в газете «Латвью стрелниекс» появилась статья члена ЦК СДЛ Я. Круминя-Пилата «На новом пути», в которой всецело поддерживалась позиция большевиков в вопросе о передаче всей государственной власти Советам. После падения Риги в районе XII армии условия для революционного движения масс и подготовки вооруженного восстания осложнились. В Риге остались большинство депутатов Совета и членов партийной городской организации со своим комитетом, а также половина членов ЦК СДЛ. Партийная организация латышских стрелковых полков во время защиты Риги уменьшилась более чем на 52%. Сильно пострадал Комитет организации, пропали его печать, касса, протоколы, библиотека.

Район, в котором Социал-демократия Латвии могла продолжать легальную деятельность, ограничивался Цесисским, Валмиерским и

Валкским уездами. Уезды Латгале, входившие в состав Витебской губернии, были слабо связаны с революционными организациями Латвии.

ЦК СДЛ и Исколат после падения Риги обосновались в Валмиере. В конце сентября там вышел центральный орган партии «Мусу циня» («Наша борьба»).

Центральный Комитет СДЛ в своем воззвании «В критический момент» призвал рабочих, безземельных крестьян и стрелков Латвии не поддаваться унынию и панике, а неустанно продолжать революционную борьбу за взятие всей государственной власти пролетариатом.

Исколастрел и Комитет организации СДЛ находились в Цесисе, откуда руководили политической работой среди стрелков. 10 сентября ЦК СДЛ собрал в Валке совещание представителей всех партийных организаций. От латышских стрелков присутствовали 10 делегатов. Совещание присоединилось к резолюции Петроградского Совета, принятой 31 августа. В принятом решении также указывалось на необходимость увязать борьбу пролетариата Латвии с революционным движением во всей России, установив теснейшую связь с ЦК партии большевиков. Совещание заслушало доклад председателя Комитета организации СДЛ Э. Викманиса о положении и задачах организации. В принятой резолюции подчеркивалось, что оградить армию от предательства можно лишь путем полной ее демократизации, избрания командного состава, взятия пролетариатом и беднейшим крестьянством политической власти. Особенно подчеркивалась важность укрепления выборных солдатских комитетов, которые во время вооруженного восстания должны были стать органами власти в латышских стрелковых полках. Впоследствии по [54] решению Исколастрела были созданы и бригадные комитеты, сыгравшие важную роль в дальнейшем ходе революционной борьбы.

Для успешной борьбы с контрреволюцией и укрепления революционной дисциплины в частях Исколастрел в начале сентября 1917 года решил учредить в латышских стрелковых полках и бригадах должность комиссара. На комиссаров возлагалась задача осуществления контроля над деятельностью командного состава и штабов. Приказы командования без подписи комиссара не имели силы. Невыполнение распоряжений комиссаров рассматривалось как неподчинение Объединенному Совету латышских полков. Полковые комиссары избирались комитетами частей, а бригадные комиссары назначались Исколастрелом.

Еще 16 июля ЦК СДЛ признал необходимым назначить комиссара для латышских полков. Кандидатом на эту должность по рекомендации представителя ЦК СДЛ в Петрограде О. Карклиня был намечен С. Нахимсон (Михальчи), член СДЛ с 1912 года. Центральный комитет СДЛ

обратился в ЦК партии большевиков с просьбой направить Нахимсона на работу из Петрограда в Латвию. Эта просьба была удовлетворена, и в сентябре С. Нахимсона откомандировали в распоряжение ЦК СДЛ для работы в Исколастреле и Военной организации СДЛ XII армии. Пленум Объединенного Совета латышских стрелковых полков 20 октября 1917 года принял решение о назначении С. Нахимсона комиссаром всех латышских полков. Некоторые реакционно настроенные командиры полков отказались признать полномочия избранных комиссаров. Поэтому полковые комитеты предъявили ультиматум этим командирам, угрожая арестом в случае неподчинения приказам комиссаров. Сопротивление реакционно настроенных командиров было сломлено. Таким образом, во всех латышских полках и бригадах еще накануне Октябрьской революции действия командного состава были поставлены под контроль комитетов и комиссаров частей.

Наряду с назначением комиссаров в латышских полках происходила чистка командного состава от корниловцев. Исколастрел поручил полковым комитетам обсудить отношение офицеров к стрелкам и их организациям во время корниловского мятежа. Всех офицеров, которые сотрудничали с корниловцами и пытались притеснять революционные организации стрелков, рекомендовалось сместить с должности и изгнать из латышских полков.

Комитет 1-го Даугавгривского полка на своем заседании 2 сентября постановил, что командир 1-й бригады К. Гоппер не может оставаться на занимаемом посту, так как является явным контрреволюционером. Полковой комитет потребовал его ареста и выборности командного состава демократическим путем.

В тот же день комитет 3-го Курземского полка решил исключить из состава полка некоторых контрреволюционно настроенных офицеров. Одновременно комитет потребовал предания революционному суду корниловцев, в том числе и нескольких латышских офицеров{33}. Подобные решения приняли комитеты всех латышских полков. Демократизация командного [55] состава началась также в войсковых частях, входивших в состав Левого блока XII армии. 10 сентября представители 23 революционных сибирских, русских пехотных и латышских стрелковых полков, составлявших Левый блок в XII армии, приняли наказ о демократизации армии, об очистке ее от контрреволюционных и бездарных офицеров и генералов, признали выборность командного состава и права комиссаров.

В конце августа реакционное командование XII армии предприняло попытку направить из Валмиеры в отдаленный угол Новгородской губернии Запасной латышский полк. Подобная попытка была не случайной. Этот полк являлся наиболее революционной латышской

частью, на которую опирались Валмиерский, Смилтенский и другие Советы. После переброски Запасного латышского полка в глубокий тыл он оказался бы оторванным от центров революционного движения в Латвии. Наряду с этим оказались бы ослабленными также и революционные силы района XII армии. Исколастрел и комитет Запасного латышского полка настояли на том, чтобы полк перевели в Тарту. Таким образом, он остался в районе XII армии и мог поддерживать тесную связь с революционными силами северной Латвии и южной Эстонии. По прибытии в Тарту 10 сентября Запасной латышский полк избрал своих представителей в местный Совет рабочих и солдатских депутатов. К. Янелис, П. Бруниниек и другие активные члены СДЛ полка после перевыборов Совета стали одними из его руководителей. Между латышскими стрелками и рабочими Тарту установился тесный контакт. Большевистский Тартуский Совет в своей борьбе против контрреволюции опирался на Запасной латышский полк.

Тесная связь сохранилась между стрелками Запасного полка и Валмиерским и Смилтенским Советами. Несколько стрелков продолжали оставаться в составе Совета. Местная милиция комплектовалась в основном из стрелков Запасного полка. В Валмиерском и Валкском уездах постоянно находилось несколько вооруженных отрядов Запасного латышского полка. Комитет полка проводил разностороннюю деятельность и являлся фактически руководителем хозяйственной, культурной и политической жизни стрелков. Он принимал активное участие в борьбе Левого блока XII армии с меньшевистско-эсеровским Искосолом. 3—4 октября на пленуме Совета XII армии представители Запасного латышского полка совместно с делегатами других частей Левого блока потребовали переизбрания Искосола на демократических началах.

Комитеты латышских полков пользовались большим авторитетом среди стрелков.

Для успешной деятельности выборных комитетов латышских стрелков и Исколастрела необходима была материальная база. Буржуазия и правительственные органы, естественно, на нужды стрелков не отпускали никаких средств. Поэтому комитетам и Исколастрелу пришлось самим заботиться о своем бюджете. Источниками их доходов были театральные спектакли и концерты, платные лекции и другие подобные мероприятия, доходы от хозяйственных мероприятий полковых комитетов (лавки, чайные, мастерские и пр.), а также пожертвования трудящихся в деньгах и натуре. Полученные таким образом средства расходовались [56] на содержание делегатов и членов Исколастрела, культурные мероприятия, канцелярские нужды и т. д. Бюджет Исколастрела с момента его образования до 7 декабря 1917 года составлял по доходной части 38108 рублей, а расходной — 30050 рублей{34}. 27% доходов составляли

пожертвования трудящихся, причем в значительной мере рабочих Петрограда и Москвы. Доход давала также газета «Бривайс стрелниекс».

Полковые комитеты и Исколастрел регулярно выписывали для стрелков целый ряд большевистских органов печати — газеты «Циня», «Бривайс стрелниекс», «Окопный набат», «Рабочий путь» и «Солдат». Доставку газет «Рабочий путь» и «Солдат» из Петрограда Исколастрел организовал в сентябре 1917 года через своих курьеров.

В сентябре — октябре 1917 года в XII армии происходил быстрый рост рядов большевистской партии. До корниловского мятежа партийные организации существовали не во всех полках армии, а в основном в тех, которые входили в Левый блок. После разгрома корниловщины большевистские организации и ячейки возникли во многих полках и подразделениях XII армии. Это явилось результатом революционизирования солдатских масс и роста среди них авторитета большевиков. С 12 октября по постановлению Военной большевистской организации XII армии и ЦК СДЛ было возобновлено издание газеты «Окопный набат». В ее редакцию вошел и комиссар латышских полков С. Нахимсон.

В октябре 1917 года в XII армии развернулась выборная кампания в Учредительное собрание, занявшая важное место в политической жизни. Большевики использовали эту кампанию для расширения работы в массах, разоблачения контрреволюционного Временного правительства и соглашательской политики меньшевиков и эсеров. На выборах в Учредительное собрание все армии Северного фронта составили 1 избирательный округ, центр которого находился в районе XII армии.

15 октября в Цесисе собралась конференция всех большевистских военных организаций Северного фронта, которая должна была выдвинуть единый список кандидатов партии по всем армиям. В конференции приняли участие также представители ЦК СДЛ. Для проведения избирательной кампании конференция выбрала бюро, которое должно было работать под непосредственным руководством ЦК СДЛ. Решили также открыть отделение этого бюро в Пскове. Конференция постановила первые 4 места в кандидатском списке предоставить кандидатам, выдвинутым ЦК РСДРП (б) и ЦК СДЛ.

После разгрома корниловского мятежа большевики активизировали борьбу за перевыборы Искосола XII армии и тех солдатских комитетов, которые находились еще в руках соглашателей. По требованию солдатских масс в сентябре — октябре были переизбраны многие низовые солдатские комитеты, большинство которых стали большевистскими. Эсеры и меньшевики сохранили еще свои позиции в большинстве бригадных, дивизионных, корпусных и армейских комитетов, хотя их влияние неуклонно падало. В начале октября 1917 года Левый блок объединил

более трети всех полков XII армии. 3 октября Левый блок добился принятия [57] Советом XII армии решения о созыве 27 октября V армейского съезда Советов и переизбрания Искосола.

Социал-демократия Латвии и Военная большевистская организация прилагали все усилия, чтобы сплотить революционные силы XII армии. XIV конференция СДЛ, проходившая 23—24 сентября 1917 года, поручила Центральному Комитету СДЛ тесно связывать и согласовывать политическую борьбу Социал-демократии Латвии с революционным движением пролетариата России и ЦК РСДРП (б). Особое внимание конференция обратила на тесное объединение всех находившихся на территории Латвии русских и латышских военных организаций вокруг ЦК СДЛ{35}.

Важная роль в революционизировании XII армии принадлежала местным организациям СДЛ в Цесисе, Валмиере, Руиене, Валке, Алуксне, Смилтене и других местах. Руководимые социал-демократами Советы рабочих, солдатских и безземельных депутатов в городах и местечках неоккупированной части Латвии проводили активную работу среди солдат местных гарнизонов. При Валкско-Руиенской организации СДЛ существовала солдатская секция, объединявшая несколько сот членов партии гарнизонов Валки и Руиены. Солдатская секция в сентябре была создана и при Видиенском комитете СДЛ и Валмиерском Совете рабочих, солдатских и безземельных депутатов. Тесное сотрудничество было установлено между организацией СДЛ и большевистской Военной организацией в Цесисе, Алуксне и других местах. Это благоприятно влияло на рост и консолидацию сил социалистической революции в районе XII армии.

Осенью 1917 года расширились и окрепли связи между революционными организациями неоккупированной территории Латвии и Петроградом, Кронштадтом и Финляндией. Так, в конце сентября Исколастрел заявил решительный протест против преследования Временным правительством революционных организаций моряков Балтийского флота, а также попыток вывести из Финляндии полки, заявившие о своей поддержке большевикам. Из Петрограда в район XII армии постоянно посылалась большевистская литература, направлялись рабочие делегации. В ответ на попытку вывести из столицы революционные части Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в октябре 1917 года направил делегации в армии Северного фронта, чтобы заручиться поддержкой фронтовиков. Петроградская делегация выступила перед представителями Левого блока XII армии. Комиссар латышских полков С. Нахимсон в ответной речи заявил, что широкие массы солдат решительно осуждают попытки Временного правительства и соглашателей из Искосола натравить фронт на тыл. Он

подчеркнул, что революционный Петроград может положиться на поддержку фронтовиков. Делегаты рабочих и солдат столицы обсудили с представителями СДЛ и большевистской Военной организацией XII армии меры по защите Петрограда в случае попытки контрреволюции открыть фронт. [58]

О росте сил социалистической революции в районе XII армии свидетельствовала победа Социал-демократии Латвии на выборах в уездные земские советы в сентябре 1917 года. На выборах в Валмиерский уездный земский совет за кандидатов СДЛ голосовали 75%, в Цесисский — 64% и Валкский — 69% избирателей. Таким образом, СДЛ получила большинство также в органах местного самоуправления, находившихся до этого под контролем Временного правительства и буржуазии.

Революционные организации района XII армии выступили против созданного в сентябре 1917 года буржуазией и соглашателями Предпарламента (Временного совета республики). 20 октября Совет латышских стрелковых полков высказался за роспуск Предпарламента и передачу власти в руки Всероссийского съезда Советов. Видземская организация СДЛ на своей конференции в Валмиере, состоявшейся 12—13 октября, признала Предпарламент контрреволюционной организацией, призванной затормозить развитие революции. Подобное решение приняли комитеты 1-й и 2-й латышских бригад и всех латышских полков, а также целый ряд частей Левого блока XII армии.

Под давлением революционных сил страны ВЦИК решил созвать во второй половине октября 1917 года II Всероссийский съезд Советов. Маневры реакции с Предпарламентом провалились.

Развитие революционного движения масс в районе XII армии происходило в напряженной борьбе с местной буржуазией. После провала на выборах в Видземский и уездные земские советы буржуазия создала свой контрреволюционный центр — Латышский временный национальный совет, который хотела противопоставить демократически избранным органам местной власти. 9 октября представители буржуазии вышли из состава Видземского и уездных земских советов.

Трудящиеся Латвии отнюдь не сожалели об уходе представителей буржуазии из демократически избранных органов самоуправления. Пленум Совета латышских стрелковых полков 20 октября заявил, что Видземский земский совет остается полноправным органом, несмотря на уход из него кучки буржуазии. Пленум высказал пожелание, чтобы места буржуазии заняли стрелки. Это пожелание было выполнено.

В конце сентября — начале октября контрреволюционное командование XII армии в сговоре с соглашательским Искосолом предприняло новую попытку разоружить латышские полки. Прежде всего предполагалось переместить 2-ю латышскую бригаду на эстонское

побережье в район Хаапсалу и таким образом изолировать ее от другой латышской бригады казачьими частями и батальонами «смертников» и разоружить. Ввиду создавшейся угрозы Исколастрел 5 октября принял решение усилить бдительность в латышских полках и бригадах, чтобы быть готовыми оказать вооруженное сопротивление контрреволюционерам.

1-й латышский полк, стоявший в районе Лигатне, получил от штаба бригады приказ сдать пулеметы, патроны и гранаты. Офицеры уже приступили к выполнению этого приказа. Но комитет полка поднял тревогу. Стрелки силой вернули оружие. После этого в части была усилена революционная бдительность. Решимость латышских стрелков с оружием [59] в руках воспротивиться любым попыткам разоружить их сорвала замыслы контрреволюции.

В октябре 1917 года внутреннее и внешнее положение страны требовало немедленно начать вооруженное восстание, чтобы передать всю власть в руки Советов. На стороне большевиков в это время был значительный перевес сил. В то же время контрреволюция лихорадочно готовилась к решающей схватке с развивающейся революцией.

10 октября 1917 года состоялось заседание Центрального Комитета партии большевиков, на котором было решено в ближайшее время начать вооруженное восстание. Для организации выступления масс на местах ЦК партии большевиков послал в крупнейшие пролетарские центры и находящиеся вблизи столицы армии своих уполномоченных.

На съезде Советов Северной области, открывшемся 11 октября в Петрограде, были представлены Советы Петрограда, Москвы, Кронштадта, Выборга, Гельсингфорса, Архангельской, Новгородской, Псковской и других губерний, а также Эстонии и Латвии. К этому времени партия большевиков уже располагала планом вооруженного восстания, изложенным в работах В. И. Ленина «Советы постороннего» и «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области». Обращаясь к большевикам — делегатам съезда, В. И. Ленин ясно определил основную задачу момента. Он писал:

> «Лозунг «вся власть Советам» есть лозунг восстания...
>
> Дело не в голосованиях, не в привлечении «левых эсеров», не в добавлении провинциальных Советов, не в съезде их. Дело в восстании, которое *может* и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. *Под Питером* и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее.

> Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно предлагающую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть.
>
> Промедление смерти подобно»{36}.

Съезд Советов Северной области, руководимый большевиками, принял постановление, гласившее, что Советы должны взять государственную власть в свои руки. В постановлении указывалось: «На стороне Советов не только право, но и сила. Время слов прошло. Наступил час, когда только решительным и единодушным выступлением всех Советов может быть спасена страна и революция и решен вопрос о центральной власти». На съезде выступил представитель латышских стрелков, который заявил: «Латыши с первых дней революции выдвинули лозунг «Вся власть Советам», и теперь, когда революционный Петроград собирается провести его в жизнь, латышские стрелки в количестве 40 тыс. штыков готовы оказать этому полную поддержку». [60]

15 октября в Цесисе состоялась конференция большевистских военных организаций Северного фронта. Председателем конференции был избран комиссар латышских стрелков С. Нахимсон, выступивший с докладом о текущем моменте. Конференция приняла постановление всеми силами защищать красный Петроград и подступы к нему и отправила приветственные телеграммы В. И. Ленину и ЦК РСДРП (б).

16 октября в Валке заседала Чрезвычайная конференция Социал-демократии Латвии. Ее делегаты обсудили вопрос о вооруженном восстании в свете решения ЦК РСДРП (б) от 10 октября, о котором сообщил им уполномоченный ЦК В. А. Антонов-Овсеенко.

Он подчеркнул, что ЦК РСДРП (б) требует, чтобы XII армия обеспечила безопасность Петрограда со стороны фронта. Революционные силы Латвии не должны допустить посылки контрреволюционных войск с фронта против революционного Петрограда. Для этого необходимо взять под контроль важнейшие железнодорожные станции в северной Латвии и южной Эстонии, а также обеспечить в этих районах быстрый переход всей власти в руки Советов. Кроме того, нужно подготовить революционные войска для отправки в Петроград в случае необходимости.

Чрезвычайная конференция СДЛ, обсудив текущий момент, единодушно одобрила решение ЦК РСДРП (б) о немедленной практической подготовке вооруженного восстания. В принятой резолюции указывалось, что наступил момент решительной схватки за свержение власти буржуазии и помещиков, что, «готовясь к предстоящим боям, пролетариат Латвии должен поддерживать самое тесное единство с

рабочими революционного Петрограда и Москвы, ставя перед собой задачу во всем, всеми силами и средствами поддерживать борьбу российского пролетариата за государственную власть».

Делегаты конференции выразили полную готовность выполнить все поставленные перед революционными силами Латвии задачи социалистической революции. В перерыве между заседаниями В. А. Антонов-Овсеенко вместе с руководителями СДЛ конкретно определили план действий революционных войск в момент восстания. Было намечено, какие полки и в какие сроки должны занять стратегические пункты в северной Латвии и южной Эстонии. Кроме того, решили подготовить латышские полки для отправки в столицу.

> «Отъезжаю довольный, — писал В. А. Антонов-Овсеенко, — исполнение начато немедленно... Латышские стрелки готовы всеми силами поддержать борьбу съезда за власть»{37}.

Сразу же после Чрезвычайной конференции СДЛ в Латвии началась активная организационная работа по практической подготовке вооруженного восстания. Согласно решениям Чрезвычайной конференции, 18 октября 1917 года был организован Военно-революционный комитет района XII армии в следующем составе: представитель ЦК СДЛ Я. Круминь-Пилат, Исколата — К. Гайлис, Военной организации СДЛ XII армии — А. Васильев, Левого блока армии — С. Нахимсон, Совета рабочих депутатов XII армии (Искорада) — Ф. Маркус, Исколастрела — [61] Ю. Чаринь, Я. Якобсон и Н. Тилиб, а также представители от Цесисского, Валкского и Тартуского Советов. Председателем ВРК района XII армии был выдвинут Ю. Чаринь, его заместителем Ф. Маркус. Все революционные организации в Латвии обязаны были поддерживать тесную связь с ВРК района XII армии и подчиняться его приказам. Военно-революционный комитет опирался на латышские полки и другие революционные части XII армии, входившие в Левый блок. Вначале он работал нелегально. В короткое время он установил связь с революционными воинскими частями и разработал конкретный план действий во время вооруженного восстания. После Чрезвычайной конференции СДЛ военно-революционные комитеты были созданы во всех латышских полках, а также в Валмиере и Валке.

Чтобы завершить подготовку латышских полков к ожидаемому вооруженному восстанию в Петрограде, ЦК СДЛ и Исколастрел 20 октября созвали в Цесисе пленум Совета латышских стрелковых полков. В работе пленума приняли участие члены полковых и бригадных комитетов и Исколастрела, представители ЦК РСДРП (б), ЦК СДЛ и Военной организации СДЛ XII армии. По основному вопросу — о текущем моменте — с докладом выступили член ЦК СДЛ Я. Круминь-Пилат и комиссар латышских полков С. Нахимсон. В принятой резолюции о текущем

моменте говорилось о немедленной практической подготовке вооруженного восстания, о защите Всероссийского съезда Советов, вооружении рабочих, демократизации армии, о немедленном заключении перемирия на всем фронте. Председатель Исколастрела П. Барда, выражая мнение всех стрелков, заявил: «Да будет эта резолюция последней, ибо пришло время приступить к действиям»{38}.

После расширенного пленума Совета латышских стрелков ВРК района XII армии поставил перед каждым полком конкретную задачу, которую ему следовало выполнить во время вооруженного восстания. Военно-революционный комитет 5-го Земгальского латышского полка заявил командиру полка полковнику И. Вациетису, что стрелки вверенного ему полка готовы к выполнению ответственных задач социалистической [62] революции. На вопрос, готов ли он и в дальнейшем командовать частью, полковник без колебаний спокойно и решительно ответил: «Я всегда был и буду вместе с земгальцами, куда пойдут они, туда отправлюсь и я». Убедившись в преданности Вациетиса революции, члены ВРК затем детально обсудили с ним практические вопросы о приведении полка в боевую готовность. Таким образом, латышские стрелки и все революционные части XII армии были подготовлены к выступлению еще до начала вооруженного восстания в Петрограде.

6. Участие латышских стрелков в Октябрьской социалистической революции

25 октября (7 ноября) вооруженное восстание рабочих и солдат в Петрограде победило. Временное буржуазное правительство было низложено. В этот же день открылся II Всероссийский съезд Советов, который постановил, что вся власть переходит к Советам рабочих и солдатских депутатов. На съезд прибыли также делегаты от XII армии. Левый блок XII армии послал на съезд 6 делегатов, из которых 3 представляли латышских стрелков (К. Петерсон, Р. Кисис и П. Старке). Делегаты выехали из Цесиса в Петроград 24 октября. В столицу они прибыли 25 октября, когда там уже началось вооруженное восстание. Подавляющее большинство делегатов съезда поддержало большевиков. На съезде происходила острая политическая борьба. Из делегатов XII армии от имени Искосола против перехода всей власти в руки Советов выступили соглашатели Хараш и Кучин. Они пытались представить себя выразителями интересов фронтовиков и утверждали, что на фронте армия не допустит захвата власти большевиками. Вслед за ними на трибуну поднялся делегат латышских стрелков К. Петерсон. Американский коммунист Джон Рид так описывает его выступление: «Товарищи! — воскликнул он, и наступила тишина. — Моя фамилия Петерсон. Я говорю от имени 2-го латышского полка. Вы выслушали заявление двух представителей армейских комитетов, и эти заявления имели бы какую-

нибудь ценность, если бы их авторы являлись действительными представителями армии»... (Бурные аплодисменты). «Они не представляют солдат... — Оратор потрясает кулаком. — Двенадцатая армия давно настаивает на переизбрании Совета и Искосола, но наш комитет точно так же, как и ваш ЦИК, отказался созывать представителей масс до конца (середины) сентября, так что эти реакционеры смогли послать на настоящий съезд своих лжеделегатов. А я вам говорю, что латышские стрелки уже неоднократно заявляли: «Больше ни одной резолюции! Довольно слов! Нужны дела. Мы должны взять власть в свои руки!» «Пусть эти самозванные делегаты уходят! Армия не с ними!»»{39}

Последние слова Карла Петерсона были покрыты овацией.

Потерпевшие поражение меньшевики и правые эсеры покинули съезд. После их ухода II Всероссийский съезд Советов принял декреты [63] о мире и о земле, а также образовал первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров — во главе с В. И. Лениным.

На съезде был избран Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) Советов, в состав которого вошли также делегаты от Латвии — П. Стучка, К. Петерсон, Я. Берзинь-Зиемелис, С. Нахимсон, А. Васильев и Я. Петерс.

Первое известие о начале вооруженного восстания пришло в Латвию (в Валку) утром 25 октября. Несмотря на строгий контроль на телеграфе, установленный Искосолом, один солдат-телеграфист передал редакции газеты «Латвью стрелниекс» телеграммы из Петрограда, дошедшие до Валки окольным путем через Таллин и Тарту. В одной телеграмме сообщалось о том, что контрреволюция в столице перешла в наступление. Петроградский Военно-революционный комитет дал указание не пропускать с фронта на помощь Временному правительству ни одного воинского эшелона. В другой телеграмме сообщалось о свержении правительства Керенского и переходе власти в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и его Военно-революционного комитета. 26 октября (8 ноября) сообщения о вооруженном восстании опубликовали газеты «Латвью стрелниекс» и «Окопный набат», призвав рабочих и солдат поддержать борьбу за власть Советов. В этот же день находившийся в Цесисе ВРК района XII армии издал Манифест к солдатам и рабочим. В нем сообщалось о свержении Временного правительства и образовании в районе XII армии Военно-революционного комитета, органа социалистической революции. В Манифесте все части XII армии призывались к поддержке Советской власти, а солдаты, железнодорожники и телеграфисты — не выполнять контрреволюционные приказы. ВРК района XII армии немедленно установил связь с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов и его Военно-революционным комитетом. Бюро Военной организации СДЛ XII армии

26 октября опубликовало воззвание к солдатам с призывом действовать организованно под руководством своих революционных организаций, быть бдительными, соблюдать революционную дисциплину, сплотиться вокруг красного Петрограда. Местные организации СДЛ в Латвии — в Валке, Валмиере, Цесисе и других местах — также выпустили воззвания к трудящимся с призывом поддержать Советскую власть.

Весть о вооруженном восстании в Петрограде, таким образом, уже 26 октября распространилась среди солдат XII армии и трудящихся неоккупированной территории Латвии. При первых известиях о начале революции в латышских частях всю власть взяли в свои руки полковые и бригадные комитеты и выделенные из их состава Военно-революционные комитеты.

27 октября по указанию бригадного ВРК по 1-й латышской бригаде был издан приказ, согласно которому 1-й Даугавгривский и 3-й Курземский полки должны были к 6 часам утра этого дня выступить на Цесис в распоряжение Военно-революционного комитета района XII армии. 2-му Рижскому и 4-му Видземскому полкам надлежало оставаться на месте и быть в полной боевой готовности. Офицеров и солдат, указывалось в приказе, не исполнявших этот приказ, арестовывать и направлять в ВРК [64] 1-й латышской бригады. 1-й и 3-й латышские полки в этот момент стояли на передовой линии. Прежде чем сняться с фронта, комитеты полков договорились с представителями 76-го и 79-го сибирских полков о том, что сибиряки займут позиции латышских стрелков, чтобы не оголять фронт. После этого 1-й и 3-й латышские полки в походном порядке отправились в Цесис, куда прибыли 27 октября. По дороге навстречу 1-му полку выехал секретарь Искосола Белоусов. Угрожая принятием решительных мер, он потребовал возвращения полка обратно на позиции. Угрозы на стрелков не подействовали, они выполнили приказ своего Военно-революционного комитета. Цесис был занят 1-м и 3-м латышскими полками без сопротивления. Сразу же стрелки установили контроль над железнодорожной станцией, радио, телеграфом, телефоном и другими важными объектами. Вся власть в городе перешла в руки местного Совета рабочих и солдатских депутатов и его Военно-революционного комитета.

Согласно приказам ВРК района XII армии и Военно-революционного комитета 2-й латышской бригады, 6-й Тукумский и 7-й Бауский полки должны были 27 октября выступить в Валмиеру и обеспечить там переход всей власти в руки Советов. В 6-м полку, находившемся в районе Лимбажи, большинство офицеров отказались подчиниться Военно-революционному комитету и были арестованы. Командиром полка назначили комиссара полка, члена СДЛ прапорщика Р. Кирхенштейна. Места арестованных офицеров заняли унтер-офицеры и более опытные

стрелки. Часть арестованных офицеров просили их освободить и выразили готовность следовать со своим полком. После этого 6-й латышский полк выступил в походном порядке в Валмиеру, которую занял без сопротивления 29 октября. Одновременно с ним в город вступил прибывший из района Айнажи — Алоя — Пуйкуле 7-й Бауский полк. Командир полка Г. Мангулис полностью подчинился приказу Военно-революционного комитета и остался во главе полка. Его примеру последовали большинство офицеров. 6-й и 7-й латышские полки в Валмиере заняли важнейшие стратегические пункты, передав всю власть в руки Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов и организованного им Военно-революционного комитета. Прибывшие на станцию эшелоны с казаками были задержаны стрелками и разоружены. Казаков разместили за городом. Поддержку латышским стрелкам в установлении Советской власти в Валмиере оказал революционный русский 436-й Новоладожский полк, который также прибыл в город по приказу ВРК района XII армии.

В Тарту основной революционной силой, которой располагал местный ВРК, был Запасной латышский полк, насчитывавший более 3800 человек. При первых известиях о начале революции в Петрограде полковой Военно-революционный комитет взял руководство полком в свои руки. Затем он отдал приказ о занятии в городе почты, телеграфа, железнодорожной станции и других объектов. Это было выполнено быстро и не встретило никакого сопротивления со стороны буржуазии. Вся власть перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов и Военно-революционного комитета. Латышские стрелки действовали в тесном контакте [65] с эстонскими рабочими. В конце октября в районе XII армии последним оплотом контрреволюции оставалась Валка. В городе находились штаб XII армии, Искосол и различные контрреволюционные организации. Они опирались на дислоцированные в этом районе крупные силы казаков, ударные батальоны, 5-й дивизион бронемашин.

Контрреволюционные силы XII армии намеревались организовать помощь свергнутому Временному правительству. Керенский, бежавший из Петрограда на Северный фронт, надеялся собрать здесь контрреволюционные части и двинуть их на Петроград. Вечером 25 октября он явился в Псков. Командование Северного фронта оказалось бессильным оказать помощь обанкротившемуся премьеру. В I и V армиях во главе армейских исполнительных комитетов находились уже большевики. Эти армейские исполкомы заявили о поддержке Советской власти и наотрез отказались предоставить войска Керенскому, а Искосол XII армии уже фактически не имел поддержки среди солдатских масс. Керенский смог опереться лишь на 3-й кавалерийский корпус, которым командовал генерал Краснов. 26 октября эшелоны казаков двинулись на

Петроград. Силам контрреволюции удалось занять Гатчину, а затем — 28 октября — Царское село. Дальнейший путь на Петроград казакам преградили рабочие и революционно настроенные солдаты. Казаков не поддержали также другие войсковые части Северного фронта. Вспыхнувший 29 октября в Петрограде мятеж юнкеров был подавлен в один день. Последней надеждой Керенского оставался эсеро-меньшевистский Искосол XII армии. Он приказал срочно направить к Петрограду 17-ю кавалерийскую дивизию из Валки и 5-й бронедивизион из района Пярну. Командование Северного фронта и XII армии пыталось выполнить этот приказ, но оно не имело реальной власти. Об этом свидетельствуют переговоры командующих армий и штабов в эти дни. Главнокомандующий Северным фронтом генерал Черемисов требовал от командующего XII армией генерала Юзефовича посылки верных Временному правительству частей, а тот отвечал, что он бессилен что-либо предпринять, так как латышские стрелки заняли основные железнодорожные станции в Латвии и южной Эстонии{40}.

В Валке контрреволюционеры также не могли подавить революционное движение рабочих и солдат. Попытка батальона «смертников» напасть на редакцию газеты «Латвью стрелниекс» потерпела провал, контрреволюционеры встретили вооруженный отпор латышских стрелков и отступили. По требованию Валкского ВРК «батальон смерти» был выведен из города. Но контрреволюционеры продолжали борьбу. 28 октября Искосол и представители латышской буржуазии создали контрреволюционную организацию «Комитет спасения родины и революции», которая активно выступала против социалистической революции.

31 октября рабочие и революционные солдаты Петрограда разгромили у Пулковских высот войска Керенского. 1 ноября красногвардейцы и революционные войска взяли Гатчину. Генерала Краснова и его штаб [66] арестовали. Организованный Керенским и Красновым антисоветский мятеж был ликвидирован.

С победоносным развитием социалистической революции в районе XII армии встал вопрос о ликвидации гнезда контрреволюции в Валке. По приказу ВРК 4 ноября 6-й Тукумский латышский полк и 2-й батальон 436-го Новоладожского полка с батареей 42-го тяжелого артиллерийского дивизиона выступили из Валмиеры на Валку.

Командир 5-го латышского стрелкового полка И. Вациетис, впоследствии первый главнокомандующий всеми вооруженными силами Советской республики, разработал план взятия Валки и доложил его на заседании ВРК района XII армии. Для взятия Валки, по плану Вациетиса, необходимо было, во-первых, добиться мирным путем соглашения с эстонскими воинскими частями; во-вторых, нейтрализовать 17-ю

кавалерийскую дивизию, охранявшую подступы к Валке; в-третьих, выбить из Валки «батальон смерти» и бронемашины. С участием представителей рабочих организаций Таллина, латышских и эстонских большевиков в Тарту было созвано собрание солдат; в результате эстонские воинские части, перешедшие на сторону революции, поддержали латышских стрелков. В ходе переговоров с представителями кавалерийской дивизии удалось добиться ее нейтралитета, после чего кавалерия ушла из Валки. 6-й Тукумский латышский стрелковый полк с приданной ему артиллерией был направлен по шоссе от Валмиеры к Валке, 7-му Баускому латышскому стрелковому полку была поставлена задача перекрыть все дороги к востоку и северу от Валки, а подразделения 436-го полка были направлены к городу с запада. Противник занял позиции у реки Седа. На второй день перехода 6-й Тукумский полк подошел к этим позициям и ночной атакой отбросил противника к Валке. Латышские стрелки небольшими группами вошли в город и силами примерно 2 рот окружили дом, где находился Искосол XII армии. К этому времени 7-й латышский полк перекрыл дороги от Валки на восток и север, а 436-й Новоладожский полк подошел к городу с запада. «Батальон смерти» под угрозой полного окружения был вынужден оставить Валку.

Юзефович и другие контрреволюционно настроенные генералы бежали. 7 ноября 6-й латышский полк и батальон 436-го Новоладожского полка без боя заняли Валку — железнодорожный узел, телеграф, почту, штаб XII армии и другие учреждения города{41}. Последний опорный пункт контрреволюции в Латвии был ликвидирован. В Валке и во всем районе XII армии победила Октябрьская революция. Совет рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии, заседавший 8 и 9 ноября в Валке, объявил о переходе власти к Советам во всей неоккупированной части Латвии. Установление Советской власти в Латвии было поддержано широкими массами трудящихся и латышскими стрелками. [67]

Глава II. **В первых рядах Красной Армии**

1. Латышские стрелки в борьбе за упрочение Советской власти

В организации и упрочении Советской власти надежной вооруженной опорой Социал-демократии Латвии являлись латышские стрелки. В середине ноября в обеих латышских бригадах было 24 тыс., а в Запасном полку — 6000 стрелков. Более 2000 стрелков были коммунистами. В полках проводилась полная и последовательная демократизация, фактически вся власть в них находилась в руках стрелковых комитетов и Исколастрела; контрреволюционные офицеры были отстранены от командования и заменены выбранными из среды стрелков командирами. Газета «Бривайс стрелниекс» стала выходить под руководством одного из основателей СДЛ Ф. Розиня (Азиса), вернувшегося в Латвию из эмиграции.

Политические взгляды латышских стрелков были продемонстрированы на выборах в Учредительное собрание, состоявшихся в середине ноября. В голосовании участвовали от 80 до 90% всего личного состава, за большевиков были поданы 95% голосов. Отношение стрелков к Советской власти хорошо выразила резолюция общего собрания 6-го полка, в которой говорилось: «Мы... обязуемся всеми силами как морально, так и с оружием в руках поддерживать новую революционную власть как в центре, так и на местах. Против всех проявлений контрреволюции, откуда бы они ни угрожали, мы немедленно и решительно выступим всей силой нашего оружия»{42}.

Важную роль сыграли большевики латышских полков в окончательном привлечении солдатских масс XII армии на сторону революции. На заседании Исколастрела в начале ноября 1917 года была выделена комиссия для агитации в русских частях в связи с выборами делегатов на съезд Советов XII армии. Съезд, состоявшийся в Цесисе 14 и 15 ноября, [68] заявил о своей поддержке Советской власти и избрал новый Искосол, председателем которого стал комиссар латышских стрелков С. Нахимсон.

Быстрая победа революции в районе XII армии и на всем Северном фронте дала возможность непосредственно приступить к организации Советской власти и на неоккупированной территории Латвии. Латышские стрелки, являясь главной вооруженной силой уездных и волостных Советов и местных военно-революционных комитетов, участвовали в создании органов новой власти, помогали арестовывать контрреволюционеров и устанавливать революционный порядок. Выступая на митингах и собраниях, коммунисты латышских полков разъясняли трудящимся политику Советской власти.

Значительную помощь оказали латышские стрелки в создании Красной гвардии в Латвии в ноябре — декабре. Исколастрел образовал ее штаб и помогал в организации штабов на местах. Он призвал демобилизованных стрелков вступать в Красную гвардию и наладил военное обучение красногвардейцев. К концу года отряды Красной гвардии (по 30—40 человек) были созданы при многих уездных и волостных Советах.

Для осуществления ленинского Декрета о земле в распоряжение местных Советов были посланы отряды латышских стрелков. 50 стрелков, агрономов по специальности, получили инструкции о порядке конфискации имений и были направлены в сельские местности.

Отряды латышских стрелков по распоряжению Искосола XII армии нередко разоружали воинские эшелоны разлагающейся старой армии и организовали защиту населения от банд грабителей.

Трудящиеся Латвии с энтузиазмом встретили провозглашенную 2 ноября Советом Народных Комиссаров «Декларацию прав народов России», которая в законодательном порядке устанавливала свободное развитие и полное равноправие всех национальностей России и обеспечивала за всеми нациями право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. XV конференция СДЛ в середине декабря высказалась против отделения Латвии от социалистической России, за автономию, основанную на демократическом централизме, т. е. таком строе, который «...не выходит из рамок принципов декретов диктатуры пролетариата России и в то же время обеспечивает самое широкое самоопределение трудовой демократии Латвии»{43}. В «Декларации о самоопределении Латвии» Центральный Комитет СДЛ и Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии 24 декабря указали, что пролетариат Латвии, составляющий большинство ее населения, «никогда и нигде не высказывал и не проявлял стремления к отделению от России»{44}. Советская власть в Латвии ломала упорное сопротивление национальной буржуазии, которая борьбу с революцией скрывала под маской национализма, выступая за отделение Латвии от России. Латышские стрелки, как и все трудящиеся Латвии, связанные с российским пролетариатом узами общей классовой [69] борьбы, всецело поддерживали лозунг Социал-демократии Латвии «Свободная Латвия в свободной России».

II съезд Советов на неоккупированной части Латвии, состоявшийся 16—18 декабря 1917 года, ознаменовал завершение основных мероприятий по слому старого государственного аппарата и организации Советской власти. Съезд избрал Исполком Совета рабочих, солдат и безземельных крестьян Латвии (Исколат) во главе с Ф. Розинем.

Важное значение для определения задач латышских стрелков в борьбе за укрепление Советской власти в Латвии и проведение дальнейших социалистических преобразований имел их V съезд, открывшийся в Цесисе 7 декабря. Приветствуя делегатов от имени Исколата, О. Карклинь отметил, что «в революционном освободительном движении Латвии главная роль принадлежит латышским стрелкам». В докладах с мест делегаты съезда отмечали тяжелое материальное положение полков, крайнюю усталость от многолетней фронтовой жизни. И все же усилиями стрелковых комитетов в полках поддерживалась необходимая дисциплина и порядок. Делегаты выразили уверенность, что стрелки выполнят все приказы Советской власти и, если потребуется, снова выйдут на позиции. Съезд призвал активно поддерживать Советское правительство и энергично бороться со всеми контрреволюционными [70] организациями. Председателем нового состава Исколастрела был избран. В. Штейнхарт, секретарем — А. Петерсон.

Особенно важным был вопрос о дальнейших организационных основах существования латышских полков. Они имели единый политический центр — Комитет партийной организации латышских полков и единый орган солдатского самоуправления — Исколастрел. Возникла необходимость в интересах революции объединить латышские полки в военно-оперативном и административно-хозяйственном отношении.

В конце 1917 года развернулась работа по объединению латышских полков в сильное боевое соединение. На заседании Исколастрела 3 декабря было решено приступить к формированию корпуса. 17 декабря верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко подписал приказ о сформировании Латышского стрелкового корпуса. Его командиром был назначен И. Вациетис, начальником штаба — А. В. Косматов. 1-я и 2-я латышские стрелковые бригады переформировывались в дивизии. В Валке была создана комиссия по формированию корпуса. В Тарту при Запасном полку формировалась тяжелая артиллерия, а легкая — непосредственно при полках.

При формировании корпуса выявились большие трудности. Не хватало военной техники, специалистов, денежных средств, личного состава. Значительная часть стрелков отвлекалась по запросам местных Советов. Часть стрелков была демобилизована. Наличный состав латышских полков сократился с 30 тыс. на начало ноября 1917 года до 20 тыс. на начало января 1918 года. Формирование корпуса было прервано наступлением немецких войск в феврале 1918 года.

* * *

Успешное развитие социалистической революции в Латвии, высокое революционное сознание латышских стрелков, воспитанных партией в духе пролетарского интернационализма, дали возможность направить латышские полки на помощь трудящимся Советской республики. Латышские стрелковые полки принадлежали к числу тех отрядов революции, которые без колебаний перешли на сторону Советской власти и активно, с оружием в руках встали на ее защиту.

Наиболее важной задачей в упрочении Советской власти было укрепление центра революции — Петрограда. На помощь питерским рабочим и революционным частям гарнизона в борьбе с контрреволюцией пришли латышские стрелки.

В начале ноября 1917 года в Латвию был направлен член ЦК СДЛ, делегат II Всероссийского съезда Советов К. Гайлис с поручением В. И. Ленина организовать помощь стрелков революционному Петрограду. К. Гайлис писал позднее: «Изложив в кратких словах суть дела, Владимир

Ильич поставил вопрос: пойдут ли латышские стрелки на помощь петроградским рабочим. Я ответил, что в этом не может быть сомнений, так как латышские стрелки сознают, что судьба социалистической революции решается в Петрограде, а не в Латвии. После этого В. И. Ленин, считая вопрос принципиально ясным и решенным, стал уточнять некоторые детали... Договорились о посылке вначале одного [71] полка. Пожелав счастливого пути, В. И. Ленин наказал ежедневно посылать информацию с нарочным»{45}.

19 ноября Совнарком по предложению В. И Ленина постановил «немедленно выписать в Петроград один латышский стрелковый полк»{46}. 21 ноября Исколастрел решил послать в столицу 6-й Тукумский полк, который выехал уже на следующий день.

Для охраны Советского правительства в ноябре в Латвии была сформирована Сводная рота латышских стрелков. Каждый полк выделил по 40 стрелков и 1 офицеру, избранных на общих собраниях по рекомендации партийной организации и стрелковых комитетов. Позднее рота была пополнена, и в начале марта 1918 года в ней насчитывалось 540 стрелков, в том числе 317 коммунистов.

25 ноября в Петроград прибыл 6-й полк, а на другой день — Сводная рота. На вокзале стрелков встретили П. Стучка и В. А. Антонов-Овсеенко. По воспоминаниям бывшего стрелка 6-го полка Э. Удриса, представители стрелков были приняты В. И. Лениным, который расспросил их, как они доехали, каково настроение. В. И. Ленин беседовал также с П. Стучкой и К. Петерсоном и интересовался, как относятся латышские стрелки к революционным событиям в России{47}.

Стрелкам Сводной роты была поручена внутренняя и внешняя охрана Смольного, Советского правительства, кабинета В. И. Ленина. Приступая к несению службы, стрелки 28 ноября поклялись твердо и надежно выполнять свой долг: «... мы еще раз подтверждаем, что все надежды, возлагаемые на нас Советом Народных Комиссаров и Военно-революционным комитетом во имя революции, оправдаем и будем исполнять свои обязанности все, как один, до последнего стрелка с оружием в руках...»{48} И они выполнили свою клятву. «Правда» 26 января 1918 года отметила, что благодаря бдительности латышской охраны удалось своевременно предотвратить попытку покушения на В. И. Ленина во время одной из его поездок по городу.

Посты стрелков Сводной роты и 6-го полка были выставлены также у Петроградского Совета, казначейства, Таврического, Зимнего и Аничкова дворцов, у Центральной телефонной станции, Народного комиссариата иностранных дел, редакций некоторых газет, у ряда военных складов, на вокзалах и во многих других местах.

Революционный Петроград с радостью встретил латышских стрелков как надежную силу в борьбе с контрреволюцией. Уже с первых дней они установили связь с рабочими организациями и воинскими частями столицы и, особенно, с эвакуированными латышскими рабочими, имевшими большой опыт революционной борьбы с царским самодержавием и Временным правительством. [72]

Тотчас после прибытия в Петроград латышские стрелки на деле доказали свою политическую зрелость и верность большевистской партии: 27 ноября они участвовали в выборах Петроградской городской думы и отдали свои голоса за кандидатов, выдвинутых большевистской партией, а 28 ноября воспрепятствовали антисоветской демонстрации проникнуть в Таврический дворец, где небольшая группа депутатов намеревалась выступить от имени Учредительного собрания. Коммунисты латышских полков разъяснили стрелкам истинный смысл требования созвать Учредительное собрание, и массы стрелков отлично поняли его антинародную сущность. В начале января латышские стрелки вместе с революционными матросами участвовали в разгоне Учредительного собрания и антисоветских демонстраций, организованных контрреволюционерами в его защиту.

Латышские стрелки активно участвовали в арестах контрреволюционеров, операциях по национализации банков, борьбе с пьяными погромами, в разоружении бегущих с фронта солдат и матросов-анархистов. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Для поддержания порядка в городе с конца октября по февраль, при разгаре пьяно-погромной агитации можно было вполне всегда рассчитывать на латышский смольненский сводный отряд, на некоторую часть егерей, преображенцев, семеновцев, несших караул в Государственном банке, на некоторые роты 2-го флотского и Георгиевского экипажей»{49}.

10—11 марта под охраной латышских стрелков состоялся переезд Советского правительства из Петрограда в Москву, в Кремль, охрана которого была доверена им.

Пребывание в Петрограде оказало громадное влияние на политическое развитие латышских стрелков. Присутствуя на заседаниях Петроградского Совета, слушая выступления В. И. Ленина, Я. М. Свердлова, В. Володарского, А. В. Луначарского, П. Стучки, встречаясь и беседуя с руководителями партии и правительства, посещая митинги и лекции, они проходили высшую школу революции, расширявшую их политический кругозор.

В Петрограде латышские стрелки, идейно сплоченные и дисциплинированные, представляли собой грозную для врагов революции силу. Выступая против контрреволюционеров всех мастей, участвуя в политических и экономических мероприятиях Советской власти, помогая

навести революционный порядок в столице, они были верной и надежной опорой партии и Советского правительства.

Оценивая роль стрелков в Петрограде, бывший комендант Смольного П. Мальков писал: «Это они, мужественные латышские стрелки, вслед за героическими красногвардейцами Питера и доблестными моряками Балтики выполняли в суровую зиму 1917—1918 года, вечно впроголодь, самые сложные боевые задания сначала Военно-Революционного Комитета, затем ВЧК, Совнаркома и ВЦИК. Это они, красногвардейцы, [73] матросы и латышские стрелки, бдительно несли охрану цитадели революции — Смольного, охрану первого в мире Советского правительства, охрану Ленина!..»{50}

* * *

Верные долгу пролетарского интернационализма, латышские стрелки оказали братскую помощь финскому пролетариату, трудящимся Белоруссии и Донбасса в их вооруженной борьбе с контрреволюцией.

21 января из Петрограда в Финляндию отправился первый отряд 6-го латышского полка (206 стрелков с 1 минометом, 2 бомбометами, 3 пулеметами), а 14 февраля — второй отряд (40 стрелков с 1 пулеметом). Латышские стрелки вместе с финскими красногвардейцами участвовали в тяжелых боях у станций Сан-Михель и Мянтихарью под Таммерфорсом (Тампере). Командующий войсками Петроградского военного округа К. Еремеев в сводке оперативного отряда округа за январь 1918 года отметил блестящую организованность и боеспособность латышских стрелков. В ней указывалось, что «6-й Тукумский латышский стрелковый полк... когда в Финляндии вспыхнуло контрреволюционное восстание белой гвардии, ... без малейшей задержки выделил из себя отряд, по численности превышающий отряды других полков гарнизона, и послал в Финляндию. Действовавший против белой гвардии отряд сделал уже самые блестящие успехи, но вследствие понесенных в боях потерь потребовал подкреплений... 6-й Тукумский полк вновь постановил послать на поддержку товарищей один батальон... Латышские национальные полки... спешили на помощь своим товарищам в борьбе за лозунг: «Вся власть народу»»{51}.

После начала немецкого наступления Советская Россия не имела возможности оказывать широкую помощь революции в Финляндии. Между тем финских белогвардейцев поддерживали своими войсками шведское и германское правительства. 23 апреля пал Таммерфорс, нависла угроза над Гельсингфорсом (Хельсинки). Опасность угрожала форту Ино, прикрывавшему подступы к Петрограду.

Для защиты форта от финских белогвардейцев и немецких войск нужна была надежная сила. 25 апреля 6-й латышский полк получил приказ выступить в форт. Ему предстояло охранять клочок земли, со всех сторон окруженный финскими белогвардейцами. Связь была возможна только морем. Утром 27 апреля полк прибыл в форт Ино. Латышские стрелки несли охрану форта Ино до 14 мая, когда по приказу командования он был взорван. Полк вернулся в Петроград.

Участвуя в гражданской войне в Финляндии, латышские стрелки выполнили свой интернациональный долг по отношению к финскому пролетариату. И вместе с тем их действия имели существенное значение для защиты Петрограда от финских белогвардейцев и поддерживавших их иностранных империалистов. [74]

Латышские стрелки оказали помощь в борьбе с контрреволюцией в Белоруссии. Советская власть там была установлена в конце 1917 года, за исключением районов, оккупированных немецкими войсками. Однако контрреволюция оказала ожесточенное сопротивление. Свои главные надежды она возлагала на польский корпус, сформированный еще при Временном правительстве из поляков-военнопленных и солдат русской армии. Корпус был расположен в районе Рогачев — Жлобин — Бобруйск. В его 3 пехотных дивизиях и кавалерийской бригаде было 27 тыс. штыков и сабель. Командование корпуса отказалось выполнять постановление Советской власти о демократизации армии, поддерживало связь с контрреволюционерами Дона и Украины.

Создалось чрезвычайно опасное положение. Захватив 13 января Рогачев и Бобруйск, основные силы корпуса двинулись на Жлобин и Могилев, перерезали железные дороги и не пропускали эшелоны с продовольствием с Украины для Петрограда и Прибалтики, для армий Западного и Северного фронтов.

Необходимо было принять срочные меры. 14 января общее руководство ликвидацией мятежа было возложено на Р. Берзиня. Были приведены в боевую готовность красногвардейские отряды.

На подавление мятежа были брошены, кроме красногвардейских отрядов, наиболее крепкие революционные части старой армии, вызванные с фронта, в том числе части латышских стрелков. 9 января из Цесиса выехал Сводный отряд латышских стрелков в составе 1-го батальона 4-го полка и 1-го полка. На другой день отряд прибыл в Могилев. Там 3000 латышских стрелков, батальон петроградских красногвардейцев, отряд матросов и несколько батарей образовали Головной революционный отряд латышских стрелков общей численностью 3800—4300 штыков. Командовать отрядом было поручено командиру 1-го батальона 4-го латышского полка Я. Лацису, комиссаром был назначен К. Дозитис. Общее оперативное командование советскими

войсками, действовавшими против мятежников, было возложено на И. Вациетиса.

20 января в Могилеве состоялся парад революционных латышских стрелков, который принимал верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко. В своей речи он разъяснил контрреволюционные планы мятежников, цель и значение предстоящих боев. Подчеркнув роль латышского пролетариата в освободительном движении, Н. В. Крыленко приветствовал стрелков как авангард революции. Стрелки обещали верховному главнокомандующему своими делами доказать преданность революции.

Основной силой советских войск являлся Головной революционный отряд в Могилеве, которому была поручена главная задача — нанести удар на Рогачев. Численность советских войск была почти в 3 раза меньше сил противника, но они имели превосходство в артиллерии.

Наступающие советские войска местное население повсюду встречало исключительно тепло, приветствуя их как своих освободителей от произвола и террора польских легионеров. Радушие и дружеское отношение трудящихся Белоруссии еще более укрепляли боевой дух латышских стрелков.

26 января советские войска подошли к Рогачеву на расстояние [75] 6—8 километров. И. Вациетис дал приказ взять Рогачев внезапной ночной атакой. В 4 часа утра 29 января после энергичной артиллерийской подготовки в город ворвалась ударная группа, состоявшая из команд конных и пеших разведчиков, саперных и гренадерских команд 1-го латышского и 19-го сибирского полков. Ударная группа захватила железнодорожный мост через Днепр, станцию, штаб польской дивизии и важнейшие учреждения. Вслед за тем в город вошли основные силы Головного революционного отряда.

Успех операции был полный. Ночная атака оказалась совершенно неожиданной для белополяков. Советские войска захватили 4000 пленных и богатые трофеи. Остатки польской дивизии в панике бежали к Бобруйску. На преследование их была направлена часть 1-го латышского полка.

С юга на Рогачев вел наступление Гомельский красногвардейский отряд, который после упорных боев выбил белополяков из Жлобина. Головной и Гомельский отряды соединились в Рогачеве, тем самым полностью очистив железную дорогу на Украину. Уже 30 января первый поезд с продовольствием смог отправиться на север.

Быстрая и своевременная ликвидация мятежа имела важное значение для развития революции во всей Советской России. Промедление в действиях против польского корпуса могло бы иметь опасные последствия,

подобные тем, что имел мятеж чехословацкого корпуса. Решительные действия советских войск помогли своевременно устранить эту угрозу.

* * *

Большую опасность для Советской республики представлял мятеж генерала Каледина на Дону. Захватив 2 декабря Ростов, белые повели наступление на Донбасс, угрожая отрезать Центр от основных источников угля и нефти, богатых продовольственных районов. На помощь трудящимся Дона Советское правительство направило красногвардейские отряды и наиболее надежные революционные части старой армии. В их числе были латышские стрелки.

В начале января народный комиссар по борьбе с контрреволюцией на Юге России В. А. Антонов-Овсеенко направил в Цесис своего представителя П. Пурвиня с письмом Исколату. В письме говорилось:

> «На помощь рабочим Донецкого бассейна, на борьбу с калединцами, разрушающими край труда, придите, братья латышские пролетарии! 2 полка латышей через неделю решили бы дело. Тыл дает и может дать только Красную гвардию, гарнизоны уже полураспущены или слабы духом. Помогите нам, братья-латыши! Голосом тысяч семей, обездоливаемых разбойничьими бандами, голосом борьбы, поднятой донецкими пролетариями, призываю вас на помощь.
>
> Да здравствует пролетарская солидарность!
>
> Да сгинут враги революции!»{52}

На удостоверении П. Пурвиня, которому было поручено организовать отправку дополнительных войск, в том числе и латышских стрелков, на [76] борьбу с Калединым, была резолюция В. И. Ленина: «Считаю очень важным это дело и очень прошу принять энергичные меры, чтобы исполнить просьбу товарища»{53}.

Исколастрел решил направить на калединский фронт 3-й полк. Командиром полка был избран старый большевик, член партии с 1904 года К. Калнынь. 11 января 3-й полк (2264 стрелка) выехал из Цесиса через Петроград и Москву на фронт. 13 января в Петрограде представители 3-го полка были приняты В. И. Лениным. Он пожелал стрелкам боевых успехов и выразил уверенность, что они нанесут калединским бандам сокрушительный удар{54}.

20 января 3-й полк прибыл в Донбасс, на станцию Никитовка, где на другой день В. А. Антонов-Овсеенко устроил парад полка и призвал стрелков к победоносной борьбе с врагом.

Ко времени прибытия 3-го полка на Дону сложилось следующее положение. Советские войска (6365 штыков, 100 сабель, 62 пулемета, 22 орудия), очистив от калединцев при помощи восставших рабочих Донбасс, вели наступление на Ростов и Новочеркасск. 3-й латышский полк вошел в состав группы Р. Сиверса, наступавшей на Ростов через Таганрог с запада. В конце января — первой половине февраля латышские стрелки вместе с красногвардейцами и матросами вели упорные бои с отступающими калединцами.

Придавая исключительно важное значение освобождению Ростова в момент, когда уже шло немецкое наступление, В. И. Ленин 23 февраля телеграфировал В. А. Антонову-Овсеенко: «Сегодня же во что бы то ни стало взять Ростов»{55}. Приказ вождя революции был выполнен. 24 февраля Ростов был полностью освобожден от калединских войск.

1 марта командир 3-го латышского полка К. Калнынь был назначен командующим войсками, действующими против Корнилова, затем — командующим войсками Кубано-Черноморской республики, а позднее — командующим Северо-Кавказским фронтом.

В конце февраля — начале марта латышские стрелки вели ожесточенные бои с калединцами юго-восточнее Ростова. В середине марта командир полка отмечал в своем донесении, что полк находится на станциях Крыловская и Сосыка. Железнодорожная линия от Ростова до Тихорецкой была очищена от противника.

В период триумфального шествия Советской власти латышские стрелки своей борьбой за упрочение народной власти в Петрограде, помощью финскому пролетариату, участием в разгроме контрреволюционных мятежей в Белоруссии и на Дону дали блестящий образец верности долгу пролетарского интернационализма. В целом в конце 1917 — начале 1918 года свыше 9000 латышских стрелков приняли участие в вооруженной борьбе с контрреволюцией вне территории Латвии. [77]

Судьба социалистической революции была неразрывно связана с проблемой завоевания мира. «Мир — главное»{56}, — так определил В. И. Ленин основную задачу партии.

С первых дней своего существования Советское правительство последовательно боролось за претворение в жизнь Декрета о мире, провозглашенного II съездом Советов. Оно предложило всем воюющим странам [78] вступить в мирные переговоры и подписало договор о перемирии с Германией, по которому всякие военные действия приостанавливались с 4 декабря 1917 года.

Заключению мира яростно сопротивлялись все контрреволюционные силы в России. Они надеялись спровоцировать наступление немецкой армии, чтобы с помощью Германии ликвидировать Советскую власть. В то

же время германские империалисты стремились навязать нашей стране наиболее тяжелые, грабительские условия мира и, в частности, отторгнуть от нее Прибалтику.

Угроза немецкого наступления была главной опасностью, нависшей над страной Советов в конце 1917 — начале 1918 года.

Прочной гарантией от посягательств внутренней и внешней контрреволюции могли стать только сильные и надежные вооруженные силы. Но их создание было далеко не легким делом.

Прежде всего была предпринята попытка использовать для защиты завоеваний Октября наряду с Красной гвардией старую армию, проведя в ней полную и последовательную демократизацию (переход всей власти к солдатским комитетам и введение выборности командного состава). Однако демократизация сама по себе еще не решала и не могла решить главной задачи — создания вооруженных сил диктатуры пролетариата.

Одновременно было начато строительство новых вооруженных сил Советской республики. 15 декабря общеармейский съезд по демобилизации армии призвал создать социалистическую армию для защиты завоеваний Октября. 15 января 1918 года Совет Народных Комиссаров издал декрет о создании Красной Армии.

Слом старой армии был ускорен массовым дезертирством. Тысячи солдат, уставших от войны, уходили с фронта. Они стремились скорее включиться в мирное строительство, делить землю, устанавливать Советскую власть. Армия на фронте все более сокращалась и теряла свою боеспособность. Стремясь придать роспуску старой армии планомерный характер, Советское правительство проводило демобилизацию солдат старших возрастов.

При общем разложении старой армии лишь отдельные полки с крепкими большевистскими организациями представляли еще боеспособную силу.

Распад старой армии в малой степени коснулся латышских полков, в которых поддерживался революционный порядок. Демократизация прошла там исключительно быстро. Еще до Октябрьской революции командный состав находился под контролем стрелковых комитетов. После революции были проведены его перевыборы. Комитету партийной организации и стрелковым комитетам во главе с Исколастрелом принадлежала полная власть в полках.

Вопрос о судьбе латышских полков был неразрывно связан с другим вопросом: что делать в случае, если Германия прервет мирные переговоры и поведет наступление?

В обстановке, когда шла демобилизация старой армии, большинство стрелков высказались за сохранение организационной целостности закаленных в боях и революционно настроенных латышских полков. На

расширенном [79] заседании Исколастрела 15 февраля была принята резолюция: «Латышские стрелки не могут быть демобилизованы по общему плану демобилизации армии, но, по очистке их от нежелательных элементов, они должны стать социалистической Красной гвардией... В случае оккупации Латвии латышские стрелки не должны сложить оружие и сдаться в плен германскому милитаризму, а должны присоединиться к пролетарской армии России»{57}. Благодаря этому постановлению, еще раз показавшему верность стрелков идеям пролетарского интернационализма, латышские полки были сохранены для дальнейшей борьбы за Советскую власть. К этому времени общая численность латышских частей в Латвии и остатков Запасного полка в Тарту составляла 9500 стрелков, а находившихся в Советской России — примерно 5500.

18 февраля австро-германская армия перешла в наступление. Основной удар был направлен на Петроград. Старая армия беспорядочно отступала. Для социалистической революции наступил один из самых опасных моментов. Вечером 18 февраля ЦК РСДРП (б), по предложению В. И. Ленина, постановил немедленно сообщить германскому правительству о согласии заключить мир.

20 февраля перед стрелками Сводной латышской роты в Смольном выступил В. И. Ленин. Он призвал их поддержать Советскую власть в вопросе о мире. «Измученному русскому народу, — сказал В. И. Ленин, — мы должны дать мир во что бы то ни стало, этим мы укрепим революцию и начнем строительство новой молодой России»{58}.

Речь В. И. Ленина и его статьи в «Правде» о положении в стране и на фронте убедительно доказывали необходимость скорейшего заключения мира. Латышские стрелки вместе со всем трудовым народом полностью поддержали политику Коммунистической партии.

Между тем германское наступление продолжалось по всему фронту. В первый же день немецкие войска в Прибалтике продвинулись на 75 км, в последующие дни темп их продвижения почти не замедлился. Лишь отдельные части старой армии оказывали сопротивление.

Над Советской Россией нависла смертельная опасность. 21 февраля Совет Народных Комиссаров обратился к народу с написанным В. И. Лениным декретом-воззванием «Социалистическое отечество в опасности»{59}, с призывом защитить Советскую республику от наступающих немецких войск. Призыв партии и Советского правительства вдохновил трудящиеся массы на защиту своей родины. Многие члены партии, рабочие, демобилизованные солдаты вступили тогда в Красную Армию, создавались боевые отряды, которые включились в борьбу с вражескими немецкими войсками. Упорное сопротивление немецким войскам оказывали латышские стрелки.

20 февраля немецким войскам было оказано сопротивление у Цесиса, где находился 8-й латышский полк. Красногвардейцы и латышские [80] стрелки обстреляли передовые части немцев у железнодорожной станции и разрушили отдельные мосты между Цесисом и Валмиерой. В ночь на 21 февраля Цесис пал. Южнее Цесиса противник, захватив без выстрела Даугавпилс, уже 21 февраля взял Резекне. Вечером 21 февраля немецкие войска подошли к Валмиере, где им снова было оказано сопротивление. Всю ночь Красная гвардия вела бой, но силы были слишком неравны, и к утру следующего дня немцы захватили город.

В. И. Ленин говорил об итогах 3 дней немецкого наступления: «Армии нет; немцы наступают по всему фронту от Риги»{60}.

После взятия Валмиеры немецкие войска подошли к Валке. Здесь 21 февраля находились Исколат, Искосол XII армии, Исколастрел, редакция «Бривайс стрелниекс», штабы 1-й и 2-й дивизий, 2-й, 5-й и 7-й полки. Исколастрел принял немедленные меры к эвакуации и организации обороны города. Его оперативные действия и сопротивление латышских стрелков и красногвардейцев, несколько задержавшее войска противника, позволили своевременно вывезти в Советскую Россию все советские учреждения, штабы и воинские части. Из Валки были выведены 70 паровозов и весь подвижной состав. Газета «Правда» 23 и 24 февраля особенно отмечала стойкое сопротивление, оказанное отрядом в 300 латышских стрелков немецким захватчикам под Валкой.

С уходом из Валки 2-го латышского полка 22 февраля последняя часть латышских стрелков покинула Латвию, которая была полностью оккупирована немецкими войсками.

При отступлении из Латвии свое истинное лицо показали буржуазные националисты. Еще недавно они обвиняли стрелков в недостатке патриотизма, в нежелании пролить кровь на полях войны. А теперь, когда революционные полки в полном боевом порядке отходили в Советскую Россию, чтобы там продолжить борьбу за социалистическую Латвию, националисты пытались уговорить их остаться в оккупированной Латвии и даже стреляли им в спину, а оккупантов приветствовали как освободителей.

Впоследствии буржуазные националисты нередко пытались объяснить переход латышских полков в Советскую Россию верностью «союзническому долгу», желанием продолжать войну с Германией до «победного конца». Они игнорировали классовое размежевание в среде латышских стрелков. Рядовые стрелки стали стойкими борцами за Советскую власть. Борясь вместе со всей революционной Россией за ее свободу и независимость, латышские стрелки тем самым приближали день освобождения своего родного края. В то же время многие латышские офицеры-националисты встали по другую сторону баррикад, перешли в

лагерь контрреволюции, участвовали в заговорах и мятежах, вели агитацию среди стрелков за возвращение в оккупированную Латвию.

Во время германского наступления ЦК СДЛ обратился к пролетариату всех стран с призывом протестовать против захватнических планов германского империализма, стремившегося аннексировать Латвию. И [81] вместе с тем ЦК СДЛ заявил, что он стоит за прекращение войны и что судьба Латвии не должна быть поводом для продолжения войны. Это воззвание явилось образцом пролетарского интернационализма. «Известия ВЦИК» писали о нем: «Теперь, когда на Советскую власть сыплются со всех сторон упреки за ее согласие подписать предложенные, немцами тяжелые условия мира, — как раз вовремя прозвучал голос наших латышских товарищей... Они не хотят, чтобы русские рабочие и крестьяне, измученные трехлетней войной, приносили новые кровавые жертвы на алтарь мировой войны, ставили на карту свою социалистическую республику, хотя бы и для освобождения малых наций от гнета империализма»{61}.

Латышские стрелковые полки отступали в Советскую Россию через Псков, на который после падения Валки и Резекне был направлен удар германских войск. 23 февраля немцы достигли станции Остров (60 км южнее Пскова), а 24 февраля заняли Выру (Верро) между Валкой и Псковом. 21 февраля в Пскове на совместном заседании Искоборсева (Исполнительного комитета Советов и солдатских комитетов Северо-Западной области), Искосола XII армии и Исколастрела было решено организовать оборону Пскова. Однако для этого не было достаточных сил. Немедленно по прибытии в город, утром 24 февраля, командование 2-го латышского полка отправилось в Искосол XII армии. Затем отряд латышских стрелков присоединился к основному эшелону полка. Получив приказ С. Нахимсона направиться в Бологое, полк в 17 часов оставил город.

В сводке германской главной квартиры (ставки), подписанной Гинденбургом, было отмечено, что южнее Пскова германские войска натолкнулись на упорное сопротивление.

7-й полк, отступавший по шоссе из Валки, подошел к Пскову в 18 — 19 часов 24 февраля. После перестрелки с передовыми частями немцев полк свернул на Нарвское шоссе и продолжил отступление в район Луги.

Среди отрядов, направленных из Петрограда к Пскову, находился батальон 6-го латышского полка (200 стрелков при 4 пулеметах, 2 траншейных орудиях и 1 миномете), который утром 26 февраля прибыл на станцию Новоселье в 50 км от Пскова. Командир батальона К. Герцберг был назначен командующим главными силами Псковского отряда. В мае батальон был развернут в полк.

В Эстонии, в Тарту, во время германского наступления находились остатки Запасного латышского полка (около 600 стрелков). 2 роты этого полка при приближении немецких войск вместе с местными красногвардейцами образовали красногвардейский отряд численностью в 500 человек и отступили к Нарве. Значительная часть стрелков Запасного полка не успела эвакуироваться. Одни из них впоследствии вступили в руиенский партизанский отряд, действовавший в тылу врага, а другие мелкими группами и в одиночку пробирались в Советскую Россию. Запасной полк полностью прекратил свое существование как боевая [82] единица. 24 февраля немецкие войска захватили Тарту, а на другой день — Таллин.

Оборону Нарвы возглавили председатель Нарвского исполкома латышский большевик А. Дауманис, К. С. Жарновецкий и другие. В качестве чрезвычайных комиссаров Советское правительство направило старых латышских большевиков: в Нарву — К. Петерсона, в Гдов — Я. Фабрициуса. Силы защитников Нарвы к моменту подхода немецких войск составляли 250 красногвардейцев, 120 латышских стрелков, 80 гусаров и несколько сот солдат 45-й стрелковой дивизии. К ним на помощь из Петрограда были направлены отряды матросов П. Е. Дыбенко, красногвардейцы Путиловского завода и другие.

Юрьево-Путиловский отряд был сформирован за 2—3 дня из рабочих Путиловского завода в Петрограде, из тартуских красногвардейцев, бойцов эстонского запасного батальона и стрелков Запасного латышского полка. Отряд принял участие в боях на подступах к Нарве. 4 марта немцам удалось захватить город.

В Белоруссии 1-й и 4-й латышские полки, только что участвовавшие в разгроме белополяков, оказали упорное сопротивление наступающим немецким войскам.

Во время немецкого наступления латышские полки, оказывая сопротивление оккупантам, организованно, со всем вооружением и военным имуществом отступили в Советскую Россию, чтобы там продолжать борьбу с контрреволюцией за свободу русского и латышского народов.

2. Создание Латышской стрелковой советской дивизии

После отступления из Латвии латышские полки и их учреждения в начале марта были сконцентрированы в следующих пунктах: в Москве (1-й, 2-й, 3-й полки, 1-й коммунистический отряд — бывшая Сводная рота в Смольном, Головной революционный отряд, Комитет партийной организации, Исколастрел и т. д.), в Бологом (штаб 2-й дивизии, 5-й и 8-й полки, часть Исколастрела), в Новгороде и Великих Луках (7-й полк), в Петрограде и Торошине (6-й полк), в Вологде и Рыбинске (части 2-го

полка). Мелкие группы, оторвавшиеся от своих полков при отступлении, были рассеяны по многим городам Советской России.

Всего в латышских частях, находившихся после заключения Брестского мира в Советской России, было 11,7 тыс. стрелков, в том числе в 1-й латышской дивизии в Москве — 5700 человек, во 2-й (в треугольнике Петроград — Торошино — Бологое) — 6000. Около 3400 стрелков выбыли из своих частей во время немецкого наступления. Некоторые из них остались в Латвии, другие попали в плен, третьи отстали от своих частей и пробирались в Советскую Россию. Численный состав латышских частей сократился в среднем на 22%. Образовались новые части, выделившиеся из старых полков: Лиепайский полк — из 7-го полка, Торошинский полк — из 6-го, Вологодский батальон — из 2-го. [83]

Первое же заседание Исколастрела, состоявшееся в Москве 1 марта, было посвящено обсуждению мероприятий, необходимых для перехода латышских стрелков в Красную Армию. Исколастрел призвал латышских стрелков защищать завоевания нынешней социалистической революции, идти в бой против вторгающихся немецких войск, а также против восстаний русской контрреволюции, вступать в ряды Красной Армии. На том же заседании была определена роль Исколастрела в реорганизации латышских полков: «Исколастрел в процессе организации латышских стрелковых красных полков — есть высший временный организационный и политический центр этих полков. Исколастрел выделяет во все латышские стрелковые красные полки организационные комиссии, которые поручают комитетам дивизий на местах осуществлять работу комиссий по регистрации, формированию и снабжению, выполняя задачи соответствующих отделов»{62}. 3 марта решено было создать при [84] Исколастреле комиссии по регистрации, формированию, снабжению, агитации и юридическую комиссию.

Решения Исколастрела 1—3 марта были весьма своевременными и имели важное значение для сохранения революционных латышских полков. Вопрос совершенно правильно ставился не о расформировании, а о реорганизации старых латышских полков при сохранении сложившихся боевых единиц.

Партийная организация, стрелковые комитеты и Исколастрел приступили к реорганизации латышских полков старой армии в боевые части Красной Армии. Одновременно с демобилизацией старых полков проводилась запись добровольцев в новые полки, которые перенимали от старых все вооружение и полковое имущество. К этому времени дисциплинированные и сознательные полки латышских стрелков, имевшие большой опыт борьбы с контрреволюцией, фактически уже вошли в состав Красной Армии. Враждебные и колеблющиеся элементы в основном ушли из них еще во время революции и при отступлении из Латвии. Около 70%

стрелков сразу же записались добровольцами в новые полки, а из остальных многие вступили в них позднее. Организация латышских полков Красной Армии явилась примером полного завоевания большевистской партией некоторых частей старой армии посредством их последовательной демократизации. Переход латышских полков в Красную Армию благодаря огромной работе полковых комитетов и Исколастрела произошел без организационного распада, поэтому латышские полки — одни из первых регулярных частей Красной Армии — уже весной и летом 1918 года могли быть направлены на самые ответственные участки борьбы с контрреволюцией.

Первым был реорганизован в боевую часть Красной Армии 6-й Тукумский полк в Петрограде. Еще 20 февраля общее собрание его партийной фракции, объединявшей около 150 коммунистов, единогласно высказалось за то, чтобы 6-й полк в полном составе вошел в Красную Армию. Немецкое наступление временно прервало реорганизацию, но уже 1 марта фракция приняла решение полк демобилизовать и сразу создать на его основе часть Красной Армии. На собрании фракции 13 марта была избрана чрезвычайная комиссия по организации нового полка. Решено было строить полк по троичной системе, вместо принятой по старым штатам четверичной: 3 отделения образовывали взвод, 3 взвода — роту, 3 роты — батальон, 3 батальона — полк. 6-й полк был одной из первых частей Красной Армии, применившей троичную систему при своей организации. Важным новшеством, примененным при организации нового полка, было сформирование полковой батареи (в старой армии полковой артиллерии не было).

Комиссия призывала стрелков с честью сохранить все традиции боевых латышских полков и указывала, что полк стоит на страже Советской власти и все приказания этой власти выполняет беспрекословно. В полк принимались не только латыши, но и добровольцы других национальностей, от которых требовались соответствующие рекомендации. Добровольцы обязывались прослужить в полку не менее 2 месяцев. Для добровольцев, [85] не проходивших ранее военную службу, устраивались регулярные занятия.

16 марта командующий Петроградским военным округом К. С. Еремеев на основании рапорта командира полка от 2 марта о решении фракции реорганизовать старый полк в латышский полк Красной Армии отдал приказ распустить старый 6-й полк и немедленно сформировать 6-й Тукумский социалистический полк, одновременно демобилизуя всех, не желающих остаться в нем на началах Красной Армии. Комиссия и партийная организация полка развернули агитацию за вступление во вновь формируемый полк. 18 марта в соответствии с приказом № 1 по полку была начата запись добровольцев. Только за первую неделю записалось

свыше 700 человек, а к началу апреля численность полка достигла 1250 стрелков.

В приказе № 2 по полку от 19 марта объявлялось, что высшей властью в полку остается фракция Российской Коммунистической партии, которой, а также назначенному комиссару от этой фракции должны подчиниться как командный состав полка, так и все солдаты. Коммунистической фракции принадлежало право избирать командный состав от командира полка и его помощника до командиров рот и команд и их помощников; младших командиров назначал комиссар полка по согласованию с командирами рот и команд. Комитет фракции контролировал выполнение оперативных приказов, деятельность штаба и хозяйственной части. Свою главную задачу коммунистическая фракция видела в том, чтобы во всем содействовать выборному командному составу и обратить все внимание на разрешение политических вопросов и агитацию среди стрелков. Командиром полка был избран П. Судраб, комиссаром — Я. Эглитис.

При демобилизации 6-го полка не было дележа полкового имущества и денег, обычно происходившего при расформировании частей старой армии. Стрелки 6-го полка считали это поступком шкурников, недостойных звания революционера. 3 апреля формирование нового полка было завершено. Состоялся парад и торжественное собрание. От имени ВЦИК, Совнаркома и Совета Петроградской трудовой коммуны В. Володарский приветствовал полк как «самый сознательный и передовой революционный отряд армии борцов против всемирного империализма»{63}.

Многое в реорганизации 6-го полка было характерным и для других латышских полков: демобилизация старого полка при одновременной записи добровольцев в новый, отказ от дележа полкового имущества и полковых денег и передача их в новый полк, условия приема добровольцев, троичная система военной организации. Различно, однако, решался вопрос о высшей власти в полках, о роли партийной организации и стрелковых комитетов. 6-й полк можно считать примером полного руководства партийной организацией всей жизнью вновь организованного полка, включая оперативную и хозяйственную. Это приводило к так называемой «диктатуре фракции», т. е. к подмене военного руководства в армии партийным. Впоследствии за эту систему партийную организацию [86] 6-го полка критиковали делегаты партийной конференции латышских стрелков, а окончательно «армейский синдикализм» был осужден на VIII съезде партии.

Во второй половине марта — начале апреля 1918 года в основном была завершена реорганизация старых латышских стрелковых полков в полки Красной Армии.

Реорганизация старых латышских полков в части Красной Армии вновь выдвинула вопрос об их объединении. На заседаниях Исколастрела, на общих и партийных собраниях неоднократно высказывались мнения, что создание сильного боевого соединения латышских стрелков явилось бы важным вкладом в борьбу за власть Советов. В тот же день на заседаниях комитета 1-й латышской дивизии и Комитета партийной организации латышских полков было предложено объединить новые латышские полки в Латышскую дивизию Красной Армии, сохранив в ней систему стрелковых комитетов с Исколастрелом.

Приказом Народного комиссариата по военным делам № 263 от 13 апреля 1918 года латышские полки были объединены в Латышскую стрелковую советскую дивизию — первую дивизию Красной Армии. В дивизии предусматривались все роды войск: 9 стрелковых полков, кавалерийский полк, артиллерийская бригада, инженерные и технические части. «Латышская дивизия, — писал И. Вациетис, — была первым регулярным [87] и организованным по правилам военного искусства боевым соединением Советской власти»{64}. Начальником дивизии был назначен И. Вациетис, комиссарами — К. Петерсон и К. Дозитис, хорошо знакомые стрелкам и пользовавшиеся среди них большим авторитетом.

Как правило, в Красной Армии не допускалось формирования национальных частей и соединений из беженцев и эмигрантов, однако в отношении Латышской дивизии Советское правительство сделало исключение. Коллегия Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР 7 мая 1918 года постановила, что в виде исключения допускается создание в рядах Красной Армии латышского соединения, так как Комиссариат по латышским национальным делам и латышская коммунистическая организация, безусловно, способны обеспечить ее политическую надежность и гарантировать, что она не попадет в руки националистов и буржуазии. Это решение было согласовано с Народным комиссариатом по военным делам и представлено Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету. 9 июня Президиум ВЦИК санкционировал решение о создании Латышской стрелковой дивизии. В тот же день на I Всероссийском съезде военных комиссаров комиссар [88] Латышской дивизии К. Петерсон заявил: «Мы не связываем своих действий с какой-нибудь территорией, но за долгие месяцы ожесточенной борьбы за социализм, за Советскую Россию спаялись в одну целую семью... Нас обзывают советскими жандармами — пусть! Ничьим отдельным интересам мы не служим. Наши силы отданы на борьбу за Советскую власть, за идеалы Интернационала; от борьбы с международным капиталом и нашей внутренней контрреволюцией мы не уходим и не уйдем никогда и всех призываем с собой на борьбу и победу»{65}.

В апреле — начале мая было закончено формирование стрелковых полков. Во всех полках были образованы пулеметные, хозяйственные, музыкантские команды, команды конных или пеших разведчиков, связи, в некоторых полках — бомбометные команды траншейных орудий; при 6-м и 7-м полках формировались легкие батареи. Уже в апреле был сформирован первый эскадрон кавалерийского полка на основе команды конных разведчиков 3-го полка. Позднее полк был доведен до четырехэскадронного состава. Штабы дивизии и трех бригад трехполкового состава формировались на базе штабов бывших 1-й и 2-й дивизий. Началось формирование артиллерийской бригады.

1 мая латышские стрелки приняли участие в военном параде и первой демонстрации трудящихся в Москве, слышали выступления В. И. Ленина и Я. М. Свердлова. В этот же день части Латышской дивизии приняли присягу — клятву верности революции и Советской власти. Вечером стрелки устроили в Екатерининском зале Кремля концерт-митинг, на котором выступил В. И. Ленин. Владимир Ильич рассказал, как во время ссылки в Сибири встречал Первое мая с группой ссыльных, он призвал стрелков отдать все силы созданию Красной Армии и укреплению Советской власти{66}.

В ходе формирования Латышской дивизии возникли большие материальные трудности: не хватало боевой техники, вооружения, обмундирования, продовольствия, денег. Но эти трудности были преодолены все-таки быстрее, чем при формировании других соединений Красной Армии, благодаря тому, что латышские полки при реорганизации сохранили все свое вооружение и полковое имущество. Чрезвычайно сложным делом было объединение в дивизию латышских полков и отрядов, разбросанных по разным городам Советской России, где они имели более тесную связь с местными Советами, чем с Исколастрелом и штабом дивизии.

Все эти трудности преодолевались согласованной работой партийной организации, стрелковых комитетов и командования.

Формирование Латышской дивизии шло успешно и относительно быстрыми темпами. Стрелковые полки завершили свое формирование в апреле — начале мая, однако создание технических частей затянулось из-за недостатка материальной части и специалистов. В мае — июле были сформированы тяжелая батарея из 5 восьмидюймовых гаубиц и 1-й легкий артиллерийский дивизион (3 батареи по 4 орудия), но формирование 2-го и 3-го дивизионов продолжалось до ноября 1918 года. В конце [89] июня было закончено формирование 1-й, а в августе — 2-й батареи мортирного (гаубичного) дивизиона (всего — 8 шестидюймовых гаубиц), тогда же была создана противосамолетная батарея (4 зенитных орудия), в сентябре — тяжелый артиллерийский дивизион (12 орудий). Полностью

формирование артиллерийских частей завершилось в ноябре 1918 года, когда в составе дивизии было 24 легких и 12 тяжелых орудий, 5 восьми- и 8 шестидюймовых гаубиц и 4 зенитных орудия. В артиллерийских частях к этому времени насчитывалось около 2500 человек.

В июне — августе при дивизии была сформирована авиагруппа в составе 18 самолетов. В мае был создан отдел снабжения дивизии, в июне — батальон связи, в сентябре — начато формирование инженерного батальона и инженерного парка, в конце осени — завершено формирование санитарных и ветеринарных учреждений.

Быстро увеличивался боевой и численный состав дивизии. К 18 апреля в нее вступило 6000 человек. На 28 мая в ней было 3211 штыков, 120 сабель, 134 пулемета, 5 орудий, всего 7200 бойцов. К концу 1918 года, перед отправкой на Западный фронт, Латышская дивизия представляла собой крупное и сильное боевое соединение. В ее составе и в отдельных латышских частях и подразделениях было около 9000 штыков, 2000 сабель, свыше 400 пулеметов, около 80 орудий, 20 самолетов, всего 23 — 24 тыс. стрелков. Эти части явились основой армии Советской Латвии и участвовали в освобождении своей родины. «Единственным местом, — писал И. Вациетис, — где латыши могли тогда вооружиться и организоваться, была Советская Россия. Этого не должен забывать никто, кто хочет понять историю освобождения Латвии»{67}.

Характерно, что все попытки латышской националистической буржуазии создать вооруженные силы для борьбы против Советской власти не дали никаких результатов. В августе 1918 года на собрании латышских националистов в Самаре было решено создать латышский полк. Полк формировался при чехословацком корпусе. По данным зарубежных источников, на 1 января 1919 года в этом полку было всего 33 офицера, 26 сержантов и 54 стрелка. Сравнение этих цифр с общей численностью латышских стрелков в Советской России не нуждается в комментариях.

Комплектование Латышской дивизии в 1918 году происходило за счет различных источников. В апреле — мае она пополнялась главным образом добровольцами, демобилизованными из старых латышских полков, летом и осенью значительную часть вступающих в дивизию составляли эвакуированные и беженцы, а также солдаты-латыши, переводившиеся по их просьбе из других частей Красной Армии.

Важнейшим источником пополнения дивизии явились многочисленные латышские части и подразделения Красной Армии, сформированные в 1918 году на основе красногвардейских отрядов. Латышские полки были созданы в Витебске, Саратове, Симбирске. В Пензе, Тамбове, Уфе, Самаре, Архангельске и других городах формировались латышские батальоны, эскадроны и отряды. [90]

Общую численность латышей, служивших в Красной Армии вне Латышской дивизии, конечно, установить невозможно. Только в частях латышских стрелков, отколовшихся от старых полков и не вошедших еще в состав дивизии, и в многочисленных латышских отрядах и подразделениях, разбросанных по различным городам Советской России, весной и летом 1918 года было примерно 4500—5000 человек.

С ноября 1918 года Латышская дивизия начала пополняться и за счет мобилизованных. Следует, однако, отметить, что в конце 1918 года мобилизованные составляли не более 10—15% Латышской дивизии (в целом по Красной Армии в это время было 83,4% мобилизованных и 16,6% добровольцев). Добровольческий состав являлся важной особенностью дивизии на протяжении всего 1918 года.

В Латышскую дивизию вступали люди различных национальностей, социального положения и возраста, все, кто, привлеченные славой латышских стрелков, хотели сражаться в их рядах за Советскую власть под знаменем пролетарского интернационализма.

Добровольцы принимались в Латышскую дивизию Исколастрелом и полковыми стрелковыми комитетами. Они должны были представить рекомендации партийных или советских учреждений или нескольких членов партии и стрелков. Вступающие обязывались прослужить в дивизии не менее 6 месяцев и получали оклад, как и во всей Красной Армии, 150 рублей в месяц. К приему добровольцев стрелковые комитеты подходили с большой ответственностью, особенно учитывая их социальное положение. Такой порядок улучшил социальный состав латышских полков, в которых даже в старой армии преобладали пролетарские и полупролетарские элементы. В 1918 году рабочие и беднейшие крестьяне составляли подавляющее большинство стрелков. Вместе с тем в полках были ремесленники, интеллигенты и даже выходцы из мелкой буржуазии.

Национальный состав Латышской дивизии был довольно однороден. Особенно это относится к полкам, сражавшимся на фронте, где большинство составляли стрелки старых полков. Во вновь сформированных частях дивизии (кавалерии, артиллерии, инженерных частях) в конце 1918 года было много русских и лиц других национальностей. В кавалерийском полку и в мортирном дивизионе преобладали русские. В Латышской дивизии служили также украинцы, белорусы, эстонцы, башкиры, татары, венгры, немцы и представители других национальностей.

Средний возраст латышских стрелков в 1918 году составлял 22 — 23 года. Нередко в их рядах сражались даже подростки. В 1916 году во время боев под Ригой стрелки 7-го полка подобрали тринадцатилетнего Франца Миезиса, который прошел с ними всю гражданскую войну. Когда он был

демобилизован в 1921 году, ему еще не исполнилось 18 лет. К этому времени Ф. Миезис имел за плечами четыре года боевой жизни, был трижды ранен и награжден золотыми часами за храбрость. Всего около 14 лет было Р. Блумбергу, когда он в августе 1918 года сражался под Казанью в 6-м полку, где служили его отец и старший брат. Под знамена того же полка также в 14 лет встал А. Шмит. Эльза Менгеле вступила в Латышскую дивизию и была принята в партию также в [91] 15 лет. Весной 1918 года в 3-м полку начала служить 17-летняя Зельма Пигене. Член большевистской партии с 1916 года, она в октябрьские дни в Москве участвовала в боях. В рядах 3-го полка она воевала на Западном и Южном фронтах. Молодость латышских стрелков, лишенных инертности и консерватизма, восприимчивых к новым, прогрессивным взглядам, в сочетании с пролетарским составом стрелков и идейным руководством зрелой партийной организации, являлась немаловажным фактором их революционности.

Положение с командным составом в Латышской дивизии в 1918 году в целом было лучше, чем во многих других соединениях Красной Армии. Это объяснялось рядом причин.

Как уже отмечалось выше, основная часть старшего и среднего офицерства дезертировала из латышских полков и вступила в лагерь контрреволюции, но многие младшие офицеры, происходившие из пролетарских и полупролетарских слоев, вместе со стрелками встали на путь борьбы за социалистическую революцию. До создания Латышской дивизии они прошли 3 большие проверки: Октябрь 1917 года, переход из Латвии в Советскую Россию при немецком наступлении и реорганизацию старых латышских полков в части Красной Армии. За это время все офицеры не менее 2 раз переизбирались на командные должности. Колеблющиеся и не надежные элементы таким образом отсеялись, Переход латышских полков в Красную Армию без организационного распада позволил Исколастрелу и полковым комитетам назначить на командные должности бывших офицеров, которых стрелки хорошо узнали за несколько лет совместной боевой жизни и которым они доверяли. Наряду со старыми офицерами Исколастрел и партийная организация смело выдвигали на командные должности бывших унтер-офицеров и рядовых, особо проявивших свои способности в борьбе за Советскую власть.

Многие латышские командиры и политработники Латышской дивизии были выдвинуты на высокие командные должности в Красной Армии.

Важной особенностью Латышской дивизии, из всех соединений Красной Армии присущей в 1918 году только ей одной, была система выборных стрелковых комитетов во главе с Исколастрелом.

Выборные солдатские комитеты возникли в старой армии еще весной 1917 года, в ходе Февральской революции, и сыграли значительную роль в развитии политической активности солдатских масс, в освобождении армии от влияния офицерства и буржуазии и завоевании ее на сторону революции. После Октября институт выборных комитетов был распространен на все части демократизируемой старой армии. Но весной 1918 года, в период демобилизации старой армии, система солдатских комитетов в основном была ликвидирована.

В Красной Армии, с самого начала создававшейся на принципах единоначалия и демократического централизма, система комитетов не была предусмотрена. В отношении латышских полков, которые вошли в состав Красной Армии, сохранив старое организационное устройство, Советское правительство сочло возможным сделать исключение. Президиум ВЦИК 9 июня 1918 года, «исходя из особых условий сформирования [92] латышских стрелковых полков», сохранил в Латышской стрелковой дивизии систему выборных стрелковых комитетов, которая продолжала существовать до середины 1919 года. Это объяснялось рядом причин.

Стрелковые комитеты были не только символами и носителями революционных традиций, не только сыграли важную роль в демократизации латышских полков, в борьбе с контрреволюционным офицерством, в мобилизации революционных сил во время Октябрьской революции, но и проделали громадную работу по реорганизации старых латышских полков в части Красной Армии. Стрелковые комитеты руководили выборами командного состава и контролировали его действия, ведали хозяйственными делами, укрепляли воинскую дисциплину. Заслуги стрелковых комитетов и Исколастрела в период Октябрьской революции в создании латышских советских полков и объединении их в дивизию объясняют чрезвычайный авторитет и популярность комитетов среди стрелков. Деятельность комитетов проходила в связи и под контролем партийной организации Латышской дивизии. Сохранение стрелковых комитетов в 1918 году в некоторой степени было обусловлено и тем обстоятельством, что в силу военной необходимости латышские полки были разбросаны по разным городам и фронтам, временно прикомандировывались к местным Советам или входили в оперативное подчинение того или иного соединения, что создавало дополнительные трудности в хозяйственной и культурно-просветительной работе.

Первая партийная конференция латышских стрелков в апреле 1918 года высказалась за сохранение института стрелковых комитетов в Латышской стрелковой советской дивизии. Резолюция конференции легла в основу «Положения о конструкции латышских стрелковых полков», принятого I Советом (съездом представителей) латышских стрелков 16 —

19 мая и дополненного позднее «Инструкцией полковым комитетам» и «Инструкцией ротным и командным комитетам и отдельным выборным представителям», разработанными Исколастрелом.

Высшей властью в дивизии являлся Совет латышских стрелковых советских полков и его исполнительный орган — Исколастрел, избранный Советом в составе 9 человек. Председателем Исколастрела I Советом был избран Ю. Заринь, его заместителем — Я. Думинь. Исколастрелу поручалось вести всю организационную, административную и культурно-просветительную работу в дивизии. В дивизии были предусмотрены 2 комиссара с одинаковыми правами: один избирался Исколастрелом, а другой (правительственный комиссар) назначался Народным комиссариатом по военным делам. Оба комиссара пользовались в Исколастреле правом решающего голоса.

Ротные и командные комитеты избирались на общих собраниях в составе 3 членов (председатель, секретарь и член-контролер) и составляли Совет полка, который избирал полковой комитет в составе 5 членов: председатель, товарищ председателя, секретарь, кассир, контролер по хозяйственной части. Полковой комитет являлся высшим органом власти в полку. Председатель (или его заместитель) подписывал вместе с командиром все приказы по полку и имел право контроля над всей перепиской. На заседаниях полкового комитета представитель коммунистической [93] фракции обладал правом решающего голоса. Комитетам было предписано не вмешиваться в оперативную деятельность командного состава, за исключением распоряжений явно контрреволюционного характера.

Стрелковым комитетам в Латышской дивизии было предоставлено право назначения командного состава: ротные и командные комитеты назначали командиров взводов, полковые — командиров рот, команд и батальонов, а Исколастрел — командиров полков, бригад и даже дивизии (фактически командир дивизии в 1918 году назначался народным комиссаром по военным делам).

Всю свою работу стрелковые комитеты вели в тесной связи и под руководством партийной организации. Вопросы руководства стрелковыми комитетами часто обсуждались полковыми партийными собраниями. Являясь формально беспартийными организациями, стрелковые комитеты состояли в основном из коммунистов и в своей работе всегда руководствовались решениями партийной организации дивизии и полковых фракций.

Институт комиссаров в Латышской дивизии в 1918 году не получил широкого развития ввиду наличия очень сильной и влиятельной партийной организации и стрелковых комитетов. Комиссары дивизии К. Петерсон и К. Дозитис пользовались большим личным авторитетом у стрелков, но их

обязанности и обязанности бригадных и полковых комиссаров не были четко определены ни решениями партийной организации, ни Исколастрелом. Комиссары главным образом следили за укреплением воинской дисциплины. Кандидатов на должность комиссаров полков и бригад обычно выдвигали партийные собрания полков, затем Комитет организации утверждал кандидатуру комиссаров, а назначались они на должность приказом комиссаров Латышской дивизии. Как правило, комиссарами полков назначали председателей полковых комитетов.

В течение всего 1918 года стрелковые комитеты и Исколастрел выполняли огромную работу. Они назначали и смещали командный состав, принимали добровольцев, контролировали хозяйственную часть, помогали проводить военное обучение, укрепляли воинскую дисциплину и вели культурно-просветительную работу. Тем самым они сыграли большую положительную роль в создании Латышской дивизии и повышении ее боеспособности. Через стрелковые комитеты партия осуществляла свое влияние на широкие массы стрелков и проводила в жизнь принятые решения.

3. Партийно-политическая работа

В годы гражданской войны В. И. Ленин отмечал, что «там, ...где наиболее заботливо проводится политработа в войсках..., там нет расхлябанности в армии, там лучше ее строй и дух, там больше побед»{68}. Эти [94] слова полностью относятся к деятельности партийной организации Латышской дивизии, воспитавшей стрелков стойкими и сознательными борцами за революцию.

В связи с созданием дивизии возникла необходимость созыва партийной конференции латышских стрелков для определения задач партийной организации в новой обстановке. 20 апреля на заседании Российского бюро{69} ЦК СДЛ при участии Р. Баузе, О. Карклиня, Ф. Розиня, Я. Петерса и представителей Комитета партийной организации латышских стрелков Э. Викманиса и Г. Валдбаха была обсуждена повестка дня конференции. Комитет организации обратился к ЦК РКП(б) с просьбой делегировать своего представителя на предстоящую конференцию. В полках прошли собрания фракций, на которых коммунисты давали наказы своим делегатам по всем пунктам повестки дня конференции.

Конференция партийной организации Латышской дивизии открылась в Москве, в Екатерининском зале Кремля 25 апреля 1918 года. Это была первая дивизионная партийная конференция в Красной Армии. На ней присутствовали 52 делегата с решающим голосом и 12 — с совещательным, представлявшие 790 членов партии. Фактически в Латышской дивизии в конце апреля было свыше тысячи коммунистов (некоторые части не были представлены на конференции).

В работе конференции приняли участие члены ЦК СДЛ П. Стучка, Ф. Розинь и Я. Круминь (Пилат). Почетными председателями конференции были избраны В. И. Ленин, П. Стучка, К. Либкнехт и другие. От имени ЦК РКП(б) коммунистов приветствовал Я. М. Свердлов.

В резолюции по вопросу о Латвии коммунисты вновь подтвердили свой пролетарский интернационализм, разоблачив попытки буржуазных националистов сгладить остроту классовой борьбы словами об общенародных интересах.

Конференция одобрила объединение латышских стрелков в дивизию и приняла резолюцию о конструкции полков, в которой подтверждалось, что вся власть в дивизии принадлежит выборным стрелковым комитетам во главе с Исколастрелом.

Важное место в работе конференции заняли организационные вопросы, определение форм и методов работы организации.

Высшим органом партийной организации Латышской дивизии являлась конференция, которая избирала для ведения текущих дел Комитет организации в количестве 5 членов: председателя, товарища (заместителя) председателя, секретаря, товарища секретаря и казначея. В частях дивизии (полках) члены партии объединялись в коммунистические (большевистские) фракции, которые делились на ротные или командные ячейки. Общее собрание членов партии, являвшееся высшим партийным органом в части, избирало комитет фракции, состав которого был аналогичен Комитету организации. Ротные и командные партийные ячейки избирали на партийных собраниях комитеты ячеек в составе председателя, [95] его товарища и секретаря. Комитет фракции и комитеты ячеек составляли совет фракции, который собирался для решения наиболее важных вопросов партийной работы в части.

Партийная организация вела политмассовую работу среди стрелков, боролась за укрепление воинской дисциплины.

Конференция указала на необходимость установления тесной связи партийной организации латышских стрелков с Российским бюро ЦК СДЛ, Комиссариатом по латышским национальным делам при Наркомнаце, латышскими секциями, местными партийными организациями и частями Красной Армии с целью наилучшей координации партийной работы.

Конференция регламентировала прием новых членов в партию, указав на необходимость строгого и требовательного подхода к вступающим в ее ряды. Кандидатов по рекомендации 2 коммунистов принимали в партию на заседании комитета ячейки. Общий список кандидатов после этого вывешивался на 2 недели для ознакомления членов фракции. Общее собрание членов фракции выносило решение о приеме кандидата в партию и комитет фракции вручал ему членскую карточку. Если собрание считало кандидатов недостойными приема, то они исключались из списков, а

недостаточно проявивших себя оставляли в списках до следующего собрания.

Большое внимание конференция уделила работе коммунистов с беспартийными стрелками.

В новый состав Комитета партийной организации были избраны Э. Викманис, А. Фелдманис, Т. Гринтал, В. Озол, Г. Валдбах. Председателем Комитета стал Э. Викманис, опытный партийный работник, один из организаторов подпольных партийных кружков в латышских полках до Февральской революции. Решения конференции были утверждены ЦК РКП(б).

Число коммунистов в Латышской дивизии возрастало пропорционально росту общего состава, дивизии и достигло к концу 1918 года 2000 человек. Они составляли от 13 до 18% всего состава полков, а в частях, сражавшихся на фронте, — еще больше. Например, в 3-й латышской бригаде на Южном фронте осенью 1918 года коммунисты составляли около четверти всего состава.

Особенно высок был процент коммунистов среди командного состава. В 9-м полку, охранявшем Кремль, все командиры были коммунистами, а в частях 1-й бригады — около половины.

Из анализа 326 сохранившихся анкет видно, что партийная организация латышских стрелков в 1918 году являлась сильным коллективом сознательных и закаленных борцов за Советскую власть. Следует особо отметить значительный процент рабочих, высокий по тому времени их образовательный уровень и продолжительный (у большинства — свыше года) стаж пребывания в партии. Состав организации определял ее высокую политическую активность, зрелость и эффективность решений, авторитет в массах стрелков.

Выборные представители партийной организации латышских стрелков активно участвовали в работе местных партийных и советских органов, военных комиссариатов и гарнизонных Советов и информировали [96] стрелков об их работе. Местные партийные органы снабжали латышские полки газетами и литературой, а латышские коммунисты часто выступали в русских частях Красной Армии и перед населением с лекциями и докладами. Нередко коммунисты латышских полков переводились на постоянную работу в центральные и местные партийные и советские органы, на командную и политическую работу в другие части Красной Армии.

Установление прочных связей партийной организации латышских стрелков с местными партийными и советскими органами способствовало укреплению неразрывного единства стрелков с трудящимися Советской России, единства, основанного на сознании общности классовых целей. Об это единство разбились и попытки русских контрреволюционеров вызвать

чувство национальной вражды к латышам и стремление латышских националистов отвлечь стрелков от классовой борьбы.

Для организации и направления всей партийно-просветительной и политмассовой работы при Комитете организации была создана коллегия пропагандистов, которой руководил член ЦК СДЛ Р. Баузе, старый коммунист, делегат II съезда Советов, активный участник вооруженного восстания в Москве. В коллегии работали Ф. Розинь, П. Дауге, К. Печак, О. Карклинь, К. Янелис, М. Штраус и другие. Она руководила системой партийного просвещения в дивизии, вела широкую агитационно-пропагандистскую работу. Члены коллегии выступали с лекциями и докладами на партийных собраниях, перед стрелками и населением. Особенно энергично коллегия вела работу в Москве. В Екатерининском зале Кремля, в здании Дворянского собрания (ныне Дом Союзов), в Большом театре были прочитаны циклы лекций о международном и внутреннем положении Советской России, экономической политике Советской власти, продовольственном вопросе, о контрреволюции в России, империализме и мировой войне и др.

Комитет партийной организации и Исколастрел совместно с Российским бюро ЦК СДЛ и Всероссийским центром латышских секций РКП(б) издавали газету «Циня ун бривайс стрелниекс» («Борьба и свободный стрелок») и журнал «Дарбс» («Труд»). На страницах газеты публиковались важнейшие партийные документы, статьи и выступления руководителей партии и правительства, публицистические очерки, материалы партийной организации латышских стрелков. В разделе «Жизнь стрелков» регулярно печатались корреспонденции и информации о жизни латышских стрелков и их боевой деятельности, воспоминания и художественные произведения стрелков. Материалы газеты неизменно носили острый, действенный характер и призывали решительно бороться за полную победу социалистической революции. Кроме газеты «Циня» части Латышской дивизии регулярно получали «Правду», «Красную Армию» и «Известия ВЦИК». В отчетах комитетов фракций отмечалось, что самыми популярными газетами среди латышских стрелков были «Циня» и «Правда».

Большое внимание партийная организация уделяла повышению уровня политических знаний коммунистов. Вопросы партийного руководства жизнью страны, передовой роли коммунистов в борьбе за победу [97] социалистической революции постоянно были в центре их внимания. Основным звеном партийного просвещения являлись теоретические кружки, образованные при комитетах фракций во всех частях весной и летом 1918 года. Собирались они один-два раза в неделю. Обычно в кружок входили 15—30 коммунистов, но в некоторых частях в них записывались большинство членов фракции. Занятия проводились по

Программе РКП(б) , по вопросам внутренней и внешней политики страны, истории рабочего движения и политической экономии.

Партийная организация вела большую идейно-политическую работу среди беспартийных стрелков. Комитеты ротных и командных ячеек под руководством комитетов фракций проводили регулярные политинформации.

Чрезвычайно популярны были концерты-митинги. Считая их эффективной формой агитационной и культурно-просветительной работы, Комитет партийной организации осенью 1918 года создал специальную комиссию по организации митингов и концертов-митингов. На концертах-митингах читались доклады на актуальные политические темы, а затем устраивались спектакли или концерты. В Москве на концертах-митингах латышских стрелков с докладами выступали В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, Ю. М. Стеклов, П. Стучка, Ю. Данишевский и другие. На митинге в Екатерининском зале Кремля 10 августа перед стрелками 9-го полка по вопросу о текущем моменте выступил В. И. Ленин{70}.

На фронте ведение партийной работы представляло особую сложность. Ее основная задача — укрепление боеспособности частей Латышской дивизии — оставалась та же, но содержание, формы и методы имели ряд существенных особенностей. Ротные и командные партийные ячейки становились основным звеном партийной организации, так как в боевых условиях часто невозможно было провести собрание фракции. Личный пример коммунистов в выполнении воинского долга приобретал особое значение. Коммунисты на фронте брали на себя самые ответственные задания, являлись самым стойким революционным ядром каждой части. На первый план в повестках дня общих и партийных собраний выдвинулась борьба за укрепление воинской дисциплины. Работа сети партийного просвещения, кружков и курсов была в значительной степени свернута. Не было условий для углубленной политической пропаганды. Читка газет, распространение листовок, краткие информации стали основным методом агитационно-пропагандистской работы. В боевых условиях действенность всей работы партийной организации подвергалась суровой проверке. Латышские стрелки эту проверку блестяще выдержали: в боях по защите завоеваний Октября они показали себя идейно закаленными, стойкими борцами революции.

Осенью 1918 года, когда в Германии произошла революция, а Советское правительство аннулировало грабительский Брестский договор, возникла реальная возможность освобождения Латвии. В этих обстоятельствах назрела необходимость созыва II конференции партийной [98] организации латышских стрелков для подведения итогов ее деятельности и определения задач на будущее.

Конференция открылась 15 ноября в Кремле. На ней присутствовали от 18 фракций 48 делегатов с правом решающего голоса, представлявших 1515 членов партии. Фактически в Латышской дивизии ко времени конференции было около 2000 коммунистов, но не все части смогли прислать делегатов.

От имени ЦК РКП(б) конференцию, как и в апреле, приветствовал Я. М. Свердлов. В своей речи он подчеркнул исторические связи СДЛ и РКП(б) и прямую связь между победой революции в России и Латвии.

С отчетами о проделанной работе выступили председатель Комитета организации Э. Викманис и представители фракций. В отчете Комитета организации отмечалось, что «коммунистическая организация в сфере культурно-политической, а также хозяйственной и организационной жизни полков является полным хозяином и, руководствуясь декретами и директивами высших партийных и советских учреждений, контролирует и направляет работу выборных органов полков».

Заслушав доклад О. Карклиня о международном положении, конференция полностью одобрила внешнюю политику Советского правительства, призвала всемерно укреплять фронты социалистической революции в России и поддерживать революционную борьбу в других странах.

В «Тезисах по вопросу о Латвии», принятых по докладу П. Стучки, конференция призвала латышских стрелков «до последней возможности бороться за Российскую и тем самым за Латвийскую Советскую республику, где бы от них этого не потребовало планомерное ведение гражданской войны»{71}. Эта резолюция, как и другие, вновь подчеркнула интернационализм латышских стрелков и их твердую уверенность в неразрывном классовом единстве латышского и русского трудового народа.

В заключение своей работы конференция приняла «Приветствие латышскому трудовому народу». Она обещала трудящимся Латвии помощь латышских полков в освобождении от немецких оккупантов и классовых угнетателей. Латышские полки, говорилось в приветствии, «сознательно идут в огонь за свободную Латышскую коммуну в свободной РСФСР. И когда и куда бы их ни послали, они гордо и неуклонно отвечают лозунгом парижских коммунаров: «Мы стоим здесь за освобождение всего человечества»»{72}.

В новый Комитет организации были избраны А. Фелдманис, Э. Викманис, П. Крустинь, В. Озол, К. Поэма, А. Эшмит и Я. Лундер.

Партийная организация латышских стрелков проделала громадную работу по повышению боеспособности Латышской дивизии, укреплению воинской дисциплины и политическому воспитанию стрелков. Результаты этой работы сказались на всех славных боевых делах стрелков.

Опыт партийной организации латышских стрелков имел важное практическое значение как для партийных организаций частей и соединений Красной Армии, образовавшихся позднее, так и для выработки общих принципов партийно-политической работы во всей Красной Армии. [99]

Глава III. **Боевая деятельность латышских стрелков (апрель — декабрь 1918 года)**

1. Против внутренней контрреволюции

Враги Советской власти пытались воспрепятствовать активному участию латышских стрелков в гражданской войне в России. Русские контрреволюционеры, выступая под шовинистическим лозунгом «единой, неделимой России», стремились вызвать у населения чувство вражды к «инородцам» — латышам. В свою очередь, латышские буржуазные националисты намеревались увести латышских стрелков с пути классовой борьбы на узкую дорогу национализма.

Латышские стрелки, сплоченные с трудящимися Советской республики едиными классовыми целями, верные идеям пролетарского интернационализма, выступали на всех участках гражданской войны в первых рядах защитников Советской власти. В вооруженной борьбе с внутренней контрреволюцией латышские полки и отряды были надежной опорой партии и Советов.

Многие латышские коммунисты, закаленные в классовой борьбе, работали в органах Советской власти, непосредственной задачей которых была борьба с контрреволюцией. В состав коллегии ВЧК вошли члены ВЦИК и ЦК СДЛ Я. Петерс и К. Петерсон, тесно связанные с латышскими стрелками. Первый из них в период подготовки и проведения Октябрьской революции вел пропагандистскую работу в латышских полках как член ЦК СДЛ, а второй был членом Исколастрела, а затем комиссаром Латышской дивизии. В мае 1918 года по решению ЦК РКП(б) на усиление ВЧК был переведен из Народного комиссариата внутренних дел старый латышский коммунист М. Лацис, возглавивший Отдел по борьбе с контрреволюцией. Пропагандист ЦК СДЛ, работавший в латышских полках, А. Дижбит стал начальником Главного управления милиции РСФСР. Председателем Пензенского губернского ЧК работал Р. Аустринь, бывший председатель Вольмарского Совета, а батальоном латышских стрелков при ЧК командовал Лаубе. Председателем Вологодского губернского военного трибунала стал член горкома партии, [100] стрелок 8-го полка Я. Ратниек, а членом Московского трибунала — бывший офицер Запасного латышского полка К. Янелис. В органы ЧК перешли многие латышские командиры, политработники и стрелки.

Весной 1918 года полки и отряды латышских стрелков, расположенные в важнейших городах Центра и Северо-Запада Советской

России, несли гарнизонную службу, охраняя местные Советы, железнодорожные станции, склады, учреждения. Они охраняли Советское правительство в Кремле, IV, V, VI съезды Советов. Отряды латышских стрелков в мае — июне сопровождали из Москвы в Казань поезда с эвакуированным золотым запасом. Стрелки участвовали в облавах, обысках и арестах контрреволюционеров, боролись с бандитизмом и спекуляцией, пресекали попытки темных элементов спровоцировать население на грабежи продовольственных складов и раздел казенного имущества.

Всюду, где латышские стрелки несли гарнизонную службу, они, как и другие части молодой Красной Армии, принимали самое активное участие в выборах и работе местных Советов. Работая в военных секциях Советов, латышские стрелки помогали в формировании и обучении частей Красной Армии. Они участвовали в митингах, собраниях и демонстрациях трудящихся.

Первой крупной операцией в борьбе с внутренней контрреволюцией, в которой приняли участие латышские стрелки весной 1918 года, было разоружение анархистов. В дни Октября анархисты выступали против власти помещиков и капиталистов и сотрудничали с большевиками. В первые месяцы Советской власти их представители входили в состав ВЦИК. Однако чем больше крепла советская государственность, тем определеннее выступали против нее анархисты — противники всякой власти, организованности и дисциплины. В Москве в начале апреля они занимали 25 особняков, превратив их в настоящие крепости, вооруженные пулеметами, бомбометами и даже орудиями. Анархисты проводили самовольные аресты и реквизиции. Их газеты «Анархия» и «Голос труда» распространяли ложь и клевету по адресу Советской власти. Анархисты выдвинули лозунг «свободных», «беспартийных» Советов, выступали против строительства Красной Армии, защищали партизанщину. К ним примкнуло много уголовных элементов и даже белогвардейцев.

Контрреволюционные и бандитские действия анархистов вынудили Советскую власть принять решительные меры. 11 апреля на заседании ВЧК было решено в ночь на 12 апреля разоружить анархистов, использовав отряды ВЧК и красноармейские части. К этому времени в латышских частях в Москве было налицо 3628 строевых солдат, что составляло около четверти Московского гарнизона.

На рассвете 12 апреля 3-й латышский полк разоружил анархистов в районе Смоленской площади и вместе с чекистами на Донской улице. На Большой и Малой Дмитровке в разоружении анархистов участвовали стрелки Коммунистического и Головного революционного отрядов. У «Дома анархии» на М. Дмитровке анархисты оказали сопротивление, отстреливаясь из пулеметов, и сдались лишь после того, как были

обстреляны артиллерией. К орудийному огню пришлось прибегнуть и на [101] Поварской улице, где действовали стрелки 2-го латышского полка. К 14 часам разоружение завершилось, всего в Москве были арестованы около 400 анархистов.

В Петрограде совместно с отрядами чекистов и красноармейцев действовал 6-й латышский полк. Стрелки окружили и разоружили отряд анархистов у Московских ворот. В приказе Адмиралтейского района Петрограда говорилось: «Дорогие товарищи латыши 1-го конного полка! Вы показали на деле 12 апреля, что умеете стоять на страже интересов трудового народа. Тревожные обстоятельства, которые имели место в ночь на 13 апреля, заставили произвести экзамен, который вы выдержала блестяще»{73}.

Крупным и опасным антисоветским выступлением был Саратовский мятеж. В Саратове весной 1918 года находилось много офицеров, под их влиянием были «Союз фронтовиков» и даже некоторые части местного гарнизона. 15 мая Саратовский Совет решил отправить на Уральский фронт против Дутова красноармейский полк и 2-ю батарею. Под воздействием агитации эсеров и белогвардейцев полк отказался выступить и потребовал выдачи за месяц вперед жалованья и обмундирования. Когда Совет не выполнил это требование, мятежники численностью около 600 человек вечером 17 мая артиллерийским огнем разрушили здание Совета, разбили винные склады и устроили беспорядки.

Саратовский латышский полк особого назначения вечером того же дня предоставил себя в полное распоряжение Совета. В полку (командир — П. Матисон, комиссар — Я. Бейка) было свыше 300 стрелков, из них около четверти коммунистов. Командир полка был назначен начальником чрезвычайного штаба по ликвидации мятежа. Утром 18 мая латышские стрелки повели наступление на мятежников, оказавших упорное сопротивление. [102]

18 мая на подавление Саратовского мятежа по распоряжению В. И. Ленина были посланы красноармейские отряды. Из Москвы отправился 1-й батальон 2-го латышского полка под командой А. Шенберга в составе 307 стрелков с 6 пулеметами. Из Пензы прибыл интернациональный русско-латышско-чешский отряд, прибыли также рабочие дружины со станций Ртищево и Покровская.

19 мая началось решительное наступление. Латышские стрелки, расположив орудия на командных высотах, обстреляли батарею и огневые позиции мятежников. Вскоре мятежники сдались. В конце мая батальон 2-го полка вернулся в Москву, а Саратовский латышский полк продолжал нести в городе караульную службу.

Быстрая ликвидация Саратовского мятежа предотвратила превращение его в опасный очаг контрреволюции.

Отряды латышских стрелков весной 1918 года участвовали также в ликвидации заговоров и мятежей и во многих других местах.

Летом 1918 года, когда на борьбу с мятежом чехословацкого корпуса были посланы лучшие силы Советской республики, контрреволюционеры организовали ряд крупных мятежей и заговоров, которые были часто связаны между собой и нередко поддерживались иностранными империалистами через их дипломатических представителей.

В обстановке обострения классовой борьбы мелкобуржуазные партии меньшевиков и правых эсеров окончательно перешли в лагерь контрреволюции, вступили в прямой сговор с интервентами и белогвардейцами. Под защитой штыков белочехов они образовали в Самаре в начале июня контрреволюционное правительство — «Комитет членов Учредительного собрания» (Комуч).

Предательство меньшевиков и эсеров вызвало негодование трудового народа. На массовом собрании 9-го латышского полка 11 июня единогласно была принята резолюция, в которой говорилось: «... в настоящее время латышские стрелки как истинные интернационалисты ведут отчаянную борьбу совместно с братьями-русскими, защищая свою рабоче-крестьянскую Советскую власть... Мы готовы жертвовать жизнью для защиты завоеванной нашей кровью Советской власти, но мы вправе требовать, чтобы изменники, которые организуют контрреволюционные банды против нас же, были изгнаны из высшего учреждения Советской власти — ВЦИК. Мы требуем немедленного исключения из ВЦИК всех правых социалистов-революционеров и социалистов-революционеров центра»{74}.

По требованию трудящихся ВЦИК 14 июня принял постановление об исключении из своего состава и из местных Советов представителей эсеров (правых и центра) и меньшевиков.

Начиная с весны 1918 года партия левых эсеров, представители которой входили в состав ВЦИК и местных органов Советской власти, выступала против партии большевиков по коренным вопросам, левые эсеры отрицали социалистический характер революции в России, диктатуру пролетариата, боролись против заключения мира с Германией. [103]

Обострение этих противоречий привело к окончательному разрыву левых эсеров с большевиками. 24 июня ЦК партии левых эсеров постановил путем террористических актов против представителей германского империализма сорвать Брестский мир, спровоцировать войну с Германией и насильственным путем изменить политику Советской власти. Началась подготовка к вооруженному выступлению. Заговорщики рассчитывали, что мятеж в Москве будет поддержан войсками Восточного

фронта, во главе которых стоял левый эсер Муравьев, и левоэсеровскими организациями других городов.

На V Всероссийском съезде Советов, открывшемся 4 июля в Москве в Большом театре, левые эсеры выступили против политики Советского правительства, Брестского мира, посылки продотрядов в деревню и создания комитетов бедноты, против строительства регулярной Красной Армии. Антисоветский характер этих выпадов был разоблачен в докладах В. И. Ленина и Я. М. Свердлова.

В работе V съезда принял участие один из руководителей латышской социал-демократии — Ю. Данишевский. Накануне съезда Данишевский встретился с В. И. Лениным. В своих воспоминаниях он писал: ««Вам надо выступить на съезде Советов, — тут же заявил Владимир Ильич, — левые эсеры, да и некоторые «левые» коммунисты настроены на авантюру. Вы в курсе этих настроений?»

И Владимир Ильич дал мне ряд указаний к выступлению на съезде. Я изложил свою речь в кратком конспекте. Она была сказана 4 июля»{75}.

В своем выступлении Данишевский осудил предложения левых эсеров начать военные действия против Германии, которые привели бы к гибельным для Советской власти последствиям. «Правда» отмечала 6 июля, что «речь Данишевского, представителя Красной Латвии (коммунист) ... обращалась к разуму, революционному сознанию, к ясному и точному учету сил и к неуклонному собиранию этих сил для окончательного боя».

Окончательно убедившись в невозможности склонить съезд на свою сторону, левые эсеры встали на путь вооруженной авантюры. 6 июля в 15 часов левый эсер Блюмкин убил германского посла Мирбаха. Это убийство, в результате которого Советская республика, по словам В. И. Ленина, была поставлена «на волосок от войны», послужило сигналом к началу мятежа.

В германское посольство для выяснения обстоятельств покушения поехали Ф. Э. Дзержинский и В. Д. Бонч-Бруевич в сопровождении роты латышских стрелков из охраны Кремля. Вскоре в посольство прибыли В. И. Ленин и Я. М. Свердлов. После того как было выяснено, кем совершено убийство, Ф. Э. Дзержинский поехал в штаб левых эсеров, находившийся в особняке Морозова в Большом Трехсвятительском переулке, а остальные в сопровождении латышских стрелков вернулись в Кремль. Часть стрелков остались охранять посольство.

Левые эсеры арестовали Ф. Э. Дзержинского, потребовавшего выдачи Блюмкина, и перешли к активным действиям. Силы мятежников [104] составляли около 1300 человек. К 17 часам левые эсеры захватили центральный телеграф и типографию. Они стали рассылать телеграммы о том, что Брестский мир якобы аннулирован, большевики свергнуты и

власть находится в руках левых эсеров. В их многочисленных листовках и воззваниях демагогические призывы к «революционной войне» с немцами чередовались с клеветой на партию большевиков. Мятежники захватили здание ВЧК на Лубянке, арестовали члена коллегии ВЧК М. Лациса.

Мятеж левых эсеров, внезапно начавшийся в период крайнего обострения положения Советской республики, создал в Москве чрезвычайно напряженную обстановку. Главные силы мятежников находились всего в километре от Кремля и Большого театра, где проходил V Всероссийский съезд Советов. Левые эсеры развернули широкую агитацию против большевистской партии среди населения и войск московского гарнизона. Если: учесть, что к мятежу могли примкнуть контрреволюционеры различных мастей и могло возобновиться наступление германских войск, то станет понятной опасность, нависшая над Советской властью, над завоеваниями Октября. Опасность эта усугублялась тем, что войска гарнизона, состоявшие в основном из необученных призывников, находились еще в стадии формирования, а наиболее боеспособные части были посланы на Восточный фронт.

Одними из самых организованных, политически сознательных частей в Москве были части Латышской дивизии — свыше 4000 стрелков (в том числе — около 800 коммунистов), составлявшие около 17% наличного состава гарнизона. Это была весьма существенная по тому времени военная сила.

При первом же известии о начале мятежа по указанию В. И. Ленина была усилена охрана Кремля. 9-й латышский полк, составлявший гарнизон Кремля (925 стрелков), был приведен в боевую готовность, у всех 4 ворот выставлены взводные посты, 3 роты с пулеметами поставлены на стены, а 2 оставались в резерве. В. И. Ленин лично проверил охрану и беседовал со стрелками.

Немедленно была начата мобилизация сил для ликвидации мятежа. Вооружались рабочие отряды. Дружины левых эсеров в районах г. Москвы и отряды, вызванные главарями мятежа из других городов, были разоружены. Левоэсеровская фракция V съезда Советов (353 человека) была арестована латышскими стрелками, охранявшими съезд.

В результате всех этих мероприятий мятежники в центре города не могли получить подкреплений и были изолированы. Теперь предстояло ликвидировать центр мятежа в Трехсвятительском переулке.

Эту задачу было решено возложить на части Латышской дивизии. Вечером 6 июля В. И. Ленин вызвал к себе народного комиссара юстиции П. Стучку, комиссара Латышской стрелковой советской дивизии К. Петерсона и Ю. Данишевского и сообщил, что подавление мятежа левых эсеров поручается латышским стрелкам{76}. Командование советскими

войсками, [105] действовавшими против мятежников, было возложено на И. Вациетиса.

Стрелки 9-го полка уже вечером 6 июля заняли телефонную станцию, а в ночь на 7 июля вместе с отрядом интернационалистов под командованием Белы Куна участвовали во взятии телеграфа, где захватили бронемашину и много пленных. Советское правительство получило возможность восстановить временно прерванную связь с местными Советами и передать им правдивую информацию о событиях в Москве.

В полночь в кабинет В. И. Ленина в Кремле были вызваны И. Вациетис, Ю. Данишевский, К. Петерсон и несколько латышских командиров. По воспоминаниям Ю. Данишевского, Ленин «сказал немного: о провокаторах войны, о восставших контрреволюционерах, предателях, которых следует быстро и беспощадно уничтожать, чтобы спасти страну от новых военных потрясений»{77}.

Сразу после беседы у В. И. Ленина И. Вациетис, Ю. Данишевский, К. Петерсон и К. Дозитис поехали в штаб Латышской дивизии, где провели краткое совещание, уточнив оперативный план. План предусматривал концентрическое наступление на мятежников и завершение его штурмом и разгромом их штаба в Большом Трехсвятительском переулке. [106]

Затем Ю. Данишевский и К. Петерсон направились во 2-й полк, а в другие части — члены Комитета партийной организации и Исколастрела. И. Вациетис объезжал расположение советских частей.

К 2 часам ночи части, выделенные для подавления левоэсеровского мятежа, были стянуты к храму Христа Спасителя и Страстной площади. В их составе было 720 штыков, 12 орудий, 4 броневика, 72 конных разведчика, пулеметная команда из 40 человек. И. Вациетис доложил В. И. Ленину о готовности к проведению операции и заверил, что к 12 часам дня мятеж будет ликвидирован.

Наступление советских войск началось на рассвете 7 июля. Преодолевая сопротивление противника, латышские стрелки сомкнули кольцо вокруг штаба левых эсеров в Большом Трехсвятительском переулке. В 11 часов утра артиллеристы легкого латышского артиллерийского дивизиона под командой Э. Берзиня на руках подкатили орудия на 200 шагов от штаба мятежников и прямой наводкой разгромили его. Мятеж был подавлен за несколько часов.

7 июля в докладе на заседании фракции коммунистов V Всероссийского съезда Советов, где Ю. Данишевский рассказал о действиях латышских стрелков, председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский заявил, что латышские стрелки «свои обязанности выполнили блестяще»{78}. «Правда» 18 июля, помещая материалы о мятеже, отметила, что «латыши дрались, как истинные защитники Советской власти». По воспоминаниям П. Стучки, латышские стрелки заслужили

высокую оценку В. И. Ленина как вполне преданные революции воинские части{79}.

Не оправдались надежды заговорщиков и на поддержку мятежа в других городах. В Петрограде в подавлении левоэсеровского выступления 7 июля участвовали стрелки 6-го и 7-го латышских полков. Так же как и в Москве, в действие была введена артиллерия — батарея 6-го полка, которая вынудила мятежников, засевших в Пажеском корпусе, сложить оружие. Латышские стрелки участвовали и в разоружении левых эсеров в Витебске и Жиздре.

Одновременно с выступлениями левых эсеров начались мятежи, организованные белогвардейско-эсеровским «Союзом защиты родины и свободы». Подготовляя мятежи в городах Верхнего Поволжья, заговорщики стремились помочь объединиться интервентам на Севере и белочехам на Востоке для свержения Советской власти.

В ночь на 6 июля начался мятеж в Ярославле. Мятежники захватили воинские склады и советские учреждения. Ими был расстрелян военный комиссар Ярославского военного округа, бывший комиссар латышских стрелков С. Нахимсон.

На подавление мятежа были направлены отряды рабочих и красноармейские части. В их числе были 6-й и 8-й латышские полки (всего свыше 1000 человек при 20—25 пулеметах). Для руководства подавлением мятежа 11 июля на станции Филино был образован Ярославский [107] Военно-революционный комитет. Его председателем ВЦИК назначил старого латышского коммуниста, члена ЦК СДЛ Я. Ленцманиса.

Утром 14 июля стрелки 6-го и 8-го полков получили приказ занять Твериций пригород. Здесь действиями мятежников руководил полковник К Гоппер. Так, в одном бою столкнулись латышские стрелки и контрреволюционные латышские офицеры. Стрелки вели наступление по открытому полю под пулеметным огнем противника. В первых рядах атакующих шел председатель полкового комитета 6-го полка, бывший командир Сводной роты латышских стрелков в Смольном Я. Петерсон. Он был ранен в руку, но не оставил поля боя, пока не был вновь тяжело ранен. Газета «Красная Армия» в статье «Честь и слава!» 21 июля 1918 года отметила его подвиг. В этом бою почти весь левый берег Волги был очищен от мятежников. После сильной артиллерийской подготовки 20 июля началось решительное наступление на мятежников. Латышские полки на бронепоезде были перевезены на правый берег Волги. 21 июля мятеж был подавлен.

Латышские стрелки при подавлении мятежа проявили высокие [108] боевые качества и героизм, за что получили благодарность в приказе командующего войсками Ярославского района. В боях погибли старый латышский большевик, неоднократно выполнявший поручения В. И.

Ленина, Я. Гипслис (Рудис, Э. Петерсон), стрелки А. Балодис, И. Дайбус, Ю. Зостынь, К. Лиепинь. Многие были ранены. 28 июля погибшие в Ярославле были похоронены с воинскими почестями в Петрограде на Марсовом поле. Коммунистическая фракция 6-го полка несла на похоронах знамя с надписью: «За революцию погибнет нас немало, но будем мы как сталь тверды».

В ночь на 6 июля «Союз защиты родины и свободы» пытался поднять мятеж и в Рыбинске. Однако о заговоре стало известно заблаговременно. Когда мятежники атаковали казармы, они были встречены находившимися в засаде стрелками 2-го латышского полка и почти полностью уничтожены.

Революционная бдительность и верность латышских стрелков Советской власти помогли раскрыть заговор, во главе которого стоял английский дипломатический представитель Р. Локкарт. По заданию ВЧК с ним установил связь командир 1-го легкого артиллерийского дивизиона Латышской дивизии Э. Берзинь. В августе Р. Локкарт передал Э. Берзиню 1200 тыс. рублей, предназначенных для подкупа латышских стрелков, которым предлагалось поручить решающую роль в контрреволюционном заговоре: арестовать Советское правительство и занять в Москве важнейшие учреждения. Все сведения о заговоре и деньги Э. Берзинь передал в ВЧК. В ночь на 1 сентября заговорщики были арестованы.

Убедившись в крахе своих попыток свергнуть Советскую власть путем заговоров и мятежей, контрреволюционеры при поддержке иностранных дипломатов организовали ряд террористических актов против руководителей Коммунистической партии и Советского правительства. 20 июня был убит один из руководителей петроградской большевистской организации В. Володарский. 30 августа от руки эсера пал председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий. В тот же день вечером в Москве был тяжело ранен В. И. Ленин.

Покушение на жизнь вождя пролетарской революции вызвало всеобщий гнев и возмущение. 31 августа комиссар латышских стрелков К. Петерсон писал члену РВС Восточного фронта Ю. Данишевскому: «В своем последнем письме ты говоришь, что нелегко там, у вас. Нелегко также и здесь. У вас там — предательство, трусость, однако все же какой-то фронт. У нас здесь — преследование из-за угла, низость, гадость... Вчера утром — убийство Урицкого, вечером — нападение на Владимира Ильича... О ранении узнал поздно вечером. Дал распоряжение здесь оставшимся стрелкам быть готовыми на случай, если негодяи попытаются организовать восстание. Конечно, ничего подобного не случилось; наши противники слишком слабы, чтобы начать здесь открытую борьбу. Мы утопили бы их в крови... На террор ответим подобающе. Только бы Ильич выздоровел! Не могу даже в мыслях допустить, что этого не

случится...»{80} Латышские стрелки в Москве, Саратове, на Восточном фронте [109] в своих телеграммах выражали непреклонную решимость бороться с контрреволюцией до полной победы.

На общем собрании всех латышских частей в Москве при участии Комитета партийной организации и Исколастрела была единогласно принята резолюция: «Социал-предатели, саботажники и жалкие трусы, ослепленные ненавистью к пролетарской революции, в открытой борьбе совершенно бессильны. Они прибегают к подлейшему из подлых способов борьбы — к убийству наших вождей из-за утла. Эти выродки революции, эти негодяи и жалкие трусы... Мы, сыновья и братья трудового народа, латышские стрелки ... требуем беспощадной расправы с контрреволюционными партиями, внушительницами и инициаторами разбоя. Смерть врагам революции! Да здравствует вождь великой революции товарищ Ленин!»{81}

Летом 1918 года в различных губерниях Советской России вспыхнули кулацкие мятежи. Кулачество — последний и самый многочисленный эксплуататорский класс — было смертельным врагом Советской власти и главной классовой базой контрреволюционного движения в России. [110]

Мятежи в Пензенской губернии охватили многие волости и грозили перерезать железную дорогу, связывающую центр с Восточным фронтом. 5 августа начался организованный левыми эсерами кулацкий мятеж в селе Кучки, который вскоре распространился на 4 соседние волости. 12 августа в Кучках был наведен порядок. Но уже в ночь на 19 августа вспыхнул еще более крупный мятеж, организованный левыми эсерами в уездном центре Чембары. Под влиянием их агитации к нему присоединились местные красноармейцы. Город был захвачен мятежниками. 19 августа, председатель Пензенского губисполкома А. Е. Минкин телеграфировал В. И. Ленину: «В Чембаре вооруженный бунт. Телеграф в руках левых эсеров. Распорядитесь, чтобы рота латышей, привезшая Экспедицию заготовления государственных бумаг, осталась в Пензе». В тот же день В. И. Ленин ответил: «Роту латышей оставьте пока в Пензе до подавления Чембар»{82}. На другой день он телеграфировал Минкину: «Сейчас прочел вашу докладную записку. Повторяю приказ прибывшим с экспедицией латышам остаться пока, впредь до нового распоряжения, в Пензе.

Выделяйте надежнейших из ваших 800 солдат и действуйте беспощадно сначала против одной волости, доводя дело до конца. Присылайте точный отчет про Чембары»{83}.

Уже 20 августа мятеж был ликвидирован. 15 сентября стрелки 2-го полка вернулись в Москву. Из оставшихся в Пензе были сформированы Пензенский латышский кавалерийский эскадрон и Пензенский латышский батальон губчека.

Стрелки участвовали также в подавлении кулацких мятежей в Саратовской, Тамбовской, Рязанской и других губерниях. Два небольших латышских отряда под командованием В. Л. Лахтина и Филимонова в начале ноября находились в Спасском уезде, когда там вспыхнул мятеж. Они были посланы на его подавление вместе с отрядом коммунистов Спасского уезда, местным отрядом Красной Армии и милицией. 9 ноября мятежники предприняли наступление на Спасск. В упорном бою они были разбиты, а мятеж ликвидирован. Уже 16 ноября отряд Лахтина смог вернуться в Москву.

В письме спасского военкома в штаб Латышской дивизии от 13 ноября выражалась глубокая благодарность за ту помощь, которую оказал отряд Лахтина в деле борьбы с контрреволюционным мятежом. «Имя латышских стрелков, — писал военком, — сражавшихся вместе со Спасским отрядом, будет для нас впредь священным»{84}.

Революционная бдительность латышских стрелков, их классовая сознательность и преданность Советской власти определили непримиримость [111] их борьбы против всех выступлений контрреволюции. В то же время высокие боевые качества латышских стрелков, их организованность, выдержка и хладнокровие во многих случаях помогли ликвидировать мятежи с минимальными жертвами. При подавлении контрреволюционных мятежей выросла и окрепла дружба латышских стрелков не только с красноармейцами, но и со всеми трудящимися России, которые непосредственно увидели помощь латышских стрелков в борьбе с контрреволюцией.

2. На Восточном фронте

Летом 1918 года положение Советской республики чрезвычайно ухудшилось. Германские войска вторглись на юг РСФСР, в Мурманске высадились войска стран Антанты, во Владивостоке — японских империалистов. Активизировались силы контрреволюции на Дону, в Кубани, на Южном Урале и в Сибири. Молодым и немногочисленным частям Красной Армии и рабочим отрядам приходилось с крайним напряжением сил отражать натиск хорошо вооруженных и обученных войск белогвардейцев и интервентов. В первых рядах Красной Армии сражались латышские стрелки.

25 мая начался мятеж чехословацкого корпуса, сформированного во время войны из военнопленных и добровольно перешедших из австрийской армии на сторону России чехов и словаков. Среди пленных были и коммунисты, которые при создании Красной Армии вступили в ее ряды и совместно с русскими красноармейцами храбро защищали Советскую власть. После заключения мира с Германией Советское правительство разрешило чехам и словакам выехать через Сибирь и Дальний Восток во Францию для участия в борьбе с Германией. Но

командование чехословацкого корпуса вступило в сговор с империалистами Антанты, распространило провокационный слух, будто Советское правительство намерено выдать их немцам в качестве военнопленных, и спровоцировало корпус на выступление против Советской власти. К этому времени корпус растянулся в эшелонах со станции Ртищево (юго-западнее Пензы) до Тихого океана. К белочехам примкнула внутренняя контрреволюция. Мятеж грозил отрезать от Центра хлебные районы Сибири и Поволжья, ухудшить и без того тяжелое продовольственное положение страны. Восточный фронт стал главным фронтом Советской республики.

В Пензе белочехам (около 6000 человек) противостоял небольшой гарнизон советских войск, численность которого к моменту мятежа составляла менее 1600 человек. В составе пензенского гарнизона находился Петроградский отряд 6-го латышского полка (82 стрелка с 2 пулеметами), который охранял Пензенский Совет и военные склады. Командиром отряда был Стумбур, комиссаром — К. Британ.

Пензенский Совет ввел в городе осадное положение. Общее командование было возложено на А. Стумбура и К. Британа. В течение 2 суток малочисленный гарнизон вел упорный бой с мятежниками. Даже официальные белочешские источники отметили, что «бой в Пензе был [112] жестоким»{85}. По воспоминаниям К. Британа, за время боев 90% стрелков Петроградского отряда вступили в Коммунистическую партию. В неравном бою советские отряды к полудню 30 мая были разгромлены, эшелоны белочехов двинулись к Сызрани, а затем — к Самаре. Петроградский отряд в июне выехал на фронт и вернулся в Пензу в августе.

30 мая у станции Ртищево 1-й батальон 2-го латышского полка (307 стрелков) под командой А. Шенберга разбил и разоружил арьергард белочехов и восстановил власть Ртищевского Совета.

В первых боях с белочехами у Сызранского моста через Волгу вместе с другими рабочими отрядами участвовали красногвардейцы 1-го латышского батальона, сформированного на базе латышских отрядов, отступивших в Ростов с Украины и прибывших в Самару. Численность батальона достигала 1000 человек. В боях у станций Мыльная и Липяги советские войска потерпели поражение.

Первые бои с белочехами показали, что ликвидировать мятеж силами местных отрядов невозможно. Против него были направлены из центра лучшие части Красной Армии.

Одной из них был 4-й латышский полк, получивший боевой опыт борьбы с контрреволюцией при подавлении мятежа польского корпуса Ю. Довбор-Мусницкого. В конце мая в этом полку, охранявшем вместе с 9-м латышским полком Советское правительство в Кремле, было 537 штыков,

32 сабли, 12 пулеметов, всего 863 стрелка. Фракция полка объединяла в своих рядах 117 членов партии. 29 мая полк получил приказ выступить против белочехов и уже на другой день выехал на фронт. В состав полка была включена 1-я батарея 2-го легкого артиллерийского дивизиона Латышской дивизии (4-я латышская батарея), тем самым численный состав полка увеличился до 950 человек. Одновременно на фронт выехал отряд латышского кавалерийского полка (30 сабель).

2 июня 4-й полк прибыл на фронт и вошел в состав Сызранской группировки. Советские войска под командованием А. Ф. Мясникова настигли арьергард белочехов у станции Безенчук и утром 5 июня вступили в бой. Стрелки 4-го полка отбили 7 атак противника. К утру 6 июня под угрозой обхода с флангов советские войска отступили к Сызрани. Латышской батарее была поручена охрана моста через Волгу. Бой у станции Безенчук хотя и закончился поражением частей Красной Армии, однако примерно на два дня задержал продвижение белочехов к Самаре и дал возможность эвакуировать часть военного имущества.

8 июня белочехи, преодолев сопротивление немногочисленных и необученных отрядов Красной Армии, захватили Самару. Отряд латышей на Коровьем острове почти полностью погиб в бою.

Взятие города белочехами чрезвычайно осложнило положение на Восточном фронте. Самара являлась важным стратегическим пунктом, центром Среднего Поволжья, расположенным на скрещении железных дорог и водного пути по Волге. После того как там 8 июня образовался Комитет Учредительного собрания, город стал и политическим центром [113] контрреволюции в Поволжье. Здесь начали формироваться белогвардейские части и была создана речная военная флотилия. Патронный завод, артиллерийские мастерские и большие трофеи дали белочехам и белогвардейцам достаточное количество боевой техники и боеприпасов.

Части Сызранской группы Красной Армии после падения Самары вели непрерывные бои с превосходящими силами противника. Наибольшую стойкость проявил 4-й латышский полк, который не раз переходил в контратаки, отбрасывая противника.

К 17 июня белочехи захватили Сызрань. 4-й полк отступил к Инзе, где в середине июня был создан штаб I армии. В конце июня на инзенском направлении создалось угрожающее положение. Противник подошел уже к станции Барыш в 66 км от Инзы и угрожал захватить этот важный железнодорожный узел и находившиеся там склады боеприпасов. В этот момент, по воспоминаниям комиссара I армии О. Калныня, положение спас только латышский стрелковый полк, который занял оборону у станции Базарной в 35 км от Инзы и задержал продвижение противника.

1 июля приказом по I армии Восточного фронта помощник командира 4-го полка Я. Лацис был назначен начальником Инзенской дивизии. К этому времени Яну Лацису исполнился всего 21 год. С 1916 года, когда он после окончания учебной команды был назначен командиром отделения в 4-й полк, Я. Лацис вместе с полком прошел славный боевой революционный путь. После Февральской революции он вступил в ряды Социал-демократии Латвии и был избран заместителем председателя полка и командиром 1-го батальона. В январе 1918 года Я. Лацис был назначен командиром Головного революционного отряда латышских стрелков, сражавшегося против белополяков. На формирование штаба Инзенской дивизии 4-й полк выделил лучших командиров и коммунистов. За короткое время в чрезвычайно тяжелых условиях Я. Лацис сумел создать из частей и отрядов инзенского направления сильное боевое соединение. В. В. Куйбышев в своих воспоминаниях писал: «... дело доходило до того, что одно время между штабом [I] армии, помещавшемся в то время в Инзе, и противником на путях к Сызрани был лишь броневой поезд и 21 боец, причем в это число входил и начальник Инзенской дивизии со своим штабом. Эта кучка героев была остовом, вокруг которого была создана воистину доблестная Инзенская дивизия под командованием самородка-полководца т. Лациса». В. В. Куйбышев отметил большую роль в успехах и победах I армии «этой дисциплинированной, хорошо организованной, без фраз смелой дивизии»{86}.

4 июля войскам сызранского направления, объединенным под командованием Я. Лациса, было приказано взять Сызрань. Противник 7 июля выдвинул против наступающих бронепоезд, который был подбит 4-й латышской батареей и захвачен стрелками. Утром 8 июля 4-й латышский полк и рота 1-го Московского полка при поддержке латышской батареи освободили Сызрань. Стрелки захватили 5 орудий, 6 пулеметов, много боеприпасов. [114]

Противник отступил к Батракам, но уже 9 июля перешел в контрнаступление. На другой день в Сызрани были получены предательские телеграммы главкома Восточного фронта левого эсера Муравьева, призывавшие разорвать Брестский мир и образовать с белочехами единый фронт против немцев. Это вызвало замешательство, среди некоторых частей началась паника. Однако 4-й латышский полк стойко сражался. 10 июля противник пытался обойти его с флангов, но полковая пулеметная команда, сдерживая превосходящие силы противника, дала возможность советским войскам избежать окружения и отступить в полном порядке.

В Симбирске в ликвидации мятежа главкома Муравьева принял участие 1-й латышский революционный полк, сформированный из красногвардейцев, отступивших с Украины через Ростов и Царицын

(свыше 500 стрелков). Муравьев выступил перед латышскими стрелками с речью, в которой призывал их к совместной борьбе в союзе с белочехами против общего врага — немцев. Но стрелки не поддались на провокацию. В. В. Куйбышев в телеграмме в СНК отмечал, что «симбирские коммунисты и латыши решили всеми мерами авантюру ликвидировать...»{87} Стрелки участвовали в аресте Муравьева, который был убит при попытке оказать сопротивление. «Правда» отметила 20 июля, что «особенное рвение в разъяснении отрядам истинного положения в Симбирске и Москве было проявлено латышами, которые разбились по всему городу и вступали в переговоры с обманутыми частями часто не без риска попасть в неприятное столкновение».

Авантюра Муравьева осложнила обстановку на Восточном фронте Было нарушено управление войсками. Дисциплина пала. При столкновении с противником возникла паника. Красноармейцы подозревали командный состав в измене. Необходимы были срочные меры для исправления положения. 11 июля главнокомандующим Восточного фронта по предложению В. И. Ленина был назначен начальник Латышской дивизии И. Вациетис, а членом Реввоенсовета фронта — Ю. Данишевский. Вспоминая об этом, Ю. Данишевский писал: «Назначение исходило непосредственно и лично от Владимира Ильича. Лично Владимир Ильич вел по этому вопросу переговоры с Петерсоном (комиссаром Латышской дивизии...)... Владимир Ильич считал полезным для дела, если рядом с начальником Латышской дивизии Вациетисом во главе самого серьезного тогда фронта будет военный комиссар — ответственный работник Латышской дивизии, так как в силу создавшегося положения особо ответственные задачи возлагались на латышские стрелковые полки. Почти все они перебрасывались к Волге, к Казани. Мое назначение в основном именно этим и было обосновано Владимиром Ильичом»{88}.

14 июля И. Вациетис в сопровождении 20 латышских стрелков с 2 пулеметами выехал из Москвы и вечером 16 июля прибыл в штаб фронта [115] в Казани. На другой день из Бологого в Казань выехала рота 5-го латышского полка (85 стрелков), а через несколько дней — весь полк.

Однако в короткое время преодолеть последствия измены Муравьева и наладить руководство войсками было невозможно. 22 июля противник захватил Симбирск.

В результате двухмесячных операций — с конца мая до конца июля 1918 года — белочехам удалось захватить весь район Средней Волги. Но в упорных боях крепла, росла и закалялась I армия, которая выросла в грозную силу. В I армии, численность которой к середине августа составляла около 13 тыс. человек, сражалось 3500 латышских стрелков.

* * *

Трудное положение в результате мятежа чехословацкого корпуса сложилось на Южном Урале и в Западной Сибири. Немногочисленные части Красной Армии и рабочие отряды, не имея надежды на значительное подкрепление, сражались здесь с превосходящими силами белочехов и белогвардейцев.

Тяжелые бои с белочехами с начала мятежа развернулись в районе Омска. Обороной города руководил окружной революционный штаб, возглавляемый коммунистом А. Нейбутом, участником революции 1905 года в Латвии. Среди других частей Красной Армии в городе находились отряд (100 стрелков), сформированный из местных латышей, отряд 6-го латышского полка под командой А. Плесума и небольшой отряд латышских стрелков, прибывший в Омск с членом ВЦИК Р. Эйдеманисом. 7 июня после упорных боев советские войска оставили Омск.

При отступлении из Омска Сводным отрядом латышей командовал Р. Эйдеманис. Вскоре он был назначен командующим всеми советскими частями и отрядами, действовавшими на омском направлении. К середине июля белые усилили натиск на Тюмень.

Из Тюмени срочно эвакуировались на Урал военное имущество и эшелоны с войсками. В это время отряд противника вышел в тыл советских войск у станции Подъем, в 15 км от Тюмени по направлению к Екатеринбургу, и взорвал железнодорожный мост, прервав сообщение и отрезав бронепоезд. В этот напряженный момент, когда находившиеся в Тюмени советские войска оказались под угрозой окружения, Р. Эйдеманис бросил к станции свой последний резерв — штабную команду из 11 латышских стрелков с 4 пулеметами. Стрелки весь день вели бой с отрядом белочехов в 200 человек. Они удержали станцию до окончания ремонта моста и подхода бронепоезда. Все они погибли. Их подвиг позволил вывести воинские эшелоны на Урал.

В сводке штаба Северо-Урало-Сибирского фронта от 19 июля отмечалось, что у станции Богандинская противник наступал с 3 сторон и только отличительная доблесть моряков и латышей, дравшихся до изнеможения, спасла положение.

После захвата белочехами Омска, Челябинска и Тюмени советские войска отступили на Средний Урал, центром обороны которого стал Екатеринбург. Сюда 12 июня из Уфы прибыла Высшая военная инспекция. Командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом, который объединял [116] все советские части и отряды, действовавшие от Ишима до Красноуфимска, 14 июня стал Р. Берзинь. Основной состав фронта образовали рабочие отряды, сознательные и храбрые в бою, но совершенно не обученные, не имевшие опытного командного состава. Фронт нуждался в регулярных частях Красной Армии, но на Урале их было очень мало.

18 июня в Екатеринбург прибыл Торошинский латышский полк (675 стрелков). Он был сформирован в районе станции Торошино под Псковом, где с марта по июнь нес охрану демаркационной линии. 12 июня боевая часть полка в составе 426 стрелков выехала на станцию Арасланово, в 30 км севернее Нязепетровска.

Утром 18 июля противник начал наступление 3 цепями по обе стороны железной дороги при поддержке бронепоезда. Его атаки на фланги и в центр были отбиты. Успешно действовал против вражеского бронепоезда блиндированный поезд латышских стрелков (3 вагона, защищенных мешками с песком, и 2 платформы, на которых были установлены траншейная 37-миллиметровая скорострельная пушка, миномет и 2 станковых пулемета). Выдвинутый впереди цепи поезд наносил противнику большие потери своим огнем до тех пор, пока не были ранены все пулеметные расчеты и убит наводчик пушки.

Во второй половине дня противник окружил латышских стрелков со всех сторон. Кончались боеприпасы. В этот критический момент стрелки, разбившись на группы, прорвали 4 цепи противника и вышли из окружения. Полковое и стационарное имущество и раненых вывезли на блиндированном поезде. Саперная команда полка взорвала железнодорожный путь. Помощник командира полка Г. Элтерманис рапортовал командиру 3-й латышской бригады: «... было сделано все возможное. Стрелки держались сверх всякой похвалы... В плен ни один из стрелков не сдавался, ... раненые застреливались сами...»{89} В бою был убит командир полка К. Герцберг.

Упорное сопротивление латышских стрелков у Арасланова, причинившее врагу тяжелый урон, разрушение мостов и железной дороги задержали продвижение белочехов, сорвали их попытку отрезать Екатеринбург и позволили провести эвакуацию города.

Белым затем удалось прорвать заслон советских войск западнее Екатеринбурга у станции Кузино. Для ликвидации прорыва туда были посланы латышские и эстонские стрелки и сформированная Уральским обкомом РКП(б) партийная дружина. Противник был отброшен.

В конце июля — начале августа Торошинский полк участвовал в боях с белоказаками у станций Утка, Кын и Илим, а 14 августа выехал в Арзамас. Полк получил приказ охранять расположенный в этом городе штаб Восточного фронта.

22 июля из Великих Лук на Урал выехал Лиепайский латышский полк (400 стрелков и 7 пулеметов). Полком командовал Н. Пулькис, комиссаром был К. Мауринь. В полку было 56 членов партии и 14 кандидатов. Перед выступлением на фронт на общем собрании полка была единогласно принята резолюция, в которой стрелки полка заявили, что будут [117]

бороться до полной победы. «Сомкнутыми рядами пойдем вперед, победа или смерть! Поражения для нас нет!»

Полк вошел в состав частей III армии, действовавших на красноуфимском направлении (730 штыков с 4 пулеметами). К Лиепайскому полку был прикомандирован 3-й Пермский латышский кавалерийский эскадрон численностью 60 человек.

С августа по ноябрь Лиепайский полк в составе 4-й уральской дивизии (в ноябре переименована в 30-ю дивизию) вел упорные бои. В декабре, когда враг захватил Кунгур и Пермь, полк отошел к Оханску, а в середине февраля 1919 года был направлен на Западный фронт, в Латвию.

* * *

В составе II армии Восточного фронта сражался с июня Уфимский латышский батальон (свыше 500 стрелков с 26 пулеметами). Батальон вел бои с белогвардейцами у Уфы, Камбарского завода и Сарапула. В сентябре он вошел в состав 2-й сводной дивизии, которой командовал В. Азинь.

В августе положение на фронте II армии значительно ухудшилось. Вспыхнули контрреволюционные эсеро-меньшевистские мятежи в Ижевске и Воткинске. 24 сентября на фронт II армии выехал 7-й латышский полк в составе 778 стрелков с 18 пулеметами, отрядом кавалерии и артиллерийским дивизионом. При отъезде из Петрограда полку было вручено Красное знамя Петроградского Совета. 29 сентября полк прибыл на станцию Чепца Пермской железной дороги, примерно в 100 км севернее Воткинска, и вошел в состав Особой Вятской дивизии. 2 октября он выступил в направлении Воткинска. Сначала полк встречал на пути почти пустые деревни. Оказалось, что мятежники распространяли самые дикие и невероятные слухи о «зверствах» латышей. Вскоре крестьяне сами убедились в лживости белогвардейской пропаганды, и настороженное отношение к стрелкам сменилось дружеским и гостеприимным.

Несмотря на численный перевес белых, 7-й полк действовал весьма успешно, применяя маневры и обходы по флангам и нанося врагу тяжелые потери. 2-й и 3-й батальоны полка 11 ноября освободили город Воткинск от мятежников. Жители встретили латышских стрелков с красными флагами. В тот же день 1-й батальон занял деревню Неумойну в 18 км восточнее Воткинска. Противник отступил за Каму. Мятеж был ликвидирован. В конце ноября 7-й полк прибыл в Арзамас, а оттуда 6 января 1919 года был переведен на Западный фронт.

Латышские части и отряды сыграли существенную роль в боях на Урале, особенно в июне — начале августа, когда силы II и III армий, разбросанные на огромной территории, еще только объединялись в

регулярные части и соединения, приобретая опыт в упорных боях с противником. Поэтому помощь, которую оказали трудящимся Урала в их борьбе с белочехами и белогвардейцами Уфимский латышский батальон, Торошинский и Лиепайский полки и ряд других отрядов, а позднее 7-й полк, имела немалое боевое и морально-политическое значение. [118]

После падения Симбирска и Екатеринбурга главное значение приобрела борьба за Казань — важнейший стратегический пункт Восточного фронта. Здесь был сосредоточен золотой запас Советской России, находились военные склады артиллерии, снаряжения, продовольствие. Белые стремились овладеть Казанью, чтобы, развив дальнейшее наступление, соединиться с интервентами на Севере.

Положение в Казани было тяжелым. В городе находилось много бывших офицеров, в окрестностях орудовали белые банды. Штаб Восточного фронта, сформированный прежним командующим, изменником Муравьевым, был ненадежен. Части казанского гарнизона представляли собой малочисленные, плохо обученные и слабо дисциплинированные отряды. Формирование Казанской дивизии, командиром которой был назначен бывший начальник отдела снабжения Латышской дивизии П. Славен, только началось. В начале августа в ней насчитывалось около 500 мобилизованных. В Казанском кремле стояли инструкторская школа и сербский батальон — 400 человек (позднее они перешли на сторону белых). Волжская военная флотилия была слаба, ее корабли уступали белогвардейским в скорости и вооружении.

Прибыв в Казань в середине июля, Главком Восточного фронта И. Вациетис сразу же принял меры к усилению обороны города. Он решил сконцентрировать здесь 2 бригады Латышской дивизии. 20 июля И. Вациетис приказал отправить в Казань 5-й и кавалерийский полки, 26 — Лиепайский, 27 июля — Торошинский, а 2 августа — 4-й полк. Одновременно аналогичные приказания были даны 1-му и 6-му полкам и штабам 2-й и 3-й бригад. В конце июля — начале августа все эти части, кроме Торошинского и Лиепайского полков, оставшихся в составе III армии, выехали в Казань.

Первыми с 23 по 27 июля прибыли в Казань эшелоны 5-го полка (507 стрелков и 19 пулеметов) и штаба 2-й бригады. 5-й полк стал самой боеспособной и надежной частью казанского гарнизона. В полку была сильная партийная фракция, объединявшая 75 членов партии. Стрелкам были поручены охрана штаба фронта, пристани, Государственного банка и важнейших складов, подавление кулацких мятежей в окрестностях города.

И. Вациетис принял меры к укреплению фронта южнее Казани. Для наступления на Симбирск была создана ударная группа в составе около 1500 штыков, 8—10 орудий, в том числе 1-й латышский революционный полк на левом берегу у Спасска, прибывший из Симбирска, — 400

штыков, пол-эскадрона конницы и 2 орудия; часть полка находилась в Казани. Ударную группу поддерживала Волжская флотилия. К 5 августа эти части отступили к Казани.

Особое внимание И. Вациетис обратил на оборону моста через Волгу, у Свияжска, поручив это батальону 4-го латышского полка, которому были приданы 2 бронированные платформы с 8 тяжелыми и легкими орудиями. На обоих концах моста были возведены укрепления.

5 августа флотилия белых неожиданно появилась у Казани. Для десантной операции они выделили свои лучшие части: 1-й чехословацкий полк и белогвардейский отряд Каппеля — всего около 2000 штыков, 4 орудия, [119] 6 вооруженных пароходов и 15 вспомогательных судов. Командовал группой полковник Швец.

Вечером противник высадил десант у пристани, но контратакой 3-й роты 5-го латышского полка большая часть белых была уничтожена, а остальные бежали, оставив 4 пулемета. Один из пароходов врага был подожжен артиллерийским огнем и затоплен. Стрелки потеряли всего 6 человек, в том числе командира роты, который был тяжело ранен. В тот же вечер к пристани была направлена 6-я рота. Попытка белых с хода взять Казань не удалась. Однако положение оставалось угрожающим.

И. Вациетис объявил Казань на осадном положении. В ночь на 6 августа начали вооружаться рабочие отряды. На Верхний Услон была послана рота стрелков (около 40 человек с 2 орудиями). Вациетис отдал приказ 5-му полку эвакуировать Государственный банк, где находился вывезенный из Москвы и Петрограда золотой запас. Часть ценностей под охраной латышских стрелков удалось вывезти в Вятские Поляны.

Получив подкрепление, рано утром 6 августа белые высадили десант на обоих берегах Волги у Нижнего Услона и при сильной артиллерийской поддержке повели наступление на Казань. Против них Вациетис направил роты 5-го полка, отряд рабочих фабрики Шабанова, отряды 1-го мусульманского полка и 1-го татаро-башкирского батальона. Части Красной Армии храбро сражались, но несли большие потери. В 9 часов утра белые захватили порт, а к полудню — возвышенность Верхний Услон, откуда повели артиллерийский обстрел штаба Восточного фронта, железнодорожной станции и всего левого берега Волги. Латышские стрелки с Верхнего Услона, выведя из строя орудия, отошли в сторону Свияжска.

В 13 часов противник ворвался в город, но контратакой 2-й роты 5-го полка и рабочей дружины был отбит. [120]

Одновременно белые высадили новый десант у Дальнего Устья. Рабочие отряды, отбиваясь, отошли к городу, а 6-я рота 5-го полка была окружена белочехами и в упорном неравном бою понесла большие потери.

Вечером бои шли в центре — у штаба Восточного фронта, артиллерийских казарм и на Арском поле. Часть латышских стрелков от артиллерийских казарм и вокзала отступила к штабу. Штаб, окруженный белыми, превратился в крепость. Вациетис лично руководил его обороной, собрав вокруг себя около 180 стрелков 5-го полка. Улица была перегорожена баррикадой, у штаба вели огонь 2 орудия и 2 броневика, из окна кабинета Вациетиса строчил пулемет. Однако штаб находился под непрерывным ружейно-пулеметным и орудийным обстрелом и долго сопротивляться было невозможно. К 21 часу бой шел уже в здании штаба. В этой обстановке Вациетис решил перейти в кремль и там, за высокими и надежными стенами, продолжить сопротивление и дождаться подкреплений из Свияжска. Около 22 часов Вациетис вышел из штаба со 120 стрелками. Но когда удалось, прорвав кольцо окружения, пробиться к кремлю, они были внезапно обстреляны: сербский батальон, стоявший в кремле, перешел на сторону белых. Стрелки вынуждены были разбиться на группы и с боем пробиваться из города. Вациетис пробивался с группой в 27 латышских стрелков, из которых многие погибли.

К утру 7 августа последние группы латышских стрелков под давлением превосходящих сил противника оставили город и отступили в северном и северо-восточном направлениях. Часть стрелков с И. Вациетисом ушла в Вятские Поляны, а большинство бойцов (210—230 человек), над которыми принял командование Я. Грегор, в середине августа вышли к Свияжску.

Белочехи и белогвардейцы, задержанные уличными боями в Казани, не смогли своевременно выделить крупные силы для атаки Свияжска и моста через Волгу. Когда передовые части противника 6 августа появились у Свияжска, их на несколько часов опередил 4-й латышский полк (400 стрелков с пулеметной командой) с 4-й легкой и 1-й тяжелой латышскими батареями. Полку был придан бронепоезд «Свободная Россия». Около 200 белогвардейцев с пулеметами и 2 орудиями повели наступление на станцию и мост. У станции их встретили 30 стрелков под командой командира 2-й роты К. Якобсона, а у моста — 24 стрелка под командой командира 4-й роты А. Лиепиня. Латышские стрелки при поддержке батареи отбили атаку противника и вместе с другими подоспевшими ротами 4-го полка контратакой заставили его отступить и захватили пулемет. Артиллерия отогнала флотилию белых от Свияжска.

Оборона Казани имела большое значение. Впервые на Восточном фронте белые столкнулись с таким упорным сопротивлением. Героическая борьба латышских стрелков сорвала планы белых захватить станцию Свияжск и мост через Волгу. В ожесточенных боях за Казань понесли большие потери их лучшие части. Генеральный консул США в Иркутске Гаррис вынужден был отметить, что положение белых после взятия ими

Казани тяжелое, а их «потери более значительные, чем в других [121] местах»{90}. Противник должен был прервать наступление. Это дало возможность Красной Армии организовать прочную оборону, а затем перейти в решительное контрнаступление.

Героем обороны Казани был 5-й полк. 20 августа на заседании Президиума ВЦИК было решено наградить его Почетным знаменем «за самоотверженную и храбрую оборону гор. Казани». Это было первое в истории Красной Армии награждение красноармейской части Почетным знаменем ВЦИК за воинскую доблесть.

Вручение Почетного революционного Красного знамени 5-му полку состоялось 9 сентября 1918 года в Арзамасе. Для приема знамени полк построился в каре в районе казарм. Полком командовал Я. Грегор. При вручении знамени присутствовали И. Вациетис и Ю. Данишевский. Знамя было изготовлено в Москве и доставлено в Арзамас 2 делегатами. Оно было вручено командиру полка, а тот передал его знаменосцу. И. Вациетис поздравил стрелков и призвал их к новым победам.

На организацию праздника по случаю награждения штаб Восточного фронта выдал 5-му полку 10 тыс. рублей. Комитет коммунистической фракции решил половину этой суммы передать ЦК СДЛ, но на ротных и командных собраниях стрелки единогласно постановили все деньги передать Российскому бюро ЦК СДЛ на поддержание революционной работы в оккупированной Латвии.

В тот же день, 9 сентября, состоялось собрание стрелков 5-го полка. В принятой резолюции говорилось:

> «Под Красным знаменем, которое нам дорого и которым мы гордимся не потому, что мы его заслужили, а потому, что на нашу долю выпало счастье получить его от нашего классового правительства, мы даем себе клятву бороться за святое дело, за освобождение от рабства и гнета капитализма мирового пролетариата...
>
> Мы знаем, что наше дело не погибнет, ибо мы боремся за светлое будущее всего человечества. Мы победим, ибо с нами идет ход истории.
>
> Да здравствует великий вождь народов товарищ Ленин!
>
> Да здравствует Советская власть!
>
> Да здравствует III Интернационал!»{91}

Впоследствии, сражаясь под Красным знаменем ВЦИК, 5-й полк оправдал доверие трудового народа: через год, осенью 1919 года, ему было вручено Почетное Красное знамя Петроградского Совета за героизм в боях против Юденича.

Взятие Казани было последним крупным успехом белых на Восточном фронте. Еще 29 июля ЦК РКП(б) признал необходимым

принять экстренные меры для укрепления фронта. Особое внимание было обращено на казанское направление. В Казани началось формирование V армии. С 6 августа на станцию Свияжск непрерывно поступали эшелоны с войсками. В числе первых прибыли 4-й полк с 4-й легкой и 1-й тяжелой батареями, 1-й полк, кавалерийский полк, 6-й полк с 6-й легкой батареей, штаб 3-й бригады и штаб 2-й бригады. [122]

На 11 августа в V армии находились части Латышской дивизии: 5 латышских стрелковых полков, 1 кавалерийский полк, 3 батареи и 2 штаба бригад. Их боевой состав насчитывал 1045 штыков, 210 сабель, около 60 пулеметов, 12 орудий, а численный — 3400—3500 бойцов, что в то время составляло свыше половины боевого и численного состава всей армии. 16 августа штабы 2-й и 3-й бригад выбыли в Арзамас на укомплектование штаба Восточного фронта.

К середине августа в Свияжск прибыли также другие полки и отряды из Москвы, Петрограда и других городов страны.

12 августа был образован штаб V армии. Командующим армией назначили П. Славена, его помощником — бывшего командира Московского латышского отряда в Пензе Я. Гайлитиса, политическим комиссаром — С. И. Гусева, начальником штаба — А. Андерсона, комиссаром разведотдела, а затем комиссаром штаба армии — А. Лапиня, начальником службы связи — Р. Петерсона, комиссаром связи — В. Межлаука. На укомплектование штаба армии были взяты многие латышские командиры и стрелки.

11 августа началось наступление V армии. Левобережная группа достигла станции Красная Горка в 12 км от Казани, однако противник вынудил ее отойти. Утром 12 августа в бою был убит командующий левобережной группой Я. Юдынь. В память его Совет Народных Комиссаров постановил: переименовать железнодорожную станцию Красная Горка, место героической гибели товарища, в станцию Юдино. Это был первый случай увековечения памяти героя гражданской войны.

Упорные бои вела и правобережная группа V армии, в состав которой входили все латышские полки. В боях они понесли тяжелые потери. Геройски погибли председатель Исколастрела Ю. Заринь, комиссар 4-го полка А. Петерсон и другие.

20 августа главком И. Вациетис направил комиссару Латышской дивизии К. Петерсону телеграмму: «Пострадавшие в боях латышские полки, в том числе 4-й, будут отведены в глубокий тыл для укомплектования и приведения в боевую готовность, но не на отдых. Его в эту минуту решительной схватки быть не может. Или умирать, или сражаться через силу, поэтому не следует подготовлять войсковые части к переходу на отдых.

Ведите сильно и энергично агитацию, чтобы латыши поступали в наши полки. Время понять, что латышские полки должны сделаться центром боеспособности Красной Армии. На стороне наших противников — чехословаки, с нашей стороны будем мы, латыши. Я глубоко уверен, что победителями останемся мы»{92}.

В конце августа противник под Казанью последний раз попытался перехватить инициативу. 27 августа началось наступление лучших каппелевских частей (200 штыков, 340 сабель и 14 орудий) на правобережную группу. Правая колонна противника повела наступление на позиции 1-го и 6-го латышских полков, но была разбита и отброшена. Средняя колонна, выйдя в тыл V армии, 27 августа взяла станцию Тюрлема, вечером [123] 28 августа — город Свияжск, но у станции Свияжск была разбита.

Стрелки проявили в боях высокие политические и боевые качества. В бюллетене Военно-политического отделения Наркомата по военным делам от 4 сентября отмечалось: «Настроение частей правобережной группы в большинстве случаев хорошее, особенно этим отличаются латышские части, эти войска выносят на себе наиболее ответственные поручения...»{93}

2 сентября ВЦИК вынес решение о превращении страны в единый военный лагерь. Высший военный совет был упразднен, а для руководства всеми вооруженными силами страны учрежден Реввоенсовет Республики. Главнокомандующим всеми вооруженными силами республики был назначен И. Вациетис, которому был подчинен Полевой штаб РВСР. Инициатива назначения исходила от В. И. Ленина. Еще в двадцатых числах августа, когда обсуждался вопрос о необходимости немедленного объединения управления боевыми действиями войск, В. И. Ленин предложил назначить И. Вациетиса главнокомандующим{94}.

5 сентября советские войска под Казанью перешли в решительное наступление. 6 сентября 1-й и 6-й латышские полки при поддержке 4-й латышской легкой батареи заняли деревни Воробьевку и Нижний Услон, захватив 8 орудий и 48 пулеметов и нанеся противнику тяжелые потери; 4-я батарея у деревни Нижний Услон отогнала пароходы противника, пытавшиеся подойти на помощь белым, и подбила 1 из них; 7 сентября 1-й и 6-й латышские, 2-й Московский и Тверской полки взяли Верхний Услон и, установив там 2 тяжелых и 13 легких орудий (в том числе 4 орудия 6-й латышской батареи), начали совместно с Волжской военной флотилией артиллерийский обстрел города. С захватом Верхнего Услона судьба Казани была решена.

Левобережная группа соединилась с частями II армии, наступавшими на Казань с севера. 9 сентября на Дальнем Устье был высажен отряд моряков. 10 сентября советские войска вступили в город.

Освобождение Казани явилось поворотным моментом в боевых действиях на Восточном фронте. В письме красноармейцам, участвовавшим [124] во взятии города, 22 сентября В. И. Ленин писал: «... великое значение приобрело для всей русской революции взятие Казани, ознаменовавшее перелом в настроении нашей армии, переход ее к твердым, решительным победоносным действиям»{95}.

От Казани белые поспешно отступали к Симбирску. 6 сентября перешла в наступление на юго-восток — к Буинску и Шихранская группа, в которую входили 4-й латышский полк и Латышский кавалерийский полк. К 15 сентября эта группа заняла Буинск и Тетюши и соединилась с правобережной группой, которая достигла Красновидова. Взятие Казани окрылило и бойцов I армии, 12 сентября они освободили Симбирск. Однако белые продолжали оказывать упорное сопротивление.

На помощь частям I армии были направлены по Волге десантные группы V армии, в составе которых были 1-й и 6-й латышские полки и 1-я латышская тяжелая батарея. У станции Чердаклы белые были разбиты и без сопротивления стали отходить на восток. 7 октября 1-й латышский полк вместе с другими частями занял станцию Мелекес в 100 км восточнее Симбирска. В тот же день части I и IV армий освободили Самару.

Среди частей V армии, наступавших на Бугульму, латышские полки были одними из самых надежных и боеспособных. С. С. Каменев, командовавший в это время Восточным фронтом, писал в своих воспоминаниях, что в конце 1918 года «на бугульминском направлении, прикрывавшем Ульяновск (тогда Симбирск), среди других частей находился латышский полк. Этот латышский полк пользовался заслуженной славой крепкой боевой единицы, в силу чего на данном участке являлся основой устойчивости»{96}. 16 октября была взята Бугульма. Противник продолжал отходить к Уфе. В авангарде наступавших войск шел 6-й латышский полк.

Население всюду встречало красноармейцев как своих освободителей. Жители деревни Сергиевки вышли навстречу стрелкам с красными флагами. В короткие часы отдыха коммунисты латышских полков выступали на митингах крестьян с докладами о положении Советской республики, об успехах Красной Армии, стрелки устраивали для крестьян вечера самодеятельности.

19 октября Латышская дивизия приказом РВСР была подчинена непосредственно главнокомандующему И. Вациетису. В тот же день 1-й и 6-й полки и 4-я батарея, находившиеся уже в 300 км восточнее Симбирска, получили приказ И. Вациетиса вернуться в Симбирск, в резерв главнокомандующего. Реввоенсовет Республики решил отправить на Западный фронт 1-й и 6-й латышские полки. В конце ноября полки

отправились из Симбирска на запад. В Латвию отправился и 4-й полк, в состав которого в Арзамасе был включен Торошинский полк.

В составе V армии в ноябре — декабре продолжали сражаться Латышский кавалерийский полк и 2 латышские батареи (240 сабель, 7 орудий, 10 пулеметов, всего свыше 1000 стрелков). [125]

На правом фланге 26-й дивизии в конце ноября штабной эскадрон Латышского кавалерийского полка (90 сабель) неожиданной ночной атакой выбил из села Ивановка крупный отряд противника численностью около 600 человек с 2 орудиями. По воспоминаниям Ю. Бутевица, командир полка Я. Кришьянис, которому донесли, что в селе расположены крупные силы врага, применил в атаке военную хитрость: приказал подавать командирам взводов команды «батальонам» и «ротам». Команды повторялись на латышском, польском и венгерском языках, и каждый взвод с криком «вперед» на родном языке атаковал противника в ночной тьме. Успех операции был полный, враг в панике бежал.

31 декабря части Красной Армии освободили Уфу. Здесь закончился боевой путь латышских стрелков в составе V армии. Оборона Казани, ее освобождение, десант у Симбирска и, наконец, освобождение Уфы — таковы славные вехи этого героического пути.

В боях на Восточном фронте латышские стрелки еще раз доказали свою верность Советской власти и идеям пролетарского интернационализма. Они были в числе первых частей, направленных на этот фронт и выдержавших самые напряженные бои с белочехами с конца мая по август 1918 года. Численность латышских стрелков в это время имела довольно большой удельный вес в армиях фронта: в I армии в июне — [126] июле — 20—30%, в V армии в середине августа — свыше 50%, во II армии в конце сентября — до 30% всего состава. Меньше их было в III армии — 7—10% в июле и в IV — 2—3% в середине августа.

В боевых действиях на Восточном фронте во второй половине 1918 года приняли участие 9 латышских стрелковых и 1 кавалерийский полк, 3 батальона, 3 эскадрона, 10 отдельных рот, 3 батареи и 5 артиллерийских взводов общей численностью около 5300 штыков, 1200 сабель, 200 пулеметов, 21 орудие, всего около 12 тыс. бойцов. Численность множества мелких латышских отрядов и подразделений определить крайне трудно. Тысячи латышей сражались в русских частях Красной Армии.

Боевая обстановка требовала рассредоточения латышских частей по различным, как правило, решающим участкам. Они участвовали во всех крупных операциях Восточного фронта. В ноябре 1918 года, когда войска фронта вели победоносное наступление, большинство этих частей были переведены на Западный фронт, а некоторые оставались в составе Восточного фронта до февраля 1919 года.

3. На Северном и Южном фронтах

Особое внимание в своих агрессивных планах империалисты Антанты уделяли Северу. Здесь находились крупнейшие порты — Мурманск и Архангельск, через которые они могли снабжать свои войска и войска белогвардейцев оружием, снаряжением и боеприпасами. Отсюда было недалеко до центров Советской России — Москвы и Петрограда. В марте 1918 года интервенты высадили десант в Мурманске и приступили к накоплению сил, готовясь к постепенному расширению плацдарма агрессии.

Советское правительство приняло меры по укреплению обороны Севера, усилило гарнизоны важнейших городов и охрану железных дорог надежными красноармейскими частями и отрядами, среди которых были и латышские.

С конца апреля по сентябрь 7-й полк (475 человек с 12 пулеметами) и 2-й Петроградский латышский эскадрон (150 человек) несли охрану финской границы на Карельском перешейке в районе Алакюля и Белоострова.

В начале марта в Вологду — политический и административный центр Советского Севера — был направлен отряд 2-го латышского полка. Он участвовал в разоружении анархистов, нес гарнизонную службу. 4 июля из Бологого в Вологду прибыл 8-й полк, в состав которого и вошел ранее прибывший отряд. В полку стало 514 стрелков с 14 пулеметами. 17,5% стрелков были коммунистами. Стрелки немедленно установили связь с местными советскими и партийными организациями и приняли активное участие в их работе. Сотрудничеству со стрелками воспротивились «левые коммунисты», которые, по воспоминаниям В. И. Суздальцевой, «шовинистически негодуя на «засилье» латышей, военных и иногородних, разжигали местничество в городской организации и, по существу, вторили буржуазной клевете на наши партийные и [127] рабочие части и на латышских стрелков»{97}. Но латышские стрелки делом доказали свою преданность революции.

20 июля английские войска высадились на Соловецких островах, 31 июля захватили Онегу. Непосредственная угроза нависла над Архангельском. Расширяя агрессию, интервенты намеревались соединиться в районе Котласа с белочехами.

Общая численность советских войск в Архангельске была незначительной — около 800 человек. Самой сильной частью гарнизона была Латышская пулеметная команда (около 250 стрелков; 187 штыков, 27 пулеметов, 2 броневика). Стрелки, прибывшие в марте в Архангельск из Петрограда вместе с Чрезвычайной комиссией по разгрузке Архангельского порта (ЧКОРАП), охраняли порт, помогли вывезти в центр большое количество каменного угля и военных материалов, участвовали в

арестах контрреволюционеров. Латышские коммунисты принимали активное участие в общественно-политической жизни города. Редактором газеты «Известия Архангельского Совета» был Е. Тимме, а в числе руководителей городской партийной организации — О. Валюшис, А. Эйдук, М. Новов.

В июле небольшой латышский отряд находился в Шенкурске, когда там вспыхнул мятеж. Стрелки 4 суток выдерживали осаду. На предложение сдаться они ответили категорическим отказом. Лишь обманом удалось мятежникам взять небольшой отряд в плен.

2 августа превосходящие силы интервентов и белогвардейцев захватили Архангельск. Часть Латышской пулеметной команды выехала по железной дороге Архангельск — Вологда, а часть — на пароходе по Северной Двине.

В начале августа определились 3 основных направления, на которых развернулись боевые действия: петрозаводское (по Мурманской железной дороге), железнодорожное (вдоль железной дороги Архангельск — Вологда) и северодвинское. По этим направлениям колонны противника пытались развить наступление.

На железнодорожном направлении латышские стрелки участвовали в боях у станции Обозерская (в 130 км от Архангельска), где 4 августа был создан штаб войск Архангельского района. В тот же день Латышская команда и Железнодорожный отряд были направлены по шоссе к Онеге. В 23 км от Обозерской, у деревни Осташево, они встретили противника, который, не принимая боя, отошел за реку Онега. 5 августа латышские стрелки продолжили наступление, но, узнав, что бои идут у них в тылу, отступили к железной дороге и вместе с матросами отбили наступление английского отряда на Обозерскую.

Латышская пулеметная команда находилась на передовой позиции в 15 км севернее Обозерской до 14 августа, когда она получила приказ войти в состав Плесецко-Селецкой боевой колонны под командованием М. С. Филипповского, созданной для прикрытия правого фланга войск Архангельского района по реке Емца. В начале сентября противник захватил [128] Обозерскую. В составе Плесецко-Селецкой колонны Латышская пулеметная команда находилась до ноября. В ее составе было 130 штыков, 5 пулеметов, всего 142 человека. Вместе с другими отрядами колонны стрелки совершали налеты на позиции французских войск в деревнях Сельцо, Тегра и др.

На северодвинском направлении было несколько латышских отрядов. Один отряд (20 стрелков с 1 пулеметом) под командованием М. Бауманиса находился в Шенкурске, другой (12 стрелков) — в Пинеге, третий (35 стрелков) под командованием Я. Силиня — на пароходе «Феникс». Из части Латышской пулеметной команды, отступившей из Архангельска по

Северной Двине, упомянутых отрядов и отдельных латышей-добровольцев в августе была образована Латышская стрелковая рота — 81 штык с 3 пулеметами, всего 113 стрелков. В начале сентября интервенты захватили Шенкурск. Северодвинское направление стало главным, так как противник стремился через Котлас выйти к Вятке и соединиться с белочехами.

В начале октября на северодвинском направлении советские войска, сведенные в бригаду, перешли в наступление, продвинулись на 50 км и в середине октября после упорного боя заняли деревню Сельцо на левом берегу Северной Двины. В этом бою Латышская пулеметная команда вместе с Рождественским и Тотемским отрядами и конным отрядом Хаджи-Мурата (Дзарахохова) обошли английскую роту. Противник, загнанный в болото, потерял около 300 убытыми и бросил броневик. В наступлении по правому берегу Северной Двины вместе с 1-м Вологодским полком, Вологодской коммунистической ротой, отдельной ротой моряков участвовала Латышская стрелковая рота. Эта успешная операция упрочила положение Котласа с севера.

В ноябре на северодвинское направление прибыл также батальон 14-го Нарвского эстонского полка, который принял участие в боях. В декабре командование 6-й стрелковой дивизии Западного фронта ходатайствовало о возвращении батальона, «находящегося в настоящее время на Северном фронте, ввиду того, что батальон этот состоял из эстонцев и латышей, главным образом, жителей Эстляндии, имея в своих рядах более 250 коммунистов». Однако батальон оставался на Северном фронте до июня 1919 года.

Латышская пулеметная команда отправилась на Западный фронт в ноябре 1918 года, а Латышская рота — в ноябре 1919 года.

Латышские стрелки, общая численность которых превысила 2000 человек, составляли значительную часть советских войск на Севере в начале боевых действий против интервентов. Участвуя во многих боях, они, а также отдельные латышские коммунисты сыграли видную роль в укреплении Советской власти на Севере.

* * *

На Дону летом 1918 года Красная Армия вела бои с белоказачьей армией атамана Краснова. Военные действия развернулись главным образом на царицынском и центральном (по железной дороге Царицын — Москва) направлениях. [129]

3 июня начальник оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам С. И. Аралов дал распоряжение Военному комиссариату Москвы: «По приказанию Председателя Совнаркома тов. Ленина предписывается Вам сегодня же к 6 часам вечера приготовить отряд в

числе 400 человек, из которых должно быть 100 человек обязательно латышских стрелков, для отправления в г. Астрахань с тов. Сталиным»{98}. Отряд латышских стрелков под командованием В. Галвиня выехал в Царицын на следующий день. Стрелки подавили мятеж белоказаков в станице Александровской, восстановили Советскую власть от Камышина до Красного Яра, возобновили прерванное сообщение между Балашовым и Камышиным.

В начале октября на поворинском участке Южного фронта разгорелись упорные бои. Белоказаки прорвали фронт у станции Алексиково. По распоряжению главнокомандующего И. Вациетиса сюда была направлена 3-я бригада Латышской стрелковой дивизии. В ее состав входили: Саратовский полк особого назначения, 9-й полк, 8-й полк с полубатареей, Витебский кавалерийский полк, Пензенский эскадрон, 1-я батарея 1-го легкого артиллерийского дивизиона и отделение авиационного отряда. [130]

В Поворине в состав бригады вошла также Тамбовская латышская колонна, сформированная в июне К. Озолинем. Основу колонны составили стрелки расформированного в Тамбове тяжелого артиллерийского дивизиона; позднее в нее вступило много добровольцев — русских и латышей. К осени в Тамбовской латышской колонне было 46 штыков, 4 пулемета, 4 орудия, 2 броневика, 265 стрелков. Около 60 стрелков были коммунистами. Это была немногочисленная, но сильная воинская часть.

В 3-й бригаде во второй половине октября было: около 1500 штыков, 415 сабель, свыше 65 пулеметов, 11 орудий, 2 самолета, 2 броневика; всего — 4173 бойца, из них — 792 коммуниста (больше, чем в то время во всех частях VIII и IX армий Южного фронта). Латышская бригада образовала Особую ударную группу Южного фронта, в которую были включены также 2-й Лубенский стрелковый и 1-й Донской казачий полки, кавалерийский дивизион и 2 батареи. Командовал группой командир Латышской бригады В. Бухманис.

Сразу после прибытия на фронт 17 октября бригада вступила в бой. Продвижение белоказаков к станции Поворино удалось остановить.

В конце октября 9-й латышский полк направили из Поворина на помощь защитникам Новохоперска, сдерживавшим натиск белоказаков на последней оборонительной линии перед городом. Прямо из вагонов стрелки пошли в бой. Блестяще действовала латышская батарея. Ее орудия, находясь в стрелковой цепи, подавили батарею противника и нанесли тяжелые потери кавалерии. Белоказаки были отброшены от города.

Рядом с Латышской бригадой в октябре — ноябре в составе 1-й бригады 14-й дивизии сражался Курземский полк (переименованный в 118-й полк), сформированный весной 1918 года из батальона 3-го

Курземского латышского полка. В ноябре начальник 14-й дивизии Ф. К. Миронов обследовал части поворинского участка и представил командованию доклад, в котором говорилось: «Мне выпало на долю ехать в Курземский полк... Стоит полк в пяти верстах от ближайших строений и занимает позицию на совершенно открытом поле. Нет ни деревца, ни кустика; окопов тоже нет. У каждого вырыта кротовая нора (иначе назвать это сооружение нельзя), в которую входить можно только ползком, в которой он ночует, разводя в холодное время костер. Вид у товарищей красноармейцев ужасный — все черны как уголь. Умываться, видно, не приходится, так как вода привозится из хуторов в бочках и ее еле хватает для питья... В таких условиях полк, выдерживая натиск противника и сам неоднократно переходя в наступление, бессменно стоит на передовых позициях, не имея резервов, пять месяцев. Это — богатыри, это действительно люди, решившие все до последней капли крови отдать за революцию... День был проведен в беседах с товарищами красноармейцами, которые изъявили согласие еще стоять на передовой линии, сколько потребуется, всегда наступать, когда прикажут, на удлинение боевого участка тоже согласились и, кажется, нет ничего, на что не согласились бы они во имя революции»{99}. [131]

25 ноября Ударная группа перешла в наступление в соответствии с директивой нового командующего Южным фронтом П. Славена. Это наступление вначале развивалось успешно, были освобождены многие населенные пункты, в том числе сильно укрепленная станция Алексиково на развилке железной дороги из Москвы на Царицын и Урюпино. Но на левом фланге значительные силы белоказаков вышли в тыл Ударной группы. Несмотря на огромный численный перевес белых, бригада отходила организованно и хладнокровно, отбивая натиск противника. Латышские стрелки понесли большие потери, но и обескровленные в упорных боях белоказаки не смогли достигнуть главной цели своего контрнаступления — захватить Поворино.

В середине декабря 3-я латышская бригада выехала на Западный фронт, где стрелков ждали новые бои за освобождение их родины — Латвии.

В течение 2 месяцев в значительной степени благодаря стойкости и массовому героизму стрелков 3-й латышской бригады поворинский участок был самым устойчивым: белоказакам не удалось здесь осуществить такие глубокие и опасные прорывы, как на других участках, хотя противник не раз бросал в бой крупные силы. Беззаветное мужество стрелков получало самые высокие оценки командования. Героизму стрелков соответствовала их скромность. В рапорте начальнику Латышской дивизии [132] командир бригады Е. Штейн 15 декабря отмечал: «Хотя в составе частей бригады много лиц, проявивших личный

героизм, представить их отдельно к награде я не могу, так как они категорически отказываются принять какие-либо индивидуальные награды»{100}. В своих воспоминаниях И. Вациетис писал: «Действия частей 3-й латышской бригады относятся к разряду героических эпизодов, и они весьма поучительны как с тактически-оперативной, так и с политико-моральной стороны»{101}.

Латышские стрелки приняли участие в боях и на других участках Южного фронта. В Терской области против банд Бичерахова сражался отряд (250 человек), прибывший из Астрахани, который был сформирован в Харькове из рабочих завода ВЭК, эвакуированного туда в 1915 году из Риги. Вместе с астраханской рабочей дружиной они отбросили от Кизляра войска противника. 3 ноября местный Совет вручил латышским стрелкам Красное знамя за героизм в боях против бичераховских банд. В том же месяце отряд отправился на Западный фронт, в Латвию. [133]

Глава IV. **В борьбе за Советскую Латвию**

1. Освобождение территории Латвии в декабре 1918 и январе 1919 года

В конце 1918 года у латышских стрелков появилась реальная возможность прийти на помощь трудящимся для совместной борьбы за власть Советов в родной Латвии. Этому способствовали в первую очередь значительные изменения в международном положении в конце империалистической войны.

Начало революции в Германии в ноябре 1918 года и поражение германских империалистов в первой мировой войне сильно ослабили военно-полицейский режим на оккупированных ими восточных территориях, в том числе и в Прибалтике. Народные массы заметно усилили борьбу за свое национальное и социальное освобождение. Свою работу усилили и организации Социал-демократии Латвии (СДЛ), по инициативе которых восстанавливались или создавались органы власти трудящихся — Советы рабочих и безземельных депутатов.

В условиях нарастающей революционной борьбы 18 и 19 ноября в Риге нелегально проходила XVII конференция СДЛ, обсудившая меры, необходимые для победы социалистической революции в Латвии. Конференция приняла решение готовить трудящихся к вооруженному восстанию. Центральному Комитету СДЛ было поручено создать Военно-революционный комитет Латвии для подготовки вооруженного восстания и руководства им. Подготовка к предстоящей борьбе охватила не только Ригу и другие административные центры Латвии, но и сельские местности. Активизировали свою деятельность партизанские отряды, уже ранее сформировавшиеся как в Северной Видземе и Латгале, так и в Курземе.

13 ноября 1918 года РСФСР аннулировала несправедливый Брестский мирный договор и призвала народные массы оккупированных областей в ходе борьбы против оккупантов заключить братский союз с рабочими и

крестьянами России. Медлить было нельзя, так как силы контрреволюции спешили организоваться и надеялись в недалеком будущем [134] получить вооруженную помощь от победивших в империалистической войне стран Антанты и США.

В соответствии с условиями Компьенского перемирия империалисты союзных держав в интересах антисоветской борьбы обязали Германию оставить в Прибалтике свои оккупационные войска. На территории Эстонии и Латвии находилась германская VIII армия. В начале ноября 1918 года в нее входили 6 пехотных дивизий, кавалерийская бригада и 9 полков ландштурма. Пребывание германских войск на захваченной территории, трудящееся население которой решительно боролось за Советскую власть, способствовало распространению революционных настроений среди немецких солдат. Этот процесс особенно усилился после начала революции в Германии. Когда немецкие солдаты приступили к избранию своих Советов, командование старалось делать все возможное, чтобы в них попали угодные ему правые социал-демократы. Во многих случаях это удавалось. Лиц, связанных с созданным в Германии революционным «Союзом Спартака», среди немецких солдат было сравнительно мало. И все же остановить разложение оккупационного войска оказалось уже невозможным. К тому же солдаты с каждым днем настойчивее требовали отправления их на родину. Так как командование медлило, они начали действовать самостоятельно. Но, несмотря на это, с оккупационным войском надо было считаться как с большой, хорошо вооруженной и организованной силой, которую контрреволюция пыталась использовать в антисоветской борьбе.

Союзные державы после окончания империалистической войны свое главное внимание обратили на Советскую Россию. Прибалтика их интересовала в первую очередь как выгодный плацдарм для усиления интервенции против страны Советов. Согласно договору между английскими и французскими империалистами о «сферах влияния», Прибалтика была отнесена к Англии. Последняя для защиты своих интересов направила в Балтийское море военные корабли. От посылки войск английские империалисты предусмотрительно воздержались. К тому же использование немецких оккупационных войск в пользу держав, победивших в мировой войне, представлялось гораздо меньшим риском.

Германия не возражала против дальнейшей оккупации Прибалтики, надеясь на некоторые уступки со стороны Антанты и США в ходе мирных переговоров. В то же время она тайно надеялась подчинить Прибалтику своему влиянию, закрепиться на ее территории. Это была так называемая новая восточная политика, которая прикрывалась демагогией, политическими маневрами, стремлением сотрудничать с местной буржуазией. Латышская буржуазия, за исключением небольшой группы

германофилов во главе с пастором А. Ниедрой, ориентировалась на победившую в мировой войне Антанту, что в значительной мере можно объяснить многовековым национальным гнетом немецких прибалтийских баронов, недавней реакционной политикой оккупантов в Прибалтике, началом неприкрытой колонизации и подготовкой присоединения Прибалтики к кайзеровской Германии. К тому же стремившаяся к власти буржуазия хотела воспользоваться земельными площадями прибалтийских баронов. [135]

Союзные державы в своих империалистических интересах всячески способствовали созданию буржуазных государств в Прибалтике, имея в виду образование известного санитарного кордона у западной границы Советской республики, а также полагая использовать их вооруженные силы в борьбе против Советской России. Таким образом, с согласия союзников и не без помощи оккупантов 18 ноября 1918 года была провозглашена «независимая» Латвия и составлено временное буржуазное правительство во главе с К. Улманисом. Приблизительно в то же время при соответствующих обстоятельствах буржуазия устремилась к власти в Эстонии и Литве.

Накануне решительных сражений активизировались прибалтийские немецкие бароны, приступившие к созданию вооруженной силы местной контрреволюции — так называемого Балтийского (Прибалтийского) ландесвера. В ландесвер добровольно вступили бароны, обагрившие свои руки кровью латышских трудящихся еще во время революции 1905 — 1907 годов. В состав ландесвера было задумано включить 18 латышских, 7 немецких и 1 русскую роты, 3 латышские и 2 немецкие артиллерийские батареи{102}. Однако латышский народ не поддержал буржуазное временное правительство, а о формировании упомянутых 18 рот не могло быть и речи. Хотела она этого или нет, буржуазии пришлось опираться на оккупационные войска. Так как продолжалось их разложение, командование старалось часть солдат подкупить и вовлечь в ряды создаваемой «железной бригады», которая должна была стать опорой в антисоветской борьбе.

Реввоенсовет РСФСР еще 13 ноября на своем заседании признал необходимость немедленно приступить к освобождению оккупированных территорий, непосредственно прилегающих к Прибалтике, чтобы вслед за этим оказать помощь эстонским, латышским и литовским трудящимся.

В середине ноября Западный район обороны был переименован в Западную армию. Ей совместно с VII армией Северного фронта предстояло осуществить новые активные задачи на западе Советской России.

Реввоенсовет РСФСР, идя навстречу пожеланиям трудящихся Прибалтики, решил в распоряжение VII и Западной армий отправить те

латышские и эстонские советские части и отряды, которые до этого сражались на других фронтах гражданской войны. Из национальных частей Красной Армии наиболее многочисленной силой являлись латышские стрелковые советские полки. На упомянутом заседании Реввоенсовет РСФСР принял решение об отправке на запад 1-го и 6-го латышских стрелковых советских полков, к тому же поручил главнокомандующему И. Вациетису заботиться о замене других латышских частей.

В последнюю неделю ноября 1918 года 1-й и 6-й, а также 4-й латышские стрелковые советские полки из Симбирска и Арзамаса через Москву были отправлены в Дно, потом в Псков. Туда же следовал и 2-й эскадрон Латышского кавалерийского полка, которому совместно с упомянутыми стрелковыми частями под руководством штаба 2-й латышской [137] стрелковой советской бригады, только недавно восстановленного после упорных боев на Восточном фронте, надо было войти в состав левого боевого участка VII армии. Силы участка разделились на 2 колонны. Правая колонна получила приказ продвигаться вдоль железнодорожной линии Псков — Валка, а левая — на Остров, Пыталово и Вецгулбене. 2-я латышская стрелковая советская бригада (командир — Р. Лиелбиксис, комиссар — Р. Апинис) составила главные силы правой колонны. В 3 стрелковых полках бригады и кавалерийском эскадроне, который в декабре 1918 года начал переформировываться в дивизион, всего насчитывалось около 2900 человек.

Российское бюро ЦК СДЛ с ведома членов Центрального Комитета СДЛ в оккупированной Латвии приступило к формированию временного Советского правительства Латвии. Оно было создано 4 декабря 1918 года после согласования состава правительства с Советами рабочих депутатов Риги, Лиепаи и Валки. Председателем Советского правительства Латвии был утвержден П. Стучка. Установив связь с местными организациями СДЛ и Советами рабочих и безземельных депутатов, Советское правительство развернуло энергичную деятельность по мобилизации сил для скорейшего освобождения Латвии. Создание Советского правительства явилось важным политическим событием, побудившим подавляющее большинство населения Латвии поддержать Красную Армию в деле освобождения родины от власти оккупантов и буржуазии.

С особым нетерпением трудящиеся Латвии ожидали прибытия латышских стрелков. Орган Валкского Совета рабочих депутатов — газета «Сарканайс карогс» («Красное знамя») 1 декабря 1918 года писала: «Латышские стрелки! Трудовой народ Латвии поздравляет вас с вашим победоносным походом в Латвию ... трудовая Латвия духовно едина с вами и с нетерпением ждет вашего прихода...»

Начиная наступление на валкском направлении, 2-я латышская стрелковая советская бригада в свой авангард выдвинула кавалерийский эскадрон, а вслед за ним — возглавляемый командиром Ф. Фридрихсоном (комиссар — А. Озолинь) 4-й стрелковый полк, 1-й батальон которого после боя вечером 3 декабря занял имение Нейгаузен (ныне Вастселийна). Еще через день стрелки к северу от железной дороги Псков — Валка освободили Ораву, взяв 39 пленных и захватив много трофеев. 4 декабря в наступление включился 1-й стрелковый полк, продвигавшийся по левую сторону от 4-го полка. Им командовал А. Фрейберг, а комиссаром был Ю. Гилнер.

Для того чтобы усилить мощь наступления бригады, 5 декабря Р. Апинис обратился к комиссару левого боевого участка VII армии Я. Фабрициусу с просьбой дать распоряжение о немедленной высылке 6-го латышского стрелкового полка на станцию Печоры. Однако подготовленное наступление на Выру не состоялось. Германское командование предложило переговоры с явной целью — замедлить темп наступления латышских стрелков. Отдавая себе отчет в том, что долго удержаться не смогут, оккупанты заботились в основном о вывозе награбленных продуктов и имущества и поэтому хотели еще на некоторое время удержать в своих руках Валку. Оттянуть наступление советских войск [138] были заинтересованы также белогвардейцы, усиленно продолжавшие формирование контрреволюционных войсковых частей. Но на упомянутые переговоры, совершенно неожиданно для немецких офицеров, прибыли представители их солдат, и переговоры приняли иное направление, ибо солдаты заявили о своем намерении быстрее эвакуироваться из района Выру. Германское командование было не в силах этому воспрепятствовать, и 8 декабря в назначенный час в Выру без боя вошли 4-й латышский стрелковый советский полк и кавалеристы. Приблизительно в такой же обстановке после переговоров в ночь с 5 на 6 декабря левая колонна левого боевого участка VII армии прибыла в Вецгулбене. Эта так называемая колонна Грюнера, на всем пути не встретив сколько-нибудь серьезного сопротивления, продолжала продвижение вдоль железной дороги на Стукмани (ныне Плявиняс). 9-й Новгородский полк после занятия Вецгулбене был направлен на север — на Апе и Мынисте. В первую неделю декабря при поддержке трудящихся части Западной армии готовились освободить Даугавпилс. И в этом случае удалось избежать вооруженного столкновения. Было достигнуто соглашение с немецким солдатским советом в Даугавпилсе о добровольной сдаче города.

Для более успешной борьбы за освобождение Латвии главнокомандующий И. Вациетис 8 декабря 1918 года отдал директиву об образовании в составе Западной армии особой армейской группы Латвии.

Командующим группой был назначен Г. П. Андреев, а его заместителем — командир 2-го латышского стрелкового советского полка Ф. Риекст. В группу наряду с частями Латышской стрелковой советской дивизии решено было включить также организованные недавно в Москве 4 полка Особой интернациональной дивизии. Со второй половины декабря части армейской группы Латвии начали сосредоточиваться в районе Екабпилс — Даугавпилс.

2-я латышская стрелковая советская бригада осталась в составе VII армии и в армейскую группу Латвии не влилась. 12 декабря 6-й стрелковый полк (командир — Ф. Лабренцис, комиссар — Я. Янсон) занял мызу Канепи. 4 дня спустя стрелки 4-го латышского полка прибыли на станцию Антсла. В этом районе оперировал также 2-й батальон 1-го латышского полка. 2-й батальон 6-го латышского полка после ловкого маневра окружил мызу Карула, где в ходе недолгого боя стрелки взяли в плен ПО пехотинцев и более 100 кавалеристов из оккупационных войск{103}. 1-й батальон 6-го стрелкового полка овладел станцией Сангасте. Стрелки захватили важнейшие разъезды, а также контролировали отрезок шоссе Тарту — Валка вблизи города Валка. Кавалеристам было поручено произвести разведку в направлении Валки и имения Койккюла и в районе последнего связаться с 9-м Новгородским полком, приближавшимся от станции Тахева. В такой ситуации противник счел благоразумным отступить. Как только он оставил Валку, 17 декабря всю власть в городе взял в свои руки Совет рабочих. В этот же день Советское правительство Латвии обратилось к трудящимся с манифестом, в котором объявило о переходе всей власти в руки Советов рабочих, безземельных [139] и стрелковых депутатов, а 22 декабря Совет Народных Комиссаров РСФСР опубликовал декрет о признании независимости Советской республики Латвии.

К сожалению, постепенно приостановилось продвижение колонны Грюнера и частей Западной армии. В связи с тем что сосредоточение армейской группы Латвии запоздало, задержалось и наступление в направлении на Елгаву. Только 18 декабря в Даугавпилс прибыли первые эшелоны 3-го латышского стрелкового полка. Несмотря на то что Реввоенсовет РСФСР уже 29 ноября решил отправить на запад 2-й латышский стрелковый советский полк, несший караульную службу в Московском Кремле, замена его не была произведена. Задерживалась также отправка с Южного фронта в Латвию 3-й латышской стрелковой советской бригады. Только в последнюю декаду декабря в Даугавпилс стали прибывать части Особой интернациональной дивизии.

В данной ситуации энергично действовали 2-я латышская стрелковая советская бригада и 3-й латышский стрелковый советский полк (командир — К. Стуцка, комиссар — Я. Циецер), развернувшие наступление на Ригу

и Елгаву со стороны Валки и района Крустпилса. Оставив временно в Валке 6-й стрелковый полк, остальные части бригады направились к Стренчи. Когда 21 декабря стрелки достигли Стренчи, навстречу им вышли трудящиеся с красным знаменем. «После таких случаев не идти, а лететь хотелось, чтобы быстрее оказаться у цели, так как каждый сознавал и понимал, что впереди тысячи таких же товарищей, которые в любой момент готовы с оружием в руках поддержать в бою стрелков»{104}, — впоследствии писал комиссар бригады Р. Апинис. Стрелки 1-го полка, не останавливаясь в Стренчи, совместно с 4-й латышской легкой артиллерийской батареей и броневиком продолжали свой поход на Валмиеру, где также был уже создан Совет рабочих депутатов и на помощь стрелкам готовилась выступить группа боевиков. В ночь на 22 декабря началась атака города и через несколько часов сопротивление «железной бригады» было сломлено. Днем позже, 23 декабря, 4-й латышский стрелковый советский полк, радушно встреченный трудящимися, через построенные ими триумфальные ворота вошел в Цесис, оставленный как оккупантами, так и немногочисленной местной белогвардейской ротой. Севернее места боев бригады 9-й Новгородский полк с конными разведчиками 1-го латышского стрелкового советского полка 24 декабря освободил Руиену, в которую вернулся партизанский отряд, отступивший до того под давлением белогвардейцев Северного корпуса.

Правую колонну армейской группы Латвии по-прежнему составлял только один 3-й латышский стрелковый советский полк. Продвигаясь от Крустпилса к Елгаве, 27 декабря он достиг станции Даудзева. Прибывшие в Даугавпилс части Интернациональной дивизии образовали левую колонну группы, действовавшую вдоль железной дороги Даугавпилс — Паневежис — Шяуляй.

2-я бригада, продолжавшая свой боевой поход на Ригу, сломила сопротивление «железной бригады» у Лигатне и Сигулды и, преследуя [140] отходящего неприятеля, приближалась к станции Инчукалнс. В этом районе, а также вблизи имения Инчумуйжа, со времени империалистической войны хорошо сохранились полевые укрепления. Противник решил воспользоваться ими и еще раз попытаться остановить стрелков. Кроме солдат «железной бригады» для участия в бою, решающем судьбу Риги, в означенный район прибыли отряды ландесвера.

Бой начался 31 декабря. Батраки имения показали стрелкам обходные пути, ведущие в тыл врага. Это дало возможность ночью произвести обходной маневр. Продвигаясь вперед по древнему руслу реки Гауя, латышские стрелки неожиданно появились в тылу противника. Среди белогвардейцев началась паника, и их спасли только проволочные заграждения, замедлившие штыковой удар стрелков. Пока преодолевались

заграждения, враг успел привести в порядок свои части и вовлечь в бой резервы. Сражение продолжалось 1 января 1919 года. Когда стрелки 1-го и 4-го полков готовились с двух сторон сжать тесным кольцом расположение противника и отрезать ему отступление к Риге, тот, до того оказывавший упорное сопротивление, не выдержал и в панике бежал с поля боя, бросив свои орудия и много пулеметов. В сторону Риги удалился и бронепоезд противника. Белогвардейцы потерпели поражение. За самоотверженность в этом бою 4-му латышскому стрелковому полку была объявлена благодарность, а 1-й стрелковый полк и 4-ю латышскую легкую артиллерийскую батарею Советское правительство Латвии решило наградить Боевым Красным знаменем.

За несколько недель в Видземе (Валке, Валмиере, Цесисе и других местах) во 2-ю латышскую стрелковую советскую бригаду на место павших и раненных в боях вступили сотни добровольцев. Массовый приток добровольцев, наблюдавшийся и в дальнейшем при освобождении Латвии, свидетельствовал о глубокой заинтересованности трудящихся в победе Советской власти.

Всем уже было ясно, что белогвардейцы в Риге сидят, как на пороховой бочке. 29 декабря 1918 года буржуазное временное правительство Латвии заключило договор с уполномоченным социал-демократического правительства Германии А. Виннигом о предоставлении гражданских прав всем иностранцам, до этого не менее 4 недель воевавших против Советской власти в Латвии. Как бы в ответ на это солдаты 1-й и 3-й рот рижских ополченцев, сформированных буржуазией, отказались защищать интересы контрреволюции. Только при помощи баронских отрядов ландесвера и английских военных кораблей, направивших огонь своей артиллерии по казармам взбунтовавшихся, выступление солдат было подавлено.

В ночь со 2 на 3 января 1919 года вооруженное восстание начал рижский пролетариат. В это время латышские стрелки находились еще в районе Ропажи. Английские военные корабли покинули рижский порт, поспешно отошли белогвардейцы и «железная бригада». Утром 3 января почтамт, телеграф и полицейские участки были уже в руках рабочих дружин. Упорные сражения вспыхнули в районе вокзала, где рабочие сумели овладеть бронепоездом, в центре города и Задвинье (Пардаугава). Во второй половине дня, когда вооруженные группы рабочих еще [141] сражались у железнодорожного моста, в Ригу стремительно прибыли кавалеристы 2-й латышской стрелковой советской бригады.

Из латышских стрелковых полков первым в Ригу вошел 6-й полк. Около полудня 4 января рижане сердечно встретили колонны 4-го и 1-го полков. Всем было понятно, что только благодаря победам латышских стрелков над «железной бригадой» и белогвардейцами завершилось

успехом вооруженное восстание в Риге. Вот как один из очевидцев описал эту встречу: «... как победителей их встречали ликованием. Александровская улица (теперь ул. Ленина) от Воздушного моста до ул. Калькю была переполнена людьми... Всеобщая радость была совершенно понятной, ибо шли победители, шли освободители..., герои нашего народа...»{105} Советское правительство Латвии приняло решение наградить 2-й латышский кавалерийский дивизион и 6-й стрелковый полк, которые первыми вошли в Ригу, Боевыми Красными знаменами.

Освобождение Риги имело важное значение для дальнейшей борьбы на территории Латвии. В начале января 1919 года трудящиеся освобожденных уездов, а также Курземе, находившейся под властью оккупантов, выбрали своих делегатов на I съезд Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов объединенной Латвии. Съезд собрался в Риге в историческую дату — 13 января (в этот день во время революции 1905 года в крови была потоплена мирная демонстрация рижан). 705 делегатов съезда представляли городской пролетариат, трудящихся сельской местности и латышских стрелков. Они были полны решимости реализовать диктатуру пролетариата, оставаясь верными принципам пролетарского интернационализма, идти рука об руку с Советской Россией на борьбу против классового врага и участвовать в строительстве социализма. Съезд торжественно провозгласил образование Социалистической Советской Республики Латвии, ставшей первым государственным образованием латышского народа, объединившим все составные части территории Латвии — Видземе, Латгале и Курземе.

К этому времени все латышские стрелковые полки, боровшиеся за Советскую власть на территории России, за исключением Лиепайского полка, который в связи с тяжелым положением Красной Армии в районе Перми временно был оставлен на Восточном фронте, и 5-го полка, находившегося в распоряжении Полевого штаба Реввоенсовета РСФСР в Серпухове, включились в борьбу за освобождение Латвии. В обстановке, когда РСФСР уже признала независимость Советской Латвии, имевшей в своем распоряжении большинство частей Латышской стрелковой советской дивизии, надо было решить вопрос об организации вооруженных сил молодой республики. Советское правительство Латвии обратилось к главнокомандующему всеми вооруженными силами РСФСР И. Вациетису с просьбой принять на себя командование армией Советской Латвии и назначить заместителя для оперативного руководства на месте. Окончательное решение о создании Армии Советской Латвии Реввоенсовет РСФСР принял на своем заседании 4 января 1919 года. Предполагалось, [142] что эта армия будет состоять из 2 дивизий — уже существующей Латышской стрелковой советской дивизии и дивизии, которую надлежало сформировать. Армейская группа Латвии

расформировалась. Части ее влились в Армию Советской Латвии. Штаб и Реввоенсовет армии расположились в Даугавпилсе. Первоначально в состав Реввоенсовета вошли заместитель командующего армией П. Авен, Я. Пиече и А. Дауманис, несколько позже еще О. Стига и Я. Тупинь. Начальником штаба был назначен П. Майгур, комиссаром — Ж. Озол.

Армии Советской Латвии был выделен участок Северного фронта с разграничительными линиями Остров — Валка — Айнажи с VII армией на севере и Даугавпилс — Паневежис — Шяуляй — Паланга с Западной армией на юге. Основной ее задачей было полное освобождение территории республики от оккупантов и белогвардейцев, занятие всего побережья и портов Рижского залива и Балтийского моря (до Паланги), недопущение возможной высадки десанта интервентами. Ближайшая [143] задача, которую поставил Реввоенсовет в приказе № 1 от 6 января, состояла в освобождении Елгавы и овладении районом Ионишкис — Бауска — Паневежис — Шяуляй. Необходимо было пополнить части 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии (так была переименована Латышская стрелковая советская дивизия) и срочно приступить к формированию 2-й стрелковой дивизии. Времени было совсем мало, так как обстановка, создавшаяся в январе 1919 года, свидетельствовала об обострении вооруженной борьбы в Прибалтике.

Для разрешения оперативных задач Армия Советской Латвии была разделена на 3 группы. Правой группе, в которую вошли находившиеся в районе Риги полки 2-й бригады, поручалось направить соответствующие силы на Тукумс и Елгаву и прервать сообщение по железной дороге Елгава — Вентспилс. Средняя группа должна была действовать в направлении Елгава — Ионишкис. Третьей группе (Интернациональной дивизии) следовало на левом фланге армии продолжать продвижение вдоль железной дороги Даугавпилс — Паневежис — Шяуляй.

8 января стрелки 3-го полка вошли в Иецаву и направились дальше на Елгаву. Саратовский латышский стрелковый полк особого назначения (впредь 10-й стрелковый полк Советской Латвии, командир — П. Матисон, [144] комиссар — К. Озолинь) от Крустпилса дошел до Скривери, переправился через Даугаву и двинулся на Бауску. Из района Крустпилса на Яунъелгаву был отправлен только что прибывший в Латвию 2-й стрелковый полк. Его командира Ф. Риекста, находившегося при штабе армии, временно заменил К. Пелитис; комиссаром полка являлся К. Бриедис.

Главные силы противника отступили к Елгаве, но закрепиться в ней и не подумали. Когда город оставили отряды белогвардейцев, вся власть перешла в руки военно-революционного комитета. 9 января в Елгаву прибыли авангардные отряды правой группы Армии Советской Латвии из

Риги, а на следующий день — стрелки 3-го полка. Тогда же в Бауску вошел 10-й стрелковый полк Советской Латвии.

После вооруженного восстания, в первую неделю января 1919 года, трудящиеся Тукумса также передали власть своему Совету рабочих депутатов. Но вечером 9 января туда явилась хорошо вооруженная банда ландесверовцев во главе с Г. фон Мантейфелем, сыном каздангского барона. Об этом было сообщено 1-му стрелковому полку, находившемуся в районе Риги. Полк выслал на помощь команду конных разведчиков. Утром 10 января разведчики достигли Тукумса, но белогвардейцев там уже не было: после зверской расправы над попавшими в их руки революционерами они ушли в сторону Талсы.

Поддерживая связь с окрестными волостями, а также с Талсы и Кандавой, тукумцы способствовали боевым успехам стрелков, своевременно информировали их о действиях противника, численности его сил. Тукумс. Талсы и другие населенные пункты в Курземе дали много бойцов, пополнивших ряды латышских стрелков.

В Курземе в это время впервые создавались Советы рабочих и безземельных депутатов. Не хватало опыта, во многих случаях отсутствовали соответствующие организаторские кадры. Значительную помощь трудящимся сельской местности в организации Совета оказали коммунистические фракции латышских стрелковых полков. В эту работу включились, например, коммунисты 3-го стрелкового полка в Крустпилсе, потом в Бауском уезде. Шире эта работа развернулась в волостях Елгавского и Добельского уездов. В деле создания волостных Советов активно участвовали коммунистическая фракция 2-го стрелкового полка, а также члены партии из 10-го стрелкового полка.

В середине января 1919 года латышские стрелки прибыли в Добеле, с боем освободили Лиелауце и Вецауце. Попытка сил контрреволюции задержаться на линии Лиелауце — Вецауце не удалась. Казалось, в скором будущем оккупанты и белогвардейцы будут изгнаны со всей территории Латвии. Но уже в первой половине января 1919 года для Советской Латвии создалась серьезная угроза с севера. Эстонским белогвардейцам при помощи империалистов Антанты, а также буржуазии Финляндии удалось добиться перелома в военных действиях под Таллином. Оттесняя советские части правого боевого участка VII армии в Северной Эстонии, войска буржуазного правительства Эстонии начали быстрое наступление в южном направлении. Поэтому 14 января в Армии Советской Латвии была выделена четвертая — Валкская — группа. В ее состав вошли как [145] дислоцированные в районе Риги части 2-й бригады, так и прибывшие в Латвию со значительным опозданием полки 3-й бригады (командир бригады — Е. Штейн, комиссар — Я. Бейка). Освобождение Курземе продолжалось только силами 1-й бригады дивизии.

Несмотря на столь неблагоприятные изменения в стратегической обстановке, во второй половине января успешно продолжалось освобождение западной части территории Латвии. Вечером 20 января 2-й стрелковый полк достиг Салдуса, уже оставленного белогвардейцами. К. Пелитис, командовавший полком, считал необходимым продолжать наступление, хотя правый фланг был открыт. Решение оказалось правильным и соответствовало сложившимся специфическим условиям гражданской войны: в этот момент противник был не в состоянии воспользоваться слабостью правого крыла советских войск. Хотя в северной части Курземе совсем не было сил Красной Армии, вся ее территория до реки Вента, кроме Вентспилса и Кулдиги, была уже под контролем местных Советов.

Разбив ландесверовцев, 22 января стрелки 2-го полка овладели Скрундой. Потеря Скрунды так подействовала на неприятеля, что он поспешил оставить и Кулдигу, отойдя к Айзпуте. Таким образом, благодаря решительным действиям 2-го стрелкового полка противник потерял выгодную для обороны линию вдоль реки Вента. В его руках остались еще Вентспилс и Мажейкяй, однако под прямой угрозой для него было куда важнее лиепайское направление. Латышские белогвардейцы вынуждены были признать, что «невозможно остановить наступление большевиков на более или менее продолжительное время, если не будет прислана помощь... Наши силы ослабляют ... большие банды местных большевиков, которые действуют очень активно и нападают на отдельные посты даже в нашем тылу»{106}. Местные боевики в Курземе действительно боролись самоотверженно.

Успехи, достигнутые 2-м стрелковым полком, способствовали продвижению 10-го стрелкового полка. 24 января после небольшого боя этот полк освободил Эзере, а затем, перейдя Венту, овладел имением Нигранда. Его 3-я рота заняла Мажейкяй. Еще южнее авангард Интернациональной дивизии 28 января достиг Тельшяй.

Противник продолжал отступать, сознавая, что, если в ближайшее время не подойдет подкрепление, придется покинуть пределы Латвии. В этом случае части немецких войск, несомненно, должны были бы отойти в Восточную Пруссию. Силы Балтийского ландесвера предусматривалось эвакуировать морским путем в Таллин и использовать для укрепления сил контрреволюции в Эстонии. Однако этого не произошло. В расположение антисоветских сил, оттесненных к Лиепае, усиленно стали прибывать подкрепления. Из Германии прибыли завербованные там наемники, разные авантюристические элементы, считавшие войну своей профессией. Их привлекали хорошее жалованье, обещанное буржуазным временным правительством гражданство Латвии и еще ранее данные баронами

обязательства снабдить колонистов землей. За это ландскнехты [146] XX века выразили готовность бороться против Советской власти в Латвии.

Получив подкрепление, противник переформировал «железную бригаду» в дивизию и пополнил за счет наемников ряды ландесвера. Враг стал смелее, сопротивление его усилилось. Воспользовавшись тем, что в Кулдиге находился лишь местный отряд боевиков, ландесверовцы в ночь с 25 на 26 января ворвались в город. Слабо вооруженным защитникам Советской власти пришлось отступить к Кандаве. Но удержать Кулдигу белогвардейцы даже и не пытались. Уже на следующий день боевики совместно с прибывшим 3-м кавалерийским дивизионом Советской Латвии вернулись в свой город.

3-й кавалерийский дивизион, которым командовал К. Урбанович (комиссар — Ф. Берновскис), получил задание освободить Вентспилс. Дивизион совместно с боевиками Талсы, Сасмаки (ныне Валдемарпилс) и Дундаги эту задачу выполнил. В тот же день кавалеристы отправились через Пилтене в Кулдигу, чтобы совместно со стрелковыми полками подготовиться к дальнейшему продвижению на Лиепаю.

Белогвардейцы постепенно активизировались. Враг принудил стрелков 10-го полка оставить левый берег Венты, а на участке 2-го стрелкового полка после боя 29 января занял Скрунду. Эти успехи сил контрреволюции ограничивались небольшой территорией, однако все признаки говорили о неизбежном и скором обострении борьбы в Курземе.

Под маской защиты своих восточных границ германские милитаристы образовали так называемое главное командование пограничных войск «Норд» (Oberkommanndo Grenzschutz «Nord») со штабом в Бартенштейне (Восточная Пруссия). Ему подчинялись и контрреволюционные германские силы на территории Латвии (Курземе) и Литвы. Главное командование «Норд» возглавлялось генералом Ф. фон Квастом, начальником штаба был генерал-майор Г. фон Сект, позднее сыгравший активную роль в создании рейхсвера. 1 февраля, после подавления революционного движения в Финляндии, в Лиепаю прибыл реакционный генерал Р. фон дер Гольц, принявший командование германскими войсками, а также всеми антисоветскими силами в Курземе и Северной Литве. Подготовка к решительным действиям против Советской Латвии получила еще более широкий размах.

В территориальном отношении в конце января 1919 года Армия Советской Латвии добилась самых больших успехов: противник удерживал только небольшой район на юго-западе Латвии. Хотя ликвидация этого плацдарма контрреволюции в районе Айзпуте и Лиепаи не удержала бы иностранных империалистов от продолжения борьбы за Прибалтику, тем не менее это значительно затруднило бы им дальнейшее наступление на Советскую Латвию. На ход военных действий в западных

уездах республики сильно повлияло тяжелое положение Армии Советской Латвии, создавшееся на севере. Было очевидно: если противнику удастся там прорвать фронт, то в критической ситуации окажутся и части 1-й бригады. По существу, это и явилось причиной того, что Лиепая осталась неосвобожденной. [147]

2. Обострение борьбы в Латвии в зимние месяцы 1919 года

К середине января 1919 года эстонские и финские белогвардейцы, отряды баронов и отдельные части Северного корпуса развернули наступление на Валку, Выру и Печоры, угрожая чрезвычайно важной для Армии Советской Латвии железнодорожной линии Псков — Валка. С 16 января руководство действиями советских войск в Южной Эстонии и в районе Валки было передано командованию Армии Советской Латвии. В этот район были направлены части 2-й и 3-й бригад 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии. 20 января Главное командование Красной Армии, стремясь возможно быстрее восстановить положение в Эстонии, отдало распоряжение Армии Советской Латвии перейти в решительное наступление в направлениях Тарту, Тапа, Вильянди, Таллин, Руиена, Пярну, Хаапсалу, чтобы ударами с фланга и в тыл противника облегчить переход в наступление VII армии на севере Эстонии{107}. Это задание было явно не под силу Армии Советской Латвии. К тому же обстановка на других фронтах не давала возможности усилить части VII армии в районе Нарвы.

Враг усилил давление на Валку, и 23 января образовался прорыв между частями, действовавшими в направлении Тарту и Вильянди. Валкская группа была разделена на 2 новые — Печорскую и Валмиерскую. Первая должна была прикрывать подступы к Пскову с севера и со стороны Тарту, а также защищать направление Выру — Пыталово. Валмиерская группа в составе латышских стрелковых полков и других частей, действовавших к югу от Пярну, должна была оборонять подступы к Валке со стороны Тарту и Пярну — Руиена и в случае неудачи прочно удерживать подступы к Валмиере и Алуксне.

При помощи бронепоездов противник с особой энергией наступал вдоль железной дороги Тарту — Валка. 28 января упорный бой завязался вблизи станции Сангасте. Сражаясь на хорошо знакомой территории, пользуясь поддержкой местных кулаков и используя бронепоезда, белогвардейцы, действовавшие сравнительно непродолжительное время, к тому же и лучше снабженные, добились успеха.

Захватив железную дорогу в районе Вастселийны и Печор, противник создал угрозу Пскову. На правом фланге оказались отрезанными упорно сопротивлявшиеся белогвардейцам 6-й и 8-й стрелковые полки Советской Латвии. Оттесненные в сторону Пскова, эти полки продолжали сражаться совместно с частями Печорской группы. С большой самоотверженностью

на левом фланге действовал немногочисленный 9-й стрелковый полк Советской Латвии под командованием энергичного и хладнокровного командира В. Рундала. 28 и 29 января в окрестностях Тырвы он отбил целый ряд атак неприятеля. Под руководством командира полка и комиссара И. Миезитиса стрелки нередко переходили в штыковые контратаки. [148]

В одной из них в правую руку был ранен и сам В. Рундал, однако он остался в строю, отказавшись покинуть полк в трудный момент.

Во время боев на подступах к Валке в Валмиеру прибыли стрелки 7-го полка. 2-й батальон полка, которым командовал Г. Страздынь, был отправлен в район Айнажи — Мазсалаца, а 1-й батальон поспешил к Валке, вблизи которой в последние дни января бои достигли большого напряжения. Около железной дороги Валка — Тарту в боевые действия включился 3-й батальон 7-го стрелкового полка, только что прибывший с Восточного фронта, а также запасной батальон 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии. Между станцией Сангасте и Валкой, в окрестностях имения Лиеллугажи, в 20-градусный мороз 3-й батальон 7-го стрелкового полка Советской Латвии во главе с командиром Э. Витолом показал образец отваги. Потеряв более половины своего состава, батальон, получивший в подкрепление 3-ю роту полка, 30 января в 23 часа штыковым ударом взял имение Лиеллугажи. Пехота белогвардейцев при поддержке артиллерийского огня бронепоездов всеми силами старалась отбить имение. Удерживать позиции становилось все труднее и труднее, имение несколько раз переходило из рук в руки. Были ранены командиры 7-й и 9-й рот Э. Красновскис и П. Палцманис. В строю осталось мало взводных и командиров отделений, сильно поредели ряды стрелков. К тому же обнаружилась нехватка патронов. Соседние части уже отошли, однако батальон самоотверженно продолжал сопротивление, затрудняя белогвардейцам наступление на Валку.

На левом фланге противник оттеснил части Армии Советской Латвии к станции Эргеме, а после прорыва в районе железной дороги Валка — Выру угрожал Валке и справа. Латышские стрелки были утомлены непрерывными боями и очень нуждались хотя бы в небольших, но свежих подкреплениях. Утром 31 января был затребован батальон из Елгавы. Командование Валмиерской группы внесло предложение немедленно перебросить в Валку 10-й стрелковый полк из Курземе{108}. Но ослабление сил Армии Советской Латвии на западе республики в это время было также недопустимо. К тому же осуществить переброску в столь короткий срок практически не представлялось возможным. Конечно, и противник понес большие потери, но, вовлекая в наступление новые силы и оттеснив Печорскую группу, он готовился окружить защитников

Валки, которые вечером 31 января начали отходить из города. Валмиерская группа отошла на новые позиции вдоль берега реки Седа.

В первых числах февраля враг усилил давление на Печорскую группу: 1 февраля он занял также Выру, 4 февраля — Печоры. Части Печорской группы были вынуждены отступить в район Изборска для предотвращения угрозы Пскову.

Боевые действия в Северной Видземе продолжались. Вооруженные столкновения то в одном, то в другом месте происходили часто — и днем и ночью. Вот одно из них. Когда стало известно, что в имение Виркены (недалеко от Руиены) прибыли резервы для эстонских белогвардейцев, группа 7-го стрелкового полка Советской Латвии во главе с помощником [149] командира 5-й роты К. Жубитисом тайно проникла в тыл врага и ночью произвела неожиданный налет на имение. Подбежав к зданию, в котором находились белогвардейцы, К. Жубитис через окно одну за другой бросил 3 ручные гранаты. Его примеру последовали другие стрелки. Выбежавшие белогвардейцы были встречены пулеметным и ружейным огнем. Неприятель в панике бежал, бросив 13 убитых и 64 раненых. Стрелки разогнали подошедшие резервы и дезорганизовали ближайший тыл белогвардейцев. Противник был вынужден отсрочить и намеченное наступление. За умелое руководство группой К. Жубитис был награжден орденом Красного знамени{109}.

С большим энтузиазмом плечом к плечу со стрелками боролись партизаны Руиены и Мазсалацы. По указанию военного комиссара Советской Латвии К. Петерсона 9 февраля из этих партизанских отрядов официально сформировали Валмиерский местный советский батальон. В его состав входили 3 роты. Батальоном командовал руиенский учитель, бывший штабс-капитан Ф. Меденис (комиссар — В. Аболтынь). Этот «Валмиерский добровольческий батальон» формировался и пополнялся только за счет добровольцев из числа трудящейся молодежи Валмиерского уезда.

С 12 февраля войска буржуазной Эстонии в Северной Видземе снова перешли в наступление. Сначала активизация противника обнаружилась в районе Вецлайцене, затем враг угрожал левому флангу и центру Валмиерской группы. В руках неприятеля оказались Мазсалаца и Розены. Главнокомандующий армией буржуазной Эстонии Ю. Лайдонер 16 февраля своим войскам дал задачу овладеть Валмиерой и Алуксне. Однако прорваться к Валмиере белогвардейцы не сумели. Остановив противника, латышские стрелки перешли в контрнаступление на левом фланге Валмиерской группы, освободили Айнажи, а в районе Руиены с боем заняли Карки и Нурми.

В этих тяжелых боях большую помощь стрелкам оказывали местные трудящиеся. Во время наступления белогвардейцев жители прифронтовой

полосы активно поднялись на защиту Советской власти. Исполнительный комитет Валмиерского уезда отметил, что трудящиеся, несмотря на слабое вооружение, сами выступили против белогвардейцев. В Вецсалацской волости был создан вооруженный отряд из милиционеров и трудящихся, в Палской волости организовалась группа из 60 человек, в Диклыской — из 40, в Бауньской — из 150 человек, а Озолская волость дала 7-му стрелковому полку Советской Латвии около 50 бойцов{110}. Позднее большинство этих самоотверженных защитников Советской власти были зачислены в ряды 7-го стрелкового полка.

В район Алуксне и в Валмиеру из окрестностей Изборска прибыли 6-й и 8-й стрелковые полки Советской Латвии, до этого сражавшиеся под Псковом. Для оказания поддержки частям Армии Советской Латвии, участвовавшим в ожесточенных боях против главных сил буржуазной [150] Эстонии, из района Пскова в направлении Выру перешли в наступление части VII армии. Их правый фланг добился успеха, но полки, продвигавшиеся на Выру, были оттеснены противником. Белогвардейцы приближались к Алуксне. Так как резервов не было, 21 февраля после пятичасового боя защитники города отошли. Последними отступили стрелки 6-го полка Советской Латвии. Одна из его сильно поредевших рот продолжительное время отбивала все атаки финских белогвардейцев, предоставляя возможность остальным красноармейцам покинуть еще не замкнувшееся кольцо окружения.

7-й стрелковый полк Советской Латвии во второй половине февраля продолжал гнать противника из мест, захваченных им в недавнем наступлении. 22 февраля 1-я и 2-я роты этого полка, по льду перешедшие реку Салаца, проникли в глубокий тыл неприятеля. Согласно заранее намеченному плану, они неожиданным резким ударом заняли Мазсалацу. Бросив на поле боя 20 убитых и раненых, белогвардейцы в панике бежали. За героизм, проявленный под Валкой в январе 1919 года, и освобождение Мазсалацы Реввоенсовет РСФСР наградил 7-й стрелковый полк Советской Латвии Почетным революционным Красным знаменем{111}.

В феврале военные действия обострились также в Курземе. Контрреволюционные части непрерывно пополнялись. Большое подкрепление получил генерал Р. фон дер Гольц, после того как главное командование «Норд» отдало в его распоряжение так называемую 1-ю гвардейскую резервную дивизию. Эта дивизия в феврале дислоцировалась в районе Приекуле — Скуодас, т. е. южнее «железной дивизии», и сократила линию фронта, занимаемую последней.

Немецкие контрреволюционные части, сосредоточившиеся в Курземе для борьбы против Советской власти в Латвии, по своему составу резко отличались от частей бывшей VIII оккупационной армии. В распоряжении Гольца находились наемники, которые за приличное вознаграждение были

готовы железом и кровью подавить власть трудящихся в Латвии и, если понадобится, идти еще дальше. Наемниками командовали опытные офицеры, неприкрытые контрреволюционеры, которые впоследствии заняли высокие посты в фашистском вермахте. Среди военных преступников второй мировой войны фигурировали бывший майор «железной дивизии», впоследствии фельдмаршал Э. фон Клейст, гитлеровские генералы С. фон Арним, Ф. фон Рабенау, Г. фон Кюхлер, К. фон Штюльпнагель и многие другие. Менее опытны в военном деле, но полны ненависти к трудовому народу Латвии были немецкие бароны и их сыновья, составлявшие большой процент ландесверовцев. Они не только убивали пленных и раненых красноармейцев, но и зверски терроризировали местных жителей.

Лютыми врагами Советской власти являлись также латышские белогвардейцы. Но их батальон составлял незначительную часть контрреволюционных сил Гольца и сам по себе не мог сколько-нибудь серьезно угрожать Советской Латвии. Белогвардейцам было нелегко пополнить состав своего батальона. Объявив повторную мобилизацию и пригрозив [151] за уклонение от нее карать смертной казнью, до конца февраля они сумели набрать лишь 346 человек{112}.

В состав ландесвера входили также русские белогвардейцы во главе с князем А. П. Ливеном. Он свой отряд пополнил за счет вернувшихся из немецкого плена офицеров царской армии.

Производя вылазки местного характера, силы контрреволюции пытались обнаружить наиболее уязвимые места в расположении стрелковых полков. Неприятель в ночь с 12 на 13 февраля снова ворвался в Кулдигу. Ему, очевидно, стало известно, что в Кулдиге нет ни одной части советских войск. Заняв город, ландесверовцы начали страшную расправу — расстреляли множество трудящихся Кулдиги и ее окрестностей, не пощадив даже подростков.

К Кулдиге были переброшены 10-й стрелковый полк и 3-й кавалерийский дивизион. Для вытеснения ландесверовцев из Кулдиги было задумано использовать также недавно прибывший с Восточного фронта 1-й кавалерийский полк Советской Латвии. Но в связи с обострением военной ситуации на Видземском фронте его пришлось отправить в северо-восточную часть республики.

Воспользовавшись недостатком советских сил в северной части Курземе, ландесверовцы во главе с майором германской армии А. Флетчером после боя 24 февраля заняли Вентспилс. Под угрозой дальнейшего [152] наступления контрреволюции необходимо было ускорить формирование 2-й стрелковой дивизии Армии Советской Латвии, т. е. ее частями укрепить слабые боевые участки фронта.

Совместно с Реввоенсоветом Армии Советской Латвии вопросы обороны республики решал Военный комиссариат Социалистической Советской Республики Латвии, в обязанности которого входили формирование и обучение новых воинских частей, снабжение войск. При исполнении этой большой и сложной работы Военный комиссариат опирался на военные отделы, созданные при Рижском и уездных Советах. Военные отделы сразу после начала своей деятельности стали принимать добровольцев, формировали местные гарнизонные роты, освободив от этих обязанностей стрелковые части. В критические моменты военные отделы оказывали прямую помощь находившимся на фронте частям. С целью упорядочения формирования армии и ее снабжения 21 января 1919 года начала действовать только что созданная инспекция Армии Советской Латвии, которая подчинялась Военному комиссариату республики и свою деятельность согласовывала с ним. Инспектором армии был утвержден Р. Берзинь. При формировании Армии Советской Латвии Военный комиссариат республики, инспекция и Реввоенсовет армии получали всестороннюю помощь РСФСР. Был использован ее опыт в деле организации Красной Армии.

Добровольцы, которые в большом числе записывались в конце 1918 и начале 1919 года, всего около 5000 человек, значительно пополнили полки 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии. Это дало возможность начать организацию в полках третьих батальонов (до того только 7-й стрелковый полк имел в своем составе 3 батальона). Все же пополнение одними добровольцами было недостаточным. Намного меньше, чем в 1918 году, в дивизию поступило эвакуировавшихся во время империалистической войны в центральные районы России рабочих Латвии, красноармейцев-латышей из других частей Красной Армии. Поэтому при формировании 2-й стрелковой дивизии Советской Латвии пришлось прибегнуть к мобилизации военнообязанного населения республики.

Было решено 2-ю стрелковую дивизию сформировать в составе 9 полков (с 10-го по 18-й). В качестве головных полков первых 2 бригад в дивизию были включены уже существовавшие 10-й и в феврале прибывший с Восточного фронта 13-й (бывший Лиепайский латышский) полки. В дивизию влились также части Интернациональной дивизии — всего около 3700 красноармейцев. Всем этим частям требовалось пополнение, а 3 полка дивизии, артиллерийские дивизионы и кавалерию нужно было формировать заново. Организация 15-го и 16-го стрелковых полков была начата еще в январе-феврале 1919 года. Первый из них, в состав которого включили около 200 человек из партизанского отряда, образовавшегося осенью 1918 года во главе с Д. Эстой, некоторое время назывался 1-м Латгальским стрелковым полком. В 16-й стрелковый полк уже в начальной стадии организации были включены 1-й Курземский полк

революционной охраны (400 человек) и группа красноармейцев и командиров, выделенная из 5-го латышского стрелкового полка, находившегося в Серпухове. Во второй половине марта 1919 года, в период формирования [153] 18-го стрелкового полка, на время пришлось прервать организацию запасного полка 2-й стрелковой дивизии Советской Латвии. 1 стрелковый полк был сформирован весной в Риге. Он получил название 11-го стрелкового полка, так как один из полков бывшей Интернациональной дивизии выбыл из состава Армии Советской Латвии.

Вновь сформированным частям вскоре пришлось принять участие в оперативных действиях. Формирование продолжалось во фронтовых условиях, что затрудняло и усложняло задачу. Для пополнения частей, находившихся на фронте, и формируемых полков кадрами военных специалистов в феврале 1919 года на действительную службу в ряды Армии Советской Латвии были призваны ранее служившие артиллеристы, пулеметчики, телефонисты, бывшие офицеры, военные чиновники, врачи. Было предусмотрено в конце месяца начать призыв в армию лиц 1893 года рождения, однако это пришлось отсрочить в связи с трудностями снабжения.

Со времени империалистической войны на территории Латвии накопились большие запасы оружия и боеприпасов, брошенных царской армией, а также оккупантами. Военный комиссариат указал военным отделам собрать и взять на учет военные материалы. Позже упомянутые материалы были использованы для пополнения вооружения частей армии, но весьма ограниченно, так как большая часть их требовала ремонта. Вооружение Армия Советской Латвии получала главным образом из РСФСР. Винтовок в целом было достаточно, хуже обстояло дело с пулеметами. Крайне дефицитными были резервные части пулеметов. Очень слабой была материальная база телефонной связи, кстати, самой распространенной. Радиосвязь, широко применявшаяся контрреволюционными войсками Гольца, в Армии Советской Латвии полностью отсутствовала. Для поддержания связи между частями использовались команды конных разведчиков стрелковых полков. Ввиду отсутствия горючего мотоциклами пользовались мало, к тому же их было немного и они нередко требовали капитального ремонта. Лучше обстояло дело с военно-инженерным имуществом, главным образом мелким. Лопат, кирок, щипцов и других орудий труда было более чем достаточно. Часть из них отправили для удовлетворения нужд других фронтов.

Большие трудности представляло обеспечение Армии Советской Латвии обмундированием и снаряжением. Необходимо было сменить сильно поношенное обмундирование старых стрелков, и в то же время новые неотложные требования выдвигало формирование новых воинских частей. Особенно ощущался недостаток обуви, белья и шинелей.

Хуже всего дело обстояло с продовольствием, причем не только в армии. После освобождения Латвии хлеба и других продовольственных товаров было очень мало как в Риге, Даугавпилсе, Резекне и ряде других городов, так и в сельских местностях, особенно там, где в годы империалистической войны проходила линия фронта. Во многих волостях зерна едва хватало на пропитание и люди с тревогой ожидали время сева. Правительство Советской Латвии вынуждено было определить продовольственные нормы не только для городского, но и для сельского населения, а также запретить вывоз продуктов за пределы республики. [154]

Обстоятельства требовали при распределении продуктов питания строго соблюдать классовый принцип.

Латышские стрелковые полки прибыли из РСФСР в целом обеспеченные продовольствием и фуражом сроком на три-четыре недели. Но в связи с пополнением состава полков эти запасы быстро иссякли. Обеспечение армии ухудшалось с каждым днем. Принимая во внимание всеобщее тяжелое продовольственное положение, Реввоенсовет Армии Советской Латвии уже в первую половину февраля снизил суточную норму хлеба в армии с 2 до 1,5 фунта.

В феврале, когда все запасы иссякли, были организованы закупки продовольствия на Украине. Снабжение армии хлебом улучшилось, но все же сильно ощущался недостаток мяса, жиров и других продуктов. Основное количество продовольствия нужно было заготовить в Латвии, так как аппарат по снабжению Западного фронта ничем не мог помочь. Латышские стрелки, плохо одетые и постоянно недоедавшие, вынуждены были сражаться против интервентов и белогвардейцев, снабжавшихся западными державами. Недостаточные суточные нормы продовольствия, к тому же состоявшие из хлеба плохого качества, обычно рыбы вместо мяса и повидла вместо сахара, а также бои в большие морозы физически ослабили бессменно находившихся на фронте стрелков и послужили причиной массовых заболеваний. Все это не могло не отразиться на боеспособности Армии Советской Латвии.

* * *

После создания Армии Советской Латвии встал вопрос о внутренней ее структуре. Вопрос был рассмотрен на III конференции социал-демократических организаций латышских стрелковых полков, проходившей в Риге с 20 по 22 февраля. Участники конференции представляли 2058 коммунистов воинских частей{113}. Накануне конференции газета «Сарканайс стрелниекс» («Красный стрелок»), орган армейских коммунистов, опубликовала ряд статей, посвященных вопросу о

внутреннем устройстве армии — центральному вопросу конференции. Возникла дискуссия. Как участники дискуссии, так и делегаты конференции добивались одного — по возможности стабильной и жизнеспособной внутренней структуры армии, но собирались осуществить это разными путями, что и легло в основу разногласий.

Военный комиссар Советской Латвии К. Петерсон и инспектор армии Р. Берзинь, выступавшие на конференции, указали на необходимость укрепить роль Реввоенсовета как высшего органа армии. Они подчеркнули преимущества внутреннего устройства, введенного в остальных соединениях Красной Армии, указав, что выборные комитеты утратили свое значение. Но так как латышские стрелки очень привыкли к комитетам, осуществлявшим связь коммунистических фракций полков с беспартийными массами стрелков, выступавшие предлагали сохранить комитеты в качестве органов хозяйственного контроля. Представитель Исколастрела Т. Зекке утверждал, что и в новых условиях в связи с особенностями [155] состава Армии Советской Латвии и большим числом коммунистов в частях Исколастрел и полковые комитеты играют важную роль в сплочении, дисциплинировании красноармейцев и повышении их боеспособности. Согласно разработанному им проекту внутренней структуры армии, полковым комитетам были отведены функции хозяйственного и административного контроля. Помимо этих проектов, хотя и отличающихся друг от друга, но требовавших в большей или меньшей степени сузить сферы деятельности комитетов, А. Рихтером был предложен третий проект. Он предлагал высшим органом армии считать ее Совет, а Исколастрелу передать руководство оперативной, административной, юридической и хозяйственной жизнью армии и присвоить права назначать командный состав начиная с командиров батальонов. Этот проект с полным основанием был отвергнут, в отношении же 2 первых началась оживленная дискуссия. При голосовании небольшой перевес получил проект, предложенный Т. Зекке. Для его более детальной разработки была избрана комиссия в составе 5 человек.

На III конференции была утверждена также структура организации СДЛ Армии Советской Латвии и избран новый комитет на ближайшие 4 месяца. В состав его вошли К. Поэма, Э. Викманис, П. Крустынь, А. Эшмит, А. Фелдманис, Я. Ионас, Х. Валдбах, М. Бауманис, М. Чуче, Я. Крикманис и И. Бейгрант.

Вопрос о структуре армии был рассмотрен также на VI съезде Коммунистической партии Латвии (так на съезде была переименована [157] СДЛ). Съезд состоялся в Риге с 1 по 6 марта и был первым после Октябрьской революции.

По вопросу о структуре армии выступили 2 докладчика: Ю. Данишевский изложил мнение Центрального Комитета КПЛ о

необходимости максимального приближения структуры латышских стрелковых полков к структуре остальных частей Красной Армии. Содокладчик Р. Баузе ратовал за сохранение комитетов и их влияния в Армии Советской Латвии. По этому вопросу высказались многие делегаты съезда. При голосовании за проекты, предложенные обоими докладчиками, разница в числе голосов, отданных за них, была незначительной (соответственно 56 и 60), поэтому, по предложению П. Стучки, была выбрана комиссия для согласования обеих резолюций. Комиссией были выработаны компромиссные тезисы, предусматривавшие ограничение прав комитетов и Исколастрела и сохранение за ними функций хозяйственного и административного контроля, которые делегаты съезда приняли единогласно. В свете этих тезисов Центральному Комитету КПЛ совместно с Комитетом коммунистической организации стрелков было поручено выработать проект окончательной резолюции и передать его на утверждение Центральному Исполнительному Комитету Латвии.

Большое значение во внутренней жизни Армии Советской Латвии имела ее коммунистическая организация. Несмотря на различные трудности, она провела огромную работу по дисциплинированию воинских частей, укреплению их боеспособности, по политическому образованию стрелков и командиров.

Поддерживая активность армейских коммунистов, Комитет партийной организации провел значительную и успешную работу по созданию новых коммунистических фракций. В латышских стрелковых полках уже раньше существовали крупные и влиятельные коллективы коммунистов. Иначе дело обстояло в штабах бригад — там коммунистические фракции были образованы в первые месяцы 1919 года. В феврале коммунистическая фракция была создана в штабе Армии Советской Латвии. В комитет фракции вошли комиссар штаба Ж. Озол, А. Дауманис, Я. Бале, Р. Кисис и И. Сауле.

Во время формирования 2-й стрелковой дивизии Советской Латвии Комитет партийной организации приложил много усилий для создания коммунистических фракций в ее частях. Эти вначале совсем мелкие группы членов партии энергично взялись за сплочение и дисциплинирование полков.

Коммунисты Армии Советской Латвии понимали, что их задачи не ограничиваются агитационными и пропагандистскими мероприятиями и политической разъяснительной работой. Как и раньше, свой авторитет коммунисты подтверждали самоотверженностью в боях против врагов Советской власти. Но и этого было мало: своей храбростью на поле боя коммунисты должны были увлечь других стрелков. Не меньшее значение

имело активное участие членов партии в решении различных наболевших вопросов повседневной жизни стрелков и в устранении недостатков. [158]

В последнюю неделю февраля Армия Советской Латвии получила задание поддержать наступление Псковской группировки VII армии. Наряду с этим надо было прочно защищать линию Тукумс — Паневежис — Шяуляй и, в зависимости от ситуации, продвигаться к Лиепае.

Вечером 28 февраля стрелки 6-го полка, стремительным ударом заставившие противника бежать, продвигаясь вдоль дороги от имения Бея, вошли в Алуксне. 1 марта командование Армией Советской Латвии отдало распоряжение 1-й бригаде 1-й стрелковой дивизии, которая на днях ожидала подкрепления, вернуть Кулдигу, затем обеспечить свой правый фланг и перейти в решительное наступление на участке Айзпуте — Приекуле, чтобы впоследствии занять Лиепаю. Частям 2-й стрелковой дивизии в Северной Литве было поручено продвигаться западнее Тельшяй.

1-я гвардейская дивизия, «железная дивизия» и Балтийский ландесвер вместе взятые насчитывали 13,5 тыс. человек (надо полагать, собственно бойцов). В техническом отношении противник был хорошо снабжен, орудий и пулеметов у него было достаточно. В распоряжении Гольца находилось несколько эскадрилий самолетов.

Армия Советской Латвии в Курземе и Северной Литве к 1 марта имела 3836 штыков, 285 сабель, 100 пулеметов, 15 орудий и 6 самолетов — итого 7859 красноармейцев{114}. На правом фланге, в районе Вентспилс — Угале, всего за неделю до этого расположился 16-й стрелковый полк, который продолжал формироваться; туда же был отправлен 2-й батальон Витебского полка ВЧК. В окрестностях Кулдиги и Граудупе находились 10-й стрелковый полк и 3-й кавалерийский дивизион. Несмотря на пополнение, 10-й стрелковый полк был малочисленным (всего 786 человек). Наиболее сильными в бригаде были 2-й и 3-й стрелковые полки (соответственно 1220 и 1436 красноармейцев). Они дислоцировались, как уже было указано, в районе Скрунды и Эзере — Мажейкяй.

Находившиеся южнее, на территории Литвы, части 2-й стрелковой дивизии Советской Латвии были усилены недавно созданными Жмудским (Жемайтийским) литовским советским полком и Паневежским батальоном. Но во время боевых действий эти наспех сформированные и недостаточно обученные части, не имея также опытного командного состава, с трудом выполняли свои задачи. Занять линию Тиркшляй — Седа — Леплауке — Жаренай 2-я стрелковая дивизия не смогла. При этом было мало надежды, что в случае наступления противника упомянутая дивизия сумеет удержать район Шяуляй. К тому же совсем неудовлетворительной была связь с Литовской советской дивизией, несмотря на все старания командования Армии Советской Латвии наладить с ней взаимодействие.

Противник опередил советские войска, готовившиеся к наступлению на Лиепаю. Рано утром 3 марта вражеский 6-й корпус приступил к осуществлению задуманной операции. Начались тяжелые бои в Курземе и Северной Литве. Армия Советской Латвии должна была принять удары неприятеля в невыгодных для нее условиях.

Первым делом противник направил свои удары против латышских стрелков на участке Мажейкяй — Скрунда. Части 1-й гвардейской дивизии, [159] вытеснив 12-й (бывший 39-й интернациональный) полк 2-й стрелковой дивизии из Тиркшляй, атаковали станцию и местечко Мажейкяй. Вскоре к Мажейкяй направились группы «железной дивизии» со стороны Лецкавы и Эзере. Станция и ее окрестности подверглись интенсивному артиллерийскому обстрелу. Стрелки самоотверженно оборонялись, в зависимости от обстановки быстро перегруппировывали свои силы и укрепляли наиболее подверженные опасности места. В первый день наступления противник при всем своем превосходстве так и не смог сломить сопротивление стрелков и добиться успеха.

В районе Скрунды белогвардейцы перешли Венту и атаковали имение Яунамуйжа, которое защищала одна 2-я рота 2-го стрелкового полка. После боя, длившегося несколько часов, во избежание окружения рота вынуждена была оставить имение. Батальону «железной дивизии» на левом фланге 2-го стрелкового полка удалось овладеть имением Пампали. Наступая отдельными колоннами, стараясь расколоть 2-й стрелковый полк и зайти ему в тыл, неприятель усложнял действия полка, до сего времени державшего широкий фронт. Стрелкам приходилось бдительно следить за всеми действиями и маневрами врага, своевременно расшифровывать его скрытые замыслы. Так прошел день 3 марта. На следующий день стрелки готовились отбросить противника, вернув сначала имение Яунамуйжа. В 7 часов в атаку двинулись 5-я и 6-я роты. Атака развивалась успешно. Но когда стало известно о приближении подкреплений немцев со стороны Пампали, пришлось перестроиться и ликвидировать угрозу с фланга. Стрелки, расположившись в засаде, подпустили близко подводы неприятеля и встретили их сильным пулеметным и ружейным огнем. Более половины немцев было убито или ранено, остальные в панике бежали, спасаясь в ближайшем лесу. Но так как противник получил новые подкрепления, стрелки были вынуждены отказаться от намерения снова занять указанное имение.

4 марта с новой силой возобновились бои на участке 3-го стрелкового полка. После артиллерийской подготовки, длившейся около часа, со стороны Пампали, а также Нигранды и Лецкавы немцы выступили на имение Эзере. Обходом справа враг перерезал дорогу на Вецауце, откуда артиллерийская батарея ожидала присылки снарядов. Грозило окружение,

поэтому с наступлением сумерек полк по приказу начал отходить в направлении станции Реньге.

Весь этот день, как и предыдущий, отважно сражались стрелки в районе Мажейкяй, но сопротивляться превосходящим силам противника становилось все труднее. Однако 2 роты, окруженные со всех сторон, до самого вечера успешно отбивали удары врага, а потом под прикрытием темноты прорвали кольцо окружения и направились к станции Реньге, где присоединились к остальным ротам своего полка.

Хотя противник и добился успеха, но начало наступления все же не дало ему ожидаемых результатов. Причиной этого было самоотверженное сопротивление латышских стрелков. Неприятель так и не смог осуществить намеченное быстрое продвижение вдоль железнодорожной линии Мажейкяй — Елгава. После двухдневных боев солдаты противника [160] чувствовали себя утомленными и на третий день не смогли продолжать наступление.

Рано утром 6 марта противник снова обрушился на 2-й стрелковый полк на всем его обширном участке. Белогвардейцы всячески старались попасть в тыл стрелкам, отрезать пути к их отступлению. Так как 3-й стрелковый полк уже отошел, с боями пришлось отступить и стрелкам 2-го полка. Роты полка маневрировали, неоднократно останавливая врага.

2-й и 3-й стрелковые полки после боев, значительно ослабивших наступательную энергию противника, вынуждены были оставить линию реки Вента. Однако не столько это, сколько сам левый фланг Армии Советской Латвии был объектом все усиливавшегося опасения командования. В Северной Литве части упомянутой 1-й гвардейской дивизии быстро оттеснили полки 2-й стрелковой дивизии Советской Латвии, которые отошли в направлении на Паневежис. Вполне реально можно было предполагать, что противник постарается развить успех ударом на Паневежис, чтобы потом уже с юга угрожать латышским стрелковым полкам в Курземе. Ввиду обнаружившейся недостаточной оперативности штаба 2-й стрелковой дивизии Реввоенсовет Армии Советской Латвии район Шяуляй — Паневежис передал 1-й бригаде 1-й стрелковой дивизии, которая с этого времени в оперативном отношении ведала всеми силами армии как в Курземе, так и в Северной Литве.

Положение республики ухудшалось. Резервы отсутствовали, поэтому пришлось перебросить части из Северной Видземе в Курземе. Возможности переброски были сильно ограничены, так как и на севере [161] республики продолжались боевые действия. В первую неделю марта из Валмиеры на Елгаву был отправлен 8-й стрелковый полк Советской Латвии. Полком в это время командовал Ф. Калнынь, комиссаром был А. Приверт. Прибыв в Елгаву, полк в тот же день пешком отправился в район Жагаре, куда уже были посланы несколько рот 18-го стрелкового полка. 11

марта латышские стрелки разбили авангардные части 1-й гвардейской дивизии, вынудив противника оставить Жагаре, удержать которое они, однако, не смогли.

Командование созданной в начале марта Паневежской группы Армии Советской Латвии спешило привести в порядок полки 2-й стрелковой дивизии, самовольный отход которых создал критическую ситуацию на левом фланге армии.

Противник 13 марта захватил Шяуляй и стал угрожать Паневежису. Из Валмиерской группы на Елгаву срочно был переброшен 1-й кавалерийский полк Советской Латвии. В качестве подкрепления из Орловской губернии в Латвию прибыли полки 3-й бригады 4-й дивизии, входившей в резерв главнокомандующего И. Вациетиса. Но большинство красноармейцев этих полков были мало обучены, многие из них не имели никакой военной подготовки. В полках было только несколько коммунистов. Поэтому части не могли быть сразу же использованы для укрепления фронта. Только в несколько лучшем положении находились присланные из резерва фронта 97-й, 98-й и 99-й полки 3-й бригады 11-й дивизии.

10 марта начали активизироваться основные силы ландесвера на севере Курземе. Первый удар ландесвер направил на 16-й стрелковый полк восточнее Вентспилса (на 1 марта в нем было всего 559 человек и 4 пулемета{115}). Полк принял бой, но остановить белогвардейцев не смог. Враг непременно стремился развить достигнутый им успех, пользуясь тем обстоятельством, что между 16-м и 10-м стрелковыми полками, оттесненными из района Попе и Кулдига — Граудупе, а также 2-м и 3-м стрелковыми полками линия фронта была разорвана. 15 марта главные силы ландесвера захватили Тукумс, принудив 16-й стрелковый полк отступить в сторону Слоки, а 10-й стрелковый полк — в район Калнциемса.

В середине марта были приняты меры по укреплению руководящего органа Армии Советской Латвии. Председателем Реввоенсовета армии Советское правительство Латвии утвердило Ю. Данишевского, его заместителем — К. Петерсона. В состав совета вошли А. Дауманис и Р. Баузе, которого Центральный Комитет КПЛ утвердил начальником политотдела армии.

Политотдел Армии Советской Латвии приступил к исполнению своих обязанностей в обстановке обострившейся борьбы на территории Латвии. Первым делом политотдел начал пополнять ряды коммунистов в воинских частях, главным образом во вновь сформированных, а также в тех полках, которые прибыли в Латвию в качестве подкрепления. Но возможности в этом отношении были ограниченные.

Воспользовавшись прорывом, образовавшимся при отступлении 16-го и 10-го стрелковых полков к Слоке и Калнциемсу, когда 2-й стрелковый [162] полк находился в районе Аннениеки — Добеле, а 3-й — в окрестностях Бене, ландесверовцы 18 марта из Тукумса неожиданно двинулись на Елгаву. Белогвардейцы оттеснили в сторону (на запад) высланный из Елгавы в район Джуксте 1-й кавалерийский полк Советской Латвии и продолжали быстро продвигаться вперед. В самой Елгаве находилось совсем мало красноармейцев, всего около 100 человек, которые, не выдержав борьбы с крупными силами ландесверовцев, вынуждены были отступить к станции Олайне. Белогвардейцы при занятии города захватили транспорт с ранеными стрелками и зверски убили их. Затем последовала жестокая расправа с трудящимися города.

Потеря Тукумса и особенно Елгавы создала угрозу Риге. «Революционная Рига в опасности!.. К оружию, рабочие!» — писал 20 марта центральный орган КПЛ «Циня». Началось формирование 1-го и 2-го рижских рабочих полков, срочно организовывались вооруженные отряды коммунистов. В конце марта они были отправлены на фронт. Партийные и советские работники Талсы, Тукумса и Салдуса после падения своих городов также вступали в боевые группы. В Екабпилсском уезде был создан военно-революционный штаб. Его разведывательные отряды поддерживали боевые действия Армии Советской Латвии. На занятой территории Курземе началось партизанское движение.

После падения Елгавы в незавидном положении оказались 2-й, 3-й и 8-й стрелковые полки Советской Латвии. 19 марта 2-й стрелковый полк находился в Добеле, а 3-й, 8-й и недавно присланный в качестве подкрепления 99-й полк — по дороге на Элею. В этот день вышеуказанные полки узнали о том, что противник захватил Елгаву. В штабе 3-го стрелкового полка по инициативе командира этого полка К. Стуцки было созвано совещание командиров отрезанных частей. Отсутствовал лишь командир 2-го стрелкового полка Ф. Риекст, поскольку его полк в это время сражался в окрестностях имения Ауце. На совещании командиров К. Стуцка внес предложение совместными силами направиться к Елгаве и выбить оттуда ландесверовцев, которых в тот момент не могли поддержать другие части вражеского 6-го корпуса. Поэтому можно было вполне рассчитывать на успех, но остальные командиры все же не поддержали смелое предложение. Было решено обойти Елгаву с юга и отойти к Бауске. К. Стуцка принял на себя командование над отходящими частями. Вскоре он официально был назначен командиром образовавшейся группы. 2-й стрелковый полк, который, отступая в арьергарде остальных частей, участвовал в тяжелых боях, потребовавших много физических и моральных сил, был выделен в резерв группы и отправлен в Иецаву. 21 марта все части группы достигли Бауски и заняли позиции вдоль правого

берега реки Лиелупе. За умелое руководство группой в тяжелой обстановке и проявленную инициативу Реввоенсовет Республики наградил К. Стуцку орденом Красного Знамени.

Начиная с 19 марта штаб 1-й бригады 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии, расположенный в районе станции Олайне, начал активно готовиться к освобождению Елгавы. Время не ждало, поэтому сразу же после сформирования группировки, командовать которой было поручено бывшему офицеру 6-го Тукумского латышского стрелкового [163] полка коммунисту Т. Кауфелду, началось наступление. 21 марта Олайнская группировка заняла товарную станцию Елгавы, а также железнодорожный мост через реку Лиелупе. Однако ввиду отсутствия надлежащей поддержки артиллерийским огнем успехи этим и ограничились. К тому времени к Елгаве уже приближалась «железная дивизия». После ее прибытия положение белогвардейцев заметно улучшилось. Силам контрреволюции удалось захватить Паневежис, а также Бауску. В связи с возможным продвижением немецкой 1-й гвардейской дивизии дальше на Екабпилс создалась реальная угроза для железнодорожной линии Рига — Даугавпилс. У Армии Советской Латвии просто не хватало сил, чтобы парализовать действия противника и оттеснить его назад.

Во второй половине марта снова обострились военные действия в Северной Видземе. Находясь на фронте в зимние морозы, в постоянной тревоге, почти без сна и отдыха, при скудном питании, плохо одетые, стрелки (не хватало не только теплой зимней одежды, белья, обуви, но зачастую даже простых солдатских шинелей) страдали от простудных заболеваний. Массовые заболевания были обычным явлением. Несмотря на тяжелые условия, латышские стрелки боролись самоотверженно. После успешных операций на алуксненском участке в конце февраля 1919 года командир 2-й бригады 2-й стрелковой дивизии Советской Латвии и Алуксненской группы П. Матисон 14 марта предложил до начала весенней оттепели перейти в наступление в Северной Видземе, чтобы занять железнодорожную линию Валка — Псков. Так как в данное время [164] успешно развивалось наступление частей VII армии из района Пскова, Армия Советской Латвии должна была поддержать своего соседа.

Предполагая главный удар направить на Валку, Валмиерская группа Армии Советской Латвии 17 марта перешла в наступление. Начало его было многообещающим, но, к сожалению, ввиду недостаточного взаимодействия наступающих частей противнику удалось задержать советские войска. 20 марта эстонские белогвардейцы предприняли контрнаступление на правый фланг Алуксненской группировки, а затем — по всему ее фронту. В связи с отсутствием резервов в последнюю неделю

марта части Армии Советской Латвии вынуждены были отойти на исходные позиции.

Военные действия как в Курземе, так и в Северной Видземе заставили Армию Советской Латвии напрячь все свои силы, чтобы противостоять врагу. Фронт ее был сильно растянут. Советские войска действовали на территории, как бы образующей клин, острый конец которого был срезан Рижским заливом от Айнажи до Асари.

26 марта части Армии Советской Латвии, расположенные от Бауски до Слоки, и Валмиерская группа были объединены под общим командованием. Так образовалась объединенная Курземско-Видземская группа. Однако, как показали дальнейшие события, оперативная деятельность от этого пострадала.

В конце марта, когда подготавливалось новое наступление на Елгаву, на фронт ушел Рижский коммунистический отряд в составе 257 бойцов. Командовал им Б. Казак, а комиссаром был председатель исполкома Рижского Совета рабочих депутатов, впоследствии писатель С. Бергис.

В новом наступлении советских войск освободить Елгаву не удалось. Некоторых успехов добились части армии в Северной Литве, где в начале апреля был освобожден Паневежис. Несмотря на тяжелое положение Армии Советской Латвии, ей пришлось также оказывать оперативную помощь Литовской советской дивизии.

В результате мартовских боев положение Советской Латвии значительно ухудшилось. Силам контрреволюции в Курземе удалось прорваться до реки Лиелупе. Латышские стрелковые полки продолжали упорно защищать центральную часть Латвии и Ригу. [165]

Глава V. **Дальнейшая борьба латышских стрелков на Западном фронте (апрель 1919 — июнь 1920 года)**

1. Защита советской власти в Латвии в апреле и мае 1919 года

Весной 1919 года, когда иностранные империалисты и белогвардейцы в борьбе против Советской России большие надежды возлагали на адмирала Колчака, когда первых, хотя и ограниченных, успехов на юге Советской России добился Деникин, контрреволюция активизировалась и на западе. Внешнеполитическая обстановка здесь была весьма сложной. Лагерь контрреволюции, планируя взятие Петрограда, старался вовлечь в антисоветский поход на северо-западе России финских белогвардейцев. От открытого участия в интервенции Финляндия уклонялась, но не мешала так называемой Олонецкой добровольческой армии, сформированной белогвардейцами, ворваться в Карелию. В ночь на 14 мая на нарвском участке фронт VII советской армии прорвал Северный корпус русских белогвардейцев, которому было предоставлено убежище на территории буржуазной Эстонии. В ближайшие дни неприятель захватил Гдов и Ямбург. Наступление белогвардейцев было поддержано английскими

военными кораблями, находившимися в Финском заливе. На севере РСФСР к активным действиям перешли иностранные интервенты. Петрограду угрожала серьезная опасность.

Левому флангу Западного фронта угрожали польские белогвардейцы. Уже в феврале 1919 года они захватили Брест и Волковыск, в начале марта — Слоним и Пинск. Попытки советской стороны мирным путем решить спорные вопросы успеха не имели. В начале апреля польские войска усилили борьбу против Белорусско-Литовской (бывшей Западной) советской армии, заняли Лиду и 19 апреля неожиданно перешли в наступление на Вильнюс, который захватили после трехдневных боев.

Изменения в ходе вооруженной борьбы между революционными и контрреволюционными силами, в первую очередь на Западном фронте, повлияли на положение Советской Латвии. Успехи контрреволюции на западе потребовали еще большего напряжения сил у латышских стрелков, которые весной 1919 года были вынуждены не только отстаивать [166] Советскую власть против превосходящих сил врага на территории Латвии, но и принять непосредственное участие в защите ее интересов в Литве.

Военному комиссариату Советской Латвии, Реввоенсовету и политотделу армии пришлось приложить много усилий, для того чтобы пополнить ряды стрелков, повысить уровень политической работы и добиться улучшения снабжения. В марте Военный комиссариат начал мобилизацию военнообязанного населения республики, продолжавшуюся в апреле и мае. Были призваны военнообязанные мужчины 1884—1898 годов рождения, примерно 25 тыс. человек. В связи с наступлением противника, занявшего значительную часть территории республики, в ряде уездов мобилизация не была завершена. Мобилизованные сначала направлялись в запасные части, но нередко, в силу обострения боевой обстановки, ранее проходивших военную службу отдельными группами отправляли, на фронт. Организовать оптимальный курс обучения в запасных частях не было времени. Пополнение на фронт обычно отправлялось в составе маршевых рот, а в чрезвычайных случаях отправлялись и взводы.

В условиях гражданской войны Советское правительство Латвии было заинтересовано дать латышским стрелкам хорошее пополнение на рядов пролетариата. Однако в 1919 году в Латвии находилась лишь небольшая часть некогда многочисленного промышленного пролетариата. В годы империалистической войны при эвакуации промышленных предприятий Риги и других городов вместе с заводами уехали подавляющее большинство рабочих Латвии. Надо было считаться с тем, что в ходе мобилизации в воинские части могли попасть мелкобуржуазные элементы. Военные отделы уездов, находившихся под угрозой нападения врага, нередко проводили мобилизацию поспешно и не уделяли должного

внимания социальному происхождению призывников. В армию попадали и элементы, враждебно настроенные к Советской власти. Со временем, правда, они, в большинстве кулаки и их сыновья, переводились из. воинских частей в трудовые роты. Однако это делалось с опозданием, к тому же недостаточно энергично.

Больших усилий требовало создание 2-й стрелковой дивизии Советской Латвии. В оперативную деятельность в стадии формирования пришлось вовлечь 15-й и 16-й стрелковые полки, а в начале марта и сформированные роты 18-го стрелкового полка. Эти части создавались и развивались буквально во фронтовых условиях.

В гражданской войне важную роль играла кавалерия. В составе 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии в январе 1919 года имелись 2-й и 3-й кавалерийские дивизионы. Переформированию подлежал 1-й кавалерийский полк Советской Латвии, однако из-за усложнившейся фронтовой обстановки это сделано не было. Во 2-й стрелковой дивизии Советской Латвии, главным образом из-за отсутствия лошадей, кавалерии было намного меньше.

Артиллерия 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии, состоявшая из 3 легких, мортирного (гаубичного) и тяжелого полевого дивизионов, отдельной тяжелой батареи и зенитной батареи, стала основным ядром, всей артиллерии Армии Советской Латвии. Во 2-й стрелковой дивизии было мало орудий. [167]

Артиллерию пополнили береговые батареи Даугавгривской крепости. На 1 марта 1919 года в распоряжении Армии Советской Латвии находилось 52 орудия, а в середине мая — 98.

Армия имела свою авиацию. На 1 марта в отрядах насчитывались 18 самолетов, 28 инструкторов и 289 красноармейцев. Среди личного состава авиаторов были такие опытные летчики, как М. Тетерис, Х. Берзинь, М. Крузе, Р. Целминь, В. Скрастынь и др. Но ввиду острого недостатка бензина и масла самолеты в большинстве случаев бездействовали.

Боевой состав Армии Советской Латвии пополнился также 2—3 бронепоездами, оснащенность которых, к сожалению, не соответствовала требованиям. То же можно сказать и об отряде броневиков: частые ремонты, отсутствие запасных частей не позволяли должным образом использовать машины в боях. Затруднено было также использование по назначению батальонов связи и инженерных батальонов обеих дивизий.

Ход формирования Армии Советской Латвии отражался на ее количественном росте: если на 1 марта в армии насчитывался 21921 человек (в том числе 13,3 тыс. штыков и 996 сабель), то в середине мая численный состав возрос до 45,3 тыс. человек (26,4 тыс. штыков и 1867 сабель){116}. Армия представляла коренное население республики, что подтверждалось ее национальным составом. В 1-й стрелковой дивизии

Советской Латвии и раньше подавляющее большинство составляли латыши. Высокий процент красноармейцев латышской национальности — около 3/4 всего личного состава — был также во 2-й стрелковой дивизии (за исключением артиллерии и полков бывшей Интернациональной дивизии). В то же время Армия Советской Латвии с самого начала комплектовалась по интернациональному принципу. В ее частях плечом к плечу сражались латыши, русские, литовцы, эстонцы, а также немцы и поляки.

23 февраля Реввоенсовет армии утвердил штаты Морского управления Советской Латвии. В деле защиты морского побережья республики оно подчинялось командованию армии, а во всех остальных вопросах — Военному комиссариату. Управление было создано главным образом для обеспечения безопасности побережья Рижского залива, так как после возобновления навигации в заливе противник мог высадить десант. Начиная с 4 апреля, когда Морское управление возглавил активный участник Октябрьской революции, бывший комиссар Волжской военной флотилии коммунист К. Зиедынь, были предприняты энергичные меры по защите морского побережья и организации военной флотилии Советской Латвии.

Как во всей Красной Армии, так и в Армии Советской Латвии большие трудности представляло комплектование командного состава, особенно старшего, укомплектование личного состава штабов. Военных специалистов, таких как К. Шведе, который с 1 февраля был назначен начальником штаба 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии, начальник разведывательного пункта дивизии О. Лацис, начальник штаба [168] 1-й бригады К. Крижманис, топографист штаба дивизии Г. Матсон, младший помощник начальника штаба П. Озол, было мало.

Главное командование Красной Армии в конце 1918 года и в начале 1919 года способствовало отправлению военных специалистов, опытных организаторов военного дела в Латвию. Кроме того, ряды военных специалистов пополнились после того, как Военный комиссариат Советской Латвии мобилизовал бывших офицеров. В числе последних был генерал А. Мартусевич. 22 марта он был назначен начальником артиллерии. 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии (комиссар — П. Лаздынь), а затем — командиром той же дивизии.

Часть мобилизованных офицеров служила добросовестно, но донесения из полков свидетельствовали о том, что некоторые военные специалисты не оправдали доверия. Более того, в трудную минуту отмечались случаи дезертирства и даже перехода на сторону белогвардейцев.

Для пополнения командного состава в феврале 1919 года были организованы курсы инструкторов, которые во второй половине марта

были преобразованы в Военную школу Армии Советской Латвии. Она находилась в Риге и имела пехотно-пулеметное, кавалерийское, артиллерийское и инженерно-техническое отделения. В середине мая в Военной школе занимались 188 курсантов. Но столь необходимых красных командиров для армии она не успела подготовить.

Полки, отправлявшие красноармейцев в Военную школу Армии Советской Латвии, пользовались также предоставленной им возможностью посылать лучших стрелков на курсы командного состава в Москву. Низших командиров готовили полковые школы, их комплектовали из числа наиболее опытных старых стрелков, которые вынесли на себе всю тяжесть боев и трудности обучения добровольцев.

25 февраля 1919 года на совещании Реввоенсовета Армии Советской Латвии, на котором присутствовали главнокомандующий И. Вациетис и член Реввоенсовета РСФСР С. И. Аралов, рассматривались вопросы о формировании и снабжении армии; было указано, что необходимо издать временный устав-инструкцию о революционной дисциплине в армии. Разработанное «Положение» Реввоенсовет опубликовал в середине марта..

Отделы снабжения армии, дивизий и бригад являлись в основном, органами распределения. Хотя удалось закупить на Украине значительное количество зерна, все же большую часть продовольствия и фуража нужно было заготовить в самой Латвии. Но в Латвии было слишком мало продовольствия и фуража, при этом интервенты захватили плодородные уезды Курземе. Подкрепления для Армии Советской Латвии прибывали на территорию республики, как правило, без запасов продовольствия. 9 апреля для обеспечения армии и населения Советской Латвии продовольствием был создан Совет снабжения. Органы снабжения армии подчинялись ему через Реввоенсовет армии.

В тяжелые для Армии Советской Латвии дни дорогой подарок латышским стрелкам прислали их недавние боевые товарищи из IX армии, вместе с которыми стрелки боролись на Южном фронте в конце: 1918 года. Они отправили в распоряжение Реввоенсовета Армии Советской [169] Латвии 28 вагонов зерна. Состав этого поезда прибыл в Даугавпилс 12 апреля. Стрелки же, часто получавшие заниженные суточные порции продовольствия, стремились поддержать своих товарищей — трудящихся в тылу. Так, в канун 1 Мая 2-й стрелковый полк Советской Латвии по предложению общего собрания стрелков 4-й роты решил пожертвовать 1 суточную порцию продовольствия (1 Мая стрелкам надо было получить двойную порцию) рабочим Риги и таким образом поздравить их с праздником трудящихся всего мира.

По-прежнему очень чувствовался недостаток обмундирования, белья и обуви. В этом отношении особенно трудно стало в марте, когда началась мобилизация. Как видно из выступления члена Совета снабжения Я.

Ленцманиса, 13 мая на заседании Комитета коммунистической организации Армия Советской Латвии получила только 34% всех причитавшихся ей предметов снабжения.

В связи с обострением военных действий задерживалась разработка положения о структуре армии. Упомянутое положение об организации Армии Советской Латвии было принято 9 апреля 1919 года. Согласно этому положению, руководить армией должен был Революционный военный совет как ее высший орган, ответственный перед Советским правительством, ЦИК Латвии и соответствующими военными учреждениями РСФСР. Комиссары воинских частей стали называться эмиссарами. Дивизии, бригады и группы возглавили военные советы, в состав которых входили командир соответствующей дивизии, бригады или группы и 2 члена военного совета. Советы, по-видимому, должны были осуществлять контроль над военными специалистами. Но улучшения оперативного руководства военные советы не добились. Исколастрелу и комитетам был доверен контроль над хозяйственной и административной деятельностью воинских частей. За свою деятельность Исколастрел нес ответственность перед Реввоенсоветом армии.

Деятельность комитетов начала оживляться во второй половине апреля после получения новых инструкций. Согласно полученным инструкциям, воинские части должны были проводить перевыборы комитетов. В стрелковых полках, артиллерийских и кавалерийских дивизионах, авиадивизионе, отдельных батальонах, на продовольственном и артиллерийском транспортах, в полевых и военных госпиталях избирались комитеты в составе 3 человек, а в ротах, командах, батареях и эскадронах комитеты ликвидировались. Вместо них избирались представители. Представители совместно с комитетом коммунистической фракции полка составляли полковой совет, который избирал на 4 месяца полковой комитет в составе 3 человек — председателя, его товарища и секретаря. Для осуществления контрольных функций комитет назначал контролера при хозяйственной части. Административный контроль осуществлялся председателем полкового комитета совместно с эмиссаром оперативной части. Полковой комитет следил за деятельностью ротных товарищеских судов, принимал самое активное участие во всей жизни полка, но не вмешивался в оперативные вопросы. Как и раньше, дважды в месяц комитеты были обязаны представить Исколастрелу доклады о своей деятельности. [170]

Исколастрел, которому было поручено контролировать высшие органы снабжения армии, уже в конце марта — начале апреля назначил контролеров при отделе снабжения Армии Советской Латвии, а также в обеих ее дивизиях и бригадах. Представители Исколастрела участвовали на заседаниях Реввоенсовета армии в Даугавпилсе, когда рассматривались

хозяйственные вопросы. За правильностью отчетов о снабжении следил контрольный отдел Исколастрела. Весной 1919 года в Исколастреле работали следующие выборные его члены: Т. Зекке, Р. Рутынь, К. Кригер, Ж. Улманис, А. Скайдынь, Я. Шварте, Э. Циммерманис и А. Рихтер. Хозяйственный контроль в сфере распределения, осуществляемый комитетами и Исколастрелом, являлся важной и трудной задачей, требовавшей много сил и энергии. Однако все упомянутые выше органы со своей задачей в основном справились.

В трудных условиях начал свою деятельность политотдел Армии Советской Латвии. Политотдел имел свое информационно-справочное бюро во главе с членом Комитета коммунистической организации И. Бейгрантом. Редакционно-издательское отделение ведало изданием газеты «Сарканайс стрелниекс», которая с 1 мая начала выходить под названием «Латвияс комунас стрелниекс» («Стрелок Латвийской коммуны»), ее литературного еженедельного приложения «Коммунистискас армияс теория ун праксе» («Теория и практика коммунистической армии»), журнала «Саркана звайгзне» («Красная звезда»), брошюр и воззваний. Периодической литературой и воззваниями армию обеспечивало литературное отделение, которым заведовал А. Эшмит.

Отделение политического контроля (заведующий — Я. Крикманис) регистрировало и утверждало в должностях политработников. Культурно-просветительное отделение политотдела, включавшее клубную, музыкально-драматическую и библиотечную секции, руководило культурными и просветительными мероприятиями. В конце февраля в Риге был открыт центральный клуб «Сарканайс стрелниекс» («Красный стрелок»). Свою деятельность начали драматическая и спортивная секции и хор. С успехом работала библиотечная секция политотдела. В мае свои библиотеки имели 40 частей Армии Советской Латвии.

Когда начались жестокие бои против наступающей контрреволюции в Латвии, новые задачи встали перед коммунистической организацией армии, 45 фракций которой в мае 1919 года объединяли около 2200 членов партии{117}. После пополнения воинских частей мобилизованными коммунистическим фракциям полков надо было усилить агитационную и пропагандистскую деятельность, участвовать в чистке полков от нежелательных элементов. Комитет армейской коммунистической организации отправлял на фронт коммунистов из тыловых частей и учреждений, способствовал более равномерному распределению членов партии по полкам и ротам.

В апреле активизировались коммунисты вновь созданных частей армии. В это время не только формально, но и фактически оформились в них коммунистические фракции. Наряду с этим во многих полках [171] 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии и в нескольких старых частях 2-й

стрелковой дивизии коммунисты провели перевыборы фракционных комитетов. В связи с небольшим ослаблением боевой деятельности во время весенней распутицы стало возможным провести общие собрания членов партии. Например, 21 апреля общее собрание коммунистов состоялось в 10-м стрелковом полку, причем оно было первым после прибытия полка в Латвию.

Коммунисты некоторых стрелковых полков в своей деятельности наладили связь с членами партии ближних волостей. Тесный контакт с местными жителями прифронтовой полосы поддерживали Валмиерский добровольческий батальон и 7-й стрелковый полк. Фракция 7-го стрелкового полка поддерживала тесную связь с партийными организациями Мазсалацы и Матишской волости.

В первой половине апреля как в Курземе, так и Видземе происходили стычки местного характера. Враг на западе Латвии неоднократно обстреливал расположение стрелковых полков химическими снарядами. Так, 12 апреля в районе Елгавы противник выпустил более 300 химических снарядов, однако сырая погода несколько помешала распространению ядовитых газов. Обстрелу химическими снарядами подверглись также части 3-й бригады 2-й стрелковой дивизии. В дальнейшем на боевые действия повлияли начавшиеся оттепель и половодье.

Лагерь контрреволюции в Курземе во второй половине апреля 1919 года был занят выяснением взаимоотношений. Гольц, вынашивавший дерзкие планы, в которых Прибалтике принадлежала не последняя роль, разогнал буржуазное временное правительство К. Улманиса, стремившееся угодить империалистам Антанты и США. Формально оно вскоре было заменено наспех составленным открыто прогерманским правительством во главе с верным слугой германского империализма пастором А. Ниедрой. Это «правительство», по сути дела, было призвано лишь прикрывать претензии германских империалистов на Прибалтику, соответствовавшие духу новой восточной политики.

После наступления Алуксненской группы в марте 1919 года штаб Западного фронта приступил к организации новой операции против войск буржуазной Эстонии. Из VII армии была выделена Эстляндская Советская армия, ядром которой стали эстонские советские полки. Вновь образованной армии был выделен участок от района Гдова до реки Гауя, в нее вошли также Алуксненская группа с 6-м и 13-м стрелковыми полками Советской Латвии.

Во время подготовки операции продолжались стычки местного характера. В одной из них на алуксненском участке был захвачен вражеский бронепоезд. Произошло это так. 2 неприятельских бронепоезда в начале апреля часто угрожали 2-й бригаде 2-й стрелковой дивизии Советской Латвии в районе корчмы Лушукрогс. П. Матисон,

командовавший бригадой, принял смелое решение: захватить хотя бы один из них. Когда 6 апреля бронепоезда снова приблизились к расположению 2-й бригады 2-й стрелковой дивизии, артиллерия, приданная бригаде, подбила первый из них и заставила отойти второй, который должен был эвакуировать подбитый поезд. Белогвардейцы не собирались отдать бронепоезд [172] без боя. Обходным маневром слева пехоте противника удалось подойти к поезду и оставить для прикрытия его 2 роты. Но обе роты неприятеля и подбитый бронепоезд были отрезаны в районе Лушукрогса. 7 апреля после ликвидации упомянутых белогвардейских рот бронепоезд противника был взят, а еще через несколько дней, после устранения повреждений, стал действовать на стороне красноармейских частей. Захваченный бронепоезд состоял из 2 локомотивов и 11 вагонов, был вооружен 2 орудиями и 18 пулеметами. Командующий Западным фронтом Д. Надежный по этому поводу писал: «Благодарю от лица службы комбрига Матисона и его молодецкие части за захват бронепоезда. Этот подвиг ставлю в пример войскам фронта, особенно Печорской группе, которая уже не раз отступала перед налетом бронепоездов. Донести фамилии наиболее отличившихся в этом деле»{118}. За проявленную инициативу, решительность и отвагу командир 2-го батальона 6-го стрелкового полка Ю. Петерсон и стрелки того же батальона Н. Зелтынь, Э. Аун и А. Крузкоп приказом (№ 120) Реввоенсовета РСФСР от 26 июня 1919 года были награждены орденами Красного Знамени.

Организованное Западным фронтом наступление на позиции, занимаемые эстонскими белогвардейцами, началось 17 апреля. В этот день удар на Выру предприняли части Алуксненской группы. Стрелки 6-го полка Советской Латвии уже в первый день заняли левый берег реки Мелнупе от Мынисте до реки Гауя. Успехов добились также другие части левого фланга. Несмотря на отставание правого фланга, операция создала серьезную угрозу для противника. Ситуация была благоприятной для перехода в наступление частей Красной Армии, расположенных в районе Пскова. Однако они медлили. Неприятель воспользовался этим и подготовил контрудар против флангов продвинувшейся Алуксненской группы из окрестностей Тахевы и Вастселийны на Вецлайцене. При помощи бронепоездов противник возвратил себе Мынисте, принудив отойти 6-й и 13-й стрелковые полки.

Для того чтобы облегчить положение Алуксненской группы, приказ перейти в наступление был дан 2-й и 3-й бригадам 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии, находившимся в Северной Видземе, хотя по плану его следовало начать лишь после занятия Выру. 3-я бригада 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии начала наступление ранним утром 25 апреля. После успешного рейда партизанского отряда (командир Р. Буманис) в тыл

врага, в ходе которого были прерваны линии связи и взят в плен штаб 3-го батальона 6-го пехотного полка эстонских белогвардейцев, энергичное продвижение начал Валмиерский добровольческий батальон. 2 роты батальона устремились к Руиене, а третья — к Наукшены. Валмиерцы ворвались в Руиену и очистили ее от белогвардейцев. Трудящиеся сердечно встретили своих земляков, которые, преследуя противника, спешили за ним в северном направлении. Валмиерский добровольческий батальон уже в начале наступления захватил богатые трофеи и взял около 70 пленных. Освобождением Наукшены руководил храбрый командир 3-й роты Э. Лиепинь. Когда близ усадьбы Андрецены [173] (юго-восточнее Руиены) ударники белогвардейцев сильным ружейным и пулеметным огнем пытались удержать 3-ю роту, он искусным маневром подвел стрелков на расстояние 75 шагов от неприятеля и затем поднял их на штыковой удар. Белогвардейцы отступили. 20 из них были взяты в плен. Левее Валмиерского добровольческого батальона успешно наступали стрелки 7-го полка, занявшие имения Идус и Виркены.

Белогвардейцев спасла несогласованность ударов частей VII и Эстонской (в документах того времени Эстляндская) советских армий и Армии Советской Латвии. Воспользовавшись этим обстоятельством, неприятель поспешно перебросил к Валке подкрепления, взятые с других участков, и перешел в контрнаступление вдоль железной дороги и шоссе Валка — Валмиера. 3-я бригада 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии усилила свои действия, и 27 апреля ее части успешно продолжали наступление. Валмиерский добровольческий батальон оттеснил противника дальше на север от Руиены. Продвинулся вперед и 7-й стрелковый полк. Частичных успехов добился 9-й стрелковый полк. Но после того как белогвардейцы заставили 2-ю бригаду отойти, они начали угрожать с фланга выдвинутому вперед клину 3-й бригады.

29 апреля прерванное наступление с новой силой возобновили части [174] Эстонской советской армии. Вследствие успешных действий Алуксненской группы упорные бои развернулись на псковском участке.

Контрнаступлением из окрестностей Эргеме на участок 9-го стрелкового полка, утомленного продолжительными боями, противнику удалось оттеснить его 3-й батальон и роты 11-го стрелкового полка, не имевшие никакого боевого опыта. Противник пробивался к Мазсалаце. Части 3-й бригады не устояли против превосходящих сил врага и отошли на линию реки Седа, оставив Руиену, Наукшены, Мазсалацу.

Армия Советской Латвии не могла в достаточной мере усилить Видземский фронт. Туда отправились лишь небольшие подкрепления: отряд Валмиерского военного отдела (около 100 штыков, 2 пулемета), переброшенные из Курземе эскадрон 3-го кавалерийского дивизиона и рота Интернационального легиона им. К. Либкнехта. Более значительные

силы с Курземского фронта перебросить было нельзя, ибо в последнюю неделю апреля по настоянию штаба Западного фронта началось наступление частей Армии Советской Латвии в районе Бауски. Ожидаемых успехов это наступление не дало — занять Бауску советские войска не смогли.

Белорусско-литовская советская армия в связи с наступлением белополяков и захватом ими Вильнюса находилась в очень тяжелом положении. Чтобы оказать ей непосредственное содействие, командование Армией Советской Латвии уже 20 апреля приказало 18-му стрелковому полку, единственной недавно выделенной в резерв армии части, оставить Даугавпилс и направиться на станцию Игналино. Полк получил задание вместе с другими частями советских войск перейти в решительное наступление в направлении станции Пабраде — Вильнюс. Однако уже в ближайшие дни все внимание пришлось уделить обороне, поскольку после отступления главных сил Белорусско-литовской армии в направлении Молодечно — Минск, а Литовской советской дивизии — на Укмерге польские белогвардейцы стремительно продвигались к Пабраде и Швенчёнеляй. Части Литовской советской дивизии, отошедшие к Укмерге, были малочисленными и слабыми, к тому же полностью потеряли связь с остальными силами Белорусско-литовской армии. 30 апреля Литовская советская дивизия была подчинена Армии Советской Латвии. В связи с этим фронт последней расширился в направлениях Укмерге и Швенчёнеляй. С этого момента Армия Советской Латвии объединила все советские вооруженные силы, расположенные в Латвии и северо-восточной части Литвы, еще не захваченной силами контрреволюции.

Укрепить новообразованный фронт против польских контрреволюционных частей Армия Советской Латвии, ввиду отсутствия резервов, могла только за счет ослабления других своих участков. Так же пришлось поступить и при обороне фронта Паневежис — Утена — Швенчёнеляй — Адутишкис. Времени было мало — следовало торопиться, так как противник, воспользовавшись создавшейся ситуацией, вынудил части Красной Армии оставить Укмерге.

Латышские стрелки включились в военные действия против польских белогвардейцев в северо-восточной части Литвы. 6 мая у Сантокского моста превосходящим силам врага путь преградили стрелки 18-го полка. 1 рота во главе с командиром 3-го батальона Я. Ванагом, почти полностью [175] окруженная белогвардейцами, около 12 часов самоотверженно сдерживала их натиск. Противник не смог обойти и окружить 18-й стрелковый полк. Высоко оценив проявленную инициативу и смелость командира 3-го батальона, Реввоенсовет РСФСР наградил Я. Ванага орденом Красного Знамени.

Объединенная Курземско-Видземская группа в первой декаде мая 1919 года осуществила перераспределение частей. От Асари до района Олайне была расположена 1-я бригада 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии, сменившая части 3-й бригады 2-й стрелковой дивизии, перемещенные под Бауску. Штабу 2-й бригады 2-й стрелковой дивизии [176] Советской Латвии после смены в районе Алуксне предстояло отправиться на станцию Олайне, где командир бригады П. Матисон принял командование олайнским боевым участком. 6-й стрелковый полк был срочно вызван командованием армии в Даугавпилс. Чтобы предотвратить угрозу, Армии Советской Латвии пришлось все время внимательно следить за действиями врага, стараясь раскрыть планы и намерения своего сильного и коварного противника.

Империалисты Антанты торопили Гольца занять Ригу. В этом были заинтересованы также германские империалисты и сам Гольц. Однако правительство Германии, в связи с тяжелыми условиями мирного договора, старалось маскировать свои истинные намерения на востоке.

Подготовка неприятеля к захвату Риги, со второй половины марта находившейся в непосредственной близости от фронта, не могла остаться незамеченной. Но это была не единственная угроза, связанная с весьма невыгодным стратегическим положением Армии Советской Латвии. В случае комбинированных ударов с севера и юго-востока враг угрожал выйти в тыл Армии Советской Латвии и полностью окружить ее. Резервов ни Армия Советской Латвии, ни Западный фронт не имели. Общее положение Западного фронта во второй половине мая, главным образом в связи с наступлением белогвардейских войск Юденича на Петроград, было очень тяжелым. Инициативой владел противник. Все возможные подкрепления были брошены на помощь защитникам Петрограда. Активизировались и эстонские белогвардейцы. Невыгодно для Армии Советской Латвии сложилась ситуация на левом фланге, где 20 мая польским белогвардейцам удалось захватить станцию Игналино. Немецкие части и литовские белогвардейцы активизировались в районе Паневежиса. 18 мая противник перешел в наступление и на следующий день занял город. В этот район был срочно отправлен 6-й стрелковый полк, сумевший 22 мая вернуть Паневежис.

Штаб объединенной Курземско-Видземской группы определил силы противника на подступах к Риге (от Рижского залива до района Бауски) примерно в 6000 штыков. Однако они превышали это число. На непосредственных подступах к Риге — от морского побережья до района Елгавы — были расположены части ландесвера и «железной дивизии». В середине мая в состав ландесвера входили 663 офицера и 5405 солдат, на вооружении которых было 84 тяжелых и 72 легких пулемета, 17 орудий, 8 минометов, 3 гранатомета. В «железной дивизии», занявшей участок от

устья реки Свете до Стальгене, имелось 8090 человек, 121 тяжелый и 82 легких пулемета, 37 орудий, 15 минометов. Расположенная правее 1-я гвардейская дивизия насчитывала почти 32 тыс. человек{119}. Следует отметить, что в распоряжении 6-го корпуса противника имелись авиация, бронепоезда, броневики и другая военная техника. Ее успешному использованию и оперативному маневрированию весьма способствовала хорошо поставленная связь, в том числе и радиосвязь. [177]

По сведениям штаба, Армия Советской Латвии в середине мая на участке от взморья до Бауски насчитывала 15,2 тыс. человек, в том числе 7073 штыка, 618 сабель, 188 пулеметов, 30 орудий, бронепоезд и броневик. Это составляло примерно третью часть состава Армии Советской Латвии. На боевом участке Слока — Калнциемс были расположены 1-й, 2-й и 3-й полки 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии, всего 5773 человека, в том числе 2148 штыков. На олайнском участке находились 10-й и 16-й стрелковые полки, а также немногочисленный батальон Даугавгривского крепостного полка — всего 2793 красноармейца, в том числе 1899 штыков{120}. В состав обоих участков входило несколько артиллерийских батарей (соответственно 10 и 8 орудий), а олайнский боевой участок располагал также бронепоездом № 47 и броневиком.

Немного войск насчитывалось в так называемом Рижском укрепленном районе (в Риге находился запасной полк 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии). В их задачу входила защита побережья Рижского залива от устья реки Гауя до устья реки Лиелупе от возможного десанта противника, а также противовоздушная оборона Риги. В резерве штаба Курземско-Видземской группы на 16 мая имелись 3-й батальон 5-го стрелкового полка, эскадрон 1-го кавалерийского полка Советской Латвии, батальон 22-го Витебского полка железнодорожной охраны и отделение [178] 2-го авиаотряда в составе 2 самолетов. На стороне противника было значительное как количественное, так и техническое превосходство. Его войска гораздо лучше снабжались. В воздухе господствовали неприятельские самолеты, с середины апреля ежедневно производившие воздушную разведку Риги и ее окрестностей и бомбардировавшие важные объекты.

Командование Армии Советской Латвии, не желая предоставить врагу возможность беспрепятственно подготовиться к наступательным операциям, решило опередить его намерения. В первой половине мая было дано указание перейти к активным действиям на Курземском фронте, хотя приходилось рассчитывать только на наличные силы.

Приказ по Курземско-Видземской группе от 16 мая выдвинул частям армии следующие задачи: 1-й бригаде 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии следовало на рассвете 18 мая атаковать калнциемский плацдарм противника силами 2-го стрелкового полка; 3-й бригаде 2-й стрелковой

дивизии Советской Латвии — занять Бауску, вслед за этим выдвинуться на линию Лиелплатоне — Элея — Крюкай. Частям олайнского участка начиная с 18 мая следовало усиленно проводить демонстративные мероприятия, а в случае успешного продвижения 3-й бригады 2-й стрелковой дивизии — переместить свой левый фланг до Данентале и Вецплатоне.

Для занятия Бауски была создана ударная группа. В нее вошли 8-й стрелковый полк с 1 легкой артиллерийской батареей и эскадрон 1-го кавалерийского полка Советской Латвии. Ударная группа получила приказ утром 18 мая атаковать город. Наступать на Бауску должен был 3-й батальон 5-го стрелкового полка, переданный в распоряжение упомянутой бригады. Остальные части получили задание усиленными демонстративными действиями отвлекать внимание противника. Командир 3-й бригады 2-й стрелковой дивизии Ф. Калнынь, заменивший заболевшего Р. Вайняниса, получил указание при помощи кавалерии, находившейся в распоряжении бригады, обеспечить левый фланг.

Как видно, для взятия Бауски был предназначен небольшой резерв Курземско-Видземской группы. В то же время наступление на хорошо знакомую старым латышским стрелкам, сильно укрепленную немецкую Пулеметную горку и калнциемский плацдарм пришлось вести без каких-либо подкреплений — только силами 2-го стрелкового полка.

Рано утром 18 мая 2-й стрелковый полк перешел в наступление. Стрелки в утренние сумерки подкрались к заставе ландесвера и ликвидировали ее без единого выстрела. Только несколько раз успели выстрелить белогвардейцы следующего передового поста. Взяв пленного и 2 пулемета, стрелки, преследуя бегущих постовых белогвардейцев, приблизились к основной позиции калнциемского плацдарма. Неприятель открыл сильный пулеметный и ружейный огонь. По достижении сохранившихся со времени империалистической войны и восстановленных противником проволочных заграждений цепи латышских стрелков вынуждены были залечь. На правом крыле боевого участка 2-го стрелкового полка первоначально был занят целый ряд усадеб между рекой Лиелупе и озером Бабитес. Однако сильный фланкирующий огонь со стороны [179] немецкой Пулеметной горки приостановил продвижение стрелков на Калнциемс с севера. С целью облегчения задачи 2-го стрелкового полка в демонстративное наступление вдоль морского побережья перешли стрелки 1-го полка. Они заняли первую линию неприятельских окопов в районе Каугурциемс — Слока, но удержать ее не смогли.

Вечером того же дня 2-й батальон 2-го полка еще раз атаковал расположение противника, но ландесвер, в распоряжение которого прибыли резервы, при поддержке сильного артиллерийского,

гранатометного и пулеметного огня отстоял свои окопы. Утром 19 мая последовала третья атака стрелков. Они снова дошли до проволочных заграждений, но дальше продвинуться так и не сумели. Противник встретил их сплошным огнем. Его позиции, прикрытые хорошо сохранившимися блокгаузами, построенными еще кайзеровской армией, занять только фронтальными ударами стрелкам явно было не под силу. Перед 1-м батальоном полка вражеская пехота поднялась в контрнаступление, но была отбита. Для усиления 2-го стрелкового полка наконец были присланы 2 роты (3-я и 7-я) 1-го полка.

На олайнском боевом участке 19 мая 16-й стрелковый полк занял корчму Гароза. Но части «железной дивизии» при помощи бронепоезда оттеснили стрелков.

Так как 3-й батальон 5-го стрелкового полка в назначенное место прибыл с опозданием, наступление на Бауску началось днем позже. Ввиду отсутствия взаимодействия частей 3-я бригада 2-й стрелковой [180] дивизии Советской Латвии 19 и 20 мая предполагаемого успеха не добилась. Но 21 мая освобождение Бауски уже представилось совсем реальным. Латышские стрелки боролись самоотверженно. Особенно отличился 8-й стрелковый полк под командованием Е. Илзиня (комиссаром полка в это время был Э. Грубе). 3-й батальон 5-го стрелкового полка с боем занял имение Цераукстe. Под вечер этого же дня 1-й кавалерийский полк Советской Латвии к северу от Бауски занял Тупини и имение Петермуйжа.

Положение неприятеля в районе Бауски ухудшилось. Однако бои измотали стрелков. Наступательный порыв их ослабел, в то время как части вражеской 1-й гвардейской дивизии подтянули подкрепление и готовили контрудар.

Продолжались бои за калнциемский плацдарм. В ночь на 22 мая был получен приказ утром снова перейти в наступление. В связи с этим полк перегруппировался. 2-му батальону совместно с 2 ротами 1-го батальона предстояло продвигаться вдоль дороги Елгава — Калнциемс и ударить по Калнциемсу с юга, а роте 1-го батальона с 2 ротами 1-го стрелкового полка — атаковать немецкую Пулеметную горку. Стрелки 2-го полка и приданные ему роты заняли исходные позиции, чтобы, как следует из записей в журнале боевых действий полка, в четвертый раз осуществить удар на Калнциемс. Но их* опередил противник, перешедший в наступление на Ригу.

Ландесвер и «железная дивизия», предварительно разделив свои силы на отдельные колонны, при поддержке артиллерии, авиации и броневиков быстро двигались вперед. На участке 2-го стрелкового полка ландесверовцы основной удар направили на Скангали. Неприятелю удалось полк расколоть, отрезав роты в окрестностях немецкой

Пулеметной горки от группировки в районе имения Кливе. Все фронтальные удары противника стрелки отбивали, нанося ему ощутимые потери.

Убедившись, что его фронтальные удары встречают отпор, противник усилил действия на флангах. По занятии Скангали ландесверовцы отрезали путь отступления группе стрелков 2-го батальона 2-го полка, при которой находился комиссар К. Бриедис. Стрелки продолжали обороняться в окрестностях имения Кливе, а потом, с боем вырвавшись из окружения, отошли к имению Шварцмуйжа. Десятикилометровый путь, который стрелкам пришлось пройти болотом, их сильно задержал. При приближении к Шварцмуйже выяснилось, что белогвардейская кавалерия опередила стрелков. Очистив себе дорогу, группа стрелков 2-го батальона продолжала отход. В то же время 1-й батальон полка с боями отступал к хутору Дзилнас.

После усиленной артиллерийской подготовки, в ходе которой применялись также химические снаряды, ранним утром 22 мая на фронте 3-го стрелкового полка и частей олайнского боевого участка в наступление перешла «железная дивизия». Около 5 часов утра ее части атаковали, имение Цена. На олайнском боевом участке противник направил основной удар на 10-й стрелковый полк и правый фланг 16-го стрелкового полка. На железной дороге, продвигаясь в сторону Риги, действовал неприятельский бронепоезд. Через некоторое время «железная дивизия», захватив [181] имение Цена, прорвав фронт 10-го стрелкового полка и оттеснив 16-й стрелковый полк по направлению к Иецаве, подходила к Олайне.

1-й стрелковый полк находился как бы в стороне. Командование 1-й бригады 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии, для того чтобы преградить противнику дальнейший путь к Риге, готовилось снять 1-й стрелковый полк с позиций и отправить его в район калнциемского шоссе. Однако штаб Курземско-Видземской группы не дал на это своего согласия.

Действия стрелковых полков 1-й бригады были весьма затруднены ввиду плохой связи как между полками, так и со штабом бригады, находившимся в пасторате Пинки (ныне совхоз «Салиена»), откуда он около 11 часов 30 минут переместился на станцию Пупе (ныне Бабите). Когда совсем прервалась и без того слабая телефонная связь с полками (с 3-м стрелковым полком около 8 часов, а со 2-м — около 10 часов), штабу 1-й бригады стало очень трудно руководить боевыми действиями указанных частей.

По достижении хутора Дзилнас противник направил часть своих сил на станцию Пупе, а остальные — на Ригу. Около полудня вражеская артиллерия начала обстреливать предместье Риги Торнякалнс. По улице Калнциема в Задвинье ворвались ландесверовцы, стремясь захватить мосты через реку Даугава. Только небольшая группа стрелков 2-го полка

отошла к Риге, часть из них присоединилась к 1-му стрелковому полку в районе станции Пупе, а остальные, так же как и 3-й стрелковый полк, отступили до реки Даугава южнее Риги, а затем у Катлакалнса и Огре переправились на ее правый берег.

Командиру 2-й бригады 2-й стрелковой дивизии Советской Латвии П. Матисону небольшими силами удалось на некоторое время задержать «железную дивизию» в окрестностях Олайне. Но затем, оттеснив 10-й стрелковый полк, который через Торнякалнс отошел к Кекаве, она ворвалась в Задвинье. В это время поступили сведения о том, что крупные силы противника в районе Бауски перешли в наступление, заставив отступить части 3-й бригады 2-й стрелковой дивизии, которые находились всего в 2—3 км от города.

Так как штаб 1-й бригады 1-й стрелковой дивизии поддерживал связь только с 1-м полком и не знал о том, что враг уже занял Задвинье, командир бригады А. Яновские, член военного совета А. Муцениек, [182] помощник начальника штаба Л. Иленда и заведующий противогазовой обороной Э. Эсбах около 15 часов выехали на автомашине со станции Пупе в направлении Риги, с тем чтобы через Агенскалнс проехать по шоссе Рига — Калнциемс и ознакомиться с положением на фронте бригады. На улице Калнциема автомашину неожиданно пытались окружить белогвардейцы, надеясь взять в плен офицеров Красной Армии. Однако последним удалось избежать плена, переправиться через Даугаву и присоединиться к защитникам Риги.

Командование 1-й бригадой 1-й стрелковой дивизии взял на себя начальник штаба Т. Кауфелд. Связь со 2-м и 3-м стрелковыми полками отсутствовала, их местонахождение и состояние не были известны. Поскольку враг продвигался к имению Пинки с явным намерением отрезать 1-й стрелковый полк, последнему был отдан приказ оставить позиции и отойти на станцию Пупе. Стрелки, особенно 2-й роты, прикрывавшие отход полка, под сильным артиллерийским и пулеметным огнем отбили несколько атак кавалерии и пехоты белогвардейцев в окрестностях имения Пинки и местной церкви, таким образом задержав противника в этом районе до вечера. 1-й стрелковый полк Советской Латвии отошел в полном порядке в Болдераю, где переправился через Даугаву. За отличное выполнение боевого задания командир роты Я. Брош по приказу Реввоенсовета РСФСР был награжден орденом Красного Знамени.

22 мая во второй половине дня главные силы ландесвера и «железной дивизии», вторгшись в Ригу, оттеснили ее защитников. Рабочие, коммунисты, военные моряки, курсанты Военной школы Армии Советской Латвии сражались самоотверженно, но город отстоять не

сумели. В борьбе за Ригу смертью храбрых пал начальник Морского управления Военного комиссариата Советской Латвии К. Зиедынь.

В ночь на 23 мая (около часа) защитникам города под натиском неприятеля пришлось отойти за реку Югла. В Риге, захваченной силами контрреволюции, белогвардейцы начали зверскую расправу над местными жителями, во время которой погибли тысячи трудящихся.

Падение Риги было тяжелым ударом для Советской власти в Латвии. Армия Советской Латвии собиралась, наступая с позиций Вецаки — озеро Кишэзерс — река Югла — Икшкиле — Балдоне — Скайсткалне — Субачюс — Аникшчяй, Ригу возвратить{121}. Однако контрреволюция не медлила с нанесением ударов и на других участках фронта. Эстонские белогвардейцы перешли в наступление в Видземе. Противник наступал в районе Утена, продвинулся несколько южнее Риги. А резервов у Армии Советской Латвии не было. Этим тяжелым положением Армии Советской Латвии воспользовался враг, начавший наносить последующие удары по ее флангам. В ночь на 26 мая белогвардейцы захватили Псков. Алуксненская группа, до того входившая в состав Эстонской советской армии, по решению штаба Западного фронта была включена в Армию Советской Латвии. Важнейшей задачей было не допустить прорыва неприятеля в тыл армии. [183]

В этой ситуации, когда враг стремился замкнуть кольцо окружения, Армии Советской Латвии пришлось отказаться от намерения освободить Ригу и отойти в Латгале, на восток Латвии. Отступление армии происходило в трудных условиях. Многие, недавно мобилизованные бойцы бросали свои части. Среди дезертиров были контрреволюционеры, которые создавали антисоветские банды, угрожали отдельным красноармейцам или небольшим группам.

Армия Советской Латвии отступала организованно. Она вывезла почти всю свою артиллерию. Центральный Комитет Коммунистической партии Латвии отметил, что из угрожающего окружения вышли более 60% состава полков и около 90% старых, закаленных в революционных боях латышских стрелков{122}. Хотя армия количественно сократилась, она не потеряла своей боеспособности. В ее рядах объединились верные Советской власти бойцы, которые готовились к выполнению новых задач.

2. Борьба латышских стрелков в Латгале, Псковской области и Белоруссии во второй половине 1919 года

Для более успешной борьбы против наступления международной контрреволюции советские республики высказались за объединение своих сил. 1 июня 1919 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет опубликовал декрет об объединении России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии для борьбы с международным империализмом. Это положение распространялось как на военную организацию и

командование, так и на советы народного хозяйства, железные дороги, финансы и комиссариаты труда. Данное решение поддержало правительство Советской Латвии, положение которой после отступления в Латгале было тяжелым.

Согласно решениям Центрального Комитета РКП(б) , Совета Обороны и ВЦИК в первые дни июня началась реорганизация армий Западного фронта. Сначала была расформирована Эстонская советская армия; воинские части ее передавались VII армии и Армии Советской Латвии. Позже Армия Советской Латвии была переименована в XV, а Белорусско-Литовская советская армия — в XVI армию. В состав Западного фронта передавалась XII армия, находившаяся на правом берегу Днепра. Таким образом, все силы Красной Армии на западе — от Онежского озера до Черного моря — были объединены в Западный фронт.

После переименования Армии Советской Латвии в XV армию начались реорганизация и переформирование ее частей. Это был целый комплекс различных мероприятий. Сам процесс переформирования был тесно связан с активизацией политической и партийной работы, в том числе деятельности коммунистических фракций, со снабжением войсковых частей и другими вопросами. Все проводимые мероприятия оказали положительное воздействие на боеспособность и морально-политическое настроение стрелков. [184]

29 мая Центральный Комитет КПЛ и Советское правительство Латвии на совместном заседании решили мобилизовать эвакуировавшихся коммунистов и передать их в распоряжение Реввоенсовета. Бюро ЦК КПЛ, которому было поручено разработать правила мобилизации, решило зачислить в ряды армии членов партии — мужчин в возрасте от 18 до 40 лет, а также беспартийных советских работников в возрасте от 20 до 35 лет. Благодаря этому коммунистические фракции латышских стрелковых полков получили хорошее пополнение. К политотделу армии, начальником которого был назначен Я. Ленцманис и заместителем начальника — Р. Баузе, в первей половине июня были прикомандированы ответственные партийные работники.

Увеличилось число коммунистов в воинских частях. Интересны сохранившиеся данные о составе коммунистической организации 2-го стрелкового полка (председатель комитета — К. Дзерве, член партии с 1904 года; секретарь — Я. Виксне). Из числа коммунистов полка 3 вступили в ряды партии еще до 1910 года, 6 — в период с 1910 по 1914 год, 4 — с 1914 по 1917 год, 49 — в 1917 году, 60 — в 1918 году, 8 — до июля 1919 года. По социальному происхождению 82 из 130 (или около 63%) являлись рабочими, 36 (или неполных 28%) — крестьянами. По возрасту большинство (две трети) были моложе 25 лет. По национальному составу 124 коммуниста фракции были латыши, 6 — русские. О военной

подготовке их можно судить хотя бы по тому, что все служили еще в старой царской армии. 35 коммунистов полка входили в командный состав{123}. Часть старых проверенных стрелков, а также значительное число мобилизованных партийных и советских работников были включены в батальон особого назначения XV армии, формирование которого началось в первых числах июня в Резекне. При Реввоенсовете XV армии были созданы и так называемые отдельные роты. Эти подразделения специального назначения в ближайшее же время были использованы для стабилизации критических боевых участков.

Переформирование должно было производиться после вывода частей в резерв, причем постепенно, чтобы оно не мешало боевым действиям частей. В ходе его была расформирована 2-я стрелковая дивизия Советской [185] Латвии. Часть полков этой дивизии (10-й, 11-й, 15-й и 16-й) пополнили 1-ю стрелковую дивизию Советской Латвии, остальные были включены в состав 4-й и 11-й дивизий XV армии. Первая из них образовалась на базе бригады, прибывшей в качестве подкрепления, и полков Литовской советской дивизии. Расформированию и переформированию подверглись и другие воинские части и подразделения. Красноармейцы Витебского полка ВЧК, в котором преобладали латыши, были распределены по 1-му, 2-му, 3-му и 9-му полкам Латышской стрелковой дивизии (так была переименована 1-я стрелковая дивизия Советской Латвии), Валмиерский добровольческий батальон был влит в 8-й латышский стрелковый полк. В начале сентября с некоторым опозданием закончилось развертывание 3-го батальона 5-го стрелкового полка в 5-й латышский стрелковый полк.

После переформирования в Латышскую стрелковую дивизию по-прежнему входили 3 стрелковые бригады и в каждую из них — по 3 полка, которые были укреплены благодаря пополнению. Дивизионную артиллерию составляли 3 легких дивизиона, а также гаубичный и тяжелый дивизионы. Кавалерию Латышской стрелковой дивизии было предусмотрено образовать из 4 кавалерийских дивизионов. Однако кавалерийский полк был сохранен. Запасной батальон еще в июне был изъят из подчинения Военного комиссариата Советской Латвии и отправлен в Гжатск (ныне Гагарин).

Реорганизация повлекла за собой и определенные изменения во внутренней структуре латышских стрелковых частей, которую надо было перестроить в соответствии с общей схемой, существовавшей в Красной Армии. В связи с этим в июне началась подготовка к ликвидации комитетов и Исколастрела. Надо было готовиться к ликвидации Комитета коммунистической организации и преобразованию фракций в ячейки.

Данные вопросы были окончательно решены на очередной, IV конференции коммунистов латышских стрелковых частей, состоявшейся в

Резекне с 15 по 19 июля 1919 года. На ней были представлены 3577 членов партии. Делегаты, понимавшие важность проведения централизации в армии, постановили изменить структуру партийной организации в латышских частях по образцу коммунистической организации всей Красной Армии.

IV конференция коммунистов латышских стрелковых частей проходила в трудный для Советской России момент, когда значительных успехов добился Деникин. Учитывая необходимость усилить борьбу на Южном фронте, конференция в своей резолюции о текущем периоде признала, что «в настоящий момент латвийский фронт не стоит на первом месте среди прочих фронтов Советской России», что «главное внимание следует уделить Украине и нанести последний удар Деникину»{124}. В резолюции еще раз было подчеркнуто, что всеобщие интересы Советской власти латышские стрелки ставят превыше всего.

Большинство политработников Латышской стрелковой дивизии [186] являлись бывшими сотрудниками политотдела Армии Советской Латвии или членами Комитета коммунистической организации стрелков. Начальником политотдела дивизии был утвержден П. Крустынь, его помощником — К. Поэма, секретарем — Ю. Бауслитис. В политотдел Латышской стрелковой дивизии вошли также И. Бейгрант, М. Чуче, А. Эшмит, Я. Ионас, Я. Крикманис, М. Штраус и др.

Число комиссаров (наименование «эмиссары» было отменено) в дивизии увеличилось, так как этот пост был введен и в батальонах. Возросла ответственность комиссаров, поэтому их кандидатуры обсуждались более основательно. Комиссарами назначались энергичные коммунисты, люди с солидным партийным стажем, пользовавшиеся авторитетом среди стрелков. Такими являлись комиссар Латышской стрелковой дивизии К. Дозитис, комиссары бригад В. Озол, А. Андерсон, А. Шнука, комиссары полков П. Нуммур, К. Бриедис, М. Даниел, Е. Петерс и др.

Политическая работа среди латышских стрелков была поставлена лучше, чем в остальных частях XV армии, и по своему масштабу выходила за рамки Латышской стрелковой дивизии. Партийная организация и политотдел дивизии нередко оказывали помощь другим дивизиям, частям и даже другим армиям. Например, значительную помощь Латышская стрелковая дивизия оказала 17-й дивизии XVI армии, отправив в распоряжение ее политотдела около 80 коммунистов.

В ходе реорганизации были ликвидированы военные советы групп, дивизий и бригад. После расформирования Военной школы Армии Советской Латвии курсанты ее были переданы в распоряжение Военно-учебного управления РСФСР для продолжения курса обучения.

Помимо активизации политмассовой работы необходимо было улучшить хозяйственное положение частей и их снабжение. В связи с тяжелым продовольственным положением частям Латышской стрелковой дивизии с 23 июля было разрешено производить закупку продуктов по ценам, установленным местными волостными и уездными революционными военными комитетами.

В конце августа — начале сентября снабжение Латышской стрелковой дивизии как продовольствием, так и обмундированием и снаряжением значительно улучшилось. Настроение бойцов, которое постепенно повышалось благодаря широко развернутой политической работе и отдыху, предоставленному всем частям поочередно, становилось все более боевым. Комиссариат дивизии с удовлетворением отметил, что латышские стрелки «действительно рвутся в бой». Это они доказали на деле.

7 июня 1919 года части XV армии занимали позиции несколько западнее Острова, далее по линии Виляка — озеро Лубанас — Ливаны (включая Ерсику). На левом берегу Даугавы армия обороняла район юго-западнее Даугавпилса с населенными пунктами Илуксте, Зарасай и Видзы. В июне и июле 1919 года, когда осуществлялись реорганизация и переформирование XV армии, ей не поручались крупные самостоятельные операции.

Надежда в недалеком будущем изгнать белогвардейцев и интервентов из Латвии была связана и с возникшими после падения Риги разногласиями в лагере контрреволюции. Из-за столкновений интересов империалистов [187] в Прибалтике противник не смог уделить должного внимания латгальскому фронту. Поэтому не только стрелки, но и Советское правительство Латвии было настроено весьма оптимистично в отношении возможности восстановления Советской власти в захваченных интервентами районах Латвии. К сожалению, в связи с серьезным стратегическим положением РСФСР весьма трудно было выделить даже небольшие подкрепления. Все больше и больше сил требовалось для борьбы с Деникиным.

На латгальском фронте против XV армии сражались разные группировки белогвардейцев. Участок от района Острова до озера Лубанас занимали войска буржуазной Эстонии, от озера Лубанас до Ливаны — армия буржуазной Латвии. На левом берегу Даугавы городу Даугавпилс угрожали с запада литовские, а с юга польские белогвардейцы.

В связи с обострением боевых действий юго-западнее Даугавпилса в конце июня на фронт срочно был направлен батальон особого назначения XV армии (1019 красноармейцев и 13 пулеметов), который на лодках и плотах организованно форсировал Даугаву и стремительным наступлением занял Бебрене, тем самым облегчив положение частей армии в районе Илуксте и ограничив действия неприятеля у Даугавпилса. Таким

образом, уже с первых боев батальон особого назначения XV армии [188] показал себя с наилучшей стороны. Многие бойцы батальона сражались с большой самоотверженностью, проявляли инициативу и решительность. С большим упорством юго-западнее Илуксте сражался 6-й латышский стрелковый полк. Этот полк и батальон особого назначения являлись главной силой, остановившей наступление неприятеля со стороны Паневежиса.

В конце июля 1919 года XV армия в связи со сложившейся стратегической обстановкой на Западном фронте получила новое задание. 29 июля приказом командования Западного фронта XV армии был передан псковский боевой участок VII армии с 10-й дивизией и Эстонской советской отдельной бригадой. XV армия должна была подготовить наступление с целью освобождения Пскова, который в июне и июле не смогли отбить у противника силы Алуксненской группы и левого фланга VII армии.

Обстановка осложнилась тем, что противник, сосредоточив значительные силы в районе Пскова, первым начал наступление, стараясь главный удар направить на место стыка VII и XV армий. Белогвардейцы добились некоторого успеха и потеснили части Красной Армии в направлении Порхова и Острова. В начале августа дальнейшие усилия врага были сведены на нет, линия фронта стабилизировалась северо-западнее Порхова и севернее Острова.

Наступление на Псков XV армия начала 14 августа. Оно развивалось успешно, но постепенно порыв наступающих частей слабел. Для того [189] чтобы улучшить положение свежими подкреплениями, из армейского резерва на Остров был отправлен 2-й латышский стрелковый полк (командир — Ф. Риекст, комиссар — Е. Петерс). 19 августа полк прибыл в Остров. Включившись в операцию, 2-й латышский стрелковый полк продвигался вперед между ударной группой и сводной бригадой, вдоль восточного берега реки Великой — от села Гончарово на север. В следующую же ночь латышские стрелки прорвали первую оборонительную линию противника. Оставляя деревню за деревней, белогвардейцы откатывались назад. 2-й латышский стрелковый полк энергично продолжал успешно начатое наступление. Не давая противнику времени для ликвидации прорыва, стрелки клином врезались в его расположение. Благодаря этому улучшилось положение на всем боевом участке сводной бригады. В описании боевых действий XV армии в августе 1919 года отмечено, что вовлечение в наступление на участке сводной бригады 2-го латышского стрелкового полка имело решающее значение для дальнейшего развития операции и обеспечило благоприятный перелом в общем наступлении частей Красной Армии под Псковом{125}.

В продолжение операции латышские стрелки в тяжелых условиях форсировали реку Великая и, продвигаясь к западу от станции Моглино, заставили отойти силы эстонских белогвардейцев, расположенные в [190] окрестностях Пскова. Таким образом был осуществлен замысел командующего XV армией А. Корка — отколоть части армии буржуазной Эстонии от остальных белогвардейских сил, оборонявших Псков. В районе станции Моглино остался 1-й батальон 2-го латышского стрелкового полка (батальоном командовал П. Заринь), а остальные стрелки двинулись на Псков, куда 26 августа в 6 часов 45 минут с востока уже вошли другие части Красной Армии.

После того как VII армия освободила Ямбург, а XV — Псков, ситуация на правом фланге Западного фронта значительно улучшилась. В то же время все труднее становилось положение Даугавпилсской группировки и XVI армии. В районе Даугавпилса противник активизировался в самый разгар псковской операции, он нанес сильные удары по флангам и центру 4-й дивизии, не очень стойкие части которой 15 августа оставили Дунаву. Еще через 4 дня неприятель перешел в наступление на более широком фронте, причем сильный удар был направлен на Зарасай. 26 августа красноармейцам пришлось оставить Зарасай. Части дивизии отступали уже по всему фронту.

В последних числах августа на левом берегу Даугавы оставались лишь те советские части, которые должны были прикрывать железнодорожный и Гривский мосты, а также переправу у Дриссы. Опасность угрожала самому Даугавпилсу и всему левому флангу XV армии. Поэтому сразу после успешного завершения псковской операции командование армии решило Эстонскую советскую отдельную бригаду отправить в Даугавпилс. Туда должен был направиться также 2-й латышский стрелковый полк.

Даугавпилсский плацдарм, которому с юго-запада угрожали литовские, а с юга и юго-востока польские белогвардейцы под командованием генерала Э. Рыдз-Смиглы, надо было удержать любой ценой. Для защитников города наступили тяжелые дни. 30 августа красноармейцы через Гривский мост отходили на правый берег Даугавы, когда в бой включился только что прибывший из Пскова в Даугавпилс 2-й латышский стрелковый полк.

«Под градом пуль, под сильным огнем артиллерии, минометов и бронированного поезда полк стал переходить деревянный мост. Несколько хорошо нацеленных снарядов противника поразили мост, все усиливался уничтожающий винтовочный и пулеметный огонь, пали первые жертвы и многие были ранены, но все же это не могло сломить мужество стрелков. То бегом, то ползком, прячась за парапет моста, стрелки перешли на левый берег Даугавы, быстро развернулись в цепь ... бросились на противника и

штыками и прикладами заставили его в беспорядке и испуге бежать»{126}. Латышские стрелки заняли станцию и имение Калкуны. Впоследствии превосходящим силам неприятеля при поддержке бронепоезда все же удалось оттеснить их и овладеть северо-западной частью Гривы. Однако опасность, угрожавшая самому городу, была уже не так велика. Тем временем были приведены в порядок отступившие полки [191] 4-й дивизии. При участии гарнизона города и подошедшей Эстонской советской бригады советские войска удержали Даугавпилс.

Свой вклад в оборону Даугавпилса внес и батальон особого назначения XV армии, который в середине августа начал преобразовываться в полк. Он был отправлен в район Краславы. Там в первой половине сентября полк особого назначения смелым и сильным ударом разбил польских белогвардейцев, разгромил их штаб и помешал врагу развернуть наступление на Даугавпилс с востока. Когда неприятель поджег мост через Даугаву, стрелки полка особого назначения продолжали самоотверженно сражаться на левом берегу реки. Польские белогвардейцы понесли большие потери также во время решительного рейда полка на Каплаву и Лиелборне. После успешных боев полк особого назначения недалеко от Краславы переправился через Даугаву. Летом 1919 года целый ряд стрелков и командиров был награжден орденами Красного Знамени.

Однако успешное продвижение польских белогвардейцев на территории Белоруссии все более осложняло положение XVI армии. Необходимо было получить подкрепления. Резервов у Западного фронта не было, поэтому на помощь XVI армии из Латгале был отправлен 9-й латышский стрелковый полк под командованием В. Рундала.

52-я дивизия, в распоряжение которой направлялся 9-й латышский стрелковый полк, под напором противника отступала в сторону Минска. В начале августа 9-й латышский стрелковый полк занял позиции в [192] окрестностях Ракова. Бои были упорными, латышские стрелки сражались самоотверженно, однако добиться необходимого перелома в ходе военных действий не смогли. Обстановка ухудшалась на всем фронте XVI армии. 9 августа польские белогвардейцы ворвались в Минск. В середине августа под давлением сил противника XVI армия была вынуждена отойти за Березину. Она продолжала удерживать укрепленные районы Борисова и Бобруйска.

Для усиления борисовского боевого участка штабом Западного фронта было решено использовать 3-ю бригаду Латышской стрелковой дивизии, заболевшего командира которой — К. Стуцку — заменил начальник штаба В. Юрре (обязанности начальника штаба выполнял Р. Зилгалвис, а комиссаром бригады являлся А. Шнука).

Сразу же по прибытии на станцию Борисов латышские стрелки батальонами выступали навстречу врагу в сторону Минска. В середине

августа они обороняли позиции от Сарска до железнодорожной сторожки в 10 км юго-восточнее станции Борисов и далее до Гливеня. На правом фланге разместился 8-й, левее — 7-й стрелковый полк, 2 роты которого были выделены в резерв.

В ночь с 16 на 17 августа под прикрытием сильного артиллерийского огня польские белогвардейцы атаковали предмостные укрепления на участке 8-го латышского стрелкового полка. Неприятелю удалось добиться успеха на правом фланге полка, однако командир 1-го батальона 8-го полка Э. Лиепинь не растерялся. Во главе команды пеших разведчиков и взвода 2-й роты он вовремя подоспел на место прорыва и неожиданным резким контрударом заставил белогвардейцев отступить. Предмостные укрепления у Березины остались в руках стрелков.

Упорные бои продолжались и в последующие дни. Отличились помощники взводных командиров пулеметной команды 1-го батальона 8-го латышского стрелкового полка Р. Рейзинь и Я. Ауэр, начальник пулеметного расчета Я. Буйлис, начальник команды пеших разведчиков Р. Буманис, командир взвода Э. Мецнис и др. Не хуже сражались стрелки 7-го полка. Когда 17 августа разведчики донесли о том, что польские легионеры заняли деревню Новоселки юго-восточнее Гливеня, был получен приказ прогнать оттуда врага. 7-й латышский стрелковый полк задачу выполнил без промедления. В районе деревни Новоселки латышские стрелки взяли в плен около 50 польских легионеров.

18 августа противник, захватив несколько деревень к северо-востоку от Борисова, атаковал правый фланг 98-го полка и позиции 8-го латышского стрелкового полка. Первый удар белогвардейцев стрелки отбили, но во время второго неприятель продвинулся вдоль железной дороги Минск — Борисов. Здесь врагу удалось прорвать фронт 8-го стрелкового полка. Не помогли и небольшие резервы, прибывшие для ликвидации прорыва. Части Красной Армии вынуждены были оставить борисовский укрепленный район и отойти на восточный берег реки Березина. Приказ начальника борисовского боевого участка взорвать мост через Березину пришел с опозданием. Стремительным броском неприятелю удалось овладеть им и предотвратить взрыв. Надо было вернуть мост хотя бы на срок, необходимый для его взрыва. Чтобы добиться этого, на фронтальный [193] контрудар поднялись стрелки команды пеших разведчиков и 3-й роты 8-го полка во главе с помощником командира полка Г. Бокисом. Мост был взят. В трудных условиях его взрывали саперы отдельной саперной роты 3-й латышской стрелковой бригады Г. Голово и В. Путвик. Оба сапера за самоотверженность при выполнении задания были награждены орденами Красного Знамени.

4 сентября командующий Западным фронтом В. М. Гиттис в телеграмме командованию XV армии отдал приказ в течение недели

сменить все части Латышской стрелковой дивизии, расположенные на позициях в Латгале, и немедленно отправить их в распоряжение XVI армии в район Могилева{127}. Туда срочно перебрасывались силы, чтобы помешать польским белогвардейцам захватить гомельский железнодорожный узел. Получив приказ, начальник дивизии А. Мартусевич отдал распоряжение обоим бригадным командирам — А. Фрейбергу и Ф. Калныню — передать занимаемые позиции частям 11-й и 4-й дивизий. После этого части Латышской стрелковой дивизии оставили Латгале. С 12 сентября дивизия была исключена из состава XV армии.

Во второй половине сентября 1919 года сложная ситуация образовалась на Южном фронте, где армия Деникина быстро приближалась к Москве. По решению пленума Центрального Комитета РКП(б) [194] Латышскую стрелковую дивизию надо было перебросить с Западного фронта на Южный. П. Стучка по этому поводу вспоминает: «Ленин свои самые большие надежды возлагал на славный кавалерийский полк и на латышских стрелков. Я, как сегодня, помню, как Ленин лично потребовал карту, стал считать, через сколько дней латышские стрелки смогут быть под Орлом, и за всем ходом переброски следил с самым пристальным вниманием»{128}. Латышская стрелковая дивизия была переброшена в распоряжение Южного фронта.

Осенью 1919 года борьбу за Советскую власть в Латгале совместно с другими частями Красной Армии продолжал полк особого назначения XV армии. В первую неделю ноября полк вел упорные бои в районе Пыталова, где была ликвидирована попытка эстонских белогвардейцев прорвать фронт XV армии. Красноармейцы прямо из вагонов атаковали неприятеля и вынудили его спасаться бегством. С 4 по 6 ноября полк особого назначения занял целый ряд сел в окрестностях Виляки. Во время боев примером выдержки и находчивости для всех служил командир полка Я. Бейка. За боевые заслуги он был награжден орденом Красного Знамени.

Военные действия в восточной части Латвии шли и в январе 1920 года. 3 января в Латгале латышские и польские белогвардейцы перешли в общее наступление. Оно продолжалось и после того, как в Москве начались мирные переговоры между буржуазной Латвией и Советской Россией. В начале 1920 года подавленная международной контрреволюцией Советская власть в Латвии временно прекратила свое существование. После самоотверженной борьбы, длившейся более года, Советское правительство Латвии известило об окончании своей деятельности с 13 января 1920 года. Боевое знамя оно передало Центральному Комитету КПЛ, который, находясь в глубоком подполье, приступил к мобилизации масс на борьбу за восстановление Советской власти в Латвии. Это было осуществлено в 1940 году.

Полк особого назначения XV армии в январе 1920 года с боями отступил из окрестностей Виляки на Пыталово и Вышгородок. Оттуда он переместился в район Опочка — Себеж, затем на некоторое время остановился вблизи Полоцка. В мае того же года полк особого назначения участвовал в боях в районах Глубокого и Плисы. Бои были тяжелыми. Участник сражения у Плисы К. Рутманис впоследствии писал об этом: «Трудно забыть смелое, полное воли к победе движение стрелков через поле... В воздухе свистели осколки взрывавшихся шрапнелей... Большим терпением должны были обладать стрелки, чтобы не спеша, шаг за шагом приближаться к позициям врага. Наконец... вся цепь без команды, с криком «ура», как ветер, устремилась вперед. Огонь врагов притих — они бросились бежать ко второй линии позиций, так как не осмелились вступить в штыковой бой с латышскими стрелками»{129}.

11 июня полк особого назначения был сменен частями 11-й дивизии. В последнюю неделю июня он был отправлен в ближайший тыл и расформирован. [195] Большая часть красноармейцев перешла в Латышскую стрелковую дивизию, а штаб, артиллеристы, хозяйственная часть были использованы для пополнения частей XV армии.

В 1920 году в составе XV армии продолжали сражаться отдельные роты Реввоенсовета XV армии. Они действовали также и в Белоруссии, где приняли активное участие в борьбе против польских белогвардейцев и в сравнительно непродолжительное время сумели создать себе славу исключительно инициативных и боеспособных подразделений. Тяжелые походы, рейды в тыл врага и ожесточенные бои, как правило, на критических участках фронта нередко требовали напряжения всех сил. Тем не менее красноармейцы отдельных рот Реввоенсовета XV армии держались стойко и мужественно — как подобает истинным защитникам трудового народа. [196]

Глава VI. **Участие латышских стрелков в разгроме армии Деникина**

1. Общая обстановка на Южном фронте летом 1919 года

На юге Советской России — на Дону, Кубани и Тереке, — где еще во время Октябрьской революции было немало зажиточного казачества, пользовавшегося при царском самодержавии определенными привилегиями, в декабре 1917 года собрался «цвет» российского самодержавного генералитета — Корнилов, Деникин, Лукомский и пр. На Дон и Кубань стекались разбитые в центре страны остатки контрреволюции, сюда бежали и виднейшие ее представители — Родзянко, Милюков, Савинков. Началось формирование штаба Добровольческой армии и белогвардейских войсковых частей — Корниловского и Георгиевского полков, офицерского батальона и др. В конце декабря Добровольческая армия, финансировавшаяся империалистами Антанты, опубликовала ряд деклараций, в которых объявила о своей верности

Антанте, о намерении вести борьбу с большевиками, борьбу за «единую, неделимую Россию». Российская контрреволюция рассчитывала при поддержке Антанты превратить казачьи области юга России в свою главную цитадель.

В середине января 1918 года в Добровольческой армии, возглавляемой генералом Корниловым, было уже около 4000—5000 белогвардейцев. Когда Германия оккупировала часть Донской области, Добровольческой армии пришлось пробираться на Кубань, где она соединилась с Кубанским белоказачьим отрядом. Рабочие, красногвардейцы и трудовое крестьянство героически сражались с южной контрреволюцией. В борьбе за Екатеринодар Добровольческая армия потерпела тяжелое поражение. Трудящиеся города мужественно отражали атаки противника. В последней атаке генерал Корнилов во время боя был убит снарядом, и командование Добровольческой армией принял генерал Деникин. Отброшенные от города остатки потрепанных белогвардейских полков отошли в Сальские степи, потом пополнили свои ряды и продолжали борьбу на Северном Кавказе против революционных советских отрядов. [197]

Осенью 1918 года в Добровольческой армии числилось около 8600 штыков, 1300 сабель, 12 легких и 5 тяжелых орудий.

В конце 1917 года на юге страны образовалась контрреволюционная Донская белоказачья армия, возглавляемая атаманом Калединым. В конце апреля в Новочеркасске объявился белоказачий «Круг спасения родины», который 10 мая избрал атаманом Донского войска генерала Краснова, предоставив ему большие полномочия.

С помощью германских оккупационных войск, вступивших после заключения Брестского мира на территорию Украины и Донской области, Краснов значительно увеличил Донскую белоказачью армию. Весной 1918 года Краснов имел уже около 14 отрядов, а в середине лета — до 46—50 тыс. бойцов.

Донская белоказачья армия ориентировалась на Германию, и при прямой поддержке германских оккупационных войск ей удалось занять северную часть Черкасского и Ростовского округов и ряд других местностей Донской области. После поражения Германии в первой мировой войне Антанта в своих планах военной интервенции делала ставку на войска, сосредоточенные в южной части России. Она снабжала Добровольческую и Донскую армии оружием, боеприпасами, обмундированием, продовольствием, оказывала им финансовую помощь и добивалась их объединения. Главнокомандующим всеми вооруженными белогвардейскими силами на юге она выдвинула генерала Деникина. Но верхушка казачества и атаман Краснов добивались автономии и полной самостоятельности Донского войска. Краснов согласился на подчинение

Донской армии Деникину только с оговоркой, что конституция войска Донского не будет нарушена, а земельные и другие привилегии казаков не будут затронуты.

8 января 1919 года Донская армия вошла в состав всех вооруженных сил юга России, во главе которых стал Деникин. Подчинение Донской армии Деникину прошло с большими трениями, с уходом атамана Краснова, которого заменил генерал Богаевский. Объединение не устранило противоречий между Деникиным и донскими генералами, стремившимися к сепаратизму.

Империалисты Антанты добились подчинения Деникину также кубанского и терского казачьих войск. К весне 1919 года белогвардейских вооруженных сил на юге России было около 100 тыс. человек. Кроме того, в тылу Деникина подготовлялись резервные части, из которых создавалась потом кавказская армия генерала Врангеля. Но помимо образовавшихся на юге страны белогвардейских сил туда прибыло немало иностранных войск. В феврале 1919 года общее количество иностранных войск на юге Советской республики достигло 130 тыс. человек{130}. Их десанты высадились в Новороссийске, Севастополе, Одессе и в других черноморских портах.

После поражения Германии в империалистической войне Советская Россия получила большую свободу действий, на юге были созданы и приведены в действие 3 фронта — Южный, Северо-Кавказский и Украинский. [198] Зимой и весной советские войска достигли больших успехов на юге страны. Была очищена от белогвардейцев большая часть Донской области. Армию Краснова почти разгромили.

Успешно развивалась борьба Красной Армии Советской Украины за освобождение республики от оккупантов. Ее наступление поддержали партизаны, рабочие и трудовые крестьяне Украины.

В то же время в международной обстановке произошло изменение, облегчившее борьбу Советской республики с международной и внутренней контрреволюцией. В Европе развернулось сильное революционное движение. Неустанная революционная пропаганда среди войск интервентов тоже делала свое дело. Находившиеся на юге России солдаты интервентов начали брататься с местными рабочими, отказываясь воевать. Победы Красной Армии на Украине и в Крыму, в свою очередь, революционизировали матросов, находившихся в Черном море на кораблях интервентов. В апреле вспыхнуло восстание на кораблях французского флота. Матросы требовали отправки домой. В Севастополе они организовали демонстрацию под лозунгом «Да здравствует Советская власть!» Восстания матросов недвусмысленно указывали командованию интервентов на необходимость быстрейшей отправки матросов и флота на родину.

В начале весны 1919 года наступление советских войск на юге несколько замедлилось. Зимой на Северном Кавказе Деникин имел определенные успехи в борьбе с советскими войсками и начал все свое внимание сосредоточивать на Донецком районе, так как через Донбасс Красная Армия могла кратчайшим путем выйти к Ростову-на-Дону.

Началась упорная борьба с белогвардейской Добровольческой армией за Донецкий бассейн. Бои шли в пределах Донецкого бассейна, и советские войска приближались к Ростову-на-Дону, но, уставшие и сильно поредевшие от боев и болезней, они не смогли нанести врагу сокрушительного удара, а пополнение не поступало. В мае соотношение сил на Южном фронте уже сложилось в пользу противника.

Немало сил и энергии потребовала от молодой Красной Армии борьба со вспыхнувшими в ее тылу кулацко-эсеровскими мятежами. На Украине, особенно в районе Киева, действовало немало кулацких дезертирских банд.

Одним из кулацко-анархистских движений было махновское движение. В начале 1919 года Махно возглавлял в Красной Армии бригаду, состоявшую из недисциплинированных партизанских отрядов. В середине мая деникинские войска обрушили удары на бригаду Махно и прорвали в районе ее расположения фронт. Ширина прорыва все увеличивалась. Бригада Махно беспорядочно отступала перед противником, углубляясь в тыл, а 29 мая открыто выступила против Советской власти. Антисоветски настроенное командование махновского отряда, учитывая настроение трудящихся масс, прикрывалось революционной фразеологией, обещало разбить деникинцев, пустило в ход всякие демагогические посулы. Махно удалось создать вооруженные части, достигавшие порой значительных размеров. Махновское движение на Украине имело кулацко-анархистский характер с явными признаками бандитизма. [199]

19 мая войска Деникина в Донецком бассейне перешли в контрнаступление, которое переросло в наступление на всем протяжении фронта советских X и IX армий. Советские войска мужественно боролись с наступающим противником, но, измотанные в боях, не могли вырвать инициативу из его рук и с боями отступили. 24 июня деникинским войскам удалось захватить Харьков. Уже тогда конный корпус Буденного в боях с деникинской конницей и конным корпусом Мамонтова одержал ряд побед.

В июне шла ожесточенная борьба за Царицын и 30 июня противнику удалось ворваться в город. Он дорого заплатил за это. В боях пало много солдат и офицеров деникинской армии.

Империалисты Антанты внимательно следили за ходом боев на Южном фронте. 19 мая состоялось заседание контрреволюционного

Всероссийского национального центра, на котором присутствовали и представители Англии и Франции — генерал Брикс и полковник Корбель.

1 июля войска Деникина овладели Донецким бассейном, Донской областью, частью Украины и Крымом. Фронт деникинских сил, далеко выдвинувшийся вперед на главном — московском — направлении, вытянулся от Волги до Днепра на 1300 км.

Когда поражение войск Колчака стало очевидным фактом, империалисты Антанты предприняли новый поход на Советскую Россию, не считаясь с неоднократным предложением Советского правительства заключить мир. Теперь Антанта хотела нанести Советской России главный удар не с востока, а с юга — войсками Деникина. Империалисты усилили снабжение и вооружение армии Деникина. К сентябрю только Англия на эти цели истратила около 100 млн. фунтов стерлингов.

Вооружая деникинскую армию, империалисты Антанты продолжали вооружать и малые буржуазные страны, граничившие с Советской Россией, — Финляндию, Польшу, Румынию, Эстонию, а также Латвию. Они рассчитывали вовлечь их в новый антисоветский поход 14 государств.

Войска Деникина уже летом представляли собой крупную силу. В середине июля на Южном фронте числилось 151 тыс. штыков и сабель вражеских войск. Добровольческая, Донская и Кавказская армии белых были вооружены первоклассной техникой, имели опытных командиров, а треть Добровольческой армии состояла из бывших царских офицеров. При этом она имела превосходство над Советской Армией в коннице.

Антанта торопила Деникина с началом похода на Москву, опасаясь растущего недовольства народных масс антисоветской политикой своих правительств и неустойчивости тыла Деникина. 3 июля 1919 года Деникиным в Царицыне была провозглашена так называемая Московская директива, с которой и начался новый объединенный поход Антанты против Советской России. Директива ставила задачу белогвардейским войскам немедленно развить наступление в направлении Москвы.

По указанию Деникина, главный удар Красной Армии должна была наносить Добровольческая армия генерала Май-Маевского. Ей было приказано наступать на Москву кратчайшим путем, т. е. через Курск, Орел, Тулу. [200]

Коммунистическая партия предвидела надвигающуюся опасность. 9—10 июля Центральный Комитет партии опубликовал и разослал всем партийным организациям письмо В. И. Ленина «Все на борьбу с Деникиным». В письме указывалось: «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции». Далее в письме говорилось: «Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не

останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и Сибирь. В этом состоит основная задача момента»{131}.

Центральный комитет партии и Советское правительство принимали все меры по укреплению Южного фронта. На фронт были посланы видные партийные работники, для пополнения его перебрасывались значительные войсковые силы с Восточного и Туркестанского фронтов. На Украине около 60% коммунистов ушли на фронт.

Центральный Комитет предложил войскам Южного фронта скорее начать контрнаступление. Было разработано 2 плана контрнаступления — план главнокомандующего вооруженными силами Советской республики И. Вациетиса и командующего Восточным фронтом С. С. Каменева, сменившего И. Вациетиса в июле на посту главнокомандующего. План И. Вациетиса, по его словам, был оформлен в первых числах июля, санкционирован членом Реввоенсовета Республики А. И. Окуловым. По плану И. Вациетиса, предполагалось восстановить боевую мощь Южной армии, произвести перегруппировку войсковых частей, усилить войска на курском направлении. На средней Волге предлагалось создать базу формирования войсковых частей для Южного фронта и для предполагаемого наступления довести численность войск до 150 тыс. штыков и сабель и более 500 орудий. Против Добровольческой армии и кубанских казаков следовало выставить XIV и XIII армии, усиленные ударной группой в районе Курска, а в ударную группу включить Латышскую стрелковую дивизию и эстонские части, перебросив их из Прибалтики на Южный фронт. Главный удар противнику предлагалось нанести правым флангом Южного фронта — силами XIV, XIII и VIII армий через Украину на Харьков, Донбасс, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, дополнительный удар нанести IX и X армиями на левом фланге Южного фронта в общем направлении на Царицын — Екатеринодар.

Другой план наступления был разработан новым главнокомандующим С. С. Каменевым, по которому намечалось главный удар нанести левым флангом Южного фронта — силами IX и X армий — в общем направлении на Царицын — Екатеринодар. Вспомогательный удар должен был нанести правый фланг Южного фронта на харьковском направлении.

План И. Вациетиса не был принят. Центральным Комитетом Коммунистической партии был одобрен план С. С. Каменева как наиболее отвечающий «политическим задачам борьбы и стратегической обстановке на Южном фронте»{132}. В то время на левом крыле Южного фронта в результате [201] отступлений войск сконцентрировались основные силы фронта, перегруппировка которых потребовала бы много времени, что Деникин мог бы использовать в своих интересах.

Партия и правительство Советской Республики приняли еще целый ряд мероприятий по укреплению армии. Принятие и проведение в жизнь

декрета ВЦИК РСФСР «Об объединении советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом» увеличили мощь страны и обеспечили в дальнейшем разгром врага. В связи с этим декретом Украинский фронт был ликвидирован и его армия, как и армии других указанных в декрете республик, была полностью подчинена штабу Главного командования РСФСР.

23 июля главком С. С. Каменев дал директиву Южному фронту о подготовке контрнаступления. ЦК Коммунистической партии и особенно В. И. Ленин внимательно следили за ходом подготовки контрнаступления. [202] 10 августа В. И. Ленин писал заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому: «Опоздание наступления в Воронежском направлении (с 1 августа по 10!!!) чудовищно... Совершенно недопустимо опаздывать с наступлением, ибо это опоздание всю Украину отдаст Деникину и нас погубит»{133}.

Перейти в контрнаступление сильно мешал рейд деникинского конного корпуса Мамонтова в тылу Красной Армии. За 4 дня до начала намеченного контрнаступления, т. е. до 10 августа, конный корпус Мамонтова, имевший около 6000 сабель и 3000 штыков при 12 орудиях, прорвал у Новохоперска фронт Красной Армии и совершил крупный рейд по тылам советских войск. Он захватил Тамбов, Козлов, Елец, грабил военные базы и расстреливал советских работников. На борьбу с корпусом Мамонтова пришлось оттянуть с фронта значительные силы Красной Армии. Туда был брошен конный корпус Буденного и срочно направлен 5-й особый латышский полк. В то же время противник усилил наступление на Украине и начал теснить советские части правого фланга XIII армии к Курску.

Все же Деникину не удалось сорвать контрнаступление Красной Армии. Оно началось 14 августа. Развернулись упорные бои. Советские войска проявили настоящее мужество, особенно в борьбе за Царицын. Героически боролся конный корпус Буденного.

После упорных боев утомленные долгими сражениями советские части под сильным давлением войск противника стали отходить, с трудом сдерживая натиск врага. Инициатива, особенно на московском стратегическом направлении, перешла в руки Деникина. 12 сентября Деникин отдал приказ войскам о наступлении на Москву, причем основное внимание было сконцентрировано на развитии наступления в центральном районе по линии Курск — Орел — Тула — Москва и главным образом силами Добровольческой армии, усиленной конными корпусами Мамонтова и Шкуро. Донская и Кавказская армии должны были помогать наступлению Добровольческой армии.

В дальнейшем противник на стыке VIII и XIII армий прорвал фронт советских войск и 20 сентября ворвался в Курск. Вся оборонительная система, прикрывавшая путь к Москве, была нарушена противником, и враг продолжал развивать наступление на орловском направлении. Весь мир с огромным вниманием следил за развивающимися в России событиями.

В начале осени войска Деникина заняли огромную территорию. Они захватили большую часть Украины, Крым, Северный Кавказ, Донскую область, часть Курской, Орловской, Воронежской губерний и район Царицына.

На этой огромной территории был установлен антинародный, военно-террористический режим. В захваченных Деникиным областях все завоевания Октябрьской революции были ликвидированы, фабрики, заводы, угольные шахты возвращены буржуазии, имения — помещикам. Вся власть принадлежала военному диктатору Деникину и приставленным [203] к нему представителям Антанты. На всей захваченной Деникиным территории свирепствовал небывалый, дикий террор. Резко ухудшилось положение рабочих и трудящихся крестьян.

Антинародный режим Деникина сильно обострил национальные и классовые противоречия в захваченных белогвардейцами районах. С каждым днем росла борьба рабочих и трудящихся крестьян за восстановление власти Советов. Режим Деникина держался лишь на штыках белогвардейцев. Возрастающая борьба ухудшила положение противника, революционизировала его тыл.

2. Латышские стрелки в Орловско-Кромском сражении

Сосредоточив большинство своих лучших сил в центральном (орловско-дмитровском) направлении, Деникин продолжал наступать от Курска на Орел. Советская власть оказалась перед смертельной опасностью. В распоряжении Советской Республики оставались в основном районы, не располагающие главными источниками сырья. Народное хозяйство было разорено долгой империалистической войной, иностранной интервенцией и гражданской войной. Повсюду, где проходил фронт, были разграблены железнодорожные депо, разрушены станции, взорваны мосты, водокачки, повреждены пути.

Особенно обострился топливный кризис. Многие заводы из-за недостатка топлива прекратили работу. В конце 1919 года в Петрограде прекратили работу около 300 фабрик и заводов. Не хватало хлеба и других продовольственных продуктов. Рабочие промышленных городов голодали.

Партия и лично В. И. Ленин приложили максимум энергии к делу мобилизации сил на разгром деникинской армии. С 21 по 26 сентября состоялся Пленум Центрального Комитета партии, на котором кроме других весьма важных вопросов обсуждался вопрос о стратегическом

плане борьбы с Деникиным. Пленум, обсудив мнение главнокомандующего С. С. Каменева о необходимости развивать проводимый план, «не нашел целесообразным отменять ранее принятый ЦК РКП(б) стратегический план борьбы с Деникиным»{134}. Но в то же время, чтобы остановить наступление Деникина на Орел — Тулу и разгромить врага, Пленум решил провести новые мобилизации и для усиления Южного фронта перебросить с Северного фронта и петроградского участка Западного фронта на Южный максимальное количество лучших войсковых частей.

Пленум высказался также за смену командного состава Южного фронта. После Пленума Реввоенсовет Республики разделил Южный фронт на Южный и Юго-Восточный. В состав Южного фронта вошли XIV, XIII и VIII армии, конный корпус Буденного, а позже, в октябре, и XII армия, в состав Юго-Восточного фронта вошли IX и X армии, а 14 октября — также XI армия. Командующим Южным фронтом на место [204] назначенного в июле В. Н. Егорьева был утвержден А. И. Егоров, а Юго-Восточным фронтом — В. И. Шорин.

Пленум одобрил решение Реввоенсовета о переброске с Западного фронта на Южный кавалерийской бригады червонных казаков и, вопреки возражению Троцкого, Латышской стрелковой дивизии.

В. И. Ленин проявил максимум энергии по укреплению армии Южного фронта новыми пополнениями. Особое внимание он обратил на переброску с Западного фронта на Южный Латышской стрелковой дивизии. Намеченная к переброске на Южный фронт Латышская стрелковая дивизия в сентябре находилась в Белоруссии. Согласно директиве командующего XIV армией от 25 сентября, дивизию приказано было сосредоточить по линии железной дороги Брянск — Харьков в районе станций Навля — Брасово — Комаричи — Дмитриев. В. И. Ленин лично интересовался ходом переброски, и по его заданию за срочной отправкой на Южный фронт Латышской дивизии наблюдал член Реввоенсовета XIV армии Г. К. Орджоникидзе. Переброска, несмотря на тяжелое состояние железнодорожного транспорта, проходила весьма успешно. Части Латышской дивизии прибывали на Южный фронт и быстро разгружались. Через 10 дней Латышская дивизия уже была на Южном фронте.

Пока шли отправка дивизии и разгрузка эшелонов, противник в конце сентября захватил Дмитриев, 6 октября — Воронеж, 8 октября — Дмитровск.

С Западного фронта на Южный прибыла также кавалерийская бригада червонных казаков. В конце сентября к переброске на Южный фронт были назначены еще Отдельная стрелковая бригада П. А. Павлова и Сводная

стрелковая дивизия, в которую вошла эстонская бригада, развернувшаяся потом в дивизию.

Бригада Павлова прибыла на Южный фронт в начале октября, а эстонская дивизия задержалась в пути и прибыла в район сосредоточения 15 октября.

Латышская дивизия и другие упомянутые выше войсковые части в связи с заметным продвижением противника к Орлу сосредоточивались в районе станций Навля — Карачев в качестве стратегического резерва главнокомандующего и предназначались для создания ударной группы на орловском направлении. 9 октября Главное командование передало состав ударной группы в распоряжение командующего Южным фронтом А. И. Егорова и зачислило ее в XIII армию.

10 октября начальник Латышской дивизии А. Мартусевич приказом по дивизии сообщал, что по предложению Реввоенсовета Республики и командующего Южным фронтом, под его командованием формируется ударная группа, в состав которой кроме Латышской дивизии входят еще бригада Павлова и бригада червонных казаков. 10 октября ударная группа должна была развернуться на линии Турищево — Молодовое (на большаке Трубчевск — Орел) с целью дальнейшего решительного наступления. Впереди группы, на линии Кромы — Дмитровск, действовали части XIII и XIV армий. Они должны были оставаться на своих направлениях, не сменяться частями ударной группы и принять участие в наступлении группы. VIII армия и конный корпус С. М. Буденного, по директиве командования [205] Южного фронта, продолжали громить белогвардейские конные корпуса Шкуро и Мамонтова. Конный корпус С. М. Буденного, действовавший в районе Воронежа, был второй ударной группой на Южном фронте. Решительные действия 2 ударных групп, связанных общей целью разгромить армию Деникина, привели к мощному контрнаступлению армий всего Южного фронта.

Приводим данные о боевом составе ударной группы А. Мартусевича на 7 октября 1919 года.

СИЛЫ И СОСТАВ УДАРНОЙ ГРУППЫ{135}

Бригады	Полки и батареи	Штыки	Сабли	Пулеметы	Орудия
1-я бригада Латышской стрелковой дивизии	1-й лат. полк	705	—	12	—
	2-й лат. полк	664	—	12	—
	3-й лат. полк	690	—	12	—
	1-я батарея 1-го арт. див-на	—	—	2	4 л.
	2-я батарея 1-го арт. див-на	—	—	2	4 л.

	3-я батарея 1-го арт. див-на	—	—	2	4 л.
	1-я батарея гауб. див-на	—	—	—	2 л.
Итого в бригаде		2059	—	42	14
2-я бригада Латышской стрелковой дивизии	4-й лат. полк	741	—	12	—
	5-й лат. полк	658	—	12	—
	6-й лат. полк	719	—	12	—
	1-я батарея 2-го арт. див-на	—	—	2	4 л.
	2-я батарея 2-го арт. див-на	—	—	2	4 л.
	3-я батарея 2-го арт. див-на	—	—	2	4 л.
	2-я батарея гауб. див-на	—	—	—	1 л.
Итого в бригаде		2118	—	42	13
3-я бригада Латышской стрелковой дивизии	7-й лат. полк	720	—	12	—
	8-й лат. полк	611	—	12	—
	9-й лат. полк	569	—	12	—
	1-я батарея 3-го арт. див-на	—	—	2	3 л.
	2-я батарея 3-го арт. див-на	—	—	2	4 л.
	3-я батарея 3-го арт. див-на	—	—	2	4 л.
	Батарея полев. тяж. див-на	—	—	—	2 л.
Итого в бригаде		1900	—	42	13 [206]
Отд. лат. кав. полк		—	618	2{~1}	—
Всего по дивизии		6077	618	128	40
Отд. стрелк. бригада Павлова	Пластунский полк	535	—	16	—
	Киевский полк	700	—	15	—
	Сводный полк	450	—	15	—
	2 легкие батареи	—	—	—	6 л.
	Кав. дивизион	—	120	—	—
Итого в бригаде		1685	120	46	6 л.
Кав. бригада	2 кав. полка	—	1200	24	—

червонного казачества Примакова	1-я легк. батарея	—	—	—	4 л.
	2-я легк. батарея	—	—	—	4 л.
	Горная батарея	—	—	—	2 л.
Итого в бригаде			1200	24	10 л.
Всего в ударной группе		7762	1938	198.	56

{~1} В каждом эскадроне имелось по 2 легких пулемета системы Луиса.

Как видно из таблицы, ударная группа на 7 октября 1919 года имела 7762 штыка, 1938 сабель, 198 пулеметов и 56 орудий. Данные таблицы свидетельствуют также, что Латышская дивизия составляла основную силу ударной группы как по количеству штыков, так и по вооружению. В таблице показано только количество штыков (строевых пехотинцев), сабель (кавалеристов), пулеметов и орудий, но личный состав приблизительно в 3 раза превышал количество штыков и сабель. Не приведено число артиллеристов, пулеметчиков, разведчиков, связистов, саперов, медицинского персонала, слушателей школ по подготовке командного состава, курсантов, музыкантов, командиров (взводных, ротных, батальонных, полковых, бригадных), штабистов, комиссаров, значительное количество хозяйственного нестроевого персонала (кладовщики, снабженцы продовольствием, обозники и др.). Всего людей в дивизии на 7 октября 1919 года было 19,3 тыс. человек, из них командного состава — 848 человек. В 1-й бригаде числилось 6053 человека, из них командиров — 246; во 2-й бригаде — 5798 (240 командиров); в 3-й бригаде — 5487 человек (243 командира) и 2002 человека в разных дивизионных воинских учреждениях и кавалерийском полку (109 из них — командиры). Все же к моменту прибытия Латышской стрелковой дивизии на Южный фронт ее полки имели еще некомплект стрелков в размере 25—50%.

Большинство личного состава — командиры, строевые и нестроевые стрелки, снабженцы и др. — числились в полках. Во всех 9 полках дивизии вместе с кавалерийским полком было 14,5 тыс. человек. Остальные 4823 человека были в основном артиллеристы, саперы, связисты, санитары, медицинский персонал, нестроевой снабженческий состав. Все [207] они имели свои войсковые части: артиллеристы — свои дивизионы, саперы, санитары и связисты — свои роты, батальоны. Эти части входили в состав бригад, а некоторые числились при штабе дивизии. Лошадей в Латышской дивизии на 7 октября 1919 года было 5051, а вместе с кавалерийским полком — 5998.

Все полки дивизии, за исключением 1-го и 4-го, имели по 6 рот (в 1-м полку было 7, а в 4-м — 9 рот).

Латышская стрелковая дивизия в то время комплектовалась в основном из рабочих (35%) и деревенской бедноты. В дивизии было немало коммунистов — в каждом полку 150—200 членов партии. Латышей в полках было от 65 до 95%. Почти все стрелки закалились в тяжелых боях на фронтах империалистической и гражданской войн.

Начальником Латышской дивизии был А. Мартусевич, начальником штаба — К. Шведе, комиссаром — К. Дозитис. 1-й бригадой командовал тогда Ф. Калнынь, 2-й — А. Фрейберг, 3-й — К. Стуцка. Несмотря на недостаточную обеспеченность теплой одеждой и обувью, настроение у стрелков было боевое. Они были полны решимости разгромить армию Деникина.

Бригадой червонного казачества командовал В. М. Примаков. Полки бригады червонного казачества были укомплектованы добровольцами, в большинстве революционными партизанами Украины. Бригада имела боевой опыт гражданской войны, ее командующий состав представлял главным образом коммунистов и революционно настроенных бывших унтер-офицеров.

Отдельная стрелковая бригада П. А. Павлова была сформирована в сентябре 1919 года из днепровской правобережной группы XII армии, которая в основном комплектовалась из киевских рабочих-добровольцев и украинских партизан.

Район, в котором разыгралось решающее Орловско-Кромское сражение, занимал около 10 тыс. кв. км с населением до 600 тыс. человек и охватывал южную часть Орловского округа с Орловским, Дмитровским, Малоархангельским и Севским уездами Брянской губернии.

Самым крупным городом в этом районе был Орел (около 80 тыс. населения). Остальные города — Малоархангельск, Суджа, Кромы, Дмитровск — насчитывали 5000—6000 жителей. Продовольственных излишков в районе было мало, и войска обеспечивались главным образом за счет подвоза.

Некоторым препятствием на пути продвижения войск являлась река Ока с ее правым притоком Рыбницей и левыми притоками Цоном, Ицкой, Кромой, как и река Десна с притоками Навлей и Нерусой.

Выбор района сосредоточения ударной группы на центральном московском направлении оказался удачным. Даже если бы ее наступление в орловско-кромском направлении было отбито, она могла бы нанести удар противнику во фланги и в тыл.

Помимо войсковых частей ударной группы на Южный фронт прибыли и другие части Красной Армии. В конце сентября — первой

половине октября Южный фронт получил пополнение до 50 тыс. человек. Пополнения шли также за счет мобилизации в прифронтовой полосе. [208]

Подготовка к контрнаступлению проходила в обстановке ожесточенных боев, когда противник продолжал продвигаться вперед, удерживая инициативу в своих руках. К 10 октября фронт на юге растянулся более чем на 1130 километров, центр его был обращен в сторону Москвы. На курско-орловском направлении действовал армейский корпус генерала Кутепова, состоявший из отборных белогвардейских дивизий — Корниловской, Дроздовской и Марковской. Левый фланг корпуса прикрывал конный корпус генерала Юзефовича, в котором числилось до 4000 сабель. За правым флангом корпуса в районе Воронежа находились кавалерийские корпуса Мамонтова и Шкуро. В корпусе Кутепова в это время было около 25 тыс. штыков и сабель.

Утром 11 октября ударной группе было приказано выступить для дальнейшего продвижения, в 2 перехода прибыть на линию устье реки Кромы — город Кромы и далее по ее притоку до деревни Шарыкино, где сосредоточиться для дальнейшего энергичного наступления на фронте Поныри — Фатеж. На левом фланге ударной группы действовала 9-я дивизия А. Д. Козицкого, которой было приказано атаковать противника в направлении Малоархангельска. Правее действовали части XIV армии — 7-я дивизия и группа Ю. В. Саблина.

11 октября части ударной группы выступили в поход. Несмотря на распутицу, плохие дороги, сильное утомление лошадей (пушки тонули в грязи и лошади падали), Латышская дивизия и другие части ударной группы успешно выполняли приказ. В первый день они прошли 33 км. Первые встречи ударной группы с противником произошли в тот же день. Но это были столкновения с разведывательными группами врага. На следующий день, 12 октября, ударная группа уже встретилась с главными силами противника. Латышский кавалерийский полк занял деревню Мыцкое, 5-й полк — деревню Ореховка, 6-й — Ивановку. Продвигаясь вперед, 2-я бригада Латышской дивизии вступила в бой с батальоном Самурского полка противника, численностью 700—800 штыков, занявшего вечером 11 октября деревни Каменец — Рыжково — Мартьянова — Саськова — Мелихово. В этом бою противник потерпел тяжелое поражение. 1-й полк бригады червонного казачества стремительной атакой разгромил батальон Самурского полка белых, взяв в плен 120 белогвардейцев, среди которых было 70 офицеров. 2-й полк бригады червонного казачества имел бой с противником в районе деревень Саськова — Мартьянова, где разбил неприятельские пехотные части.

Но в то же время противник продолжал быстро продвигаться вперед, 8—10 октября, когда ударная группа занимала исходное положение, деникинцы прорвали фронт на стыке XIII и XIV армий, заняли Дмитровск

и Кромы. Несмотря на категорический приказ командующего армией войскам XIII и XIV армий перейти в наступление, они под натиском противника продолжали отходить. На путях к намеченным рубежам части ударной группы встретили массу отступающих красноармейцев, многих из них латышские стрелки увлекли за собой вперед.

К вечеру 12 октября на фронте XIII армии создается весьма тяжелое положение. Советские войска откатываются к орловскому укрепленному району. Орел эвакуируется. Во время наступления ударной группы части [209] XIII и XIV армий, отступая на север и северо-запад, обнажили оба фланга группы. Для прикрытия последних на правый фланг была переброшена бригада червонных казаков, а на левый — латышский кавалерийский полк. Ударная группа продолжала с боями двигаться дальше. 13 октября 1-я бригада Латышской дивизии после упорного боя выбила противника из деревни Жихарево и к вечеру овладела деревнями Печки, Ефимовка, Егина, а 2-я бригада заняла деревни Опальково, Старое Гнездилово и Масловка. Вместе с ударной группой в наступление пошли отдельные части правого фланга XIV армии, которые заняли ряд населенных пунктов.

Несмотря на этот частичный успех ударной группы, положение на фронте оставалось тяжелым и продолжало осложняться. 13 октября 1-й корниловский полк перешел в наступление вдоль железной дороги Орел — Курск, прорвал фронт группы ближней обороны Орла и около 16 часов вошел в Орел с юго-восточной стороны, а в 18 часов — с юго-западной стороны в город вошел 3-й корниловский полк. В помощь Красной Армии для обороны Орла был послан рабочий полк под командованием коммуниста М. Т. Медведева. Полк стойко защищал город, но силы были неравные, и под натиском противника он 13 октября оставил Орел.

Захвату Орла деникинцы придавали огромное значение. Они считали, что после взятия Орла победа над советскими войсками будет обеспечена, деникинцы скоро возьмут Москву и дни Советской власти будут сочтены. В городе на столбах и домах наклеивались плакаты с изображением всадника-деникинца: задние ноги коня находились в Орле, а передние — в Москве. Деникинцы торжествовали, в городе начались пьяные оргии, грабежи, насилия, массовые аресты и расстрелы. Только по одному подозрению в сочувствии большевикам без всякого суда и следствия расстреливались невинные люди.

13 октября на Южном фронте был очень тяжелым днем. Фронт был прорван в самом опасном направлении, угроза нависла над Тулой — военным арсеналом республики. К вечеру 13 октября ударная группа оказалась изолированной. После взятия противником Орла его войсковые части очутились в тылу левого фланга ударной группы и угрожали станции Саханская. Железная дорога Орел — Елец была уже в руках

противника. Однако ударная группа продолжала, хотя и медленно, двигаться вперед. К вечеру она с боем заняла линию Абрамово — Печки — Старое Гнездилово — Опальково и продолжала наступать.

14 октября ударная группа получила приказ XIII армии, по которому ей предлагалось вести наступление не на фронт Поныри — Фатеж, а на фронт Куракино — Малоархангельск. Частям XIII армии было приказано вернуть город Орел. Штаб ударной группы был того мнения, что целесообразнее повернуть ударную группу в направлении Орла. Но штаб XIII армии задачу группы не изменил. Вечером 14 октября корниловские полки захватили Саханскую и развернулись на 10 км к северу от Орла. В этот же день ударную группу для управления и снабжения продовольствием передали в подчинение командования XIV армии.

Ударная группа продолжала наступать. 14 октября сводный полк бригады Павлова совместно с ее кавалерийским дивизионом при [210] 2 орудиях занял деревню Нижняя Федоровка, а сотня 1-го червонного полка с боем заняла деревню Кучерявики, захватив несколько пленных из 2-го дроздовского полка. В ночь с 14 на 15 октября 2-я латышская стрелковая бригада заняла город Кромы и вышла на линию деревень Закромская — Большой Колчев — Агеевка — Черкасская, а в 24 часа эскадрон латышского кавалерийского полка совместно с кавалерийским дивизионом бригады Павлова заняли деревню Агеевка, отогнав противника в сторону Спасского. К полуночи части 1-й латышской стрелковой бригады подошли: 1-й полк — к Черепово — Шарыкино, 2-й — к Ржаве, 3-й — к Бельдяшкам{136}. Таким образом, ударная группа в ночь с 14 на 15 октября с боями заняла район Кром. Вместе с тем создалась угроза флангу и тылу Корниловской дивизии, вступившей в Орел. Это сорвало дальнейшее наступление корниловцев на Тулу. Все внимание противник обратил на обеспечение безопасности тыла и направил основные отборные силы против ударной группы Мартусевича. Командование Южным фронтом решило сорвать наступление белых против ударной группы и нанести удар вражеской группировке в районе Орла. С этой целью снова было изменено направление передвижения ударной группы.

Как следует из приказа командования Южным фронтом от 15 октября, противник сосредоточивался в районе Дмитровска, а из района Орла вел энергичное наступление на северо-запад и северо-восток, в сторону Карачева. Для прикрытия этого направления Эстонской дивизии было приказано развернуться на линии Вербник — Хотынец — Мощеное. XIV армии надлежало ликвидировать противника в районе Дмитровска, а ударной группе, чтобы помешать деникинцам закрепиться в районе Орла и скорее овладеть городом, предписывалось повернуться фронтом на восток и вести наступление в общем направлении на станцию Еропкино — во фланг и тыл Корниловской дивизии, одновременно левым флангом

двигаться на Орел с юго-запада. Не позднее вечера 16 октября нужно было выйти на железную дорогу Орел — Курск. Угроза окружения ударной группы и крайняя необходимость освободить Орел требовали изменения направления группы, чем в значительной мере сокращался размах ее прежнего использования.

Во исполнение приказа командования Южного фронта командующий ударной группой А. Мартусевич дал каждой части группы конкретное задание, но выполнить поставленные задачи 16 октября не удалось. Отборные части деникинцев пошли в наступление из Орла на Кромы, чтобы взять Кромы и ударить в тыл ударной группе. Развивая наступление по направлению к Кронам, деникинцы обрушились на бригаду Павлова. В 15 часов противник начал подходить к городу. Положение спасла 2-я бригада Латышской стрелковой дивизии. Отступающие части бригады Павлова командир 2-й бригады А. Фрейберг взял под свое командование, привел в порядок, снабдил патронами. Командиру 4-го полка он приказал немедленно выдвинуть 1 батальон и занять позиции по оврагам возле Мокрого Кровеца, а 6-му полку выделить в район шоссе 4 роты и одновременно с наступающими слева частями 3-й латышской стрелковой [211] бригады выйти навстречу противнику. Роты 6-го полка, выйдя из Кром, встретились с противником южнее Кром и коротким ударом при интенсивной поддержке артиллерии сбили его наступающие цепи и обратили врага в бегство.

16 октября на Южном фронте шли ожесточенные бои с противником, который хотел уничтожить ударную группу. В это время осложнилась и обстановка на Западном фронте — белогвардейцы генерала Юденича наступали на Петроград, а на Восточном фронте в сентябрьских боях колчаковские войска добились некоторых успехов.

15 октября состоялось заседание ЦК партии, на котором были рассмотрены важные вопросы об усилении государственной обороны, особенно на Южном фронте. Политбюро ЦК партии считало нужным интенсивно проводить мобилизацию всех сил и средств на оборону страны, посылать коммунистов на фронт и пополнять армию новыми войсковыми формированиями. Политбюро считало нужным на Юго-Восточном фронте временно перейти к обороне и выделить часть сил для защиты Тулы и Москвы. В 4-м томе «Истории гражданской войны в СССР» указывается, что «решением Политбюро ЦК партии от 15 октября Южный фронт признавался главным фронтом Советской Республики. По существу, это вело к изменению ранее принятого плана борьбы с Деникиным. Тем самым намечался новый план нанесения основного удара по войскам Деникина не силами Юго-Восточного фронта через Донскую область, а силами Южного фронта на его центральном участке».

С признанием Южного фронта главным фронтом особое внимание было обращено на его пополнение новыми войсковыми частями. В состав Южного фронта из Западного была полностью передана XII армия. В течение октября — ноября Южный фронт получил около 28 тыс. человек новых пополнений. Из состава Юго-Восточного фронта была передана 40-я дивизия. Численность и состав армий Южного фронта приведены в таблице.

Однако Главное командование РСФСР придерживалось своей прежней точки зрения относительно основного участка борьбы с Деникиным. 10 октября С. С. Каменев указал командующему Юго-Восточным фронтом Шорину, что центр тяжести операции против Деникина лежит на Юго-Восточном фронте и что характер возложенных на IX и X армии задач должен и в будущем оставаться неизменным{137}.

15 октября член Реввоенсовета Южного фронта И. В. Сталин обратился с письмом к В. И. Ленину, в котором резко критиковал оперативный план Ставки и предлагал его заменить новым планом, а именно — «нанесение основного удара из района Воронежа через Харьков — Донецкий бассейн на Ростов»{138}.

К этому времени старый, уже отметенный жизнью план нанесения деникинской армии основного удара через Дон и Кубань, раскритикованный И. В. Сталиным, почти перестал существовать. Фактически по инициативе В. И. Ленина осуществлялся план нанесения основного удара [212] по деникинским армиям через Харьков — Донбасс — Ростов-на-Дону. Если в июле по уже известным причинам был принят план С. С. Каменева, то осенью сама жизнь его отменила: Красная Армия начала громить войска Деникина и разбила их, направив основной удар через Курск — Харьков — Донбасс.

После победы, одержанной 16 октября над противником в районе Кром, А. Мартусевич 17 октября приказал командиру 2-й латышской стрелковой бригады продолжать энергичное и стремительное наступление на северо-восток, держа направление на станцию Стишь. Другим частям ударной группы также были даны четкие боевые задачи.

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ АРМИЙ ЮЖНОГО ФРОНТА НА 19 ОКТЯБРЯ

Армии	Состав	Положение	Штыки	Сабли	Пулеметы	Орудия
XII армия	44, 58, 47 и 60-я стр. д-зии, группа Павлова,	Паричи — Мозырь — Житомир — Фастов — р. Ирдень —	35652	1188	643	138 и бронепоезд

	3-я бригада 9-й кав. д-зии	Чернигов — Сосница				
XIV армия	46, 57 и 41-я стр. д-зии, группа Саблина, 7-я стр. д-зия, 11 и 14-я кав. бригады	Новгород — Северск — хутор Михайловский — Дмитровск	17778	3429	504	108
XIII армия	3, 9, 42 и 55-я стр. д-зии, 13-я кав. бригада	Кромы — Орел Новосиль — Елец — р. Дон	24935	1053	316	92
Ударная группа командующего фронтом	Латышская д-зия, бригада Павлова, бригада черв, казачества	Район Карачева	7752	1938	224	56
Кав. корпус Буденного	4, 6 и 11-я кав. д-зии, резервная бригада	Восточнее Роронежа	594	7438	207	26
VIII армия	12, 16, 15, 33, 40, 13 и 31-я стр. д-зии	Задонск — 20 км вост. Воронежа — Бобров — Еланское Колено	16521	1777	631	159 и бронепоезд
Фронтовой резерв —		Севернее Орла	3247	—	70	11

Эстонская дивизия, брянский, тамбовский, козловский, елецкий укрепленные районы			6062	667	34	19
Итого на Южном фронте			112541	17490	2629	609 [213]

Выполняя приказ начальника группы, 2-я латышская стрелковая бригада наступала на северо-восток, держа направление на Стишь — Малая Куликовка. Стрелки 2-го латышского полка в районе Каменец — Шаховцы захватили пленных, 30 тыс. патронов и другие трофеи. В 9 часов противник силою двух рот, пользуясь туманом, прорвался к деревне Пушкарская, но был остановлен батальоном 4-го латышского полка и отброшен до Самохваловки. После упорного боя под этой деревней противник отступил в северо-восточном направлении, оставив в руках батальона значительное количество патронов. Части 3-й латышской бригады перешли реку Ицка, причем 9-й латышский полк к 22 часам занял линию высоты 108,7, а 8-й латышский полк в то же время продолжал выдвигаться на линию Себякино — Кондрево. 17 октября 2 эскадрона латышского кавалерийского полка в районе деревни Себякино захватили неприятельский обоз с обмундированием на 100 подводах и 2 полевые кухни, взяли в плен 44 белогвардейца 2-го корниловского полка и отбили 46 пленных красноармейцев.

Бригада Павлова переправилась в район Малой и Большой Быстрицы и повела наступление по восточному берегу Оки, держа направление на Лужки — Божковку. Бригада червонного казачества наступала на правом фланге группы, рядом с правым флангом 2-й латышской стрелковой бригады.

День 17 октября прошел в упорных боях с корниловскими частями почти на всем фронте; продвижение ударной группы было незначительным.

В ночь на 18 октября 200 кавалеристов из бригады червонного казачества и 1 рота латышских стрелков после предварительной разведки напали на деревню Рыжково, в которой ночевал 2-й дроздовский офицерский батальон, и уничтожили его.

В ночь на 18 октября начальник группы А. Мартусевич приказал 3-й латышской стрелковой бригаде двигаться по западному берегу Оки на Орел, бригаде Павлова вести наступление на Орел по восточному берегу реки, а 2-й бригаде наступать на станцию Стишь. 1-я латышская

стрелковая бригада осталась в резерве бригады Павлова. Частям ударной группы было приказано вести энергичное наступление и к вечеру 19 октября занять Орел и станцию Стишь.

18 октября 2-я латышская стрелковая бригада с боями продвигалась вперед и к 14 часам части бригады заняли деревню Горки, расположенную в 2 километрах севернее деревни Шахово. В это время противник силою около полка повел наступление на всем участке 4-го полка, но был отброшен и рассеян. На участке 5-го латышского полка тоже развернулись ожесточенные бои и только с наступлением темноты затихли. По словам пленных, в этих боях участвовали полки Корниловской и Марковской дивизий, потерявшие 500 человек.

На участке 3-й латышской бригады около 7 часов 18 октября противник повел наступление из деревни Спасское на высоту, занимаемую 9-м полком, а около 17 часов он силою до 4 рот начал наступать в районе Агеевки. Под значительным давлением сил противника 4-я и 5-я роты 9-го полка начали отходить западнее Агеевки, но благодаря направленной [214] во фланг противника роты 8-го латышского полка враг был отброшен с большими потерями. К вечеру 18 октября части ударной группы уже вышли с боями на линию Плота — Большое Рыжково — Себякино — Кондрево — Хорошилово — Александровка, причем латышский кавалерийский полк установил связь с частями Эстонской дивизии. К ночи 8-й латышский полк с боем занял деревни Хмалевая и Михайловка, а 9-й — деревню Гремячая.

Но полностью выполнить приказ А. Мартусевича 18 октября не удалось, так как противник уже 17 октября повел со стороны Дмитровска энергичное наступление на части 7-й дивизии и ставил под угрозу правый фланг и тыл ударной группы. 18 октября противник теснил части 7-й дивизии и наступал от деревень Кирово, Городище и Жихарево в тыл группы. Это заставило А. Мартусевича спешно перебросить часть войск ударной группы к опасным местам, инженерному эскадрону дать задачу взорвать железнодорожный путь в районе Поныреи. А. Мартусевич предполагал, что противник наступает 2 колоннами: со стороны Орла и Дмитровска. Перехваченный приказ начальника Дроздовской дивизии генерала Витковского подтвердил это предположение. В приказе противника было сказано, что для ликвидации ударной группы красных направлен от Орла 2-й корниловский полк с батальоном марковцев, чтобы атаковать Кромы с фронта Ивановское — Голубица — Рыжково. Десант бронепоезда [215] «Гром победы» из корниловцев послан на станцию Дьячья для содействия атаке. Из Илькова на Дмитровск наступает бригада 5-го кавалерийского корпуса.

Для ликвидации группы противника на юго-западе от Крон начальник ударной группы А. Мартусевич послал 1-ю латышскую стрелковую

бригаду и бригаду червонного казачества, для ликвидации Орловской группы — 2-ю и 3-ю латышские стрелковые бригады, бригаду Павлова и Латышский кавалерийский полк.

Таким образом, ударная группа была разделена на две части: главные ее силы — 2-я и 3-я латышские стрелковые бригады, бригада Павлова и Латышский кавалерийский полк — должны были наступать на северо-восток, на участок Стишь — Орел, а 1-я латышская стрелковая бригада и кавалерийская бригада червонных казаков — повернуть на запад и вместе с другими частями XIV армии наступать на Дмитровск.

19 октября А. Мартусевич приказом по Латышской дивизии объявил, что Эстонской дивизии, находящейся на линии Богдановка — станция Нарышкино — Сергиевское, приказано на следующий день утром занять Орел; левее Эстонской дивизии линию Борзенково — Казильневка — Спасское должна была занять 9-я стрелковая дивизия, а восточнее ее — выступить 55-я дивизия.

Исходя из этой целевой задачи, А. Мартусевич предлагал 3-й латышской стрелковой бригаде при подходе к городу от линии Саханск — хутор Непрец выслать для выяснения обстановки эскадрон конницы кавалерийского полка и, если к 12 часам город еще не будет занят частями Эстонской дивизии или 9-й дивизии, брать город, выйти на его северную и северо-восточную окраину, выставить сторожевые охранения и укрепиться. Если же высланная конница обнаружит, что город занят Эстонской или 9-й дивизиями, остановиться на линии станции Саханск — хутор Непрец и ждать дальнейших распоряжений.

2-й латышской бригаде было приказано вести энергичное наступление по правому берегу реки Оки, держась на уровне 3-й бригады, и к 12 часам 20 октября, перерезав железную дорогу Орел — Курск, выйти на линию Стишь — Дрябуж, имея на левом фланге эскадрон кавалерийского полка для связи с 3-й бригадой. Конкретные боевые задачи были также даны командиру отдельной бригады П. А. Павлову и командиру Латышского кавалерийского полка.

Бригаде червонного казачества и 1-й латышской стрелковой бригаде приказывалось исполнить ранее поставленную задачу, т. е. перейти в район деревень Ельково — Жихарево — Кирово — Городище для активных действий против Дмитровской группы противника, не выпуская из виду район города Кромы и имея для его охраны достаточный заслон. Совместными усилиями ударной группы и войск XIV армии наступление дроздовцев было остановлено.

В течение 19 и 20 октября на орловско-кромском участке развернулись упорные бои, которые должны были решить судьбу не только Орла, но и всего Южного фронта. Противник бросил в бой свои лучшие силы. Латышские стрелки дрались упорно, хладнокровно,

отважно. Так же как [216] и червонные казаки, они в плен не сдавались, раненые застреливались, если не было надежды попасть к своим.

К вечеру 19 октября ударная группа уже подходила к Орлу и установила связь с Эстонской дивизией, которая наступала с запада. Части 3-й латышской бригады, сломив сопротивление противника, продолжали наступление и с боем заняли линии: 9-й полк — Кукуевка — постоялый двор Манцева; 8-й полк — Ушивка — Сабурово; 7-й полк — Гремячая — Яновка. Дальнейшее продвижение бригады задерживалось, так как переправы через реку Цон были взорваны и ввиду наступившей темноты их нельзя было быстро восстановить. Ночью подошла саперная рота и приступила к устройству переправ, а с утра 20 октября бригада готовилась атаковать укрепленную позицию под Орлом.

Части 2-й латышской бригады с утра 19 октября перешли в энергичное наступление и к вечеру того же дня достигли района деревень Ступино — Голубеевка — хутор Лисняковы. С рассветом 20 октября они с боем заняли Ступино и хутор Лисняковы и пошли дальше на Стишь. На орловском направлении советские войска все ближе подходили к Орлу и окружили его с трех сторон — с запада, севера и юго-запада. Оставался лишь выход на юг, вдоль Орловско-Курской железной дороги. Стремясь избежать окружения и полного разгрома, корниловцы заранее оставили Орел. Главные силы Корниловской дивизии ушли из города еще в ночь на 20 октября. Наиболее сильный удар советских войск они получили с юго-запада.

Утром 20 октября к Орлу подошли Эстонская и 9-я дивизии, завязавшие перестрелку с оставшимися там деникинцами. Противник оказывал слабое сопротивление. Наступавший впереди правого боевого участка 76-й стрелковый полк 9-й дивизии в 10 часов 10 минут вступил в город. Вслед за ним в Орел вошел и 5-й эстонский полк. Части 3-й латышской бригады, переправившись утром 20 октября через реку Цон, тоже двигались на Орел. В 11 часов 9-й латышский полк, не встречая сопротивления противника, совместно с частью 5-го полка 2-й латышской бригады вошел в город. 8-й полк утром занял станцию Саханск, потом днем без боя вошел в Орел и в 12 часов 15 минут расположился в районе станции Курско-Московская{139}.

В 15 часов того же дня 6-й латышский полк подошел к станции Стишь и с боем занял ее. Противник пытался вернуть станцию, но безуспешно. После неудачи вернуть этот весьма важный железнодорожный пункт противник сосредоточил в районе станции Стишь всю Корниловскую дивизию и перешел в общее наступление на 6-й латышский полк, охватывая оба его фланга. Подразделения 6-го полка не выдержали натиска в несколько раз превосходящих сил противника и отступили. В

этом бою полк сильно пострадал — потерял около 15—20% своего состава.

Взятие Орла, крупного стратегического пункта, было большой победой Красной Армии на Южном фронте. Трудящиеся города с нетерпением ждали Красную Армию как своего спасителя от деникинского ига. [217]

После взятия Орла начался коренной перелом в борьбе с Деникиным. Однако со взятием Орла силы противника не были еще сломлены. Деникинцы не собирались отказываться от своих планов. Уходя из окружения, они приводили в порядок свои силы и готовились к новым боям в надежде вернуть Орел. Противник сохранил боеспособность, и ударной группе, как и другим войскам Южного фронта, пришлось вести новые ожесточенные бои с деникинцами. После взятия советскими войсками Орла еще 8 дней шли упорные бои в районе Дмитровск — Кромы — Стишь (на фронте длиною около 80 км). В этих боях деникинцы снова хотели разгромить ударную группу и пробиться через Орел и Кромы на Москву.

Новый начальник Латышской дивизии Ф. Калнынь, сменивший А. Мартусевича, произвел некоторую перегруппировку сил и начал на всем участке ударной группы энергичные наступательные действия. Перед фронтом ударной группы стояло около 8000 самого отборного деникинского войска, готового возобновить наступление. 21 октября бои развернулись в районах обоих флангов группы. Для наступления на Орел генерал Кутепов сосредоточил Корниловскую дивизию, а для наступления на Кромы — Дроздовскую дивизию, усиленную Самурским полком и подразделениями 3-го марковского полка.

На рассвете 21 октября части 2-й латышской стрелковой бригады пошли в наступление на Стишь, которую стремительным ударом заняла 4-я рота 5-го латышского полка. Через полчаса противник, получив подкрепление, перешел в контрнаступление, но 2 его атаки были отбиты с большими для него потерями. Со стороны станции Становой Колодезь показались бронепоезда противника и по шоссе Курск — Орел двинулись его наступающие цепи. Корниловцы при поддержке орудий бронепоездов и орудий с шоссе третий раз перешли в наступление, соединив фронтальные действия с обходом правого фланга 5-го полка. Завязались ожесточенные бои. Советская артиллерия обрушила на бронепоезда ураганный огонь. Весь пригорок, на котором находился первый бронепоезд, дрожал, как от сильного землетрясения, и поезд пополз обратно. В то же время 4-й и 6-й латышские полки атаковали с запада группировку главных сил противника у Станового Колодезя, не давая им организовать концентрированный удар на Орел. Вследствие больших потерь, особенно среди командного состава, советские части несколько

отошли: 4-й латышский полк — к западу, в исходное положение, и 5-й полк — к северу.

22 октября 1-й и 3-й корниловские полки перешли в наступление на 4-й латышский полк и на левый фланг 6-го латышского полка. После двухчасового боя наступление противника было отбито. Скоро те же корниловские полки несколькими цепями вновь перешли в наступление на всем участке 4-го латышского полка, а 2-й корниловский полк атаковал латышский кавалерийский полк и правый фланг 6-го полка. Но метким ружейным и пулеметным огнем латышских стрелков они вновь были отбиты.

Атаки противника оставались весьма упорными. Участник боев на Южном фронте Н. Истенайс в своих воспоминаниях пишет: «Белогвардейцы ходили в штыковую атаку по 5—6 раз ежедневно. Шли колоннами, [218] поротно, повзводно, с командирами впереди, размахивая саблями под крики «ура!». Распаленные непрерывной стрельбой, стволы пулеметов начинали плавиться. Для охлаждения пулеметов стрелки носили воду в брезентовых ведрах, держа ведра с водой в руке, подбирались к пулеметам ползком на животе»{140}. 22 октября в 4-м латышском полку из строя вышло 6 пулеметов и от чрезвычайного накала испортилось значительное количество винтовок. Потери противника были громадны. Первые цепи деникинцев буквально скашивались ружейным и пулеметным огнем стрелков. О силе огня можно судить по расходу патронов. За день боя (22 октября) стрелками и пулеметчиками 4-го полка было израсходовано около 110 тыс. патронов. Но и потери стрелков были немалые. За 22 октября полки 2-й бригады потеряли убитыми и ранеными 220 человек.

В это время Эстонская дивизия находилась в Орле в резерве. Частичный отход советских частей к предместьям города вызвал опасения начальника дивизии, и он на свой риск приказал войскам перейти в контрнаступление, занять определенную линию обороны, окопаться и обороняться.

В районе Кром бои также принимали все более напряженный характер. 21 октября в 13 часов противник повел наступление на Кромы с юга, вдоль шоссе, но короткими ударами 3-го латышского полка наступление было отбито. В 15 часов 2-й дроздовский и Самурский пехотные полки возобновили наступление на фронте Волобуево — Красная Роща — Кутафьино. Благодаря своему численному превосходству противнику удалось вытеснить червонных казаков из деревни Волобуево, но 22 октября последние выбили эскадрон 2-го дроздовского полка из деревни Печки.

После упорных боев утром 23 октября противник занял Кромы. Таким образом, в первые 2 дня после взятия советскими войсками Орла ударная

группа Ф. Калныня потерпела неудачу, понесла чувствительные потери и была вынуждена отойти.

23 октября Ф. Калнынь в приказе по дивизии отметил, что противник сосредоточил в районе Кром и вдоль железной дороги Орел — Курск значительные силы, энергично наступает и утром 23 октября занял Кромы. Под натиском противника 5-й латышский полк отошел из района станции Стишь и деревни Лужки. Ему было приказано восстановить положение; частям червонных казаков, 1-й и 3-й латышских бригад — овладеть Кромами и развивать успех в южном направлении; частям бригады Павлова — вести решительное наступление в юго-восточном направлении, чтобы отрезать бронепоезда противника; 2-й латышской бригаде — восстановить положение на фронте Рыбницы.

Утром 23 декабря командир 3-й латышской стрелковой бригады приказал 7-му латышскому полку развернуться и наступать на Кромы. Полк, подойдя колонной к Кромам, быстро развернулся и энергичной атакой выбил противника из города, потом продолжал наступать на юг и к вечеру занял линию фронта Большая Колчева — Агеевка — Черкасская. Но противник не переставал атаковать ударную группу. Бои продолжались [219] с переменным успехом. На орловском направлении также шли ожесточенные сражения. Деникинцы предпринимали контратаки в районе Новосиль — Елец.

24 октября В. И. Ленин писал: «Наступает момент, когда Деникину приходится бросать все на карту. Никогда не было еще таких кровопролитных ожесточенных боев, как под Орлом, где неприятель бросает самые лучшие полки, так называемые «корниловские», где треть состоит из офицеров наиболее контрреволюционных, наиболее обученных, самых бешеных в своей ненависти к рабочим и крестьянам, защищающих прямое восстановление своей собственной помещичьей власти. Вот почему мы имеем основание думать, что теперь приближается решающий момент на Южном фронте»{141}.

Хотя бойцы ударной группы сильно устали от непрерывных кровопролитных боев, они не теряли боевого настроения и продолжали мужественно сражаться. В боях отличились не только стрелки, но и девушки, служившие в Латышской стрелковой дивизии санитарками, медицинскими сестрами, телефонистками. Так, в районе Орла у станции Стишь после взятия Красной Армией города шли непрерывные бои с Корниловской дивизией. На наблюдательном пункте 2-й гаубичной батареи телефонисткой была двадцатилетняя девушка Паулина Шведе. 23 октября положение на участке стало весьма тяжелым. Атаки корниловцев следовали одна за другой. Красноармейцы дрогнули и стали отходить, а белые следовали за ними по пятам и подошли почти вплотную к наблюдательному пункту — до него оставалось 100—120 метров. «Уже

покинул пункт наблюдатель, считая бой проигранным, — и в самом деле, прямо на пункт хлынула основная масса отступающих красноармейцев. Но тут произошло невероятное: оставив пост, во весь свой не очень большой рост поднялась Паулина Шведе. С наганом в руке она бросилась наперерез отступающим: «Ни шагу назад! Вперед!» — закричала она. Воодушевленные ее смелым порывом, красноармейцы остановились. А еще через секунду они бросились за девушкой на врага»{142}. Атака корниловцев была отбита, положение восстановлено и неминуемая угроза флангам 4-го и 5-го латышских полков миновала.

24 октября в орловско-кромском районе бои продолжались с неослабевающей силой. 8-й латышский полк в районе выселок Козлов вновь столкнулся с противником и вступил с ним в ожесточенный бой, во время которого Козлов 4 раза переходил из рук в руки. Полк причинил противнику тяжелые потери, но и сам сильно пострадал. Потеряв около 200 человек убитыми и ранеными и почти весь командный состав, полк вынужден был отойти к деревне Паньково (Сучки).

Создавшаяся обстановка заставила командира 3-й латышской стрелковой бригады оставить Кромы. 7-му латышскому полку, оборонявшему город, пришлось повести наступление на деревни Нижняя Федотовка и Опальково. 25 октября противник занял Кромы. [220]

С участка 2-й латышской стрелковой бригады и отдельной бригады Павлова 6-й латышский полк пошел в наступление. Бой длился весь день, но попытки овладеть неприятельскими позициями у деревни Дубовик не увенчались успехом. В 14 часов 24 октября противник, отбросив части 9-й дивизии от станции Стишь и деревни Михайловка, сосредоточил сильный артиллерийский огонь по позициям 4-го латышского полка. За час он выпустил по 4-му полку 380 снарядов, в том числе 16 химических. Под давлением этого шквального артиллерийского огня полк вынужден был отойти на старые позиции.

После того как Красная Армия оставила Кромы и их занял противник, последнему удалось продвинуться на несколько километров к северу от города, но у деревни Опальково его трехкратные атаки были отбиты 3-м латышским полком.

25 октября генерал Кутепов ввел в бой почти все имеющиеся в его распоряжении силы. Он стремился продвинуть вперед по направлению Кромы — Орел Дроздовскую и Марковскую дивизии, чтобы сблизить их с Корниловской дивизией, удержавшей район Стишь — Еропкино.

По данным К. Галицкого, к 25 октября у противника перед фронтом ударной группы было сосредоточено 10,5 тыс. штыков, 2300 сабель, 212 пулеметов, 38 легких орудий, 13 тяжелых, 4 бронеавтомобиля, 3 бронепоезда (1 на станции Дьячья и 2 — южнее Орла, в районе Еропкино){143}.

В ходе боев на Южном фронте противнику удалось искусным маневром раздробить ударную группу на отдельные полки, что, конечно, ослабило ее боевую силу. Командование Южного фронта предложило вновь собрать полки в одну группу и бить по живой силе противника, ибо речь шла об истреблении лучших вражеских полков. 25 октября на Южном фронте происходила перегруппировка войск. Части ударной группы были сосредоточены в районе Кром. XIV армия с ударной группой должны были разбить кромскую группировку деникинцев, XIII армия с переданной в ее распоряжение Эстонской дивизией — орловскую группировку. Удары следовало направить против основных сил противника с задачей расчленения и разгрома их по частям.

26 октября Ф. Калнынь приказал командиру 3-й латышской бригады [221] К. Стуцке с 7-м и 9-м полками и Латышским кавалерийским полком оставить заслон в районе деревни Коровье Болото, при участии бронемашин повести энергичное наступление на шоссе Орел — Кромы и на город Кромы и во что бы то ни стало решительным ударом занять его. Командиру 1-й латышской бригады Р. Вайнянису следовало выдвинуться на линию реки Кромы, занять деревни Лешня — Глинки и переправы через реку Кромы, а также ликвидировать противника в районе Ивановское — Нижняя Федотовка. Другим частям ударной группы также были даны боевые задания, направленные на разгром кромской группировки противника.

26 октября части 1-й латышской бригады совместно с бригадой червонного казачества после упорных боев заняли деревни Гнездилово, Дерюгина, Толмачев, Долженки, Красная Роща и затем продолжали бой с противником на линии Глинки — Кутафьино. К вечеру они прочно обосновались на реке Кромы.

С утра 26 октября 7-й и 9-й полки 3-й латышской бригады перешли в наступление по направлению к Кромам. Сбивая мелкие части противника, полки продвигались к городу. В районе Голубицы противник [222] упорно оборонялся, но стремительным ударом 9-го латышского полка был выбит из деревни.

К 18 часам 7-й латышский полк подошел вплотную к Кромам, но трехкратные его атаки были отбиты. Тогда командир 3-й латышской бригады, ознакомившись с положением, решил ночной атакой овладеть городом и приказал 7-му полку 26 октября в 24 часа атаковать Кромы. Ночная атака оказалась для белых совершенно неожиданной. Она застигла врасплох 3-й марковский полк. В рукопашной схватке было переколото много марковцев. После атаки латышских стрелков этот белогвардейский полк перестал существовать и деникинцам больше не пришлось вернуться в Кромы. 7-й латышский полк взял в плен около 200 деникинцев, захватил немало пулеметов, снаряжения, продуктов и других трофеев.

С утра 26 октября находившиеся правее 1-й латышской бригады 3-я и 4-я бригады 41-й дивизии XIV армии атаковали противника, оборонявшего Дмитровск. Развернулись упорные бои, противник несколько раз переходил в контратаки, но вечером оставил город. Первым в Дмитровск вошел 368-й полк.

Благодаря разгрому кромской группировки противника создалась угроза тылу его орловской группировки. Занятием Кром 3-й латышской бригадой фронт противника был прорван и возможности вторичного овладения Орлом у него уже не было. 27 октября части Эстонской дивизии перешли в наступление и в упорном бою освободили Стишь. Противник в беспорядке отступил к станции Становой Колодезь.

В дни ожесточенных боев с деникинскими войсками в орловско-кромском районе советские войска одержали блестящие победы и на Воронежском участке фронта. Противник здесь сконцентрировал крупные силы. Общие силы одних конных корпусов Мамонтова и Шкуро составляли 9500 сабель, 2000 штыков, 42 орудия, 235 пулеметов и 5 бронепоездов. Между тем сражавшийся против этих корпусов конный корпус С. М. Буденного вместе с приданными частями насчитывал 8392 сабли, 806 штыков, 26 орудий и 221 пулемет{144}.

Советские войска тщательно готовились к наступлению на Воронеж. 20 октября конный корпус С. М. Буденного начал наступление и после четырехдневного боя ворвался в Воронеж. «Ровно в шесть часов утра 24 октября, — пишет С. М. Буденный, — дивизии (4-я с севера, 6-я с востока и юго-востока) ворвались в Воронеж. Одновременно вошла в город и 12-я стрелковая дивизия»{145}.

Активные действия конного корпуса С. М. Буденного под Воронежем не давали возможности Деникину перебросить войска с воронежского направления в орловско-кромский район, где шли тогда решающие бои ударной группы Южного фронта с белогвардейским корпусом генерала Кутепова.

Крупные успехи были достигнуты Красной Армией также к югу от Воронежа. 26 октября части XIII армии овладели станцией Лиски, а 27 октября вышли к Дону. [223]

28 октября Реввоенсовет Южного фронта объявил Латышской стрелковой дивизии и бригаде червонных казаков благодарность за проявленные в боях за Орел и Кромы стойкость и мужество. В приказе по Южному фронту говорится: «За стойкость и мужество, проявленные бойцами и командным составом Латдивизии и бригады червонного казачества в жестоких боях за Орел и Кромы, Реввоенсовет Южного фронта объявляет братскую благодарность. Реввоенсовет Южного фронта не сомневается, что в предстоящих решительных боях Латдивизия и

червонные казаки также высоко будут держать знамя освобождения трудового народа от ига кровопийц и насильников капитала»{146}.

К награждению были представлены отличившийся в Орловско-Кромском сражении командир 3-й латышской бригады К. Стуцка, командир червонных казаков В. М. Примаков и др.

С нанесением поражения кромской вражеской группировке Орловско-Кромское сражение можно было считать законченным. 3-я латышская стрелковая бригада в упорной борьбе, завершившейся ночной атакой на Кромы, овладела весьма важным кромским стратегическим участком. Части 41-й дивизии заняли Дмитровск и вместе с ударной группой нанесли серьезное поражение противнику, что, в свою очередь, облегчило нанесение ударов орловской вражеской группировке. Семидневные бои [224] за Стишь закончились отступлением противника. В результате последних боев Эстонской дивизии удалось отбросить Корниловскую дивизию к станции Еропкино. Упорные бои ударной группы на орловско-кромском участке измотали силы противника, и Кутепов, боясь полного разгрома живой силы, оттянул свой корпус.

Одержать победу над врагом помогли сужение полосы действий ударной группы, сосредоточение ее 26 октября на важнейшем участке борьбы в орловско-кромском районе, поручение группе посильных боевых задач.

Орловско-Кромское сражение ударной группы с частями деникинской армии распалось на 3 тактических этапа, или периода.

1-й период сражения — с 10 по 15 октября. В этот период завязались первые бои ударной группы с противником, группа продвинулась вперед и заняла район Кром.

2-й период сражения — с 16 по 20 октября. Развернулись упорные бои ударной группы с противником, завершившиеся взятием Орла. Это означало не только приостановку продвижения корпуса Кутепова вперед на Москву, но и переход инициативы на сторону советских войск. Начался коренной перелом в борьбе с Деникиным. Наблюдалась гибкость маневрирования и командования частями Латышской стрелковой дивизии, особенно бригадами и полками. Командование действовало быстро и решительно, ни разу ни одна часть ударной группы беспорядочно не отступила и не была уничтожена фланговым ударом. На угрозы ударов по флангам части группы быстро отвечали контрударами.

3-й период сражения — с 21 по 27 октября. В этот период в орловско-кромском районе велись ожесточенные бои, которые завершились 26—27 октября поражением корпуса Кутепова. Обе стороны сознавали огромное значение этих боев и сражались с большим напряжением. Для белогвардейцев поражение в этих боях означало полный провал похода «на Москву». Начался период отступления и развала деникинской армии.

Орловско-Кромское сражение можно считать генеральным сражением Южного фронта, нанесшим деникинской армии решительный удар. Благодаря смелой и мужественной борьбе ударной группы рухнули надежды Деникина на захват Москвы. Она удачным маневром ликвидировала наступление противника и громила его ударные силы в орловско-кромско-дмитровском районе. Воля к победе сплотила Красную Армию на Южном фронте в единую могучую силу, которая разгромила армию Деникина.

Невзирая на огромные трудности, бездорожье и непогоду, части Латышской дивизии и червонного казачества в непрерывных тяжелых боях не потеряли свою боеспособность. О мужестве латышских стрелков в орловско-кромских боях бывший командующий Южным фронтом А. И. Егоров писал: «В самый тяжелый период нашей гражданской войны, в октябре 1919 года, когда самому существованию Советской страны угрожала опасность, банды Деникина, заняв Орел, имели устремление и приказ Деникина захватить Москву, латышские стрелки своим героическим натиском и беззаветной преданностью делу пролетарской революции сломили упорство врага и положили начало разгрому сил всей южной контрреволюции. [225] Удар латышских стрелков под Орлом является для Страны Советов и завоеваний Октябрьской революции одним из наиболее героических подвигов, занимавшим одну из первых страниц в истории нашей Красной Армии»{147}.

Во время Орловско-Кромского сражения активно действовали политотдел и комиссар Латышской стрелковой дивизии К. Дозитис, который вместе с начальником дивизии Ф. Калнынем много бывал в войсковых частях, во время боев часто выезжал на передовые позиции. Не переставала работать и партийная организация Латышской дивизии. Во всех войсковых частях были партийные организации, они руководили жизнью воинских команд, проводили собрания, беседы, на которых обсуждались политические вопросы. Члены партии знакомили стрелков с программой и уставом партии, решениями ЦК РКП(б) и речами В. И. Ленина. Они выполняли самые трудные и ответственные боевые задания. В упорных боях с деникинцами пали коммунисты Плуме, Крастынь, Копманис и многие другие. Всего в Орловско-Кромском сражении Латышская стрелковая дивизия потеряла около 5000 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. [226]

Пополнение Латышской дивизии новыми бойцами было весьма незначительным. В. И. Ленин внимательно следил за развернувшимися боями и требовал послать пополнение. 25 октября он телеграфировал военкому Советской Латвии К. Петерсону: «Сообщите немедленно: 1) Направили ли Вы уже мобилизованных в запасной батальон Латдивизии? Сколько направлено? Достаточно ли энергично проведена мобилизация? 2)

Выполнили ли Вы задание по посылке пополнений в Латполк, в 7-ю армию? И то и другое задание не терпит отлагательства»{148}.

Разгром отборных частей армии Деникина в Орловско-Кромском сражении не означал полной победы над противником, сохранявшим еще способность к сопротивлению. Генерал Кутепов, боясь окружения и полного разгрома Добровольческой армии, стремился выйти из боя и начал отходить от Орла к югу. Перед командованием Красной Армии встала неотложная задача: активным наступлением истребить живую силу противника — белогвардейскую армию Деникина.

3. Разгром армии Деникина после Орловско-Кромского сражения

После провала деникинского похода на Москву у белогвардейцев не было больше никаких возможностей поправить свое положение и вернуть потерянные позиции. В тылу деникинской армии росло недовольство крестьян самодержавной помещичьей политикой Деникина. К осени 1919 года на юге России и в других оккупированных белогвардейцами районах наблюдался глубокий перелом в политическом настроении среднего крестьянства. Грабежи и насилия белогвардейцев усилили возмущение крестьян, и средний крестьянин после временных колебаний решительно встал на сторону Советской власти.

Деникину стало трудно пополнять свои войска путем мобилизации местного населения. Крестьяне отказывались вступать в белую армию, а там, где деникинцам удавалось провести мобилизацию, мобилизованные нередко поднимали бунт и расходились по домам.

Осенью, во время отступления армии Деникина, в тылу ее развернулось мощное партизанское повстанческое движение, руководимое подпольными коммунистическими организациями. Численность партизанских отрядов, подчинявшихся созданному на Украине Реввоенсовету повстанческих войск, по свидетельству командующего главным штабом повстанческих войск Г. Колосова, достигала в декабре 1919 года 50 тыс. бойцов.

Для того чтобы добиться окончательного разгрома врага, Реввоенсовет Южного фронта требовал развернуть активные наступательные действия в обход отступающей орловско-кромской группировке войск противника, стремившейся избежать фланговых ударов Красной Армии. 27 октября конному корпусу С. М. Буденного было приказано по переправе через Оку немедленно послать конников на Землянск — Ливны, имея ближайшей целью совместно с левым флангом XIII армии уничтожить [227] противника, действующего в этом районе. Силы Южного фронта должны были разбить войска противника на две части и непрерывно преследовать его до полного уничтожения.

Командующий XIV армией И. П. Уборевич приказал 27 октября вверенной ему ударной группе Ф. Калныня сосредоточить главную силу на

важнейших направлениях наступления на шоссе Орел — Кромы — Фатеж. На правом фланге следовало сосредоточить 1 бригаду и кавалерию, а затем повести энергичное наступление в направлении Кромы — Фатеж и разбить остатки кромской группировки противника.

Снова завязались упорные бои с деникинцами. В районе боевых действий на шоссе Кромы — Фатеж сражалась 3-я латышская стрелковая бригада. Здесь противник оборонялся с помощью бронемашин и бронепоездов. Стойко сражалась бригада Павлова, а бригада червонных казаков с помощью латышских стрелков пробилась в тыл противника, перерезала шоссе Кромы — Фатеж и разрушила станцию Дьячья.

29 октября не только ударная группа, но и другие части XIV армии перешли в наступление по всему фронту. Противник упорно сопротивлялся. 57-я дивизия успешно начала фланговый удар на Дмитриев, 7-я дивизия продвинулась вперед. Противник поспешно отступил перед наступающей Эстонской дивизией. Ожил весь фронт XIII армии. Бригады 9-й дивизии теснили противника по всему фронту. Конный корпус С. М. Буденного, переправившись через Дон, энергично атаковал левый фланг Донской армии и начал операцию охвата орловской группировки белых с востока.

Оставив Кромы, деникинцы отходили медленно, с боями, пытаясь организовать контрнаступление на фронте Дмитровск — станция Дьячья — станция Еропкино. Из-за больших потерь боеспособность ударной группы несколько снизилась. Латышская дивизия в Орловско-Кромском сражении потеряла более 50% командного и до 40% рядового состава, а пополнений почти не получила. Бригада червонных казаков потеряла около 33% конников и отдельная бригада Павлова — до 30% бойцов. Резервов не было никаких. Между тем пленные сообщали, что противнику на помощь идут подкрепления. Положение было весьма напряженным.

30 октября в деревне Шарыкино, где разместился штаб Латышской стрелковой дивизии, состоялось совещание, на котором присутствовали командующий XIV армией И. П. Уборевич, Г. К. Орджоникидзе, Ф. Калнынь, П. А. Павлов и В. М. Примаков. На совещании было решено для прорыва линии сопротивления противника организовать рейд конницы в тыл врага до получения деникинцами подкреплений. Для рейда была создана конная группа в составе бригады червонных казаков, латышского и кубанского кавалерийских полков общей численностью 1700 сабель, 32 пулеметов на тачанках и 6 орудий.

Перед Латышской стрелковой дивизией была поставлена задача прорвать фронт противника для выхода конной группы под командованием В. М. Примакова в тыл противника в направлении Поныри — Фатеж. 2 ноября Ф. Калнынь приказал командирам 1-й и 3-й латышских бригад перед рассветом 3 ноября прорвать расположение противника в

полосе между деревнями Чернодье и Чернь. Начало прорыва следовало произвести [228] внезапно для противника, без артиллерийской подготовки, имея, однако, сосредоточенную артиллерию для открытия огня по необходимым пунктам. Перед рассветом 3 ноября 1-я и 3-я латышские бригады под командованием К. Стуцки стремительно атаковали деникинцев юго-восточнее Дмитровска. Латышские стрелки, замаскировавшись плащами, незаметно по выпавшему снегу приблизились к заставам противника, которые они сняли без единого выстрела, и лавиной бросились на дроздовцев. Завязалась ожесточенная борьба, которая длилась около получаса. В результате боя фронт противника в районе между деревнями Чернодье и Чернь был прорван, через пробитую брешь вихрем пронеслась конница.

Рейд конницы был нелегким. Наступали холода, дороги обледенели, что крайне затрудняло передвижение кавалерии. Как видно из воспоминаний В. М. Примакова, конная группа, углубившись на 74 км в тыл противника, поручила Кубанскому кавалерийскому полку занять Фатеж. Значительная часть конников напала на станцию Поныри, а латышский кавалерийский полк — на станцию Возы. Кубанские казаки, совершив налет на Фатеж, захватили 2 танка и 2 тяжелых орудия, уничтожили местный гарнизон и освободили из тюрьмы около 400 пленных красноармейцев, из которых была создана рота бойцов, последовавшая за конницей Примакова.

На станции Поныри конница захватила несколько эшелонов с военным снаряжением, взорвала станцию и изрубила до 300 корниловцев. Латышский кавалерийский полк, напав на станцию Возы, уничтожил несколько вражеских эшелонов, взорвал станцию и склады с военным имуществом, а 5 ноября в бою под Сабуровкой совместно со 2-м казачьим полком под общим командованием Я. Кришьяниса разбил 2-й и 3-й корниловские полки, захватив орудия, пулеметы и пленных. Янис Кришьянис сам водил конников в атаку, и его подвиг был отмечен в приказе Реввоенсовета Республики.

Рейд красной конницы в тыл противника продолжался около 3 суток. За это время конники уничтожили более 6 рот вражеской пехоты, захватили поезд с обмундированием, разгромили тыловые базы и несколько штабов, в 15 местах взорвали полотно железной дороги Курск — Орел, сильно дезорганизовали тыл врага и к концу рейда разбили 2-й и 3-й корниловские полки.

Кавалерийский рейд расстроил задуманное противником контрнаступление. 3 ноября, после того как конники прорвались через линию обороны неприятеля, дроздовцы ликвидировали прорыв фронта и снова развернулись упорные бои. Но скоро противник, дезорганизованный рейдом конницы, отступил. Комбинированные действия пехоты с фронта и

кавалерии с тыла заставили врага отойти в курском направлении. В ночь на 7 ноября, когда красная конница уже возвращалась после рейда, навстречу ей двинулись колонны корниловцев, преследуемые латышскими стрелками. У села Сабуровка отходящая Корниловская дивизия была зажата в тиски латышскими стрелками и конницей Примакова. Завязался ожесточенный бой, в результате которого были разгромлены 5 батальонов корниловцев и взяты большие трофеи. Через штаб Латышской [229] стрелковой дивизии 6 ноября прошло более 2000 пленных и перебежчиков.

Блестяще удавшийся рейд конницы ударной группы облегчил общее наступление советских войск. 6 ноября войска ударной группы с другими частями XIV армии взяли Севск, а 11 ноября — Дмитриев. Город Дмитриев несколько раз переходил из рук в руки. 371-й полк 42-й дивизии XIII армии еще 3 ноября с боями занял Ливны, взяв в плен около 300 солдат и офицеров, а 7 ноября части XIII армии заняли Малоархангельск.

Однако противник еще продолжал сопротивляться и пытался вернуть инициативу. Против Латышской дивизии он сосредоточил оставшиеся полки Корниловской дивизии, часть Дроздовской дивизии, Черноморский и Алексеевский кавалерийские полки. Сильно поредевшие в октябрьских боях войсковые части противник пополнял крестьянами, мобилизованными в Харьковской и Курской губерниях. Латышская стрелковая дивизия продолжала энергично преследовать врага, который в ночь на 10 ноября перегруппировал силы и в 9 часов утра перешел на всем фронте Латышской дивизии в контрнаступление, направляя главные удары на район соединения 2-й и 3-й латышской бригад — по направлению к деревне Лубаж. Поддерживаемый кавалерией, противник наступал плотными рядами, и вечером около 8 часов ему удалось выбить советские части с занятых позиций. Но скоро 7-й и 9-й полки 3-й латышской бригады начали энергичное наступление и после упорной борьбы, перешедшей в штыковой бой, заняли Нижний Лубаж и другие деревни, при этом полностью уничтожив 1 белогвардейскую офицерскую роту.

На Южном фронте продолжались упорные бои, которые сильно измотали ударную группу, особенно Латышскую дивизию. Сильно ослабла также XIII армия. 12 ноября Реввоенсовет Южного фронта телеграфировал главнокомандующему, что Латышская дивизия, ведя беспрерывные бои с противником, почти выдохлась в своем наступательном порыве, XIII армия, встречающая серьезное сопротивление противника, успевшего подвести к Курску свежие резервные части, численно слаба, XII армия растянута чрезмерно длинным фронтом. Поэтому Реввоенсовет требовал срочно прислать в его распоряжение не менее двух вполне боеспособных дивизий.

В это же время, когда Южному фронту крайне нужны были подкрепления, Ставка во главе с главнокомандующим С. С. Каменевым

готовила Юго-Восточный фронт к переходу от обороны к наступлению. 10 ноября в директиве Главного командования Юго-Восточному фронту указывается, что его основной задачей остается нанесение удара по противнику через Донские степи. В соответствии с этой установкой Юго-Восточный фронт должен был пополниться и к первой половине декабря принять соответствующую группировку.

Командование и Реввоенсовет Южного фронта обратились в Политбюро ЦК РКП(б) с несколькими заявлениями, в которых указывали, что необходимо отменить старый план наступления и нельзя игнорировать нужды Южного фронта. «14 ноября Политбюро ЦК обсудило заявление членов Реввоенсовета Южного фронта и вынесло постановление поручить Реввоенсовету передать главкому Каменеву от имени правительства [230] политико-экономическую директиву о необходимости взятия Курска и передвижения на Харьков и Донбасс и о соответствующем этой директиве распределении между Южным и Юго-Восточным фронтами подкреплений, снимаемых с Восточного и Туркестанского фронтов»{149}.

Этим постановлением Политбюро ЦК партии окончательно решило вопрос о принятии плана разгрома Деникина, предусматривавшего нанесение главного удара на Курск — Харьков — Донбасс. Получив директиву ЦК партии, Главное командование приступило к переброске на Южный фронт 2 дивизий — 45-й и 52-й.

11 ноября Реввоенсовет Южного фронта решил образовать I конную армию. В состав Реввоенсовета конной армии вошли командующий армией С. М. Буденный и члены — К. Е. Ворошилов и Е. А. Щаденко.

Для быстрейшего разгрома противника командующим XIV армией И. П. Уборевичем был предпринят новый рейд красной конницы в тыл противника в районе станции Льгов. Льгов был железнодорожным узлом, связывавшим Курск, Конотоп, Харьков. Он являлся также базой снабжения Добровольческой армии. Бригаде В. М. Примакова, развернутой к тому времени в 8-ю кавалерийскую дивизию, было приказано развивать удар для захвата Льговского узла. Командующий XIV армией хотел новым рейдом оказать содействие наступлению 41-й и 46-й дивизий.

Ранним утром 14 ноября стрелки 3-й латышской бригады на участке села Солдатское прорвали фронт противника, и при сильной снежной метели бригада червонных казаков совместно с Латышским и 3-м кубанским кавалерийскими полками почти без боя ворвались в район станции Льгов. На следующий день город Льгов и его станцию после упорного боя заняли спешившиеся Латышский и 3-й кубанский кавалерийские полки. Станцию взорвали. В городе взяли в плен около 700 белогвардейцев, захватили много пулеметов. Гарнизон белых перестал существовать, конники целиком овладели городом. Находившийся на

станции поезд командующего Добровольческой армией Май-Маевского едва не был захвачен советскими конниками. Под шрапнельным огнем он скрылся по направлению к Харькову. Дроздовская дивизия оказалась отрезанной от своей армии, зажатой между пехотой и конниками Красной Армии.

Противник не знал о падении Льгова и полагал, что связь с ним нарушена вследствие сильной метели, поэтому посланные им в Льгов эшелоны с боевыми припасами и обмундированием попали в руки красных конников. На помощь белогвардейцам из Курска были отправлены один за другим 3 бронепоезда. Советские конные патрули пропустили бронепоезда до станции Льгов, а затем железнодорожный путь позади них взорвали. Бронепоезда оказались в ловушке. После короткой артиллерийской перестрелки белые их оставили и ушли в курском направлении. В руках Красной Армии оказались как находившиеся на станции, так и 3 прибывших бронепоезда.

За дни рейда, закончившегося к 18 ноября, красные конники уничтожили около 500 и взяли в плен 1700 белогвардейцев, захватили 11 орудий, 50 пулеметов, 5 бронепоездов и 200 вагонов с военным имуществом. [231]

Между Дмитриевым и Льговом советские войска разгромили 2 лучших белогвардейских полка — Дроздовский и Самурский.

Второй рейд красных конников вынудил противника отступить с фатежских позиций. Корниловская и Дроздовская дивизии, ряды которых сильно поредели, поспешно отходили в курском направлении.

В дни рейда в районе села Касторное развернулись ожесточенные бои конного корпуса Буденного и XIII армии с конницей и пехотными полками противника, завершившиеся блестящей победой над деникинцами. К вечеру 15 ноября разгромленные части противника сложили оружие — село Касторное и станцию заняли советские войска. За 2 дня — 15 и 16 ноября — в районе Касторного противник потерял: 4 бронепоезда, 4 танка, 100 пулеметов, 22 орудия, десятки тысяч снарядов, миллионы ружейных патронов, 1000 лошадей и около 3000 солдат и офицеров, сдавшихся в плен{150}.

Разгром группы противника, оборонявшего станцию Касторная, сильно ухудшил положение деникинцев. Противник, опасаясь выхода конников Буденного в тылы деникинских частей, начал массовое отступление на фронтах XIII и XIV советских армий.

Боевые подвиги ударной группы, удачный рейд красной конницы В. М. Примакова, Латышского и Кубанского кавалерийских полков, а также крупные успехи Конного корпуса С. М. Буденного в боях с деникинцами под Касторной вдохновили Красную Армию на дальнейшие подвиги. Она окружила Курск с 3 сторон, и в ночь на 18 ноября части Эстонской и 9-й

стрелковой дивизий и конники В. М. Примакова перешли в атаку, завершившуюся победой советских войск, освобождением Курска от врага. Первыми в город вступили конники В. М. Примакова и 78-й полк 9-й дивизии.

С начала контрнаступления войска Южного фронта продвинулись вперед на 145 км, очистили от противника 4 губернских города — Орел, Воронеж, Чернигов, Курск, 18 уездных городов и сотни других населенных пунктов. В руках Красной Армии оказались железные дороги протяженностью более 1000 км. «Только с 20 октября по 20 ноября войска Южного фронта, по неполным данным, взяли в плен 300 офицеров и 7367 солдат, захватили большие трофеи: 41 орудие, 200 пулеметов, более 10 бронепоездов, 87 бронепаровозов, 2 санитарных поезда и другое имущество»{151}.

20 ноября Латышская стрелковая дивизия получила приказ не отставать от противника, двигаться дальше, наступать на город Обоянь. Латышская стрелковая дивизия и другие части Красной Армии, несмотря на зимний холод, гололедицу, бураны, продолжали с боями двигаться вперед.

Получив пополнения и увеличив состав корниловских ударных рот, противник начал активные действия в районе расположения Латышской стрелковой дивизии, особенно ее флангов. 24 ноября полки 2-й и 3-й латышских бригад упорно боролись за Обоянь и станцию Ржава. После [232] долгой борьбы они в 20 часов 30 минут ворвались в Обоянь. 2-й и 3-й корниловские полки были разбиты и отступали на юг. В боях за Обоянь латышские стрелки взяли в плен около 1000 белогвардейцев. Но противник не был уничтожен, он пополнил свои разбитые войсковые части новыми резервами и продолжал упорно сопротивляться. По данным разведки Латышской стрелковой дивизии, противник в районе Обояни получил значительные пополнения. Каждый из полков Корниловской дивизии пополнился 600 штыков, кроме того, на фронте появилась сформированная деникинцами новая 31-я дивизия. Нужно было готовиться к новым боям. Так как бригада Павлова была исключена из состава ударной группы, руководство решило перегруппировать силы Латышской дивизии, выделить более крепкий резерв и направить в тыл врага червонных казаков.

Закончив перегруппировку сил, Латышская стрелковая дивизия продолжала преследовать противника: 1-я и 3-я бригады — на юге, а 2-я — в районе Обояни, занимая немало деревень и местечек. Продвигаясь от района Обояни на юг, 3-я латышская бригада на линии деревень Вознесенск — Владимировка — Орловка встретилась с противником. Начались упорные бои. В результате наступательных боев 7-го и 9-го латышских полков 30 ноября сопротивление противника было сломлено.

1 декабря разгорелись новые бои. Противник яростно сопротивлялся. Но трехдневные бои существенных результатов не дали. Противник, расположившись на удобных позициях со множеством пулеметов, успешно защищался. Тогда командир 3-й бригады решил атаковать противника ночью. В плане ночной операции было предусмотрено наступление на деревню Сухая Солотина.

Корниловцы, не ожидавшие ночного наступления, легли спать, оставив небольшую охрану. Латышские стрелки по вьюге, в ночной темноте, никем не замеченные, подошли к деревне и ворвались в нее, подняв панику в ротах противника. Стрелки заняли деревню, уничтожили 1-й корниловский полк, взяли 570 пленных, 3 орудия, 5 пулеметов и 50 возов с разным имуществом. После взятия деревни Сухая Солотина противник (которому латышские стрелки уже зашли в тыл), боясь окружения, поспешно отступил, оставляя боевые участки.

В то же время 1-я латышская бригада в районе деревень Красное и Роково разгромила упомянутую 31-ю деникинскую дивизию, взяв несколько сот белогвардейцев в плен.

Чтобы подорвать боевой дух латышских стрелков, деникинцы прибегали к провокациям. Путь своего отступления, по которому их преследовала Латышская дивизия, они усеяли листовками, в которых стрелков призывали бросить оружие, сдаться в плен и вернуться в Латвию, где обещали наделить землей. Листовки деникинцев у стрелков вызывали лишь смех и желание скорее разгромить врага.

4 декабря VIII армия освободила от противника Павловск. В это время Латышская дивизия получила боевое задание вместе с Эстонской дивизией овладеть Белгородом. Латышская дивизия шла с упорными боями на Томаровку, поддерживая связь с Эстонской стрелковой дивизией, [233] которая в то время вела бои левее ее. 7 декабря около 18 часов подразделения 7-го латышского полка ворвались в город. 3-й полк 1-й бригады еще в предыдущие дни занял Белгородско-Сумскую железнодорожную линию. В овраге, неподалеку от Белгорода латышские стрелки нашли около 150 трупов. Это были расстрелянные местные жители, отказавшиеся служить в армии Деникина.

После Белгородской операции силы противника были подорваны. Кроме раненых и убитых были также перебежчики и дезертиры. Тыловые пополнения не могли заметно увеличить количество бойцов. Между тем в оставшихся частях деникинской армии боевая способность сильно упала.

Прибывшие в полевой штаб Латышской стрелковой дивизии командующий XIV армией И. П. Уборевич и член РВС армии Г. К. Орджоникидзе предложили 2-й и 3-й бригадам Латышской стрелковой дивизии спешно наступать на Харьков, а 8-й дивизии (червонных казаков) вместе с приданными ей латышским кавалерийским полком и 1-й

латышской бригадой отправиться в глубокий тыл противника — в район станции Мерефа. Это была весьма рискованная операция, поскольку в глубоком тылу противника можно было встретить крупную деникинскую кавалерию (взятые в плен в первые декабрьские дни деникинцы рассказывали, что на Харьков перебрасывается кавалерия генерала Улагая). Направляясь из деревни Рахитное в район станции Мерефа, рейдовая группа встретилась со 2-й терской кавалерийской дивизией и с приданными ей 3 кавалерийскими полками. В ожесточенном бою деникинцы были наголову разбиты. [234]

Кавалерия противника бежала на Мерефу и Змиев. Преследуя противника, рейдовцы заняли станцию Мерефа, забрали много возов с разным имуществом, тысячи снарядов и другие военные трофеи.

9 декабря части 46-й стрелковой дивизии, которой командовал Р. Эйдеманис, заняли Хологов. Латышская дивизия к этому времени своим центром вышла к селу Веселая Лопань.

Вперед продвинулся правый фланг XIV армии. 41-я стрелковая дивизия заняла город Валки. Полукольцо вокруг Харькова угрожало сомкнуться, поскольку 8-ю кавалерийскую дивизию с Латышским кавалерийским полком и 1-ю латышскую бригаду командование XIV армии двинуло в тыл Харькова — район станции Мерефа.

Противник, отошедший к пределам Украины и Донской области, выровнял фронт и не терял еще надежды остановить наступление Красной Армии, удержать за собой Украину и Донскую область. Но Красная Армия не отставала от противника, мощными ударами она пробила брешь в его новом, выровненном фронте. В то время как части Латышской стрелковой дивизии в наступательном порыве двинулись на Харьков, Конная армия С. М. Буденного от Касторной неудержимо стремилась к югу — к Донецкому бассейну, грозя отрезать «добровольцев» от их союзников — казаков.

10 декабря деникинцы продолжали еще удерживаться на ближайших подступах к Харькову, но Латышская дивизия все ближе подвигалась к городу. Ночью 11 декабря части Латышской дивизии совместно с червонными казаками вступили в предместье Харькова, где их с восторгом встретили рабочие. Харьков был обойден ударной группой с юго-запада, и противник, боясь окружения, отступил в юго-восточном направлении. 12 декабря Харьков был полностью занят ударной группой и очищен от белых. Около 18 часов встреченный бурными приветствиями в Харьков с музыкой вступил 5-й латышский полк. Помощь ударной группе оказали действующие в тылу врага партизанские отряды. Скоро в освобожденный Харьков прибыли командующий XIV армией И. П. Уборевич и Г. К. Орджоникидзе, которые из полевого штаба Латышской стрелковой дивизии поддерживали связь с войсками армии.

12 декабря командующий Южным фронтом А. И. Егоров отдал директиву — XII армии овладеть Киевом; XIV армии занять Полтаву; XIII армии наступать на линии Славянск — Юзово — Ново-Николаевск с целью овладения Донецким бассейном; Конной армии С. М. Буденного стремительным продвижением занять Донбасс, отрезать все пути отхода белых в Донскую область; VIII армии овладеть районом Луганска. (Командование Южного фронта для разгрома противника хотело его силы разбить на 3 обособленные группы.)

16 декабря XII армия вступила в Киев. Далее она должна была преследовать противника в одесском направлении и своим левым флангом дойти до Кременчуга.

После взятия Харькова Латышская стрелковая дивизия продолжала громить деникинцев. 16 декабря она освободила город Чугуев. 18 декабря латышские стрелки наступали по большаку Шубино — Змиев и решительными действиями заняли станцию и город Змиев. Блестящую победу [235] над деникинцами в Харьковском районе одержал 6-й латышский полк. Под командованием Ф. Лабренциса 6-й латышский полк взял в плен 3-й корниловский полк в полном составе и завершил очищение Харьковского района от белогвардейцев. В руки Красной Армии перешли четыре английских орудия, 21 пулемет и много боеприпасов. За эту выдающуюся операцию в 1920 году приказом по XIV армии Фрицис Лабренцис был награжден орденом Красного Знамени, а 6-й латышский полк — вторым Боевым Красным знаменем.

Взятие Харькова, Чугуева и других городов латышскими стрелками было высоко оценено командованием Красной Армии. Реввоенсовет и командующий XIV армией горячо благодарили латышских стрелков и их доблестное руководство за героические подвиги и блестящие успехи в боях. За боевые заслуги в разгроме деникинских войск Латышская стрелковая дивизия была награждена Боевым Красным знаменем ВЦИК. Реввоенсовет Республики решил выдать как красноармейцам, командному составу, так и служащим Латышской дивизии денежную награду в размере месячного оклада жалованья.

Пламенный привет по случаю взятия Харькова прислали латышским стрелкам петроградские рабочие. В знак особой благодарности рабочие Петрограда прислали Латышской дивизии Красное знамя от Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Знамя 27 декабря на параде Латышской дивизии ее командиру Ф. Калныню вручила приехавшая в Харьков делегация петроградских рабочих во главе с уполномоченным Южного фронта М. Л. Павловичем. Вручая знамя, М. Л. Павлович сказал: «Знамя вручается ... героической Латдивизии, которая в тяжелый момент существования Советской республики нанесла

деникинским бандам грозный удар, разгромив наголову Дроздовский, Марковский, Корниловские полки и повернув вспять деникинские банды».

Передавая Красное знамя начальнику дивизии, М. Л. Павлович вручил также грамоту питерского пролетариата следующего содержания: «Красный Питер приветствует доблестную Латдивизию, отличившуюся в непрерывных боях с гидрой контрреволюции, нанесшую первый грозный удар под г. Кромами черным силам царского генерала Деникина, наступавшего на Москву, взявшую города Орел, Кромы, Фатеж, Обоянь, Белгород [236] и Харьков, захватывая при этом целые полки противника с его артиллерией, пулеметами, всем вооружением и снаряжением»{152}.

Трудящиеся Советской России и трудящиеся Латвии радовались победам Красной Армии над Деникиным. Многие отличившиеся в боях стрелки и командиры были награждены орденами и ценными подарками. 7 января 1920 года приказом по Латышской дивизии был объявлен список лиц боевого состава дивизии (51 стрелок и командир), награжденных Реввоенсоветом XIV армии орденами Красного Знамени за совершенные ими подвиги в боях. Ценными подарками — золотыми часами с надписью «От РВС армии» — были награждены начальник Латышской дивизии Ф. Калнынь, начальник штаба дивизии К. Шведе и начальник разведки дивизии А. Иван.

Беспрерывные ожесточенные бои сильно утомили Латышскую стрелковую дивизию и подорвали ее силы. Ее ряды сильно поредели, многие отличные бойцы выбыли из строя. Кроме того, район боевых действий был охвачен эпидемией тифа, которая тоже вырвала из рядов дивизии немало бойцов. Для того чтобы сохранить дивизию как ударную боевую силу, ей нужно было дать отдых. Учитывая это, командир и политотдел Латышской дивизии ходатайствовали перед командованием армии дать дивизии отдых, чтобы вернуть ей былую боеспособность.

С 20 декабря Латышская дивизия была зачислена в армейский резерв, в котором она пробыла до 6 января 1920 года. 1-я бригада сосредоточилась в Харькове, на нее возлагалось несение гарнизонной службы, 2-я бригада — в Змиеве, 3-я — в районе Чугуева.

Занятие Харькова подорвало всю систему обороны противника. Красная Армия, прочно овладев боевой инициативой, продолжала энергично наступать. В то время как ее силы укреплялись, белая армия Деникина слабела, деморализовалась, в ее тылу росло партизанское движение и вспыхивали крестьянские восстания. «Наше тяжелое положение осложнялось еще тем, — писал белогвардейский генерал Врангель, — что в районе Екатеринославской, Полтавской и Харьковской губерний, в тылу армий, повсеместно вспыхивали крестьянские восстания»{153}.

После выхода на рубеж Харьков — Купянск — Дон перед советскими войсками встала весьма важная задача — овладеть Донецким бассейном. Деникин, сосредоточив свои оставшиеся войска на узком участке фронта, оказывал еще значительное сопротивление. Наиболее сильным вражеским соединением была Донская армия, получившая значительное пополнение, но и ее положение с каждым днем ухудшалось.

Бои за Донбасс начались 25 декабря и продолжались до 1 января 1920 года. К 1 января 1920 года Донбасс полностью был очищен от противника. Враг потерял несколько тысяч солдат убитыми и ранеными. Но ему удалось вывести остатки живой силы из Донбасса и отойти к Ростову на линию реки Дон.

Во время боев за Донецкий бассейн советские войска наступали также с севера на деникинцев, оборонявшихся в Царицыне. 3 января части Красной Армии вступили в Царицын. [237]

В наступательном порыве советские войска двинулись вперед и в ночь на 7 января 11-я кавалерийская дивизия I конной армии освободила от врага Таганрог. В тот же день партизаны совместно с частями советской кавалерии после продолжительного боя заняли Новочеркасск. 6 января начались упорные бои за Ростов-на-Дону, в которых приняли участие I конная армия С. М. Буденного и войска XIII армии. Ночью с 8 на 9 января I конная армия С. М. Буденного пошла на штурм города и ворвалась в Ростов-на-Дону. В городе завязался ожесточенный бой, но уже 10 января Ростов-на-Дону был очищен от белогвардейцев.

Блестящими победами под Новочеркасском и Ростовом-на-Дону был завершен решающий этап в борьбе с белогвардейской армией Деникина. Красная Армия вышла на побережье Азовского моря, и деникинские войска окончательно распались на 3 обособленные части. Самая крупная из них, состоявшая из остатков Добровольческого корпуса, Донской и Кавказской армий, отошла на Северный Кавказ. Эта группа имела около 29 тыс. штыков и 25 тыс. сабель. Вторая группа, намного слабее первой, имевшая около 5000 штыков и сабель, под командованием генерала Слащева отходила в Крым, ее преследовала утомленная в боях 46-я стрелковая дивизия. Третья часть, действовавшая на правом берегу Днепра, под командованием генерала Шиллинга отступала к Одессе. [238]

В связи с изменившейся обстановкой и необходимостью изменить операционные направления армий Южного и Юго-Восточного фронтов 10 января 1920 года Южный фронт был переименован в Юго-Западный, а 16 января Юго-Восточный фронт — в Кавказский фронт. Во главе Юго-Западного фронта остался А. И. Егоров. Латышская стрелковая дивизия была оставлена в составе XIV армии, сражавшейся теперь на Юго-Западном фронте. Конная дивизия В. М. Примакова перешла в XIII армию

и тоже входила в состав Юго-Западного фронта. Учитывая удельный вес групп противника, большое значение придавалось кавказской группе.

С середины января на Северном Кавказе развернулись упорные бои, принявшие особенно ожесточенный характер в феврале. Остатки деникинских войск оказывали еще сильное сопротивление наступавшим советским войскам. 21 февраля деникинцы даже ворвались в Ростов-на-Дону. Положение в это время на Кавказском фронте складывалось весьма тревожное. Но скоро ситуация у Ростова-на-Дону изменилась в пользу Красной Армии. Командование Кавказского фронта приложило максимум усилий, чтобы разбить врага. Уже 23 февраля деникинцы были изгнаны из Ростова-на-Дону.

2 марта советские войска освободили Батайск и 17 марта Екатеринодар. Советские войска Кавказского фронта в наступательном порыве приближались к Новороссийску. 26 марта в Новороссийске среди деникинских войск началась паника. С наступлением ночи в городе вспыхнули пожары, по улицам метались табуны лошадей. Войска, стихийно катясь к морю, совершенно забили город. Белогвардейцы торопились попасть на корабли.

27 марта части советских войск вступили в Новороссийск, забрав в плен 22 тыс. солдат и офицеров противника. Часть остатков белогвардейских войск деникинское командование успело перебросить в Крым. В результате блестящих побед, одержанных советскими войсками Кавказского фронта над самой сильной группой противника, Советская власть была восстановлена на территории Кубани, Ставрополя, Дагестана, Черноморья и на Тереке.

На Украине остатки деникинских войск были ликвидированы еще в феврале. В первой половине января войска XIV армии начали в Запорожье наступление на части группы Шиллинга. 17 января 45-я дивизия заняла узловую станцию Апостолово. К 3 февраля войска XIV армии уже освободили Николаев и Херсон и группа Шиллинга в количестве около 7000 солдат и офицеров устремилась к Одессе. Утром 7 февраля начался штурм Одессы, на улицах развернулись ожесточенные бои, завершившиеся полной победой советских войск. 8 февраля Одесса полностью была очищена от противника и группа Шиллинга разгромлена.

Белогвардейцам, отходившим в Крым, удалось сохранить свои основные силы. Их преследовала 46-я стрелковая дивизия, у которой не хватало сил разгромить ее. После переброски из Новороссийска в Крым части сохранившихся деникинских войск на Крымском полуострове собрались значительные силы белогвардейцев и освобождение его осложнилось. Оно было затруднено и тем, что в это время контрреволюционное [239] правительство Польши при непосредственной поддержке Антанты решило напасть на Советскую Россию.

Несмотря на то что не удалось освободить Крым от белогвардейцев, основная задача была выполнена — Красная Армия при поддержке широких масс трудящихся разгромила белую армию Деникина и восстановила в очищенных от деникинцев областях Советскую власть. В этой героической, справедливой борьбе советских народов с международной контрреволюцией, привлекшей внимание всего мира, участвовал и латышский народ в лице своей боевой стрелковой дивизии. В докладе на VII Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин сказал: «...Деникин оказался разбитым в такой момент, когда их (Юденича и Деникина. — *Я. К.)* совместная борьба самым верным, самым быстрым образом привела бы к решению всей борьбы в пользу международного капитализма. Мы выиграли тяжбу с международным империализмом в этом самом серьезном, отчаянном испытании»{154}.

В Латышской стрелковой дивизии, находившейся на отдыхе в районе Харьков — Змиев — Чугуев, значительно активизировала свою работу партийная организация. Со 2 по 4 января 1920 года в Харькове состоялось совещание представителей коммунистических организаций войсковых частей Латышской дивизии. На совещании присутствовали 43 делегата с правом решающего голоса и 5 с совещательным, они представляли 2517 членов партии. На совещании обсуждались весьма актуальные вопросы. Начальник политотдела дивизии К. Поэма сделал отчетный доклад о работе политотдела. Затем делегаты прослушали сообщения о работе в войсковых частях, заслушали и обсудили доклады о текущем моменте, о Всероссийском съезде Советов, о политической, культурной и партийной работе в дивизии, а также о деятельности партизан и Красной Армии.

По обсуждаемым вопросам совещание приняло решения и работу политотдела признало удовлетворительной.

Совещание представителей коммунистических организаций Латышской дивизии имело большое значение для активизации партийно-политической работы. Оно подвело итоги проделанной работы партийных организаций, указало на недостатки и наметило задачи дальнейшей работы.

6 января, после шестнадцатидневного отдыха, Латышская дивизия получила приказ командира XIV армии оставить места отдыха и сконцентрироваться на станции Лозовая, чтобы в качестве армейского резерва следовать за частями 41-й и 45-й дивизий, которые направлялись через Лозовую на Павлоград и Кривой Рог. Позднее, в феврале, дивизия получила приказ оставаться на месте и очистить тыл армии от банд Махно.

Борьбу с бандитизмом Латышской дивизии пришлось вести на огромной территории в Верхнеднепровском — Екатеринославском — Александровском — Цареконстантиновском, Чаплинском — Павлоградском районах, а также в районе Кривой Рог — Софиевка. Борьба

Латышской дивизии [240] с бандитизмом дала хорошие результаты. Многие местности были очищены от махновцев.

Боевые подвиги красных латышских стрелков в 1919 году на Южном фронте говорят о безграничной преданности стрелков революции. В боях на Южном фронте проявлялись замечательные боевые качества латышских стрелков — хладнокровие, дисциплинированность, смелость, находчивость, самоотверженность, беззаветная преданность делу революции. Воспитанные Коммунистической партией, они смело шли в бой с противником, никогда не поддавались панике, всегда соблюдали принципы товарищеской взаимопомощи и пролетарского интернационализма.

Славные победы Латышской дивизии на Южном фронте были одержаны при активном участии в борьбе с противником коммунистов-политработников, комиссаров и других активистов партийной работы. Под руководством Коммунистической партии Красная Армия одержала победу над полчищами контрреволюционеров, разгромила армию Деникина. [241]

Глава VII. **Участие латышских стрелков в разгроме армии Юденича**

1. Обстановка на Северо-Западном фронте осенью 1919 года

В сентябре 1919 года, когда на Южном фронте шли упорные бои, правительства Антанты торопили Северо-Западную армию Юденича с наступлением на Петроград. Петроград представлял огромный интерес для них как с экономической, политической, так и со стратегической точки зрения. Еще в январе 1919 года Юденич в докладе Колчаку писал, что появилась возможность образования нового фронта действий против большевиков — через Финляндию и Балтийские губернии. Этому благоприятствуют хорошо развитая сеть путей сообщения, краткость расстояния до Петрограда и Москвы — двух очагов большевизма. Командующий Северным корпусом белогвардейских войск А. П. Родзянко в воспоминаниях писал, что одной из причин, побудивших его решиться начать наступление на Петроград, было то, что англичане требовали этого наступления, угрожая в случае невыполнения требования прекратить оказание помощи. Кроме того, английский флот обещал свою поддержку во время наступления и собирался занять Кронштадт.

Северный корпус начали формировать еще в октябре 1918 года в Пскове немецкие оккупанты с намерением использовать его для захвата Петрограда. Немцы приступили к формированию корпуса тогда, когда их армия уже начала разлагаться, терять боеспособность. В конце ноября Красная Армия заняла Псков, разбила формирующийся белогвардейский Северный корпус и рассеяла его ряды. Часть белогвардейских формирований перешла в Эстонию и сражалась против Советов бок о бок с эстонскими белогвардейцами.

Части русских белогвардейских формирований на территории Эстонии пополнялись прибывшими из Финляндии и других Скандинавских стран русскими белогвардейцами. На территории буржуазной Эстонии вновь сформировался русский Северный корпус, который летом 1919 года был преобразован в Северо-Западную белогвардейскую армию. С февраля 1919 года южной группой Северного корпуса, а с июня всем корпусом [242] начал командовать полковник А. П. Родзянко — племянник бывшего председателя III и IV Государственных дум, активного контрреволюционера М. В. Родзянко.

Белогвардейский Северный корпус находился под покровительством Антанты, оказывавшей большую помощь Северо-Западной белогвардейской армии. Наряду с вооружением, снаряжением и финансированием Эстонской армии она вооружала и снабжала всем необходимым Северо-Западную армию.

В мае русский белогвардейский Северный корпус перешел границу Эстонии, занял Гдов, Ямбург, а 25 мая отряд Булак-Балаховича вместе с эстонскими белогвардейцами занял Псков. Псков был превращен в базу для дальнейшего наступления.

В захваченных белогвардейцами районах началась кровавая расправа над населением. Особенно усердствовал авантюрист и погромщик Булак-Балахович. В Пскове бандиты его отряда на центральных улицах расстреляли и повесили сотни советских людей — коммунистов, пленных красноармейцев и граждан, заподозренных в сочувствии Советской власти. С такой же жестокостью действовали белогвардейцы в Ямбурге и других захваченных ими местах.

Грабежи, убийства, расстрелы без суда и следствия, массовые аресты — таковы были методы управления белых. В деревне помещики были восстановлены во всех своих правах. Под видом реквизиции хлеба, картофеля и фуража совершались массовые ограбления крестьян.

Империалисты Антанты и США к военному походу против Советской России стремились привлечь и малые прибалтийские буржуазные государства — Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву и Польшу. Прибалтийский вопрос не раз обсуждался на Парижской мирной конференции. Прибалтика, по мнению империалистов, должна была служить ключом для разрешения «русского вопроса» с Запада. Особое внимание Антанта уделяла Финляндии и Эстонии — она вооружала и богато снабжала боевыми припасами, обмундированием и продовольствием их армии.

Буржуазия Прибалтики была согласна принять участие в военном походе против Советской России, но она сомневалась, получат ли государства Прибалтики самостоятельность в случае победы Колчака, Деникина и Юденича, которые и слышать не хотели о самостоятельности

малых наций России. Русские контрреволюционные белоэмигранты и русские генералы стояли за «единую, неделимую Россию». Это означало, что после победы русских генералов повсюду будут водворены старые царские порядки, в Прибалтику возвратятся немецкие бароны и буржуазия будет лишена права на господство в своих странах.

Правительства прибалтийских буржуазных государств маневрироровали, добиваясь от белогвардейских генералов — Колчака, Деникина, Юденича — и Антанты самостоятельности, признания их государств de jure. Нежелание дать им самостоятельность насторожило правительства малых стран. В. И. Ленин писал, «что каждое из этих государств после пережитой империалистической войны не может не колебаться в вопросе о том, есть ли им расчет бороться сейчас против большевиков, [243] когда другим претендентом на власть в России, претендентом, дающим основание считать его союзным, является только Колчак или Деникин, т. е. представители старой империалистической России...»{155}

Колебания буржуазии малых прибалтийских стран не могли не повлиять отрицательно на борьбу Антанты за Петроград. Кроме того, существовали противоречия между буржуазией малых прибалтийских стран и западными империалистическими державами, что, в свою очередь, мешало Антанте мобилизовать силы контрреволюции на борьбу за Петроград. Несмотря на колебания буржуазии малых стран, Антанта уже в мае 1919 года, когда героическая Красная Армия добилась серьезных успехов на Восточном фронте, приступила к осуществлению своего плана наступления на Петроград. Интервенты намеревались «наступлением с запада и северо-востока окружить и захватить Петроград. Действия сухопутных войск должна была поддерживать с моря английская эскадра. Принять участие в военных действиях готовились и белоэстонские части. Правящие круги финской буржуазии, настроенные против Советской России, все же не решались открыто вступить в войну. Они ограничились выступлением «Олонецкой добровольческой армии» и концентрацией регулярных войск на советско-финляндской границе»{156}.

Войска русского белогвардейского Северного корпуса продолжали наступление и 11 июня уже находились на подступах к Петрограду. Чтобы отразить натиск врага и разбить Северо-Западную армию, партия и Советское правительство приняли меры по усилению сухопутных и морских войск, оборонявших Петроград, укреплению тыла, активизации борьбы со шпионажем и контрреволюционными белогвардейскими организациями. 2 мая Совет Обороны, возглавляемый В. И. Лениным, решил объявить Петроградскую, Олонецкую и Череповецкую губернии на осадном положении. 22 мая Центральный Комитет партии опубликовал воззвание «На защиту Петрограда!», в котором указывал, что Петроград

находится под серьезной угрозой и «Питерский фронт становится одним из самых важных фронтов Республики... Петроград должен быть защищен во что бы то ни стало... Теперь вся Советская Россия должна пойти на помощь Петрограду»{157}.

В создавшейся тяжелой обстановке некоторые ответственные работники, в том числе председатель Комитета обороны Петрограда Г. Е. Зиновьев и председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий, предательски решили эвакуировать из Петрограда ряд заводов и потопить Балтийский флот. Совет Обороны отменил эвакуацию. И. Вациетис писал: «Председатель Р. В. Совета Республики Троцкий или от того, что пал духом, или преследуя свои политические цели, дошел до того, что был готов отдать Петроград белым и всеми способами тормозить работу Главного командования по усилению Петроградского фронта»{158}. [244]

Центральный Комитет партии, Совет Обороны и лично В. И. Ленин приложили максимум усилий для мобилизации сил на защиту Петрограда. Ряды VII армии пополнялись мобилизованными на фронт петроградскими коммунистами и рабочими. Несколько полков Красной Армии прибыли на помощь защитникам Петрограда с Восточного фронта. Была раскрыта и разоблачена крупная шпионско-белогвардейская организация «Национальный центр», действовавшая совместно с иностранными разведками, расчищена прифронтовая полоса от шпионов, ликвидированы заговорщические шпионские гнезда в Петрограде.

Быстро был подавлен вспыхнувший 13 июня на фортах Красная Горка, Серая Лошадь и Обручев мятеж, подготовленный агентами Антанты. Уже ночью с 15 на 16 июня мятеж был полностью ликвидирован.

Весь июнь защитники Петрограда героически боролись против наступавших белогвардейских войск, и к началу июля обстановка на фронте изменилась в пользу Красной Армии. В июле и августе VII армия продолжала развивать наступление на всех участках фронта, а 20 августа 10-я дивизия, перешедшая из VII армии в XV, вместе с другими войсковыми частями с боем заняла Псков. В боях за Псков участвовал также 2-й латышский стрелковый полк, входивший в состав XV армии.

Взятие Пскова было серьезным ударом по противнику. Один из активных деятелей белогвардейского Северо-Западного правительства Г. Кирдецов писал: «В воскресенье 28 августа мы получили в Ревеле известие, что пал Псков, единственный большой город Северо-Западной области, занятой нашими войсками, база будущих наступательных операций, центр, в который правительство намеревалось переселиться»{159}.

В ходе летних боев войска белогвардейского Северного корпуса и его союзников несли серьезные потери. От обширного района, захваченного противником во время наступления, в его руках остался лишь небольшой

клочок советской территории (Гдовский уезд и западная часть Лужского уезда Петроградской губернии, Псковский уезд и северо-западная часть Порховского уезда Псковской губернии). Антанте не удалось нанесением удара Петрограду обеспечить успех Колчака. Белогвардейцы как на Восточном фронте, так и под Петроградом в летних боях потерпели поражение.

Не удалось Антанте также направить из Латвии на Петроград немецкие войска генерала фон дер Гольца. После взятия Риги Гольц не выполнил указание Антанты — преследовать отступающие советские войска в направлении Даугавпилса, — а направил свои вооруженные силы вглубь Видземе, в сторону Эстонии. Он намеревался захватить для Германии всю Прибалтику, чтобы потом самостоятельно двинуться на Петроград. Эти далеко идущие планы Германии шли вразрез с намерениями Антанты, особенно Англии, стремившейся подчинить себе Прибалтику. Англия зорко следила за действиями Гольца и направила против его войск, двигавшихся вглубь Видземе, силы эстонских и латышских белогвардейцев.

В июне в районе Цесиса (Вендена) развернулись упорные бои, в результате [245] которых войска Гольца были разбиты. Эстонские и латышские белогвардейские войска при помощи империалистов Антанты гнали немцев обратно к Риге. 3 июля был подписан договор о перемирии, согласно которому германские войска оставили Видземе и разместились в Курземе под Елгавой (Митавой). Представители Антанты и США оставили немецкие войска в Латвии и увеличили их боевую мощь, собираясь еще использовать эти силы в своих агрессивных интересах для наступления на Петроград.

Империалисты Антанты и США, несмотря на поражение белых в летних боях на петроградском фронте, продолжали финансировать, снабжать и снаряжать остатки Северо-Западной армии и войска прибалтийских буржуазных государств, готовя их к новому нападению на Петроград. Белогвардейские войска были заново вооружены и пополнены людьми. В оккупированных уездах была проведена принудительная военная мобилизация населения. Из Англии на британских кораблях в Прибалтику прибыли русские белогвардейские отряды. Еще в июне из состава русских белогвардейских войск, находившихся в Латвии, на петроградский фронт прибыли отборный отряд князя Ливена в составе около 1250 штыков и из Польши — отряд в составе 600 штыков{160}, добровольческий белогвардейский американский отряд и французский легион, переброшенные из Архангельска через Таллин. Белогвардейские полки пополнялись также военной мобилизацией русского населения на эстонской территории, разрешенной буржуазным правительством Эстонии.

Войска Гольца, расположенные в Латвии и предназначенные Антантой и США для наступления на Петроград, пополнялись новыми частями. Из Германии в распоряжение Гольца прибыло значительное число белогвардейцев, завербованных в Германии из русских военнопленных. В середине августа в распоряжении Гольца находилось уже около 6000 русских белогвардейцев, возглавляемых бывшим интендантом царской русской армии, авантюристом и погромщиком П. Бермонтом-Аваловым. Однако Германия все еще не отказывалась от мысли захватить Прибалтику и Гольц втайне готовил поход на Ригу, где находилось латвийское буржуазное правительство. Предвидя сопротивление Антанты и другие трудности, Гольц организовал это наступление под флагом русских белогвардейцев — как поход через Ригу на Северо-Западный фронт и поэтому перевел немецкие войсковые части в состав русских белогвардейских войск Бермонта-Авалова. Таким образом, формально во главе армии Гольца, или Русской западной армии, как ее тогда называли, встал Бермонт-Авалов, фактически же она находилась под полным контролем Гольца и действовала согласно директивам созданного германскими империалистами русского военного политического центра в Берлине. Империалисты Антанты возлагали большие надежды на войска Бермонта-Авалова. 26 августа в Риге в помещении английской миссии состоялось совещание, на котором присутствовали представители английской, французской и американской миссий, военные представители Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, представитель Юденича и Бермонт-Авалов. На [246] совещании, которым руководил английский генерал Марч, обсуждался вопрос о совместных выступлениях против Советской России, которые намечалось начать 15 сентября. Войска Бермонта-Авалова должны были наступать в направлении на Даугавпилс — Великие Луки. Совещание разрешило в составе Русской западной армии оставить немецкие войска, составлявшие ее большинство. В Русской западной армии было около 50 тыс. белогвардейцев.

Как ни старалась Антанта объединить все белогвардейские силы в Прибалтике для совместных одновременных выступлений против Советской России, ей это не удалось. Сколотить блок контрреволюционных сил в Прибалтике она не смогла из-за противоречий между предполагаемыми участниками этого блока.

15 сентября из-за острых разногласий с Польшей не начала военные действия Литва. В этот день военные действия не начало также буржуазное правительство К. Улманиса, опасаясь наступления Бермонта-Авалова на Ригу. Вместо того чтобы двинуть свои силы в направлении Даугавпилса, 8 октября он начал наступление на Ригу.

В августе представитель союзной военной миссии в Прибалтике генерал Марч предложил создать Северо-Западное белогвардейское

правительство. Правительство было создано из реакционных элементов, во главе его стал бывший нефтепромышленник, владелец имения в Финляндии С. Лианозов.

Интервентов очень беспокоили начавшиеся в сентябре 1919 года мирные переговоры между Россией и Эстонией. Советская Россия, уважая суверенитет малых народов и желая жить с ними в дружбе, предложила им заключить с нею мир. В августе мир был предложен Эстонии, в сентябре — Латвии, Литве и Финляндии. Интервенты уговаривали буржуазные правительства прибалтийских стран не заключать мир с Советской Россией, угрожая лишить их денежной и другой помощи. Особенно усердствовали в этом отношении члены белогвардейского Северо-Западного правительства.

Наступлением на Северо-Западном фронте и взятием Петрограда Антанта хотела помочь Деникину захватить Москву. Антанта рассчитывала, что большевики будут вынуждены часть войск Южного фронта перебросить на петроградский фронт, что облегчит поход Деникина на Москву. Победоносный поход на Петроград должен был сорвать и мирные переговоры РСФСР с Эстонией. Таким образом, под воздействием империалистов Антанты Северо-Западная армия Юденича снова двинулась на Петроград.

2. 5-й особый латышский стрелковый полк в боях под Петроградом

К началу готовившегося октябрьского наступления Северо-Западная армия Юденича, по данным генерала Родзянко, состояла из 26 пехотных полков, 2 кавалерийских полков, 2 отдельных батальонов и 1 отряда. Итого в них было 17,8 тыс. штыков, 700 сабель, 57 орудий, 4 бронепоезда, [247] 6 танков и 2 броневика{161}. Пулеметов было около 500, самолетов — 6. В Финском заливе должна была действовать английская эскадра. Общая численность армии Юденича с хозяйственной, медицинской, саперной частями, штабным составом и т. д. была, конечно, гораздо больше. По некоторым другим источникам, она насчитывала 50 тыс. солдат и офицеров.

Силы Северо-Западной белой армии были разбиты на 2 корпуса. 1-м корпусом командовал граф Пален, вторым — генерал Арсеньев. Войска Северо-Западной армии и эстонские войсковые части к началу наступления на Петроград развернулись между Копорским заливом и городом Остров. На нарвском участке фронта, т. е. на петроградском направлении, действовал 1-й корпус — наиболее сильное армейское объединение Северо-Западной армии. В нем было около 13 тыс. штыков, 500 сабель и 50 орудий. На него была возложена задача разбить советскую VII армию и занять Петроград. Начало наступления было назначено на 11 октября. В дальнейшем развитии операции противник усилил части петроградского фронта переброской войск с лужского и гдовского

направлений и в период максимального развития сражений довел их численность до 15 тыс. штыков и 600 сабель. 2-й белогвардейский корпус базировался в Гдове и составлял правый фланг Северо-Западной белогвардейской армии.

Белогвардейское командование планировало стремительное, кратковременное и победоносное наступление. Фронт советской VII армии, охранявшей подступы к Петрограду, оно рассчитывало прорвать с помощью танков и ударных частей. После прорыва белая армия собиралась вихрем пронестись по линии Ямбург — Гатчина, Ямбург — Стрельна и на плечах красных войск ворваться в Петроград.

Затяжка военных операций грозила гибельными последствиями для белой армии. Войска Юденича состояли из белогвардейцев разных национальностей и различного социального положения с весьма низкими моральными качествами, от которых нельзя было ожидать большой стойкости в серьезных боях. В командном составе шла постоянная грызня между Родзянко, Булак-Балаховичем, Юденичем и другими. При этом у Северо-Западной армии не было прочного тыла. Население на небольшой, захваченной белогвардейцами территории было враждебно настроено к белым и с нетерпением ждало прихода Красной Армии и освобождения от ада оккупации.

Комбинированный поход прибалтийских стран на Петроград, который готовила Антанта в сентябре, как уже указывалось, не состоялся. Это создало весьма неблагоприятную обстановку для белогвардейской Северо-Западной армии, и Юденич рассчитывал захватить Петроград только форсированным, кратковременным наступлением.

Против вражеской армии Юденича стояла VII советская армия, в которой перед наступлением белогвардейцев было 24,9 тыс. штыков, 800 сабель, 148 орудий, 6 бронепоездов и 9 броневиков. Ее войска были растянуты на фронте примерно в 600 км. В VII армию в то время [248] входили 4 стрелковые дивизии: 6-я, занимавшая участок от Копорского залива до Ямбурга; 2-я — от Ямбурга по реке Луге до озера Саберского; 19-я — в районе города Луги и южнее; 10-я — в районе Пскова{162}.

Петроград обороняли также гарнизоны Кронштадта, фортов Краснофлотский и Передовой и отряд моряков Балтийского флота. «В момент наибольшей опасности для Петрограда на сухопутный фронт были брошены команды моряков и курсанты училища командного состава флота, всего до 11 тыс. бойцов и командиров»{163}. Петроградский гарнизон состоял из 54-й стрелковой бригады, Башкирской кавалерийской бригады, Тульского крепостного полка и нескольких стрелковых частей.

Состояние VII армии было хуже. Ее части, разбросанные по длинной линии фронта, были малочисленны, не получали пополнения, поскольку пополнения отправлялись на Южный фронт. После летних боев войска

устали. Достаточного внимания не было обращено на политико-просветительную работу среди красноармейцев. Между тем защитники Петрограда и его население переживали огромные продовольственные трудности, не хватало обмундирования, шинелей, обуви.

Тяжелое положение усугублялось еще и тем, что в тылу возобновили деятельность уцелевшие от летних арестов члены контрреволюционного петроградского отделения Национального центра. Их агенты пробрались на ответственные командные должности в VII армию и Балтийский флот. На пост начальника штаба VII армии пролез шпион Лундеквист, на пост командира Ораниенбаумского воздушного дивизиона — шпион Берг. Белогвардейские шпионы снабжали Юденича секретными сведениями об оперативных планах и состоянии VII советской армии и вместе с другими членами Национального центра при приближении белогвардейцев к Петрограду готовили вооруженный мятеж.

Стремясь ослабить и оттянуть часть советских войск от нарвского направления, 2-й корпус армии Юденича еще 28 сентября перешел в наступление на левый фланг VII армии на лужском и псковском направлениях. Противнику удалось прорвать там фронт советских войск, и 10-я и 19-я дивизии после упорных боев вынуждены были отойти на восток, за линию железной дороги Петроград — Псков. Чтобы помочь левому флангу VII армии, ее командование перебросило с ямбургского направления под Псков часть войск и таким образом ослабила правый фланг армии, защищавший Петроград, на что и рассчитывал противник.

10 октября 1-й корпус Северо-Западной армии Юденича перешел в наступление в направлении на Ямбург — Гатчина и после ожесточенных боев овладел Ямбургом. Продолжая развивать наступление, противник особую активность проявил в районе Гатчинского уезда и на лужском участке. Наступающие белогвардейцы встретили упорное сопротивление Красной Армии и трудящегося населения. 3 дня лужские коммунисты и части Красной Армии обороняли Лугу и, оставив ее, продолжали вести упорные бои с противником.

Противник продолжал теснить войска VII армии, дивизии которой [249] откатывались назад в расходящихся направлениях, образуя разрыв между правофланговыми и левофланговыми дивизиями. В связи с образовавшимся широким разрывом между правым и левым флангами VII армии ее командование не могло больше управлять левофланговыми (10-й и 19-й) дивизиями и передало их XV армии.

На многих участках советские войска мужественно сражались с наступавшим противником. Упорные бои развернулись на побережье Финского залива. Противник хотел овладеть фортами Передовой и Краснофлотский, чтобы создать проход английской эскадре к Кронштадту. На побережье Финского залива противник высадил несколько десантов, но

матросы Балтийского флота и красноармейцы отбили атаки противника и прочно удерживали указанные форты.

Теснимые противником, советские войска продолжали отступать. 16 октября враг занял Красное Село и через несколько часов — Гатчину. Штаб VII армии перешел в Петроград. 17 октября к концу дня весь активный фронт VII армии проходил от деревни Гора Валдай до Царской Славянки и находился всего лишь в 15 км от Николаевской железной дороги и на дальний пушечный выстрел от предместья Петрограда (у Горелова).

Но в дальнейшем сопротивление советских войск начало усиливаться, сражения приняли более ожесточенный характер, и только после упорных боев противнику удалось 21 октября занять Павловск, Царскую Славянку и Детское Село. После занятия этих участков противник стремился перерезать Николаевскую и Северную железные дороги, лишить Петроград сообщения с Москвой и северными городами.

Империалисты капиталистических стран и местная буржуазия ликовали. Взятие Петрограда казалось им уже решенным. 16 октября сам Юденич телеграфировал доверенным ему лицам, что Петроград будет взят через несколько дней, конные разъезды белых уже видели золотой купол Исакия. В то же время оставшаяся в Петрограде кучка заговорщиков готовила вооруженный мятеж, который предполагалось начать в момент, когда войска Юденича ворвутся в предместье Петрограда. Захват Петрограда по плану интервентов должен был завершиться погромом в городе, кровавой расправой над местным населением.

Над Петроградом нависла великая опасность. Она была тем более велика, что отдельные руководящие работники — Зиновьев, Троцкий и некоторые другие — не заняли твердую линию в вопросе о защите города и хотели сдать Петроград врагу.

16 октября Троцкий телеграфировал в ЦК РКП(б) о принятом им с Зиновьевым решении открыть врагу ворота Петрограда{164}.

Дальнейшее развитие событий показало, что радость врагов была преждевременной. Наступил определенный перелом в пользу Красной Армии. 16 октября Совет Обороны, возглавляемый В. И. Лениным, предложил удержать Петроград во что бы то ни стало. 19 октября В. И. Ленин обратился к рабочим и красноармейцам Петрограда с призывом [250] отстоять Петроград, биться до последней капли крови{165}. Петроградские рабочие и красноармейцы VII армии дружно откликнулись на призыв В. И. Ленина. Партия, правительство и пролетариат своей непреодолимой волей к победе добились напряжения всех сил и средств для разгрома врага и спасли Петроград. Дружно и быстро прошла мобилизация коммунистов и петроградских рабочих. К Петрограду срочно были переброшены войска не только с Западного, но и с других фронтов. К

29 октября VII армия насчитывала уже 37,3 тыс. штыков, 2057 сабель, 659 пулеметов и 449 орудий, а 11 ноября — 43,4 тыс. штыков, 1336 сабель при 491 орудии, 927 пулеметах, 23 самолетах, 11 бронемашинах и 4 бронепоездах{166}.

На петроградский фронт в срочном порядке был переброшен также 5-й особый латышский полк, который до тех пор находился на Южном фронте. Уже в 1918 году за героическую защиту Казани полк был награжден Почетным революционным Красным знаменем. В августе 1919 года полк по распоряжению главнокомандующего РСФСР срочно отправился на Южный фронт для борьбы с белогвардейской конницей Мамонтова, прорвавшейся в тыл Красной Армии.

Военное командование готовило VII армию к нанесению контрудара противнику. В районе Колпино — Тосно создавалась ударная группа под командованием бывшего командующего VII армией С. Д. Харламова. Командующим VII армией был назначен Л. Н. Надежный. В состав ударной группы С. Д. Харламова вошли: 5-й особый латышский полк, 188-й и 189-й полки и кавалерийский полк 21-й стрелковой дивизии, питерские курсанты и полк московских курсантов. Численность группы достигла 7600 штыков, 531 сабли, 147 пулеметов и 33 орудий{167}.

В 5-м особом латышском полку было 2 батальона, состоящих из 3 рот каждый (всего около 600 штыков), полковая артиллерия, 2 пулеметные команды (начальники их — Я. Берзинь и А. Стангут), команда конных и пеших разведчиков, музыкантская команда, команды связи, саперная, хозяйственная и санитарная части и штаб полка. Всего в полку было около 2000 человек. Командиром полка был Я. Грегор, бывший офицер того же полка (в мирной жизни учитель); комиссаром — Я. Лундер, помощником командира полка — В. Павар, командиром 1-го батальона — Я. Шмит, 2-го батальона — А. Суйтынь, командиром артиллерийской батареи — Г. Бриедис, адъютантом полка — Я. Гесте.

20 октября командование VII армии издало приказ о начале 21 октября решительного наступления. 6-я дивизия должна была остановить противника на фронте Константиновка — Новоселье с конечной целью выйти на линию Рапша — Красное Село, 2-я дивизия — упорно оборонять позиции на линии Туйполе — Шушары, ударная группа Харламова — атаковать противника на участке Детское Село — Вангамыза — полустанок Владимирский с конечной целью выхода на линию Красное Село — Гатчина. Балтийский флот должен был подготовиться, чтобы оказать поддержку [251] 6-й дивизии. XV армии следовало быть готовой к наступлению на фронте Луга — Псков и нанесению ударов по правому флангу Северо-Западной армии.

5-й особый латышский полк прибыл на петроградский фронт на станцию Поповка Октябрьской железной дороги 20 октября. Около 23

часов командир полка получил приказ немедленно перейти в деревню Ям-Ижора и выставить заставы на дорогах, ведущих в Детское Село, Павловск и Федоровский посад. От станции Поповка до Ям-Ижоры было 7 км. Таким образом, 5-му особому латышскому полку пришлось вступить в бой прямо с марша. Оказалось, что деревню Ям-Ижоры противник уже занял с намерением утром 21 октября захватить станцию Поповка и перерезать железнодорожное сообщение между Петроградом и Москвой.

Помощник командира 5-го особого латышского полка В. Павар в своих воспоминаниях о боях на петроградском фронте писал: «На станцию Поповка полк прибыл ночью 20 октября 1919 года и, выгрузившись 21 октября затемно, двинулся навстречу врагу. Были высланы навстречу конные дозоры и организована разведка. С белыми мы столкнулись у большой деревни Ям-Ижора. Враг не рассчитывал встретить здесь войска красных. 1 батальон вражеской пехоты расположился в деревне на ночлег. В тылу у него была река Ижора. 5-й латышский полк, продвигаясь вперед, застал противника врасплох»{168}. В штыковом бою батальон был уничтожен. Лишь немногим удалось перебраться через реку и бежать.

21 октября противник отчаянно сопротивлялся, стремясь удержать занятые рубежи. Части ударной группы Харламова успели занять исходные позиции у Октябрьской железной дороги на фронте протяженностью около 45 км. Исходные позиции петроградских курсантов, 188-го и 189-го полков 21-й стрелковой дивизии находились в Колпино, 5-го особого латышского полка — у станции Поповка, полка московских курсантов — между станциями Поповка и Тосно, кавалерийского полка 21-й стрелковой дивизии — у станции Тосно.

В ходе наступательных действий ударной группы, которые оказались мало удачными на правом и безуспешными на левом фланге, на гатчинском направлении в центре ее образовались силы, решавшие тактические задачи в направлении на Павловск и Детское Село. Центр группы состоял из 5-го особого латышского полка и 188-го и 189-го полков 21-й стрелковой дивизии. Он сыграл важную роль на фронте VII армии.

Скоро противник получил значительные подкрепления. В районе Ям-Ижора — Павловск — Детское Село, т. е. против центра ударной группы Харламова, противник сосредоточил свои лучшие ударные гвардейские части: гвардейский Волынский полк и офицерский добровольческий батальон. Для дальнейшего наступления 5-му особому латышскому полку нужно было переправиться через реку Ижора и выбить противника из занятых им позиций на левом холмистом берегу реки. Но это была весьма трудная задача, которую могли выполнить только [252] закаленные в боях воины. Единственной переправой осенью через полноводную реку в районе боевых действий был небольшой мост, который удерживал за

собой противник. Ночная атака оказалась невозможной, и полк разместился в боевом порядке на правом берегу реки Ижора.

Утром 21 октября артиллерийская батарея 5-го особого латышского полка открыла огонь по пулеметным гнездам противника. Орудия стреляли очень метко. В течение непродолжительного времени благодаря умелому направлению артиллерийского огня командиром батареи Г. Бриедисом все пулеметы противника были сбиты и защитники моста рассеяны. Потом батарея направила огонь на штаб противника и разгромила здание штаба. Руководство войсками белогвардейцев было нарушено. Около 10 часов 30 минут 2-я рота 1-го батальона под прикрытием артиллерийского и ружейного огня бросилась на мост, перебежала его и начала штыковую атаку; после 2-й роты на мост бросилась 1-я рота с командиром 1-го батальона Я. Шмитом и комиссаром полка Я. Лундером, затем и остальные роты. На левом холмистом берегу реки произошел ожесточенный бой, в результате которого белогвардейцы в панике бежали под артиллерийским и пулеметным огнем советских воинов. Противник понес большие потери. Много убитых и раненых белогвардейцев осталось на поле боя, несколько десятков было взято в плен. В руки красноармейцев попали богатые трофеи — пулеметы и другое оружие.

Противник несколько раз пытался перейти в контрнаступление против латышских стрелков, но его атаки были успешно отбиты. В бою за деревню Ям-Ижора и реку Ижора особенно отличились пулеметчики. Стрелки в этих боях проявили высокую стойкость и отвагу. Смертью храбрых пал командир 1-й роты Розитис, который и после ранения оставался в строю.

Член Реввоенсовета VII армии Н. И. Подвойский об этом сражении писал: «В ночь на 21 октября белые со стороны Детского Села и Павловска пошли к Николаевской железной дороге. Но передовые 5-го латышского полка, только что прибывшие на позицию, встретили кровавым боем князя Ливена»{169}. (Ливен командовал белогвардейским отрядом, прибывшим из Латвии.)

Победа латышского полка у Ям-Ижоры имела большое значение для дальнейших сражений с армией Юденича — она положила начало ее гибели, вырвав из рук противника район реки Ижора на участке от деревни Ям-Ижора до деревни Петровщина и создав исходные позиции для будущего наступления. 5-й особый латышский полк помешал войскам Юденича выйти к Октябрьской железной дороге и перерезать путь между Петроградом и Москвой. В связи с победой у Ям-Ижоры Реввоенсовет Западного фронта прислал 5-му особому латышскому полку приветственную телеграмму следующего содержания: «Командиру 5-го

латышского полка. Поздравляю в Вашем лице 5-й латышский полк с первым успехом, выражаю благодарность всем командирам и стрелкам...

Знайте только одно: вперед к победе!»{170} [253]

С честью выполнив боевое задание командования VII армии, 5-й особый латышский полк двинулся дальше в сторону Детского Села и Павловска и с боями занял деревню Войскорево. Вместе с латышскими стрелками преследовали противника бойцы 188-го полка. 22 октября 5-й особый полк вошел в состав 3-й бригады 21-й стрелковой дивизии, занимавшей средний боевой участок группы Харламова. Бригада состояла из 5-го особого латышского полка, 188-го и 189-го стрелковых полков 21-й дивизии и дивизионной артиллерии.

Ночью с 21 на 22 октября противник получил значительные подкрепления на линии Детское Село — Павловск. 3-й бригаде 21-й стрелковой дивизии 22 октября предстояло лобовое наступление на укрепленную позицию противника по ровной и болотистой местности.

22 октября латышский полк получил задание наступать на фольварк Этюп. Фольварк состоял из каменных построек, и противник его сильно укрепил, каждый дом умело использовав для обороны. Латышский полк должен был выбить противника из занятых им укреплений, взять Павловский вокзал и укрепиться в нем. Фольварк Этюп представлял собой весьма удобную исходную позицию для дальнейшего наступления.

Несколько раз латышские стрелки шли в наступление против хорошо вооруженных сил противника, нанося врагу большой урон. Противник упорно сопротивлялся. В это время бойцы 189-го полка недалеко от фольварка вели бои за селение Глинки, что облегчало борьбу латышских стрелков. После упорных боев фольварк был взят.

С утра 23 октября части VII армии продолжали наступление, причем наибольшую активность проявляла группа Харламова. 23 октября она выбила противника из Павловска. В тот же день части ударной группы и 2-я дивизия заняли Детское Село. К вечеру 23 октября центр 1-го корпуса Юденича в районе Детское Село — Павловск был разбит и отброшен. Этот удар противнику нанесли правый фланг и центр ударной группы Харламова. В бою за Павловск особенно отличились латышские стрелки, красноармейцы, командиры и политработники 188-го и 189-го полков. Занятие советскими войсками позиций в районе Детского Села и Павловска сыграло важную роль в дальнейших боях с белогвардейцами. Непосредственная угроза Петрограду была устранена.

В напряженных боях 20—23 октября на ближайших подступах к Петрограду были достигнуты значительные успехи. К утру 24 октября ударная группа Харламова сосредоточилась на фронте Детское Село — Павловск — Лисино. Ее левый фланг получил подкрепления, которые вместе с прежними частями образовали следующие 3 отряда: отряд

Антонова (9-й и 2-й полки), отряд Шаронова (67-й и 214-й полки, 21-й Московский кавалерийский полк, 60-й и 67-й бронепоезда) и отряд Захрамова (Тверской и Павлоградский полки ВЧК){171}.

24 октября 5-й особый латышский полк сосредоточился в деревне Большое Кошелево. Противник понимал, что потерянный им район Павловск — Детское Село является весьма важным стратегическим участком, и срочно перебросил туда войска — с гатчинского участка Семеновский [254] гвардейский полк и танки. Стремясь вернуть потерянные позиции, он готовил контрнаступление с помощью танков. Латышские стрелки получили задание занять сильно укрепленную белыми деревню Поповка и совместно со 188-м и 189-м полками продолжать громить врага. Бои за деревню Поповка были ожесточенными и 24 октября результатов не дали. Утром 25 октября латышский полк снова пошел в атаку. Противник упорно сопротивлялся и к вечеру на широком участке фронта развернул мощное контрнаступление с помощью танков и бронепоездов. Белые возлагали большие надежды на английские танки. Красноармейцы на петроградском фронте впервые встретились с танками, и эти стальные черепахи, двигавшиеся впереди наступательных пехотных частей, действительно в первые минуты вызвали страх и замешательство на отдельных участках фронта. Это дало возможность белогвардейцам в некоторых местах добиться частичных успехов. На левом фланге группы Харламова, в направлении Царской Славянки, 9-й и 21-й полки отступили перед танками и белые подошли почти к Октябрьской железной дороге, до которой оставалось только 3 км. Но в то же время в центре группы, в направлении Катлино — Кошелево — Павловск, 5-й особый латышский полк нанес войскам Юденича серьезное поражение.

Это произошло следующим образом. Командование белых бросило против 5-го латышского полка отборные части пехоты и 2 танка с намерением выбить полк из деревни Большое Кошелево и отбросить за Павловск. Приближающиеся танки сопровождали цепи пехоты. С приближением танков стрелки открыли по пехоте, идущей за танками, пулеметный и ружейный огонь, чтобы отсечь ее от танков, а по танкам артиллерийский огонь. Первый танк, подбитый артиллерией, остановился, из него вылез водитель, чтобы починить машину, но меткая пуля стрелка сразила его. Второй танк под шквальным артиллерийским и пулеметным огнем повернул обратно. Помощник командира полка В. Павар в своих воспоминаниях пишет: «Когда мы — командиры и группа бойцов во главе с командиром и комиссаром полка — приблизились к подбитому танку, то увидели, что у него подбиты гусеницы, увидели убитого водителя танка в английской форме. Этот первый подбитый танк рассеял распространившиеся среди воинов нашего и соседних полков слухи о неуязвимости танков вообще»{172}.

Подбитый латышскими стрелками белогвардейский танк приезжали смотреть представители Петроградского верховного командования. Его отправили в Петроград и выставили на одной из площадей города.

Весть о победе латышских стрелков над танком быстро распространилась по всему фронту, и красноармейцы повсюду начали их уничтожать. По свидетельству штаба Юденича, рабочие отряды, матросские батальоны и курсанты дрались как львы. Они лезли на танки и стойко защищали свои позиции.

Уцелевший белогвардейский танк с пехотой отошел к деревне Большое Катлино, находившейся недалеко от позиций 5-го особого латышского полка. Там танковый дивизион и Семеновский гвардейский полк [255] начали готовиться к новому наступлению. Опытный, способный командир латышского полка Я. Грегор решил, что нельзя дать противнику подготовиться к новому наступлению, и стремительной атакой ударил по нему. Атака удалась блестяще. С дружным «ура!» стрелки бросились на противника, выбили Семеновский полк с тремя танками из деревни Большое Катлино, захватили несколько пулеметов, забрали пленных и восстановили фронт красноармейцев. К сожалению, для дальнейшего преследования врага на широком фронте латышскому полку не хватало сил.

Слава о героических подвигах 5-го особого латышского полка прошла по всему Северо-Западному фронту. Командир 3-й бригады 21-й дивизии в приказе от 28 октября ставил 5-й латышский и 188-й полк в пример остальным воинским частям своей бригады. 5-й особый латышский полк получил много телеграмм с выражением благодарности от высшего командного состава. За мужество и стойкость, проявленные в боях на петроградском фронте, 25 октября ВЦИК РСФСР наградил 5-й особый латышский полк Боевым Красным знаменем. В решении ВЦИК о награждении 5-го особого латышского полка сказано: «В ознаменование исполнения 5-м латышским стрелковым полком своего долга перед социалистическим отечеством в бою против его врагов на петроградском фронте вручает ему от лица Центрального органа Советской Республики Боевое знамя в знак тесной связи полка со всем рабочим классом в его борьбе за торжество коммунизма»{173}.

В 5-м особом латышском полку активно работала парторганизация. 5 членов состояли в партии с 1905 года, 20 — с 1917 года, остальные вступили позже. Члены партии являлись примером дисциплинированности и стойкости в борьбе с врагами, в наступления шли в первых рядах. Командиры и политработники во время боя всегда находились вместе со, стрелками на позициях. Парторганизация полка поддерживала связь с латышской секцией коммунистов при Петроградском комитете РКП(б) .

Секция снабжала стрелков литературой и по мере возможности посылала в латышский полк новых бойцов.

ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленин внимательно следили за ходом боев на петроградском фронте и за успехами латышского полка. Полк [256] нуждался в пополнении, и В. И. Ленин предложил Военному комиссариату Советской Латвии ускорить посылку пополнений.

В то же время, когда латышские стрелки успешно вели бои в районе деревни Большое Кошелево, «части 6-й дивизии, взаимодействуя со 2-й дивизией и группой Харламова, прорвали фронт противника западнее Красного Села и заняли ряд населенных пунктов в тылу Красносельской группировки белых»{174}. Прорыв фронта внес растерянность в ряды белых, и в ночь на 26 октября они поспешно оставили Красное Село. 26 октября красные войска заняли также Царскую Славянку.

Бои 25 и 26 октября показали противнику, что нет надежды на возвращение Детского Села и Павловска. Но белогвардейцы продолжали упорно обороняться, часто переходили в контрнаступление и в некоторых местах им удавалось потеснить красноармейцев. С 26 октября в течение нескольких дней бои на фронте VII армии шли с переменным успехом. Тяжелые бои вспыхнули под Гатчиной. Положение на фронте постепенно стабилизировалось. В это время началось совместное контрнаступление VII и XV армий Западного фронта с целью окружения и уничтожения армии Юденича.

Мужественно боролись моряки Балтийского флота с белогвардейцами на участке форта Красная горка и на подступах к форту Передовой, отбивая многочисленные атаки противника. Даже английским кораблям, обстреливавшим побережье, не удалось отбросить моряков от занятых ими позиций. В октябрьских боях советский Балтийский флот понес тяжелую потерю. В ночь с 20 на 21 октября на вражеских минах взорвались эсминцы «Гавриил», «Свобода» и «Константин». Лишь незначительное число моряков из команд погибших кораблей спаслось на шлюпках.

Армия Юденича, отброшенная от Петрограда в сторону Гатчины, оказалась в весьма невыгодном стратегическом положении. Предвидя возможность разгрома своей армии, Юденич обратился к Антанте с просьбой оказать ему более действенную помощь. Он был особенно заинтересован получить пополнение из Финляндии. Хотя войска Финляндии стояли на границе Советской России и отдельные отряды даже вторглись на ее территорию, а финские порты служили базой для английских военных кораблей, эта страна частично соблюдала нейтралитет и не решалась на широкое открытое выступление против Красной Армии. Для открытого выступления Финляндия требовала признания своей независимости, передачи Финляндии Печенги и части Карелии и покрытия Антантой военных расходов.

Целую неделю в Гельсингфорсе велись переговоры между представителями Юденича и правительством Финляндии. За это время на фронте положение армии Юденича ухудшилось. В связи с этим правительство Финляндии 4 ноября опубликовало официальное заявление о том, что оно вынуждено отказать в посылке регулярной армии в помощь Юденичу. Это мотивировалось тем, что Колчак не признает Финляндию независимым государством, а Франция и Англия отказали ей в помощи. [257]

Как видно, правительства Англии и Франции не хотели больше финансировать и снабжать белогвардейскую Северо-Западную армию, предвидя полный провал кампании Юденича.

28 октября перед VII армией была поставлена задача овладеть Гатчинским узлом. 5-му особому латышскому полку было приказано [258] наступать и занять деревни Яколло, Никезы и далее двигаться в направлении на Норкола — Большая Рубсалова, Иваново — Артиллерийские казармы — ст. Товарная.

Перелом на фронте наступил 31 октября, когда XV армия своей правофланговой частью заняла Лугу, а ее 10-я стрелковая дивизия двинулась на Гдов. Таким образом, в тылу Северо-Западной армии Юденича начала наступать XV армия. 3 ноября армейское командование приказало VII армии перейти в решительное наступление. Ее части атаковали врага на широком фронте, заставив войска Юденича оставить Гатчину и отступить в ямбургском направлении.

1 ноября 1919 года по войскам боевого участка Южной группы VII армии был объявлен приказ о награждении отличившихся в боях за район Ям-Ижора — Детское Село — Павловск и другие места. Командир 5-го особого латышского полка Я. Грегор, комиссар полка Я. Лундер были награждены орденами Красного Знамени и золотыми часами. Золотыми часами были также награждены взводный командир 5-й роты Ф. Шмит, помощник начальника пулеметной команды О. Янсон, помощник командира 1-й роты К. Индриксон, командир взвода Я. Лундберг, командир 2-го батальона А. Суйтынь и др. Многие красноармейцы были награждены серебряными часами.

3. Преследование армии Юденича

Преследование армии Юденича началось 4 ноября наступлением VII армии с востока, а XV — с юга с целью отрезать противнику пути отступления. Но полностью отрезать армии противника путь к эстонской границе не удалось.

6 ноября войсковые части обеих армий сблизились в районе станции Волосово. Противник с большим упорством защищал этот важный железнодорожный узел, но совместными усилиями VII и XV армий

станция Волосово была занята. 7 ноября части XV армии заняли Гдов, взяв в плен более 700 белогвардейцев.

Тяжелые непрерывные бои, большие переходы утомили красноармейцев, они нуждались в отдыхе, но обстановка требовала напряжения всех сил для продолжения наступления. В день второй годовщины Октябрьской революции В. И. Ленин в своем приветствии петроградским рабочим писал: «Войска Юденича разбиты и отступают.

Товарищи рабочие, товарищи красноармейцы! Напрягите все силы! Во что бы ни стало преследуйте отступающие войска, бейте их, не давайте им ни часа, ни минуты отдыха. Теперь больше всего мы можем и должны ударить как можно сильнее, чтобы добить врага»{175}.

Письмо В. И. Ленина вызвало прилив новых сил у рабочих и красноармейцев, натиск на противника усилился. 13 ноября войска XV и VII армий вплотную подошли к Ямбургу и после упорных боев при поддержке бронепоезда «Черноморец» 14 ноября овладели городом, взяв в плен [259] около 600 солдат и офицеров Северо-Западной армии. Среди пленных были и английские офицеры. Член белогвардейского Северо-Западного правительства М. Маргулис писал: «Отступаем, отступаем, отступаем... Вторая годовщина большевиков: как будто за ними правда исторической необходимости, разум подсказывает это, а сдаваться, отказаться от борьбы нет сил»{176}. И поскольку белогвардейцы не отказались от борьбы, Красная Армия продолжала преследовать и громить разбитые части армии Юденича.

23 ноября в Ямбурге состоялся парад войск, на котором отличившимся в боях защитникам Петрограда были вручены ордена Красного Знамени. Ордена Красного Знамени вручили также награжденным 1 ноября защитникам Петрограда из 5-го особого латышского полка. На параде латышскому полку было вручено Боевое Красное знамя, которым полк был награжден 25 октября. Всему личному составу полка было выдано дополнительное месячное жалование.

17 ноября произошла смена командования VII армии. Д. Н. Надежного отозвали в Москву и на его место командующим армии назначили С. И. Одинцова. [260]

Части 3-й бригады 21-й дивизии — 188-й, 189-й, 5-й латышский полки и 3-й башкирский кавалерийский полк с артиллерией — были выделены в ударную группу и направлены на деревни Монастырск, Усть-Черново и Большая Жердянка для удара во фланг и тыл противнику. Латышские стрелки после трехнедельных непрерывных боев прибыли на место назначения в деревню Усть-Черново утром 26 ноября, пройдя около 200 км. Такой значительный маршрут, пройденный войсками после непрерывных боев, можно отнести к разряду форсированных походов, требующих особой выносливости. Деревня Усть-Черново была

расположена на участке южнее Нарвы, у впадения реки Черня в Плюссу, и состояла из десятка домов. Ее только что заняли правофланговые части XV армии. Местность была бездорожная, сплошь покрытая болотами, лесом и кустарниками. Тяжелые условия и суровый климат сильно затрудняли несение службы, изнуряли стрелков и довели численный состав полка до крайне малого количества бойцов. Латышскому полку был назначен участок между VII и XV армиями. Величина участка по фронту составила около 7 км.

Разбитые части армии Юденича отходили к границе Эстонии, многие мобилизованные местные жители разбежались по домам, другие перешли на сторону Красной Армии. Советское командование ставило перед собой задачу полностью разбить армию Юденича и дойти до границы Эстонии. На Нарвском фронте Красная Армия встретилась с большими трудностями. Местность для ведения боевых действий была крайне неудобная, болотистая, непроходимая, между тем позиции, занятые противником у Нарвы, были сильно укреплены. На помощь потрепанной Северо-Западной армии спешили части эстонских белогвардейцев. Перебравшись на территорию Советской России, они укрепились на правом берегу реки Наровы и вместе с остатками армии Юденича упорно оборонялись от наступающей Красной Армии, переходя иногда в контрнаступление.

Несмотря на указанные тяжелые условия, Красная Армия решительно продолжала борьбу с противником. Согласно приказу от 25 ноября войска 3-й бригады должны были перейти в наступление на Нарву, занять линию полумызок Карлово — Долгая Нива — форштадт Ивановский. Мужественно боролись бойцы 3-й бригады. Артиллерийские расчеты латышского полка сражались выше всяких похвал. Почти после каждого выстрела приходилось перекатывать орудия на новые места, так как болотистый грунт не выдерживал отката орудия. В одном бою был подбит бронепоезд противника. Прямым попаданием в вагон командного состава были убиты начальник поезда и его помощник и ранено много командиров.

1 декабря 5-й особый латышский полк в составе 136 штыков при 6 пулеметах сменил 14-й стрелковый полк. Беззаветно преданные революции латышские стрелки, взаимодействуя с другими частями Красной Армии, самоотверженно боролись на нарвском участке, невзирая на крайне тяжелые условия борьбы. На одном этапе боя стрелки вели продолжительные беспрерывные операции и маневры под открытым небом при 12—18°С мороза без достаточной еды, до пояса промокшие в незамерзшей болотной воде. Временами бойцы 3-й бригады с боем приближались [261] к Нарве, но, не получив резервов, снова отходили. По железной дороге из Нарвы каждый день выходил бронепоезд противника и

обстреливал позиции латышских стрелков, расположившихся у деревни Усть-Черново. Деревня Усть-Черново находилась на расстоянии километра от железной дороги. Бороться с бронепоездом было трудно, поскольку полк располагал только батареей легких полевых орудий. Решено было в тылу врага испортить несколько километров железнодорожного полотна и взорвать 2—3 моста. После успешного выполнения саперами и подрывниками латышского полка этой операции бронепоезд противника некоторое время не появлялся.

С 10 декабря центр тяжести нарвской операции был перенесен на фронт XV армии. 14 декабря войска этой армии перешли в стремительное наступление. Латышскому полку нужно было обеспечить успешность наступления на левом боевом участке. Латышские стрелки с приданными им двумя ротами 188-го полка успешно атаковали противника и сбили его с укрепленных позиций. Противник сконцентрировал крупные силы с намерением вернуть утерянные позиции, бой разгорался и принимал ожесточенный характер. [262]

Мужественно боролись советские артиллеристы. Противник ввел в бой большое количество бронемашин и бронепоездов, которые все время обстреливали позиции Красной Армии. В районе расположения 3-й бригады было решено создать объединенную группу артиллерии под командованием командира артиллерийской батареи латышского полка Я. Бриедиса. Эта артиллерийская группа вела сильный огонь по противнику, успешно громила его бронированные машины и прокладывала путь наступающим бойцам. Белогвардейцы оказывали отчаянное сопротивление наступающим советским войскам, открыв сильный огонь тяжелой артиллерии. В море курсировали несколько кораблей противника, которые обстреливали расположение советских войск по побережью в районе Илькино — Фитинка — Куровицы.

В конце декабря командование VII армии подготовило новое, более решительное наступление на Нарву. 29 декабря командир латышского полка получил приказ от командира 3-й бригады назначить 1 батальон с батареей Я. Бриедиса для усиления 189-го полка, с которым латышские стрелки часто вели совместные бои. Из оперативной сводки 30 декабря видно, что в нарвском районе продолжались упорные бои. 30 декабря командующий Западным фронтом, находившийся в это время в Москве в Полевом штабе РВСР, приказал «прекратить наступательную операцию в районе реки Наровы и перейти к обороне на избранных соответственно местным условиям рубежах»{177}. 31 декабря между РСФСР и Эстонией было заключено перемирие. С этого времени нарвскую кампанию следует считать законченной.

После отступления от Ямбурга в штабе Юденича царили паника и полный разброд. Многие генералы, военные чиновники и штабные

офицеры исчезали, тайком бежали за границу. О разброде в командовании армии Юденича свидетельствует хотя бы случай, когда Булак-Балахович арестовал Юденича с целью получить от него колчаковские деньги, — по данным Д. А. Надежного, около 900 тыс. фунтов стерлингов. Офицеры успели посадить Юденича в железнодорожный вагон и провезти порядочное расстояние. Узнав об аресте, эстонцы освободили белого генерала.

Члены правительства Юденича все еще уговаривали эстонцев не заключать с большевиками ни мира, ни перемирия. Но буржуазное правительство Эстонии дало им понять, что Таллин и Эстония не станут базой Северо-Западного правительства, так как это явилось бы бременем для страны, и что эстонцы не верят в Россию Колчака и Деникина.

Заключить мир эстонское буржуазное правительство побудило развернувшееся в Эстонии антивоенное движение, требовавшее прекращения участия Эстонии в войне против Советской России. В городах Эстонии росло стачечное движение, проходили демонстрации. 30—31 августа в Таллине состоялся съезд профсоюзов Эстонии. На съезд прибыли 417 делегатов, представлявших около 40 тыс. организованных рабочих. По вопросу о мире съезд принял резолюцию, требовавшую прекратить интервенцию против Советской России и немедленно начать мирные [263] переговоры. Эстонская буржуазия разогнала съезд и жестоко расправилась с его участниками. Арестованные на съезде 25 видных представителей эстонских рабочих во главе с А. Аннусом — председателем Центрального Совета профсоюзов Эстонии — без всякого суда были убиты под Изборском.

В ноябре вспыхнула всеобщая забастовка таллинских рабочих. Антивоенными настроениями были охвачены также эстонские солдаты под Псковом и в других местах. Некоторые эстонские полки под Псковом отказались идти в наступление.

В страхе перед мощным наступлением Красной Армии, перед растущим антивоенным движением эстонское буржуазное правительство отшатнулось от своего союзника Юденича и 5 декабря начало мирные переговоры с Советской Россией. Начать мирные переговоры заставило его и тяжелое экономическое положение в стране.

Бои на петроградском фронте закончились разгромом Северо-Западной армии Юденича. Остатки ее, перешедшие реку Нарову, по которой проходила советско-эстонская граница, — согласно условиям мирного договора, заключенного между Советской Россией и Эстонией 2 февраля 1920 года, — разоружались и расформировывались эстонскими солдатами, после чего превращались в массу беженцев. Здоровые интернированные солдаты отправлялись на лесные работы. Но еще до расформирования остатков Северо-Западной армии, после заключения 31

декабря 1919 года перемирия между Эстонией и Советской Россией, переход солдат и офицеров армии Юденича на сторону Красной Армии принял массовый характер. По неполным данным, 9 января на фронте VII армии было принято 1257 перебежчиков, 10 января — 1120, а всего до подписания мирного договора — 7611 человек{178}.

Заключение мира между Советской Россией и Эстонией, состоявшееся 2 февраля 1920 года в Тарту (Юрьеве), имело огромное значение, так как пробило глубокую брешь в кольце антисоветской интервенции. Эстония вышла из круга стран, стремившихся вооруженным путем свергнуть Советскую власть в России. В. И. Ленин оценил Тартуский мир как победу, имеющую «гигантское, историческое значение»{179}. Тартуский мирный договор предусматривал также ликвидацию Северо-Западного правительства и немедленный вывод английского флота из Эстонии.

В. И. Ленин, твердо проводивший политику партии, направленную на заключение мира с соседними прибалтийскими странами, указывал на несостоятельность крайне левых взглядов некоторых товарищей в эстонской партийной организации и в РКП(б) , выступавших против заключения мира между Советской Россией и Эстонией. Он дал решительный отпор Троцкому, предложившему после разгрома армии Юденича приказать Красной Армии перейти этнографическую границу Эстонии и продолжать наступление{180}. [264]

Победа Красной Армии под Петроградом осенью 1919 года является одной из ее самых выдающихся побед в гражданской войне. Антанта была лишена возможности нападением на Петроград отвлечь силы Красной Армии с Южного фронта и этим облегчить Деникину захват Москвы. Позорно провалились двухкратные попытки Антанты захватить цитадель революции — Петроград. Несостоятельными оказались все политические, стратегические и тактические положения военного командования Северо-Западной армии. В Петрограде не произошло ни восстаний, ни забастовок рабочих, на которые рассчитывал Юденич. Наоборот, петроградские рабочие стали стеной на защиту Петрограда. В. И. Ленин писал: «Вся история двухлетней беспримерной по трудностям и беспримерной по победам советской борьбы с буржуазией всего мира показала нам со стороны питерских рабочих не только образец исполнения долга, но и образец высочайшего героизма, невиданного в мире революционного энтузиазма и самоотвержения»{181}.

22 января штаб 3-й бригады получил распоряжение главнокомандующего отправить 5-й особый латышский полк в Москву. В прощальном приказе командование 3-й бригады высказало глубокую благодарность всему составу полка за его боевые подвиги. В нем отмечалось: «Где шел 5-й полк, там не было поражений и отступлений, а

был только могучий порыв вперед, который отметал на своем пути все преграды и западни, расставленные белогвардейскими бандами Юденича... На полк выпала почетная и вместе с тем ответственная задача защищать Красный Питер — очаг мировой революции — от налета капиталистических хищников»{182}.

После прибытия в Москву 5-й особый латышский полк должен был укомплектовать свой личный состав. На это ушла весна 1920 года. Полку была доверена охрана штаба Реввоенсовета Республики и правительственных учреждений.

Весной 1920 года все свободные от нарядов стрелки 5-го особого латышского полка во главе с командирами и полковым оркестром вышли на субботник, организованный в помощь железнодорожникам Московско-Казанской железной дороги.

В июне доблестный 5-й особый латышский стрелковый полк в составе около 2000 человек был отправлен из Москвы на Юго-Западный фронт против белогвардейской армии Врангеля, где закончил свой славный героический путь. [265]

Глава VIII. **Латышская стрелковая дивизия на Врангелевском фронте весной и летом 1920 года**

1. Возникновение Врангелевского фронта

С разгромом армий Колчака, Юденича и Деникина главные силы белогвардейской контрреволюции были сломлены. В стране оставались лишь укрывшиеся в Крыму остатки деникинских войск не ликвидированной группы генерала Я. А. Слащева и отдельные, не связанные между собой очаги внутренней контрреволюции. Но В. И. Ленин в начале февраля 1920 года предостерегал, что попытки тех или иных контрреволюционных движений и восстаний более чем вероятны, они будут повторяться{183}. Одним из таких контрреволюционных очагов оказался Крым. Отступив в Крым, белогвардейские войска закрепились на Перекопском и Чонгарском перешейках, соединявших Крымский полуостров с материком. Перешейки вначале не были укреплены, хотя и представляли серьезные естественные препятствия для войск, пытавшихся проникнуть в Крым. На Перекопском перешейке основным препятствием являлся Турецкий вал, воздвигнутый еще несколько веков назад. Высота вала достигала 10 м, перед ним находился ров глубиной 10 м и шириной 45 м. Кроме того, Перекопский перешеек пересекался рядом озер, что составляло дополнительные препятствия для наступающих войск. Слащев надеялся удержаться на перешейках с наличными силами до тех пор, пока контрреволюция в Крыму и на юге России не оправится от понесенного поражения.

9 января 1920 года XIII армия получила приказ овладеть подступами к Крымскому полуострову, а затем через Перекопский и Чонгарский

перешейки ворваться в Крым и освободить его. Эту задачу должны были выполнить 46-я стрелковая и 8-я кавалерийская дивизии, переведенные 12 января из XIV армии в распоряжение XIII армии. Дивизии были сильно истощены предыдущими боями и растянуты на широком [266] фронте от Херсона до Геническа. Начальник 46-й дивизии Роберт Эйдеманис смог выделить для атаки Перекопа 136-ю бригаду. 137-я бригада прикрывала морское побережье справа от Перекопского перешейка до Днепра, а 138-я бригада была направлена для поддержки 8-й кавалерийской дивизии на чонгарском направлении. На перекопском направлении Слащев имел существенный перевес над частями 136-й бригады 46-й дивизии. Поэтому неоднократные попытки советских войск в январе — феврале 1920 года освободить Крым не увенчались успехом. В начале марта к Крымским перешейкам была переброшена Эстонская дивизия.

Эстонская и 46-я стрелковые дивизии, а также 8-я кавалерийская дивизия 8—14 марта предприняли новую попытку ворваться в Крым, но их силы оказались недостаточными. Белогвардейцы к этому времени уже успели значительно усилить свои войска. В марте началась массовая переброска в Крым остатков разбитой на Северном Кавказе деникинской армии.

14 марта Реввоенсовет Юго-Западного фронта сообщил главнокомандующему С. С. Каменеву, что в связи с переброской в Крым остатков Добровольческой армии необходимо сосредоточить значительные резервы для отражения возможных ударов со стороны белогвардейцев{184}. Реввоенсовет просил усилить части XIII армии на перекопском направлении.

В. И. Ленин, предвидя возможную опасность крымского очага в случае, если панская Польша начнет войну против Советской России, расценил отношение главнокомандующего и Реввоенсовета Республики к крымскому театру военных действий как серьезную ошибку. Он предложил немедленно сосредоточить силы против остатков деникинской армии в Крыму, чтобы покончить с ними до выступления Польши. 15 марта 1920 года В. И. Ленин в записке заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому указал, что нужно постановление РВС:

> — «обратить сугубое внимание на явно ***допущенную ошибку*** с Крымом (вовремя не двинули достаточных сил);
> — все усилия направить на исправление ошибки...»{185}

Владимир Ильич потребовал от Реввоенсовета принятия немедленных мер по данному вопросу.

Получив указание В. И. Ленина, главнокомандующий 15 марта 1920 года дал директиву командованию Юго-Западного фронта в кратчайший срок освободить Крым. Реввоенсовету Юго-Западного фронта было

предложено усилить 46-ю, Эстонскую и 8-ю кавалерийскую дивизии, действовавшие на перекопском направлении. Главнокомандующий С. С. Каменев наметил включить в состав Перекопской группы Латышскую стрелковую и 42-ю дивизии.

Командование и Реввоенсовет Юго-Западного фронта 16 марта телеграфировали в Полевой штаб РВСР о том, что Латышская стрелковая и 42-я дивизии заняты на внутреннем фронте борьбой с бандитизмом и [267] не могут быть быстро использованы для выполнения новой боевой задачи. Учитывая реальные возможности, командование и Реввоенсовет фронта решили вначале в Перекопскую группу включить 3-ю и 52-ю дивизии, а также бригаду 29-й дивизии.

В начале 1920 года Латышская стрелковая дивизия имела 3 стрелковые бригады, 1 кавалерийский полк, 3 легких артиллерийских дивизиона, 1 гаубичный и 1 полевой тяжелый дивизионы, инженерные и саперные части. Боевой состав дивизии на 6 января был следующим: командиров 575 человек, штыков 4524, сабель 251 (не считая кавалерийского полка, временно находившегося вне дивизии), пулеметов 117, автоматических винтовок 8, орудий легких 36, тяжелых 5, самолетов 9. Всего людей в бригадах и артиллерийских дивизионах было 13,3 тыс.{186} Кроме того, в различных подразделениях, учреждениях и управлениях дивизии насчитывалось около 2100 человек, в инженерных частях — 950, в батальоне связи — 600, в кавалерийском полку — 700 человек. Общая численность Латышской стрелковой дивизии в начале 1920 года достигала более 17,7 тыс. человек{187}.

Социальный состав дивизии был преимущественно пролетарским: на 85—90% она состояла из городских и сельских рабочих, а также безземельных крестьян. По национальной принадлежности дивизия на 80 — 85% состояла из латышей (на место павших в боях бойцов много латышей прибыло из других красноармейских частей). Остальные бойцы были русские, украинцы, эстонцы, литовцы и представители других национальностей.

Подавляющее большинство личного состава Латышской стрелковой дивизии имели боевой опыт империалистической и гражданской войн, прошли серьезную революционную закалку в борьбе за власть Советов.

Начальником Латышской стрелковой дивизии был Ф. Калнынь, комиссаром — К. Дозитис, начальником штаба — К. Шведе. 1-й бригадой командовал Ф. Риекст, 2-й — А. Фрейберг, а 3-й — К. Стуцка.

Командный состав дивизии был предан Советской власти, закален в огне гражданской войны и обладал богатым боевым опытом. Руководящая роль в политической и боевой жизни Латышской стрелковой дивизии принадлежала коммунистам. В начале января 1920 года в дивизии было свыше 2500 членов партии{188}, что составляло 14% всего состава

стрелков и командиров. Партийные организации работали во всех частях и подразделениях, учреждениях и управлениях дивизии.

В дивизии всей политико-воспитательной, агитационной и культурно-просветительной работой руководил политотдел, начальником которого являлся К. Поэма, его заместителем был Я. Думинь. В составе политотдела работало в разное время от 50 до 80 человек. Комиссаром 1-й бригады являлся В. Озол, 2-й — И. Миезитис (затем Р. Апинис), 3-й бригады — А. Шнука (затем И. Миезитис). [268]

Латышская дивизия находилась на отдыхе немногим более 2 недель. 6 января 1920 года, не закончив необходимого укомплектования, она по приказу командования XIV армии должна была покинуть район Харьков — Змиев — Чугуев и сосредоточиться на станции Лозовая, чтобы следовать за 41-й и 45-й дивизиями, продвигавшимися через Лозовую к Павлограду и далее — в район станции Долинская и Кривого Рога. Командование намеревалось двинуть эти дивизии на освобождение Юго-Западной Украины. По пути следования Латышская дивизия была оставлена в районе станции Долинская и включена в борьбу с махновцами.

В районе Харькова Латышская стрелковая дивизия попала в полосу эпидемии тифа, которая в январе в дивизии уже была в полном разгаре. Ежедневно из строя выбывало больше людей, чем в горячие дни боев. С 6 по 25 января 1920 года в дивизии заболело и выбыло из строя 1200 человек. В последующие месяцы массовое заболевание тифом значительно увеличилось.

В результате эпидемии тифа, продолжавшейся более 3 месяцев, Латышская стрелковая дивизия была сильно ослаблена. С 6 января до 15 марта количество людей в дивизии уменьшилось на 3207 человек{189}. Особенно уменьшилось в полках число штыков и сабель, так как многие переболевшие тифом из-за слабости не могли временно нести строевую службу. В таких тяжелых условиях сильно поредевшие части дивизии должны были совершать новые переходы.

В начале 1920 года, когда основные силы армии Деникина были разбиты, в южных районах Украины свои действия против Советской власти усилили кулацкие банды во главе с Махно. Этот бывший уголовный преступник после Октябрьской революции собрал вокруг себя анархистские элементы и сколотил банду. Он объявил себя «защитником» украинского трудового крестьянства, хотя фактически защищал интересы крупных хозяев. Продолжительное время он применял тактику лавирования в зависимости от военной и политической обстановки на Украине, но всегда оставался врагом Советской власти. Особую активность махновцы проявляли на территории Екатеринославской и Полтавской губерний. Центральные базы махновцев находились в районах села Гуляй-Поле, города Орехов и станции Пологи. Когда главные силы

Деникина были разбиты, махновцы нападали на тылы Красной Армии, обозы, продовольственные отряды, а в отдельных случаях временно захватывали железнодорожные станции и близлежащие города. Махновские отряды были довольно многочисленны, обладали большой маневренностью, и поэтому бороться с ними было трудно. Продолжительное время они отвлекали значительные силы XIII и XIV армий Юго-Западного фронта.

Борьбу против основных сил махновских отрядов в районах Гуляй-Поле и Орехов — Пологи в середине января 1920 года вели Эстонская и 42-я стрелковые дивизии, затем к ним на помощь была переброшена Латышская дивизия.

Боевые операции Латышской стрелковой дивизии против махновцев продолжались с февраля до середины марта. Части дивизии прошли несколько [269] сот километров, ликвидируя банды и реквизируя оружие. Борьбу с бандитами латышские стрелки сочетали с широкой разъяснительной и культурно-массовой работой среди местного населения.

Основная масса крестьян доброжелательно относилась к Красной Армии и оказывала ей поддержку в борьбе с бандами махновцев. Между подавляющим большинством населения и латышскими стрелками установились дружественные отношения. Этому способствовала исключительная революционная дисциплинированность стрелков и командиров Латышской дивизии. Политотдел и партийная организация дивизии строго наблюдали, чтобы не было ни малейшего проявления произвола по отношению к местному населению. Крестьяне на своем опыте убеждались, что Красная Армия является защитником ее интересов.

В результате решительных операций Латышской стрелковой дивизии и других соединений Красной Армии махновским бандам в Екатеринославской и Елизаветградской губерниях был нанесен серьезный удар. Их активность в тылах XIII и XIV армий к весне 1920 года значительно уменьшилась. Это позволило часть сил, занятых на внутреннем фронте, направить на крымский театр военных действий.

20 марта Латышская стрелковая дивизия была передана в полное распоряжение нового командующего XIII армией Я. Пауки. 22 марта она получила приказ к 5 апреля прибыть на подступы к Перекопу и там сосредоточиться, чтобы участвовать в новой атаке Перекопских перешейков. [270]

2. Латышские стрелки в боях против Врангеля в апреле — июле 1920 года

В начале апреля правящие круги Польши, подталкиваемые империалистами Запада, пошли на обострение конфликта с Советской Россией. 7 апреля они прервали мирные переговоры с Советским правительством. Над рабоче-крестьянской республикой нависла военная угроза на ее западных границах. В этих условиях со всей остротой встала

необходимость скорейшей ликвидации крымского очага контрреволюции. 12 апреля главнокомандующий С. С. Каменев отдал Юго-Западному фронту директиву, в которой указывалось, что операция по овладению Крымом в настоящее время является первостепенной, для завершения ее должны быть брошены все силы фронта, в случае крайней необходимости даже за счет временного ослабления польского участка.

В начале апреля верховным главнокомандующим белогвардейскими войсками в Крыму вместо обанкротившегося Деникина был избран барон П. Н. Врангель. В это время на английских судах с Северного Кавказа в Крым переправлялись 35—40 тыс. бывших деникинских солдат и офицеров.

Согласно приказу командующего XIII армией Я. Пауки от 7 апреля 1920 года, в Перекопскую группу советских войск вошли: Латышская и 3-я стрелковые дивизии, 8-я кавалерийская дивизия и группа В. С. Нестеровича (124-я бригада 42-й дивизии, 22-й кавалерийский полк дивизии и 13-я отдельная кавалерийская бригада). Группе придавались 13-й Казанский авиаотряд и 42-й автоброневой отряд. Начальником Перекопской группы назначили Ф. Калныня. На 9 апреля в Перекопской группе XIII армии было: комсостава — 1254 человека, штыков — 5119, сабель — 3341, пулеметов — 375, легких орудий — 74 и тяжелых — 15, всего людей — 19,8 тыс., а также 10 самолетов и бронеотряд{190}.

Точно определить состав врангелевских войск в апреле 1920 года не представляется возможным, так как переправляемые с Северного Кавказа в Крым остатки деникинских войск были в значительной мере деморализованы и их нельзя было пока использовать как организованную вооруженную силу. По свидетельству генерала Слащева, в начале апреля под его командованием на Крымских перешейках было около 5000 штыков и сабель.

13—17 апреля 1920 года Латышская дивизия и ряд других частей XIII армии предприняли настойчивую попытку сломить сопротивление войск генерала Слащева на Перекопском перешейке и ворваться в Крым. Однако, несмотря на героизм бойцов и командиров Красной Армии, эта попытка успеха не имела. Во время боев за Перекоп в апреле Латышская стрелковая дивизия понесла большие потери. Из строя выбыло (убитых, раненых, пропавших без вести, заболевших) 626 штыков, 34 сабли, 88 командиров, а также дивизия потеряла 35 пулеметов. Серьезные потери понесли 3-я стрелковая и 8-я кавалерийская дивизии и отдельные [271] части группы Нестеровича. Всего Перекопская группа с 13 по 16 апреля потеряла 1256 штыков, 594 сабли и 64 пулемета.

Неудача апрельского наступления Перекопской группы XIII армии на Крым, как и всех предыдущих, явилась результатом недооценки Главным командованием Красной Армии опасности со стороны крымского очага

контрреволюции. Директива главнокомандующего от 12 апреля о скорейшей ликвидации остатков деникинской армии в Крыму оказалась не осуществимой наличными силами XIII армии.

Ввиду начавшейся вскоре польской кампании Главное командование Красной Армии вынуждено было временно отказаться от новых наступательных операций на перекопском направлении. Контрреволюция в Крыму тем самым выиграла время для реорганизации своей армии.

Основной задачей Перекопской группы XIII армии после апрельского наступления было прикрывать Северную Таврию от возможного вторжения врангелевских войск.

По указанию командования началось укрепление занимаемых Перекопской группой позиций. В начале мая было закончено сооружение первой линии окопов полного профиля с проволочными заграждениями. [272]

Затишье у Перекопа носило временный характер. Контрреволюция, укрепившаяся в Крыму, с помощью своих хозяев — западных империалистов — лихорадочно готовилась к продолжению вооруженной борьбы против Советской Республики на более широком фронте.

Начавшееся 25 апреля 1920 года нападение панской Польши на Советскую Республику значительно осложнило положение войск XIII армии на крымском театре военных действий. Все внимание Советского правительства и командования вооруженных сил РСФСР теперь сосредоточилось на польском фронте. На этот фронт были брошены основные силы Красной Армии и почти все имеющиеся резервы. В связи с этим активные боевые действия против врангелевцев пришлось временно прекратить.

Выступление панской Польши против Республики Советов дало Врангелю передышку и позволило ему приступить к реорганизации и усилению своей армии при поддержке империалистических кругов Франции, Англии и США.

Политическая и материальная помощь Антанты способствовала быстрой реорганизации армии Врангеля и подготовке ее выступления из Крыма. Антанта, и прежде всего Франция, прилагали все усилия к тому, чтобы было достигнуто военно-политическое единство Врангеля и Польши [273] и согласованы действия их армий. Однако между политикой врангелевцев и панской Польши существовали серьезные разногласия. Были острые противоречия также между великодержавной политикой Врангеля и украинских националистов. Врангель стоял за сохранение единой и неделимой буржуазно-помещичьей России, тогда как польские правящие круги стремились к расширению территории Польши «от моря до моря». Украинские буржуазные националисты надеялись добиться образования своего самостоятельного буржуазного государства. Все это не

позволяло установить полного единства в действиях Польши, Врангеля и украинских националистов. Врангель не возражал против совместных военных действий с польскими войсками, но воздерживался от заключения каких-либо политических соглашений с Польшей.

Реорганизация белогвардейской армии, происходившая усиленными темпами в апреле и мае 1920 года, шла почти беспрепятственно, поскольку в это время и силы и внимание советского командования были отвлечены событиями, происходившими на Польском фронте. Врангелю удалось к началу июня довести численность своих вооруженных сил до 22 тыс. штыков и 4600 сабель.

Против врангелевских войск на фронте Скадовск — Геническ — Кирилловка и далее до Нагайска развернулась советская XIII армия в количестве 12,8 тыс. штыков и сабель (Латышская, 3-я, 52-я, 46-я стрелковые [274] дивизии, 85-я и 124-я стрелковые бригады). В мае в состав XIII армии предполагалось включить прибывшую с Кавказского фронта 15-ю дивизию, но затем она получила приказ направиться на Правобережную Украину.

5 июня расположенная на перекопском направлении группа советских войск состояла из Латышской, 52-й и 3-й стрелковых дивизий и группы Нестеровича (124-я и 85-я стрелковые бригады, 22-й кавалерийский полк 42-й дивизии). В конце мая боевой состав Латышской дивизии был следующим: командиров — 512, штыков — 2644, сабель в эскадронах — 232 и в командах — 228, пулеметов — 85, орудий — 39. Боевой состав дивизии насчитывал около 7600 человек{191}.

Через полтора месяца после апрельских сражений боевой состав Латышской дивизии был восстановлен лишь частично. Дивизия не получила подкрепления в живой силе и вооружении. Боевой состав пополнился лишь за счет вылечившихся в госпиталях после ранений и болезни стрелков и командиров. Латышская дивизия в конце мая занимала участок от северной оконечности Перекопского залива до правого фланга 3-й дивизии, восточнее хутора Спендиаровка. Далее располагались 3-я стрелковая дивизия и группа Нестеровича. В правом фланге Перекопской группы находилась 52-я дивизия, в левом располагалась 42-я дивизия. На сальковском направлении 46-я дивизия, слившаяся с Эстонской дивизией, закрывала в районе станции Сальково выход с Арабатской Стрелки. Северный берег Сиваша прикрывала слабая, растянутая кордоном 124-я бригада 42-й дивизии. За несколько дней до начала боев в район армии прибыла переброшенная походным порядком с Кавказского фронта 2-я кавалерийская дивизия имени Блинова, направленная в резерв в район Ново-Николаевка — Новопокровка — Громовка, где она к 3 июня и сосредоточилась. Положение XIII армии ухудшало еще то, что

махновщина, вновь активизировавшаяся непосредственно в ее тылу, также оттягивала на себя часть советских сил.

Врангель в изложенном в его директиве от 3 июня плане предусматривал высадить 2-й корпус Слащева в районе Мелитополя, чтобы направить его в тыл Перекопской группы советских войск, одновременно ударом 1-го армейского корпуса (Кутепова) и сводного корпуса (Писарева) через перешейки разбить XIII армию и отбросить ее за Днепр.

Начиная наступление, врангелевцы имели примерно двойной перевес в штыках и саблях, а также значительный перевес в броневиках и самолетах. Кроме того, они располагали 12 танками, тогда как советская сторона их совершенно не имела. Особенно большое преимущество врангелевцы имели в кавалерии.

6 июня в 10 часов началась высадка с военных и транспортных судов частей корпуса Слащева в районе южнее Кирилловки. Для обеспечения высадки была занята деревня Ефремовка. Для того чтобы отвлечь внимание советских войск от главного места высадки у Кирилловки, противник на правом фланге Перекопской группы также производил демонстративные десантные операции у поселка Хорлы. [275]

Десант врангелевцев, высадившийся у Кирилловки, после ожесточенного боя против частей 46-й дивизии начал развивать наступление на Мелитополь.

Рано утром 7 июня ожесточенные бои начались на перекопском направлении, где в наступление перешел 1-й армейский корпус генерала Кутепова. В 5 часов утра противник обрушил сильный артиллерийский огонь на позиции 3-й стрелковой дивизии, находившейся левее Латышской дивизии. После артиллерийской подготовки врангелевцы под прикрытием танков и бронемашин двинулись вперед на участок 7-й бригады дивизии и прорвали оборону советских войск. Между правым флангом 3-й дивизии и левым флангом Латышской дивизии образовался разрыв, в который хлынула конница противника.

Затем врангелевцы открыли беглый артиллерийский огонь по Преображенке. Одновременно 6 танков и несколько бронемашин противника [276] подошли к окопам, занятым 1-й латышской бригадой. Танки и бронемашины, прорывая проходы в проволочных заграждениях, двинулись через окопы, ведя сильный огонь в упор по стрелкам. Вслед за ними наступали густые цепи пехоты и несколько кавалерийских сотен врангелевцев. Ввиду внезапности атаки и неподготовленности к бою с таким количеством танков части 1-й латышской бригады, отстреливаясь, начали отходить к Преображенке, которую пришлось оставить. 9-й латышский полк получил приказ прикрыть обнаженный левый фланг дивизии и двинулся вперед на юго-запад от хутора Спендиаровка. Здесь

полк был окружен кавалерией противника, поддержанной броневиками. Сомкнув свои ряды, стрелки полка огнем и штыками мужественно отбивали наседавшие кавалерийские сотни. Но силы были неравны. Из окружения вырвалась лишь небольшая часть 9-го полка. Выполнив до конца свой пролетарский воинский долг, в этом бою погибли 23 командира и 251 стрелок 9-го полка. Среди погибших был известный своим бесстрашием командир полка В. Рундал. После отхода частей латышских бригад из Преображенки в бой вступили артиллеристы Латышской дивизии, которые подбили 4 танка противника и рассеяли атакующие с левого фланга конные сотни противника.

Бой артиллерийской группы Латышской дивизии севернее Преображенки продолжался полтора часа, и только после того, когда 7 самолетов противника забросали ее орудия бомбами, группа оставила свои позиции. Артиллеристы установили орудия на новом месте и снова вступили в бой с кавалерией врангелевцев.

Тем временем врангелевцы крупными силами кавалерии и пехоты при поддержке 2 уцелевших танков и нескольких броневиков продолжали атаковать части Латышской дивизии, обходя их левый фланг. Латышские стрелки оказывали противнику упорное сопротивление и отходили, цепляясь за каждый удобный для обороны рубеж.

Для восстановления положения в контратаку на противника от деревень Адамань и Максимовка были двинуты 155-я и 156-я бригады 52-й дивизии. Их действия слева поддерживали 7-й, 8-й, 1-й и 4-й латышские полки, но контратака успеха не имела. Конница противника около 11 часов фронтальными и фланговыми ударами заставила контратакующую пехоту отойти со значительными потерями.

К полудню 7 июня наступление противника на участке Латышской стрелковой дивизии стало выдыхаться ввиду понесенных им тяжелых потерь в танках, броневиках, кавалерии. К этому времени врангелевцы заняли село Чаплинку, и около 3 часов дня они начали перегруппировку своих сил. Сняв перед участком фронта, занимаемым Латышской дивизией, почти всю кавалерию, противник перебросил ее против позиций, занимаемых 3-й дивизией и группой Нестеровича, чтобы сломить их сопротивление в районе села Перво-Константиновка. Латышские стрелки воспользовались ослаблением противника на своем участке, и в 6 часов вечера части 1-й и 2-й бригад перешли в контратаку на село Чаплинку с северо-запада и заняли его. Вперед продвинулись также части 52-й дивизии Красной Армии.

На левом участке Перекопской группы XIII армии 7 июня события [277] развивались следующим образом. Сломив сопротивление 7-й бригады 3-й дивизии, противник начал развивать успех. На помощь частям 7-й бригады подошла 8-я бригада, которая контрударом потеснила

противника. Однако врангелевцы с новыми силами атаковали части 7-й и 8-й бригад и овладели селом Перво-Константиновка.

Образовавшийся с утра разрыв между 3-й и Латышской стрелковой дивизиями все более увеличивался. Правда, части 3-й дивизии совместно с подошедшей группой Нестеровича контратаковали врангелевцев и снова вернули Перво-Константиновку, которая несколько раз переходила из рук в руки. Однако в результате наступления на перекопском направлении части 1-го армейского корпуса генерала Кутепова достигли известных успехов. Пользуясь большим перевесом, особенно в кавалерии, врангелевцы внезапным ударом сбили части Перекопской группы и продвинулись вперед. Советские войска получили серьезный удар, но не были разбиты. Оправившись от первых неудач, они контратаками сковали наступательный порыв противника и к исходу 7 июня несколько оттеснили его части к югу.

Латышская стрелковая дивизия, принявшая на себя 7 июня наибольший натиск превосходящих сил противника, за день ожесточенных боев потеряла более 1100 человек убитыми и ранеными. Так боевой состав 9-го полка был уничтожен почти полностью. Сильно пострадали 4-й, 5-й и 6-й полки, которые потеряли до половины всех штыков. Такие [278] огромные потери за 1 день боев Латышская дивизия понесла впервые за всю свою боевую историю. Серьезный урон понесли также другие части Перекопской группы XIII армии, особенно 155-я бригада 52-й дивизии и 7-я бригада 3-й дивизии.

Сам неприятель вынужден был признать исключительную стойкость и мужество советских войск, проявленные в этих боях. «Танки и броневики, — писал генерал Врангель впоследствии в своих мемуарах, — двигались впереди наших частей, уничтожая проволочные заграждения. Красные оказывали отчаянное сопротивление. Особенно упорно дрались латышские части. Красные артиллеристы, установив орудия между домами в деревнях Преображенка и Перво-Константиновка, в упор расстреливали танки. Несколько танков было разбито...»{192}

Утром 8 июня части Перекопской группы XIII армии находились на рубежах, занятых ими накануне: 52-я дивизия — 3—4 км южнее Максимовки и Ново-Александровки; Латышская дивизия — севернее Памятника, 1,5 км севернее хутора Спендиаровка и 6—8,5 км юго-восточнее села Чаплинка; 3-я дивизия и группа Нестеровича — несколько южнее и юго-западнее Перво-Константиновки. Тактическое взаимодействие между Латышской и 3-й дивизиями, нарушенное еще с утра 7 июня, не было восстановлено.

Решающие события развернулись 8 июня на левом фланге Перекопской группы, т. е. на участке 3-й дивизии и группы Нестеровича. С утра части вражеской 2-й кавалерийской дивизии генерала Морозова

обходным маневром вышли на правый фланг группы Нестеровича, смяли его и стали быстро продвигаться к деревням Григорьевка и Павловка. Конная группа противника зашла в тыл 3-й дивизии и атаковала ее 7-ю и 8-ю бригады, вынудив их оставить Перво-Константиновку и отступить к Владимировке и далее на восток — к Строгановке. Части 3-й дивизии и группы Нестеровича понесли при этом большие потери и к исходу 8 июня сосредоточились севернее села Строгановка и юго-западнее колонии Аскания-Нова. 9 июня после полудня противник сбил с позиций эту группу советских войск у Аскании-Новы и принудил ее отойти дальше на северо-восток.

В течение всего дня 8 июня Латышская дивизия оставалась на занятых ею рубежах. Левый фланг ее был совершенно обнажен и для его прикрытия выдвинули кавалерийские полки Латышской и 52-й дивизий.

9 июня в 10 часов утра 10 самолетов противника начали усиленную бомбардировку и обстрел Чаплинки, где находились штабы и тыловые части Латышской стрелковой дивизии. После этого кавалерия врангелевцев (1200 сабель) обрушилась на кавалерийские полки Латышской и 52-й дивизий и после ожесточенного боя принудила их отойти на север. Затем плотные ряды конницы противника начали глубокий обход левого фланга Латышской дивизии. Одновременно врангелевцы овладели Чаплинкой. В связи с тем что крупные силы кавалерии противника глубоко прорвались в левый фланг Латышской стрелковой дивизии, ее части по приказу командования около 15 часов 30 минут снялись с занимаемых [279] позиций и начали организованно отходить в северо-западном направлении к Белоцерковке и Малой Маячке.

После полудня противник занял деревню Преображенка.

После ухода из Чаплинки временно исполняющий обязанности командира 3-й бригады Я. Булан, узнав, что в селе остался артиллерийский склад дивизии, вызвал добровольцев для уничтожения его. На операцию отправились боец команды конных разведчиков 8-го полка Р. Чекстер и несколько его товарищей. Пробравшись в занятое врангелевцами село, смельчаки взорвали артиллерийский склад. Р. Чекстер при этом был ранен, но возвратился в свою часть. За совершенный подвиг Р. Чекстер был награжден орденом Красного Знамени. Его товарищи также получили благодарность от командования.

После того как Латышская стрелковая дивизия вечером 9 июня прошла Белоцерковку, противник прекратил преследование. Ночью части дивизии прибыли в Малую Маячку, где остановились и выставили сторожевые охранения. Этот сорокакилометровый отступательный боевой марш дивизии является одной из самых тяжелых операций в ее истории, во время которой стрелки проявили невиданные героизм и мужество.

Измученные летним зноем, голодом и жаждой стрелки отходили в образцовом порядке, без паники, отбиваясь от наседавшего противника.

52-я дивизия 9 июня также начала отходить на север, ведя арьергардные бои с кавалерией противника и поддерживая связь слева с Латышской дивизией; 46-я дивизия в этот день под натиском корпуса генерала Слащева оставила Мелитополь. Остальные части и соединения XIII армии тоже вынуждены были отойти.

Латышская и 52-я дивизии по приказу командования с утра 10 июня направились в район Большой и Малой Каховки, чтобы занять оборону переправы через Днепр. К исходу дня, пройдя около 48 км, они достигли Большой и Малой Каховки, где закрепились.

Вследствие создавшейся угрозы Большой Каховке обозы и тыловые части Латышской стрелковой дивизии начали переправляться на правый берег Днепра. Переправа шла всю ночь с 11 на 12 июня. Противник стремился помешать переправе. Перед участком 7-го латышского полка и 155-й бригады 52-й дивизии появились кавалерия и пехотинцы врангелевцев. Артиллерия противника открыла огонь по Большой Каховке и переправе. Противник с утра 12 июня подтягивал к Большой и Малой Каховке крупные силы, намереваясь внезапным ударом захватить переправу и загнать оставшиеся на левом берегу советские войска в реку. Попытка обороны Каховской переправы силами истощенных и измотанных в предыдущих боях частей могла привести к тяжелым последствиям. Поэтому, по приказу командования, после 11 часов 12 июня начался организованный переход по мосту Латышской и 52-й дивизий.

12 июня врангелевцы овладели Алешками и вышли к Днепру на всем протяжении от Каховки до устья реки. Северо-восточнее Перекопа, между Азовским морем и Днепром, противник после взятия Мелитополя продолжал теснить расстроенные части XIII армии на восток и северо-восток. К вечеру 12 июня 3-я дивизия и группа Нестеровича отошли с [280] боями к Успенскому, а на следующий день — к Новорепьевке и Агайману.

К исходу 14 июня части XIII армии сосредоточились в районе Большой и Малой Белозерки. Корпус Слащева, занявший Мелитополь, стремился фланговым ударом прижать отступающие советские войска к плавням нижнего течения Днепра на том участке, где не было переправ. Однако этого не случилось. Ведя арьергардные бои, XIII армия в условиях трудного отступательного марша вышла из готовившейся для нее ловушки.

23 июня советские войска уже начали контрнаступление южнее Александровска. В это время для их поддержки прибыл дважды краснознаменный 5-й особый латышский полк, который находился в Москве в распоряжении главнокомандующего и РВСР. Он охранял Полевой штаб РВСР и другие военные учреждения. Во время сражений на

петроградском фронте полк понес тяжелые потери и нуждался в серьезном пополнении. В мае — июне 1920 года он был укомплектован и доведен до двухбатальонного состава, имел около 2000 человек, полковую и батальонные пулеметные команды, артиллерийскую батарею, команду конных разведчиков.

1-й батальон полка прибыл на станцию Плавни, расположенную южнее Александровска, 23 июня, когда к ней прорвались бронепоезд, пехота и кавалерия противника. Приданная батальону артиллерийская батарея сразу же открыла огонь по бронепоезду, а батальон развернулся в цепь и отбросил врангелевцев.

5-й особый латышский полк затем принял активное участие в контратаках советских войск на этом направлении. Во время ожесточенных боев полк потерял около 400 человек убитыми и ранеными. В июле полк получил боеспособное пополнение — 250 человек из XV армии (Латышский полк особого назначения) и частично восполнил потери личного состава. Настойчивые контратаки группы войск XIII армии на александровско-ореховском и пологском направлениях в конце июня приостановили наступление врангелевцев. Восточнее Мелитополя противник также остановил свое движение вперед. В конце июня линия фронта шла полукрутом от Азовского моря — восточнее Ногайска — восточнее Большого Токмака — севернее станции Попово и далее — вдоль левого берега Днепра до его устья. На этой линии противник временно закрепился, чтобы укомплектоваться и подтянуть резервы.

Во время июньского наступления Врангель добился значительных тактических успехов — захватил обширную территорию Северной Таврии, но не достиг основной своей цели — разгрома XIII армии. Оправившись от первых ударов, XIII армия в конце июня предприняла первую попытку вырвать инициативу у противника. План командования Юго-Западного фронта и командующего XIII армией Р. Эйдеманиса сводился к следующему. Правобережная группа армии в составе Латышской и 52-й дивизий должна была переправиться через Днепр у Каховки и развить наступление с общим направлением на Перекоп. Группа И. Ф. Федько (3-я и 46-я дивизии, 2 бригады 15-й дивизии и 2 бригады 23-й дивизии) получила задание из района Жеребец — Орехов — Пологи наступать в направлении [281] на Мелитополь. Действия этих 2 групп должны были сковать главные силы противника. Основной ударной силой являлся конный корпус Д. П. Жлобы, только что прибывший с Северного Кавказа. Он состоял из 2 дивизий. Кроме того, ему придали 2-ю конную дивизию им. Блинова и 42-ю стрелковую дивизию.

Группа Д. П. Жлобы должна была разгромить Донской корпус врангелевцев и захватить Мелитополь. Затем предполагалось ее двинуть на

Перекоп. Наступление ударной группы происходило 28 июня — 2 июля и вначале протекало успешно.

Однако к вечеру 2 июля Врангель сосредоточил против ударной группы Д. П. Жлобы 2-ю и 3-ю донские дивизии, части 1-го армейского корпуса (Корниловская, Дроздовская пехотные, 2-я конная и 13-я пехотная дивизии). Всего силы противника достигали 10—11 тыс. штыков и сабель, превосходя вдвое численность советских войск.

Утром 3 июля в районе Клефельд — Александркрон завязался встречный бой конницы Жлобы с 3-й донской дивизией. Вначале советские части имели успех, но вскоре к ним в тыл прорвались крупные силы врангелевцев. В завязавшемся упорном бою корпус Д. П. Жлобы, окруженный со всех сторон, был разбит, потерял значительное число личного состава и материальную часть. Остатки его рассеялись и начали уходить на восток и северо-восток.

Противник, развязав себе руки на участке конного корпуса Д. П. Жлобы, снова бросил основные свои силы против группы советских войск на александровском направлении и оттеснил их к реке Янчекрак.

Для содействия левобережной группе и отвлечения резервов противника правобережная группа XIII армии должна была форсировать Днепр в районе Берислава и колонии Львово и затем развить наступательные операции в направлении Перекопа.

После переправы 12 июня через Днепр части Латышской стрелковой дивизии до 14 июня охраняли участок реки от Берислава до колонии Клостендорф, затем заняли участок от села Перетовка до села Марьевское, расположенного в 30 км западнее Никополя. Правее Латышской стрелковой дивизии находилась 52-я дивизия. Во время охраны правого берега Днепра (12—29 июня) эти советские соединения приводили себя в порядок, пополнялись и отдыхали. Всего в личном составе Латышской дивизии, не считая кавалерийского полка, был 8281 человек. Начальником дивизии с 25 июня по 20 июля вместо Ф. Калныня был назначен Я. Лацис, затем его сменил К. Стуцка. Комиссаром дивизии с 24 июня по 23 июля являлся А. Бутков, затем на его место был назначен Р. Апинис. Начальником политотдела с 5 июля стал К. Пратниек.

Согласно директиве командующего XIII армией, начальник правобережной группы Ю. В. Саблин в своем приказе Латышской и 52-й дивизиям поставил следующие задачи: 52-я дивизия с приданной ей 1-й латышской бригадой в ночь с 30 июня на 1 июля должна была форсировать Днепр у Берислава, занять Большую и Малую Каховку и развить дальнейшее наступление в южном направлении; 2-й латышской бригаде к вечеру 29 июня следовало сосредоточиться в Отраде-Каменке и Казацкой [282] и в ночь с 30 июня на 1 июля форсировать на лодках Днепр напротив Казацкой, после чего наступать на Малую Каховку и хутор Терны; 3-я

латышская бригада с приданным ей кавалерийским полком 52-й дивизии получила задание к вечеру 29 июня сосредоточиться в районе Николаевка — Ольговка — Львово и 1 июля на рассвете форсировать Днепр 2 пехотными полками и кавалерийским полком 52-й дивизии против колонии Львово и 1 полком у Николаевки с переправой на восточную окраину хутора Британы.

Против частей правобережной группы XIII армии находилась 1-я кавалерийская дивизия генерала Барбовича. В районе села Дмитриевка в резерве располагалась пострадавшая во время перекопских боев Марковская дивизия. Северо-западнее от Каховки левый берег Днепра прикрывала отдельная туземная кавалерийская бригада.

В количественном отношении силы были примерно равными, но врангелевцы располагали многочисленной конницей, тогда как советские войска имели лишь 1 кавалерийский полк.

К вечеру 29 июня части правобережной группы XIII армии заняли исходное положение для наступления. Для форсирования Днепра в места переправ были стянуты все имевшиеся у населения исправные лодки. У колонии Львово под руководством военного инженера Латышской дивизии Э. А. Корина из понтонов было построено 2 парома с буксирной тягой.

Операции по форсированию Днепра в течение 1 июля развернулись в общем согласно намеченному плану. 4-й полк под командованием Я. Апиниса к 3 часам переправился через реку против колонии Львово. Через час за ним последовал 5-й полк. Около 6 часов головная рота 4-го полка, сбив неприятельскую заставу у речки Гнилуша, стремительным броском овладела Корсунским монастырем. Противник в панике бежал, побросав повозки с патронами и обмундированием. 4-й полк, продолжая наступление, около 7 часов занял деревню Алисовка, затем повернул фронтом на юг. 5-й полк совместно с командой конных разведчиков 4-го полка в 11 часов атаковал деревню Британы и занял ее. Для обеспечения переправы у Корсунского монастыря была оставлена 1 рота 5-го полка.

Кавалерийский полк 52-й дивизии, закончив переправу, был брошен для преследования противника в направлении на Большие Маячки. Части 3-й латышской бригады закончили переправу около 9 часов и начали продвигаться в юго-западном направлении. 155-я и 146-я бригады 52-й дивизии форсировали реку к 8 часам и вступили в бой за Малую Каховку.

К полудню противник, сгруппировав против 3-й латышской бригады пехоту и эскадрон конницы, перешел в контратаку при поддержке артиллерии. Под его давлением 7-й и 8-й полки стали отходить к переправе. Так как лодок для всех не хватало, многие стрелки бросились вплавь через реку. Часть 7-го полка отошла к Британам, а часть 8-го переправилась через реку Конка на плавни. Большинство подразделений 3-

й бригады переправились на остров посреди Днепра и завязали с противником огневой бой. [283]

С отступлением 7-го и 8-го полков врангелевцы стянули против левого фланга 2-й латышской бригады крупные силы кавалерии и пехоты. В 16 часов они атаковали 5-й полк, который после упорного боя вынужден был оставить Британы. В отходящую цепь стрелков врезалась кавалерия, которая, однако, была отброшена назад при поддержке подошедшего из Алисовки 4-го полка. Одновременно с контратакой на Британы врангелевцы выбили из хутора Перекрестов кавалерийский полк 52-й дивизии.

К исходу дня 1 июля 2-я латышская бригада закрепилась на захваченном плацдарме в районе Корсунского монастыря.

Во время боя у Корсунского монастыря 1 июля отличился комиссар 2-й бригады Я. Элферт. Он неизменно был в передовой цепи стрелков на самых трудных участках, несколько раз водил бойцов в атаку. Во время одного боя на передней линии у стрелков кончились патроны, а противник продолжал свои атаки. Тогда Я. Элферт с несколькими бойцами под огнем врангелевцев доставил патроны. За боевую доблесть и бесстрашие в бою у Корсунского монастыря комиссар 2-й бригады был награжден орденом Красного Знамени.

В районе южнее Берислава 155-я бригада 52-й дивизии к вечеру овладела Большой Каховкой, а части 1-й латышской бригады — хутором Терны, отбив ряд контратак противника.

В целях закрепления достигнутого успеха командование произвело некоторую перегруппировку сил. 6-й латышский стрелковый полк получил приказ перейти из Николаевки в колонию Львово. 3-я бригада была переведена с острова в Берислав и поступила в распоряжение начальника левобережной группы XIII армии Ю. В. Саблина.

После произведенной перегруппировки части 2-й латышской бригады под командованием Ф. Лабренциса 2 июля перешли в наступление и продвинулись вперед на 6—7 км южнее Корсунского монастыря. Кавалерийский полк 52-й дивизии участвовал в преследовании отступающего противника.

В районе Большой Каховки противник сгруппировал около 4 кавалерийских полков. Действуя в конном и пешем строю, он утром 2 июля перешел в контрнаступление и занял Терны и Большую Каховку, оттеснив оттуда к Малой Каховке части 1-й латышской бригады и 155-ю бригаду.

3 июля бои в районе Каховки и Корсунского монастыря развернулись с новой силой. В районе Малой Каховки противник ввел в бой переброшенную из Дмитриевки пополненную Марковскую дивизию и с утра оттеснил 1-ю латышскую и 155-ю бригады на правый берег Днепра.

Таким образом, у советских войск остался один плацдарм в районе Корсунского монастыря. Корсунский плацдарм сильно беспокоил командование врангелевцев, которое стало бросать против него все новые и новые силы. В 16 часов противник силой в 600 штыков и сабель обрушился на правый фланг 6-го полка с целью прорваться к переправе. Но расчеты врангелевцев не оправдались. 6-й полк, несмотря на явное превосходство противника и значительные потери, отбил все атаки и только к вечеру после окончания боя, чтобы не отрываться от переправ, занял [284] новые позиции в 6—7 км южнее Корсунского монастыря. На остальных участках корсунского плацдарма 3 июля положение осталось без перемен.

4 июля части 52-й дивизии и 1-й и 3-й латышских бригад предприняли снова попытку переправиться через Днепр в районе Берислава и овладеть Малой и Большой Каховкой, но под давлением противника отошли на правый берег. Командование левобережной группы XIII армии решило тогда временно отказаться от дальнейших попыток форсировать Днепр в районе Берислава и, не теряя времени, перебросить основные силы на корсунский плацдарм. 4 июля началась переброска 1-й и 3-й латышских бригад, а также 156-й бригады 52-й дивизии в район колонии Львово, откуда должна была начаться переправа на левый берег Днепра.

Противник также часть сил из района Каховки перебросил к Корсунскому монастырю. Командир 2-й бригады Ф. Лабренцис оттянул выдвинутые вперед части бригады. 5-й полк из района Британ был переброшен на правый участок плацдарма и занял позиции в 2 км юго-западнее Корсунского монастыря, а 4-й полк — в Алисовке. Кавалерийский полк 52-й дивизии был переведен в Британы с заданием вести разведку в направлении Малой Каховки.

С наступлением сумерек 4 июля перегруппировка была закончена. Около 22 часов на всем участке 2-й бригады разгорелся ожесточенный бой, который продолжался до 2 часов 5 июля. Противник крупными силами пехоты и кавалерии при поддержке артиллерии предпринимал многократные атаки, пытаясь сломить сопротивление 6-го и 4-го полков, но каждый раз с большими потерями откатывался назад.

В течение 5 июля врангелевцы, понесшие тяжелые потери, активности больше не проявляли. Днем части 1-й и 3-й латышских бригад, а также 156-й бригады 52-й дивизии закончили переправу на левый берег Днепра и сконцентрировались на корсунском плацдарме.

Противник в ночь с 5 на 6 июля пытался вновь наступать на участке, занимаемом 4-м полком у Алисовки, но его трехкратные атаки успеха не имели.

На 6 июля намечалось наступление всех частей корсунского плацдарма под общим командованием Я. Лациса. Однако неудача,

постигшая левобережную группу XIII армии (разгром конного корпуса Д. П. Жлобы и неудача наступательных операций группы И. Ф. Федько), меняла всю обстановку. Наступление было отменено, и советские войска, расположенные на корсунском плацдарме, получили приказ с утра 7 июля начать переправу на правый берег Днепра.

Вечером 6 и на рассвете 7 июля врангелевцы предприняли несколько попыток атаковать части 1-й и 2-й латышских бригад, но с потерями были отброшены в исходное положение. 7 июля противник больше активности не проявлял. Это позволило частям Латышской и 52-й дивизий беспрепятственно переправиться через Днепр. Последней к 12 часам переправилась 3-я латышская бригада, и только через 3 часа противник обнаружил, что на плацдарме уже никого нет. После этого врангелевцы заняли Корсунский монастырь и открыли оттуда запоздалый артиллерийский огонь по последним уходящим лодкам. [285]

Таким образом, семидневные бои правобережной группы XIII армии в районе Каховки и Корсунского монастыря закончились отступлением советских войск к исходным позициям. Противник достиг успеха в районе Каховки, но не смог отбросить части Латышской дивизии с корсунского плацдарма. Лишь в связи с общей обстановкой на фронте XIII армии командование левобережной группы временно отказалось от продолжения наступательных операций в этом районе.

Латышская стрелковая дивизия во время недельных боев не знала отдыха. Нельзя не отметить доблесть, проявленную в боях у Корсунского монастыря частями 2-й бригады и прежде всего 4-м и 6-м полками, вынесшими на своих плечах основную тяжесть обороны корсунского плацдарма. Следует упомянуть умелые и инициативные действия командиров этих полков — Я. Апиниса и И. Лодена. Героем борьбы за корсунский плацдарм являлся бесстрашный командир 2-й бригады Ф. Лабренцис.

Потери Латышской дивизии с 1 по 6 июля составили 472 человека, или более 24% наличного состава бойцов. С отходом Латышской дивизии на правый берег Днепра ее части приняли охрану побережья от колонии Львово до Шлангендорфа, оставаясь на этом участке до 7 августа, когда начался новый этап борьбы в Северной Таврии.

Вскоре после этой операции — 10 июля — командующим XIII армией [286] назначили И. П. Уборевича вместо исполнявшего обязанности командующего армией Р. Эйдеманиса.

Добившись известного стратегического и ряда тактических успехов, Врангель, однако, потерпел крупную неудачу на политическом фронте. Попытка вновь поднять восстание на Дону не удалась. Высаженный для этой цели 9 августа десант между Мариуполем и Таганрогом в количестве 800 человек под командованием полковника Назарова был вскоре рассеян

на Дону, в районе станции Константиновская, и уничтожен советскими войсками. При этом донское казачество проявило явную пассивность.

В конце июля врангелевцы попытались расширить свой плацдарм в Северной Таврии на ореховском направлении. 25 июля крупные силы пехоты и кавалерии обрушились на стык 3-й и 15-й советских дивизий. После ожесточенного боя противник прорвал фронт восточнее Яковлевки. Затем атаковал сводную бригаду под командованием Булочкина, находившуюся в 4 км восточнее и юго-восточнее Щербаковки. Эта бригада в середине июля была сформирована на базе 124-й бригады, и в ее состав вошли 5-й особый латышский, венгерский и русский полки. Сводная бригада должна была 27 июля перейти в наступление совместно с созданной 16 июля II конной армией. Но противник опередил советские войска и нанес удар первым. 25 июля после 15 часов сводная бригада была обойдена слева, а затем — справа. Вечером 25 июля врангелевцы атаковали сводную бригаду с фронта. Разгорелся ожесточенный бой, но все атаки противника были отбиты.

Ночью с 25 на 26 июля 1 из полков сводной бригады вышел из окружения. На месте остались 5-й особый латышский и венгерский полки.

С утра 26 июля бой в степи разгорелся с новой силой. Латышские стрелки и венгры отбивали одну атаку за другой. Сражение то и дело переходило в рукопашные схватки. Кавалерия противника полностью окружила оставшиеся полки. Не имея артиллерии (батарея 5-го особого латышского полка была временно откомандирована от части), бойцы успешно отбивались от наседавшего со всех сторон противника, нанося ему огромные потери. Днем 26 июля окруженные полки попытались вырваться из кольца. Но было уже поздно. Силы окруженных частей оказались недостаточными, чтобы пробиться через боевые ряды противника. Завязался последний решительный бой. Латышские стрелки и венгры стояли насмерть. Сомкнув ряды, они отбивали атаку за атакой. Наконец конница противника ворвалась в расположение полков. Началась последняя отчаянная рукопашная схватка. Вместе с уходящим днем бой окончился. Дважды краснознаменный, овеянный легендарной славой 5-й особый латышский полк погиб. Вместе с ним погиб и венгерский полк, выполнив до конца свой интернациональный пролетарский долг. В руки противника попало около 200 израненных бойцов 5-го особого латышского и венгерского полков. Примерно половина из них были латышские стрелки, остальные венгры и русские.

Врангелевцы питали злобу к латышским стрелкам и венграм за их необыкновенную стойкость и решили с ними жестоко расправиться. Пленных выстроили и приказали выйти вперед латышам, командирам, [287] коммунистам и венграм. Среди пленных не нашлось предателей, которые выдали бы своих товарищей. Тогда врангелевцы сами выделили

около 80 человек, в основном латышей, и расстреляли их. Кровавую расправу над остальными пленными прервало распоряжение высшего врангелевского командования отправить пленных в белогвардейский тыл. Врангель хотел похвастаться перед представителями Антанты, посетившими его штаб, своими успехами, чтобы выклянчить у них новые займы. Врангелевцы не знали, что среди оставшихся в живых пленных находятся командир 5-го особого латышского полка В. Павар и комиссар полка Я. Лундер. Ночью, когда пленных гнали по степи, чтобы отправить их в Крым, Я. Лундер при помощи товарищей скрылся и возвратился к своим. В. Павару и другим стрелкам пришлось пройти через все муки плена. Их освободила Красная Армия в ноябре в Севастополе.

Из 5-го особого латышского полка 26 июля в живых остались 14 бойцов, сохранились полковая батарея, хозяйственная часть, музыкантская команда, канцелярия. Стрелкам удалось сберечь оба Почетных Красных знамени ВЦИК. Через месяц остатки полка влились в состав Латышской стрелковой дивизии.

Героическое сопротивление сводной бригады помогло сорвать план наступления врангелевцев в сторону Донбасса. Вскоре продвижение противника на ореховском направлении было приостановлено. Свой первоначальный успех в Северной Таврии Врангель не закрепил. В конце июля наступательный порыв его войск начал спадать.

Оправившись от тяжелых ударов, нанесенных противником в июне, XIII армия начала упорную борьбу за инициативу в Северной Таврии. Для Латышской стрелковой дивизии, как и для других соединений и частей XIII армии, июньские и июльские бои 1920 года в Северной Таврии явились тяжелым испытанием. Советские войска понесли большие потери и вынуждены были отступить под напором превосходящих сил противника. Латышские стрелки в этих боях, как и прежде, проявили стойкость и героизм. Их не надломили временные неудачи. Отойдя с тяжелыми боями за Днепр, Латышская дивизия сохранила свою боевую силу. В июньских и июльских боях против врангелевцев ярко проявились пролетарская закалка латышских стрелков, их верность пролетарскому интернационализму и Советской власти. [288]

Глава IX. **Латышские стрелки в боях за освобождение Северной Таврии и Крыма (август — ноябрь 1920 года)**

1. Латышская дивизия в боях за создание каховского плацдарма

Успехи врангелевской армии в Северной Таврии в июне и июле показали, что крымский очаг контрреволюции представляет серьезную опасность для страны Советов. 10 июля ЦК партии в своем письме «Всем организациям РКП(б) » заострил внимание на борьбе с Врангелем. «Партия, — говорилось в письме, — должна понять, что, если Врангелю удались его первые шаги, то только и исключительно потому, что партия

не обратила на крымский гнойник достаточного внимания и не срезала его единым и решительным ударом. Центральный Комитет призывает все партийные организации и всех членов партии, все профессиональные союзы и все вообще рабочие организации поставить на очередь дня и немедленно принять меры к усилению борьбы с Врангелем. В ближайшие дни внимание партии должно быть сосредоточено на Крымском фронте! Мобилизованные товарищи, добровольцы должны направляться на юг. Каждому рабочему, красноармейцу должно быть разъяснено, что победа над Польшей невозможна без победы над Врангелем. Последний оплот генеральской контрреволюции должен быть уничтожен!»{193}

Главное командование Красной Армии в июле 1920 года решило на крымский участок Юго-Западного фронта направить 1-ю, 9-ю, 23-ю и 51-ю стрелковые дивизии, 9-ю кавалерийскую дивизию, добровольческую сибирскую бригаду, бригаду курсантов, 2 бригады и несколько мелких подразделений из Запасной армии, 7 бронеотрядов, 1 истребительный авиационный дивизион и 2 разведывательных авиационных отряда. В. И. Ленин в телеграмме Э. М. Склянскому дал указание Реввоенсовету Республики следить за переброской советских войск на Крымский фронт{194}.

16 июля была создана II конная армия, в которую вошли 4 кавалерийские дивизии. Командующим армией стал О. И. Городовиков. [289]

К 1 августа численность XIII армии (командующий И. П. Уборевич) была доведена до 57,1 тыс. штыков, 1497 сабель и 247 орудий{195}.. В состав правобережной группы армии входили Латышская стрелковая, 52-я и 15-я дивизии (прибыли в район Берислава 4 августа). Латышская дивизия к началу августа почти восстановила свою мощь и имела до 4000 штыков и сабель, 56 пулеметов, 21 легкое орудие, 8 тяжелых и полутяжелых орудий. В дивизии было 2 кавалерийских полка, причем 2-й полк сформировался в июле 1920 года (командир и комиссар А. Шнука). В июле в дивизию возвратился из левобережной группы. XIII армии 1-й конный полк под командованием Я. Кришьяниса.

К Бериславу со станции Апостолово направлялась также 51-я стрелковая дивизия (начальник В. К. Блюхер).

В левобережную группу XIII армии входили 3-я, 42-я и 46-я стрелковые дивизии. Оперативно с ней была связана II конная армия, насчитывавшая 2770 сабель и 25 орудий. В 51-й дивизии, которая в начале августа должна была прибыть в Берислав, было 9787 штыков, 182 пулемета и 24 орудия. Эти силы противостояли армии Врангеля, в которой в то время насчитывалось 41,4 тыс. штыков, 14,9 тыс. сабель и 241 орудие.

Силы противника сгруппировались следующим образом: против правобережной группы располагались 2-й корпус генерала Я. А. Слащева и

3-я туземная кавалерийская бригада. Прочие силы Врангеля были расположены на других участках фронта, причем главная масса конницы (конный корпус Барбовича — 6000 сабель и 1000 штыков) в начале августа находилась во фронтовом резерве в районе села Серогозы.

Численно советские войска имели превосходство в пехоте и артиллерии, но у врангелевцев было солидное превосходство в коннице. Это облегчало им маневрирование по внутренним операционным линиям под прикрытием Днепра. Быстрота маневрирования советских войск стеснялась отсутствием достаточного количества конницы и развитой ветви железных дорог в нужных для оперативных перебросок направлениях.

Пользуясь численным перевесом своей правобережной группы над корпусом Слащева, командование XIII армии решило ударить по каховскому направлению, чтобы выйти к Перекопу и отрезать противника от Крыма. Командующим правобережной группой XIII армии был назначен Р. Эйдеманис. Одновременно предусматривалось развить наступление и на ореховском направлении. План наступления советских войск в Северной Таврии был утвержден ЦК РКП(б) .

Учитывая необходимость скорейшего разгрома Врангеля, Политбюро ЦК РКП(б) 2 августа приняло решение о создании самостоятельного Южного фронта (10 января 1920 года Южный фронт был разделен на Юго-Восточный и Юго-Западный, а 20 января Юго-Восточный фронт переименован в Кавказский). По решению Политбюро была объявлена также мобилизация коммунистов на врангелевский фронт. За короткое время туда отправились свыше 950 коммунистов, которые, явившись в действующие части, значительно повысили их боеспособность. [290]

В начале августа войска левобережной группы, отбив настойчивые атаки врангелевцев на ореховском и александровском направлениях, перешли к активным боевым действиям. 4 августа был взят обратно Александровск, 6 августа — Орехов и Пологи.

Командование правобережной группы весьма тщательно готовилось к выполнению возложенной на него задачи. Втайне от противника была создана мощная ударная группировка, организована разведка и подробно разработан план переправы через Днепр в месте, где река достигала до 600 м ширины при глубине более 10,5 м.

В результате всей этой подготовительной работы командование правобережной группы к концу дня 6 августа на фронте от устья речки Ингулец до колонии Клостендорф включительно (общим протяжением 48 км) развернуло 13 тыс. штыков и сабель при 220 пулеметах, 71 легком, тяжелом и полутяжелом орудии.

Наступление правобережной группы решено было начать, не дожидаясь конца сосредоточения 51-й стрелковой дивизии в Бериславе.

Перед началом наступления Латышской стрелковой дивизии за боевые подвиги на Южном фронте в борьбе с армией Деникина и в Бериславе было вручено Революционное Красное знамя ВЦИК{196}.

Прибывшая в правобережную группу из Екатеринослава 15-я дивизия к утру 5 августа расположилась на участке Днепра от села Тягинка до села Казацкая, сменив части 1-й и 3-й латышских бригад. После смены обе бригады сосредоточились в районе Берислава и Казацкой. В то же время 2-я бригада на участке Берислав — Клостендорф была сменена 52-й дивизией и также переведена в Берислав.

Военные инженеры обеих дивизий З. А. Корин и Недзвецкий возглавили подготовку всех переправочных средств.

Днем 6 августа начальник Латышской стрелковой дивизии К. Стуцка на созванном совещании командиров бригад ознакомил последних с планом форсирования Днепра, указав каждой части свое место и задачу. Боевой приказ по дивизии был получен штабами бригад в 24 часа того же дня. Начало операции назначалось на 3 часа 7 августа. Согласно приказу, Латышская дивизия должна была форсировать Днепр у Берислава и захватить на его левом берегу Малую и Большую Каховку. 15-я дивизия получила приказ форсировать Днепр у колонии Львово и после занятия Корсунского монастыря наступать в общем направлении на Перекоп. 52-я дивизия имела задачу к утру 7 августа сосредоточиться в районе Берислава.

Первыми в ночь с 6 на 7 августа на лодках через Днепр переплыли разведчики 3-го латышского полка, затем стрелки 2-й роты того же полка. Бесшумно высадившись на противоположном берегу, стрелки бросились на заставы врангелевцев. После короткой схватки заставы были отброшены. Тем временем советская артиллерия открыла огонь с правого берега. В воздух взвилась зеленая ракета и началась высадка других подразделений 3-го полка, а также 1-го и 2-го полков. Затем 2-й латышский [291] полк под командованием О. Лациса совместно с 1-м и 3-м полками ворвался в Малую Каховку, которая была занята в 11 часов.

3-й полк, перейдя Конку, продолжал быстро продвигаться вперед в южном направлении. Части противника в беспорядке отступали на Черненьку.

5-й и 6-й полки, начавшие в 4 часа переправу через Днепр в районе разрушенного Каховского моста, были обнаружены противником. Последний открыл по переправляющимся частям сильный огонь. Передовые подразделения этих полков форсировали Днепр лишь около 7 часов, когда 1-й полк 1-й бригады, продвигаясь вверх по левому берегу реки, сбил сторожевые заставы у разрушенного Каховского моста и тем самым обеспечил переправу частей 2-й латышской стрелковой бригады.

После переправы через Днепр 5-й и 6-й полки стремительными действиями сбили упорно оборонявшегося противника и к 9 часам вышли к реке Конка, захватив 4 исправных пулемета и пленных.

В 12 часов 5-й полк после мощной артиллерийской подготовки бериславской артиллерийской группы сбил противника с возвышенностей, тянувшихся вдоль левого берега Конки, после чего совместно с 6-м полком овладел Большой Каховкой. Противник был отброшен к Любимовке. К 16 часам Латышская дивизия свою задачу выполнила. Малая и Большая Каховка были взяты и на левом берегу Днепра захвачен плацдарм.

Уже в 5 часов инженерные подразделения Латышской и 52-й дивизий начали возводить понтонный мост через Днепр. Несмотря на интенсивный ружейно-пулеметный огонь противника, мост был воздвигнут за два с половиной часа. В 8 часов 30 минут через мост стали переправляться другие части Латышской дивизии, сначала пехота и кавалерия, затем артиллерия.

15-я дивизия, переправившаяся 7 августа через Днепр у колонии Львово, сначала захватила Корсунский монастырь, но затем не выдержала натиска 34-й дивизии противника и к вечеру того же дня отошла частью на правый берег, а частью (44-я бригада) к Британам, понеся при этом тяжелые потери. В бою героически погибли начальник дивизии П. А. Солодухин, начальник артиллерии А. В. Зубков и несколько командиров и политработников.

52-я дивизия, переброшенная к вечеру 7 августа на левый берег Днепра, получила задание повести наступление в южном направлении. Части дивизии встретили у большака Каховка — Перекоп упорное сопротивление врангелевцев.

8 августа командующий правобережной группой XIII армии Р. Эйдеманис приказал частям Латышской и 52-й дивизий развивать наступление от каховского плацдарма.

3-я латышская бригада к утру 9 августа с боем выдвинулась на линию южнее Британ. 44-я бригада 15-й дивизии, ободренная прибытием 3-й латышской бригады, перешла в наступление и вновь выбила противника из Корсунского монастыря.

1-й и 3-й полки 1-й латышской бригады, ломая сопротивление [292] противника, к вечеру 9 августа вышли к Черненьке и на рассвете следующего дня овладели ею.

9 августа в 12 часов противник, нащупав разрыв между левым флангом 1-й латышской бригады и правым флангом 154-й бригады 52-й дивизии в районе Каменного Колодца, двинул в этот прорыв кавалерию и начал обходить 154-ю бригаду. Части бригады, не выдержав натиска, отступили в северном направлении, правее шоссе Каховка — Чаплинка. Для ликвидации прорыва был двинут из хутора Цукур 7-й латышский полк

под командованием А. Вирсиса, который ударил противнику во фланг. Конница противника, не выдержав стремительного удара 7-го латышского полка, рассеялась и отошла на юг и юго-восток.

В течение 10 августа части Латышской, 52-й и 15-й дивизий вновь продвинулись вперед. 3-я латышская бригада, наступая из района Британ, выдвинулась к вечеру на 8—10 км южнее Черненьки. 2-я бригада продвигалась с боями в юго-восточном направлении — на хутор Балтазаровский. 6-й полк к исходу 10 августа подошел к этому хутору и атаковал его, но противник со свежими силами нанес контрудар. Хутор удалось занять на рассвете следующего дня.

44-я бригада 15-й дивизии 10 августа заняла хутор Марьяновский, а 155-я бригада 52-й дивизии — село Натальино.

Советское командование предвидело, что Врангель скоро двинет под Каховку подкрепления и попытается сбросить советские войска в Днепр. Поэтому оно отдало приказ спешно воздвигнуть на каховском плацдарме укрепления, которые полукругом тянулись бы от хутора Круглое к хутору Терны и дальше до Любимовки. Работы продолжались несколько дней и ночей. Руководили ими военные инженеры Д. М. Карбышев, З. А. Корин и Недзвецкий.

10 августа на каховский плацдарм прибыла свежая 51-я дивизия под командованием В. К. Блюхера, которая значительно усилила войска правобережной группы. К этому времени врангелевцы отбили наступление левобережной группы XIII армии и укрепили свое положение на александровском и ореховском направлениях. Утомленные предыдущими оборонительными и наступательными боями, войска левобережной группы вынуждены были временно отказаться от продолжения активных боевых действий. Этим воспользовалось врангелевское командование и 10 августа начало перебрасывать из района Нижние Серогозы — Веселое конный корпус генерала Барбовича и другие резервы. Противник намеревался ударить во фланг войскам правобережной группы, отрезать их от переправы на Днепре и уничтожить.

Военные летчики 13-го Казанского авиационного отряда Ю. Крекис и Н. И. Золотов 10 августа в 10 часов обнаружили движение по дороге из села Веселое в сторону Каховки огромной колонны противника, состоявшей из кавалерии, артиллерии и обозов. Возвратившись на базу, летчики немедленно донесли командованию о передвижении противника. Командующий правобережной группой Р. Эйдеманис принял правильное решение — оттянуть под прикрытием арьергардов главные силы за укрепления плацдарма, там встретить противника сосредоточенным огнем и [293] отбросить его назад. Военные летчики Ю. Крекис и Н. И. Золотов за доставку ценных разведывательных сведений о противнике были награждены орденом Красного Знамени.

11 августа по Латышской дивизии был отдан приказ, согласно которому 1-я и 3-я бригады должны были отойти от достигнутых рубежей к каховским укреплениям и занять там позиции. Левее следовало встать частям 52-й дивизии. Справа 15-й дивизии было дано задание главными силами занять выдвинутые вперед рубежи по линии Большая Маячка — Черненька.

2-я латышская бригада получила приказ прикрывать отход 1-й и 3-й бригад, выставить сильные заставы по линии в 5 км восточнее [294] хуторов Балтазаровка и Черная Долина. После отхода 1-й и 3-й бригад. на каховские позиции ей также следовало в ночь с 11 на 12 августа отступить к хутору Терны.

Подошедшая 51-я дивизия заняла основные позиции каховского плацдарма по линии Днепр — Терны — Любимовка.

К вечеру 11 августа передовые кавалерийские части противника появились уже западнее линии Дмитриевка — Антоновка. Воздушной разведкой было установлено, что в этом районе противник сосредоточивает до 2000 сабель.

В таких условиях командование правобережной группы 12 августа отдало дополнительное распоряжение, согласно которому 44-я бригада 15-й дивизии должна была продолжать преследование противника в общем направлении на Чаплинку. 2-я латышская бригада, оставленная в районе Черненька — Черная Долина для прикрытия остальных 2 бригад, должна была сосредоточить 2 полка в 4—5 км юго-восточнее хутора Куликовская, а полк выдвинуть на линию Черная Долина — хутор Тельников. Тем временем противник сконцентрировал крупные силы кавалерии на флангах 44-й и 2-й латышских бригад и готовился нанести, им концентрированный удар.

К утру 12 августа 1-я и 3-я латышские бригады, а также 52-я дивизия сосредоточились на указанных им позициях на внешней линии обороны каховского плацдарма и начали окапываться.

В 9 часов врангелевская кавалерия при поддержке бронемашины атаковала 5-й латышский полк в районе Черной Долины. Это было началом серьезной операции против 2-й латышской бригады.

4-й полк, выступив из Черненьки, около 12 часов достиг района в 3 км южнее Каменного Колодца и находился у большака Каховка — Чаплинка, восточнее Черненьки. 6-й полк в то же время подходил к Каменному Колодцу, но внезапно был атакован кавалерией противника и одной бронемашиной и оттеснен к хутору Куликовская. Одновременно» врангелевцы начали атаку советских войск на каховском плацдарме. В 15 часов значительные силы кавалерии, поддержанные четырьмя бронемашинами, атаковали левый фланг 1-й латышской бригады, но после ожесточенного боя были отбиты. Около 17 часов части 52-й дивизии не

выдержали натиска и начали отходить к основным оборонительным позициям.

Несмотря на яростные атаки, на каховском плацдарме противник в этот день существенного успеха не имел, если не считать того, что левый фланг 1-й латышской бригады отошел на 1, 5 км и в некоторых местах на основные позиции отступили части 52-й дивизии.

Однако на участке 2-й латышской бригады и 44-й бригады 15-й дивизии противник достиг значительных успехов.

Командир 4-го полка Н. Андерсон решил продолжать выполнение данной ему задачи — выдвинуться с полком на линию Тельников — Черная Долина. Это ему не удалось, так как по выходе полка к большаку с фронта и с флангов появились усиленные разъезды кавалерии противника. Около 17 часов противник двинул против 4-го полка кавалерийскую группу численностью до 400—500 сабель при 1 батарее и бронемашине. [295] После боя 4-й полк стал отходить в северном направлении. В 19 часов 30 минут, после целого ряда безуспешных фронтальных атак, врангелевцы обошли левый фланг полка, а затем кольцо вокруг него сомкнулось. Стрелки держались до последнего патрона, нанося противнику огромные потери. Отчаянная рукопашная борьба продолжалась и после того, как ряды стрелков смешались с врангелевскими всадниками. Остатки полка — около 120—150 израненных и измученных стрелков — были захвачены в плен, загнаны на скотный двор и расстреляны из пулемета.

Совершив свое гнусное дело, один из офицеров, руководивший расстрелом, скомандовал: «Кто еще жив, вставай!» Тогда из-под груды трупов поднялись 2 уцелевших, которых палачи «помиловали» и отправили в Черненьку. Один из них, стрелок 3-й роты Э. Полло, по пути бежал. В бою погибли или были расстреляны стрелки и командиры 1-й, 2-й, 3-й и 5-й рот, пулеметной команды, команд конных разведчиков и саперов, всего 259 человек. Так на боевом посту погиб один из прославленных латышских полков, прошедший большой и славный путь по дорогам гражданской войны.

12 августа 15-я дивизия, выдвинутая сильно вперед, была также атакована крупными силами противника. В результате боя 44-я бригада оказалась почти полностью уничтоженной. Потеряна была также почти вся материальная часть и артиллерия. Остатки 15-й дивизии 13 августа у Корсунского монастыря переправились через Днепр.

13 и 14 августа яростные атаки конного корпуса Барбовича (до 4500 сабель) и 2-го корпуса Слащева против Латышской, 52-й и 51-й дивизий продолжались. Советские войска, укрывшись за передней линией окопов каховского плацдарма, успешно отражали натиск врангелевцев. Особенно упорные бои происходили у хуторов Терны и Каменный Колодец.

Попытки конницы и бронемашин прорваться через расположения советских войск несколько раз отбивались артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем. 14 августа в бою успешно действовали советские бронемашины, рассеявшие атакующие колонны врангелевцев.

Тяжелый бой с превосходящими силами конницы и бронемашинами противника вели стрелки 1-го латышского полка под хутором Цукур. В результате боев 13—14 августа противнику удалось овладеть лишь первой линией полевых окопов временного характера. На участке 2-й и 3-й латышских бригад врангелевцы продвинулись всего на 1,5—2 км, но это стоило им огромных усилий и потерь.

Утеря внешней оборонительной линии могла иметь далеко идущие отрицательные последствия. Линия располагалась на цепи холмов, имевших господствующее положение по отношению к главной оборонительной линии. Под прикрытием этих холмов противник мог скрытно производить перегруппировку. Поэтому командование правобережной группы, XIII армии приказало 15 августа снова овладеть утерянными позициями. В операции участвовали 51-я, Латышская и 52-я дивизии Красной Армии.

Противник, снявший с мелитопольского направления крупные силы, в течение ряда дней был прикован к каховскому плацдарму и не имел успеха. [296]

Между тем левобережная группа XIII армии снова перешла к активным боевым действиям и нанесла противнику ряд сильных ударов. Опасаясь за судьбу мелитопольского направления, Врангель 17 августа снял с каховского участка значительную часть своей кавалерии и снова начал переброску ее на восток. 17 и 18 августа авиаразведка зафиксировала передвижение из района Черная Долина на юго-восток крупных кавалерийских частей противника.

Во время бесплодных атак каховского плацдарма конница Барбовича понесла огромные потери и получила такой моральный надлом, от которого она уже не оправилась. 15 августа генерал Слащев, вынужденный признать безрезультатность своих попыток сбросить советские войска в Днепр, просил у Врангеля разрешения прекратить дальнейшие атаки плацдарма. Воспользовавшись неудачей 2-го корпуса, Врангель поспешил заменить неугодного ему Слащева, подавшего рапорт об отставке, генералом Витковским.

В результате наступления, хотя и неудавшегося в целом, правобережная группа XIII армии достигла важных стратегических успехов. Образование каховского плацдарма, расположенного в 80 км от Перекопского перешейка, открыло для советских войск в Северной Таврии возможность постоянно угрожать флангам и тылам группировок врангелевцев в районах Александровска, Орехова и Мелитополя.

Каховский плацдарм приковал крупные силы противника и затруднил его маневренность. Латышская стрелковая дивизия сыграла важную роль в захвате каховского плацдарма и отражении первых попыток Врангеля ликвидировать его.

2. Защита каховского плацдарма и борьба за инициативу в Северной Таврии

Потерпев неудачу в попытке расширить свой плацдарм в Северной Таврии и прорваться через Донбасс в Донскую область, Врангель в августе 1920 года обратил свое внимание на Кубань. В это время здесь активизировались остатки контрреволюционных сил, укрывавшиеся в горах после весеннего разгрома войск Деникина. Они объединили вокруг себя недовольные Советской властью кулацкие слои и казачью верхушку. Общая численность контрреволюционных отрядов Северного Кавказа в начале августа достигала 6000—7000 штыков и сабель при 30—40 пулеметах и нескольких орудиях. Врангель решил бросить на Кубань часть своих войск для организации там массового антисоветского восстания и объединения всех контрреволюционных сил. На Кубани и Черноморском побережье Кавказа намечено было высадить 3 десанта под командованием генералов Улагая, Черепова и Харламова. Десант Улагая являлся ударным и самым сильным, а остальные должны были производить отвлекающие операции. Общая численность десантов определялась в 5000 штыков и сабель при 130 пулеметах и 14 орудиях. Высадка десанта Улагая началась 14 августа у станицы Ахтырско-Приморская. Вначале врангелевцы имели успех, но вскоре советская IX армия под командованием [297] К. М. Левандовского перешла в контрнаступление. Основная масса казачества не примкнула к антисоветскому восстанию, и Врангелю не удалось осуществить свои замыслы. Улагаевцы продержались на Кубани до 7 сентября, после чего эвакуировались обратно в Крым. Десанты генералов Черепова и Харламова также не выполнили своей задачи — отвлечь наибольшее количество советских войск. Десант Черепова был разбит 22-й дивизией под Новороссийском и в ночь с 23 на 24 августа эвакуировался под прикрытием военных судов. Отряд Харламова действовал на Таманском полуострове до начала сентября.

Таким образом, замысел Врангеля расширить очаг контрреволюции на Кубани потерпел неудачу. Его войска возвратились в Крым довольно потрепанными. Правда, вместе с ними с Кубани эвакуировались значительные казацкие отряды, которые частично восполнили у Врангеля недостаток людских резервов.

Пользуясь тем, что часть врангелевских сил была занята на Кубани, командование XIII армии вновь решило повторить свое наступление от Каховки и Александровска. От Александровска на Мелитополь должна была наступать II конная армия. Одновременно 52-я дивизия

правобережной группы во взаимодействии со сводной кавалерийской группой Ю. В. Саблина получила задание от каховского плацдарма ударить вдоль большака Каховка — Мелитополь. 52-я дивизия должна была двинуться в юго-восточном направлении с ближайшей целью — занять село Натальино.

Латышская стрелковая дивизия получила приказ наступать от Каховки в южном и юго-западном направлениях с ближайшей задачей — выдвинуться на линию Большая Маячка — Балтазаровка. [298]

Судя по этим заданиям, в замысел командования XIII армии входило окружение значительной части войск Врангеля в Северной Таврии. Это наступление советских войск в Северной Таврии явилось новой попыткой вырвать у противника инициативу.

Приказ о наступлении каховской группы войск был отдан 20 августа. Латышская дивизия двинулась вперед в этот день в 14 часов. Преодолев упорное сопротивление противника, к вечеру 3-я бригада с боями вышла к западу от Британ. 2-я бригада выдвинулась на 2 км южнее Черненьки.

Героем первого дня наступления был командир 3-й бригады Я. Булан. Противник предпринял ряд ожесточенных контратак на стыке 2-й и 3-й бригад. Ему удалось несколько потеснить правофланговые части 2-й бригады на северо-запад от Черненьки. Я. Булан с левофланговыми частями своей бригады ударил по прорвавшемуся противнику и отбросил его. К вечеру сопротивление врангелевцев было сломлено. За умелое и инициативное руководство бригадой в бою 20 августа Я. Булан был награжден орденом Красного Знамени.

Левее Латышской дивизии 20 августа в наступление перешли части 52-й дивизии.

51-я дивизия и сводная конная группа Ю. В. Саблина, в которую входили 2 латышских кавалерийских полка, достигли населенных пунктов Антоновка и Константиновка. Дальнейшее продвижение вперед Латышской стрелковой дивизии утром 21 августа было приостановлено контратаками противника под Черненькой.

Вечером 21 августа части Латышской стрелковой дивизии, отбив контратаки противника, снова двинулись вперед. С наступлением темноты части 2-й бригады под командованием Ф. Лабренциса подошли к Черненьке. На следующий день в 11 часов. 5-й и 6-й латышские полки при поддержке артиллерии и содействии с юго-востока 1-го полка выбили врангелевцев из этого населенного пункта. Продолжая наступление, 2-я бригада, несмотря на значительные потери, заняла ряд командных высот в 6—8 км южнее Черненьки.

3-я бригада перешла в наступление на Большие Маячки. В 15 часов 30 минут 8-й и 9-й полки стремительной атакой овладели этим селом, а затем и Марьевкой. 22 августа успешно продвигались вперед также части 52-й

дивизии по направлению к Натальино. 51-я дивизия и сводная кавалерийская группа Саблина наступали на деревни Успенская, Круглая, Новорепьевка, Вознесенская.

Рано утром 23 августа части Латышской дивизии снова атаковали противника и выбили его из занимаемых позиций. 1-я бригада двигалась с боем на хутор Балтазаровка. 3-я бригада вела наступление южнее хутора Марьевка. В полдень успех имела также 44-я бригада 15-й дивизии, взявшая село Малая Маячка. Но противник к вечеру контратакой вернул этот населенный пункт.

Наиболее упорные бои 23 августа происходили на участке 1-й и 3-й латышских бригад. Под хутором Балтазаровка противник сконцентрировал значительные силы пехоты и кавалерии, поддерживаемые 8 орудиями. 3-й латышский полк подошел к самому хутору, но, так как он был расположен на совершенно открытой местности, днем атаковать [300] его было нельзя. Командир полка Я. Адамсон решил атаковать Балтазаровку ночью. В 23 часа 30 минут 3-й полк двинулся вперед. Рядом с ним 1-й полк атаковал хутор Долгий Пад. Несмотря на сильный вражеский ружейно-пулеметный огонь, в 4 часа утра стрелки 3-го полка взяли Балтазаровку, захватив пленных и трофеи. 1-й полк взял хутор Долгий Пад и продвинулся южнее его. В боях за хутор Балтазаровка отличилась 3-я рота 3-го полка под командой А. Эглитиса.

С 20 по 23 августа Латышская стрелковая дивизия продвинулась вперед всего на 45—50 км и находилась на полдороге от Каховки до Перекопа. 23 августа 51-я дивизия с боями вышла на линию деревень Круглая — Успенская — Новорепьевка — Вознесенская. Кавалерийская группа Саблина вступила в бой с крупными силами конницы противника, перешедшими в наступление от Покровки и Новоалександровки. В этот же день воздушная разведка обнаружила в районе Чаплинки группировку конницы противника численностью в 2000 сабель. Кроме того, 23 августа в Белоцерковку прибыло около 1000 человек пополнения для 13-й и 34-й пехотных дивизий, действовавших против Латышской стрелковой дивизии. Это свидетельствовало о том, что противник срочно подтягивал подкрепления против Латышской дивизии, чтобы задержать ее наступление на Чаплинку.

Наступление Латышской стрелковой дивизии на перекопском направлении с 24 по 28 августа шло гораздо медленнее, чем в начале операции, так как врангелевцы значительно усилили сопротивление и постоянно переходили в контратаки. Все же авангардные части продвинулись вперед еще на 15—20 км и подошли близко к Чаплинке.

28 августа противник, подтянув подкрепления, предпринял ряд настойчивых контратак против Латышской стрелковой дивизии и 44-й бригады 15-й дивизии. Части 44-й бригады не выдержали его натиска и

отступили к Белоцерковке. После этого противник атаковал в Скадовке 4-й латышский полк. Имея оголенный правый фланг, полк вынужден был после боя отойти северо-восточнее этого населенного пункта.

С новой силой бои разгорелись 29 августа, когда части Латышской стрелковой дивизии предприняли новую отчаянную попытку продвинуться к югу, в направлении к Чаплинке. В этот день благодаря героическим усилиям стрелков и командиров части дивизии снова достигли успехов. 4-й полк с утра овладел Западной Скадовкой, а 9-й полк опрокинул врангелевцев и ворвался в имение Балтазаровка, находившееся в 7 км северо-западнее Преображенки. 8-й полк атаковал 2-ю Александровку с севера. 7-й полк также продвинулся вперед. 6-й полк начал атаку хутора Анциферовка. Его поддерживал эскадрон 1-го латышского кавалерийского полка, переброшенного из конной группы Саблина.

На поле боя у Балтазаровки 29 августа погиб командир 2-го полка О. Лацис. Он пользовался среди стрелков большим авторитетом, его знали как храброго и умелого командира, замечательного коммуниста. Во главе полка он находился с февраля 1920 года. О. Лацис был одним из активнейших работников коммунистической организации латышских стрелков еще с дооктябрьского периода. [301]

Латышская дивизия из-за отсутствия кавалерии (1-й кавалерийский полк прибыл к концу наступления) продвигалась вперед к Чаплинке исключительно лобовыми атаками, что не давало ощутимых результатов, несмотря на героизм стрелков и командиров. Наступление Латышской дивизии, которая не имела численного превосходства ни в живой силе, ни в огне, рано или поздно должно было захлебнуться. Продвижение дивизии достигло своего предела к вечеру 29 августа, когда 3-я бригада совместно с 4-м полком заняли Скадовку и 2-ю Александровку, а части 1-й и 2-й бригад выдвинулись на линию хутора Анциферовка.

30 августа противник сбил части 44-й бригады, занимавшей район Белоцерковки, овладел Большой Маячкой, а затем, развивая достигнутый успех, бросил кавалерийский полк при 3 орудиях в тыл Латышской дивизии. К 16 часам того же дня врангелевцы заняли Черненьку.

В связи с создавшимся положением 44-я бригада 15-й дивизии и 3-я латышская бригада к вечеру 30 августа отошли в район Балтазаровка — Черная Долина. Для ликвидации прорыва противника и восстановления положения на правом фланге Латышской дивизии 5-й и 6-й полки, 2 эскадрона 1-го латышского кавалерийского полка и 24-й автоброневой отряд были объединены в ударную группу. К исходу 30 августа эти силы сосредоточились в 8—10 км севернее Черной Долины, чтобы на рассвете 31 августа снова овладеть Черненькой и продолжить дальнейшее наступление в южном направлении на Белоцерковку, захватив своим правым флангом Большую Маячку. [302]

Противник активизировал военные действия на каховском направлении, так как левобережная группа XIII армии перешла в решительное наступление, заняв Большой Токмак, а II конная армия, прорвавшаяся в районе Васильевка — Бурчатск, готовилась овладеть районом Менчекур — Гавриловка и соединиться с частями 51-й дивизии. Последние к вечеру 28 августа достигли Верхних и Нижних Серогоз и Ивановки и продолжали с упорными боями продвигаться вперед в восточном направлении.

В случае соединения 51-й дивизии со II конной армией противник был бы вынужден оставить всю захваченную территорию Северной Таврии. Врангелевцы приложили все усилия, чтобы не допустить этого.

Для усиления левого фланга 51-й дивизии из района Натальино в район Верхние Серогозы — Покровка командованием VIII армии перебрасывалась 52-я дивизия, а из района Агаймана — конная группа Саблина. Для борьбы со II конной армией противник выделил значительную кавалерийскую группу. Одновременно он мобилизовал все наличные резервы и контратаковал каховскую группу советских войск, чтобы заставить ее перейти к обороне. Утром 31 августа 5-й и 6-й полки после короткой перестрелки с кавалерийскими разъездами заняли Черненьку, а затем, продолжая дальнейшее наступление, к вечеру выдвинулись юго-западнее Большой Маячки. 1-я бригада, ведя ожесточенные оборонительные бои, с наступлением темноты остановилась севернее населенного пункта Марьевка.

В течение 1 сентября противник по всему участку Латышской стрелковой дивизии провел ряд контратак и, широко пользуясь своей кавалерией и действуя охватами и обходами, оттеснил части 1-й и 2-й бригад к Черненьке.

Ожесточенные бои с противником в конце августа вела группа советских войск, наступавшая на мелитопольском направлении (51-я, 52-я и сводная конная группа Саблина). Ей навстречу из района Васильевки через Орланск двигалась II конная армия. Начали активные действия и другие части левобережной группы XIII армии, занявшие Большой Токмак. Но наступательный порыв советских войск уже начал иссякать. Врангелевцы двинули в бой все свои резервы. 29 августа на фронте группы В. К. Блюхера в районе Верхних и Нижних Серогоз уже шли бои с переменным успехом. С утра 30 августа белогвардейцы начали сосредоточенное наступление на левый фланг этой группы и после упорного боя принудили ее оставить район Нижних Серогоз, одновременно сдерживая своей авиацией и прикрывающими частями продвижение II конной армии. 1 сентября части 51-й и 52-й дивизий (группа В. К. Блюхера) начали отход на каховский плацдарм. Туда же, угрожая флангам и тылам белогвардейских войск, направилась и II конная

армия, которая 2 сентября у каховского плацдарма соединилась с 51-й дивизией.

Общая обстановка потребовала отхода на каховский плацдарм также Латышской стрелковой дивизии и 44-й бригады 15-й дивизии. 1 сентября они получили соответствующее распоряжение командования правобережной группы XIII армии и к 20 часам заняли передовую линию окопов каховского плацдарма. [303]

Наступательные операции XIII армии в Северной Таврии 21—31 августа не привели к разгрому армии Врангеля. Советским войскам пришлось отойти на исходные позиции. Однако это наступление имело большое значение в борьбе за инициативу в Северной Таврии. Проникнув глубоко на территорию, занятую войсками противника, Красная Армия в значительной мере сорвала происходившие в Северной Таврии хлебозаготовки врангелевцев. Она дезорганизовала ближайший тыл их армии, подорвав уверенность населения в долговечности успехов Врангеля.

Силы советских войск на этом этапе борьбы за инициативу оказались недостаточными, чтобы достигнуть решающих успехов. Однако и силы противника были надломлены, он начал терять свой наступательный порыв и боеспособность.

Начиная со 2 сентября противник провел ряд ожесточенных атак на каховский плацдарм, на котором сконцентрировались Латышская, 51-я, 52-я и 15-я стрелковые дивизии, сводная конная группа Ю. В. Саблина и II конная армия (начальником обороны плацдарма был Я. Лацис). Врангелевцы под командованием генерала Витковского имели около 7000 штыков и несколько тысяч сабель, большое количество орудий, много броневиков и несколько танков. [304]

Части Латышской стрелковой дивизии обороняли каховский плацдарм от тракта Каховка — Чаплинка и далее на запад — до Днепра. Левее ее расположились 15-я и 51-я дивизии, а 52-я дивизия и сводная группа Саблина находились в резерве в Каховке.

Основной удар врангелевцы наносили вдоль тракта, т. е. на участке 45-й бригады 15-й дивизии и 3-й бригады Латышской стрелковой дивизии.

В результате упорных боев части Латышской стрелковой дивизии 2 сентября удержали свои позиции на внешней линии обороны каховского плацдарма, отбив все атаки противника и нанеся ему серьезные потери. 3 сентября врангелевцы свежими силами вновь атаковали позиции 2-й и 3-й латышских бригад на внешней линии обороны. Первый их натиск был отбит, но в полдень при поддержке бронемашин и многочисленных тачанок кавалерия и пехота противника оттеснили на основную линию обороны части 2-й бригады. Стрелки 3-й бригады стойко отбивали нападавшие конные сотни и пехотные цепи врангелевцев и предпринимали

контратаки. Однако и они были оттеснены на главную линию обороны. Во время боев 2—3 сентября особенно тяжелые потери понесли 6-й, 7-й и 8-й полки.

В ночь с 4 на 5 сентября врангелевцы сделали последнюю и самую серьезную попытку сломить сопротивление защитников каховского плацдарма. Большие силы противника к западу от дороги Каховка — Чаплинка атаковали участок 2-й бригады. В ту же ночь противник при поддержке 3 танков и 2 бронемашин потеснил передовые части и разведку 45-й бригады в районе тракта Каховка — Чаплинка, в 6 км южнее Большой Каховки. Потесненные части отошли в окопы за проволочные заграждения. Противник, преследуя отходящие части, пустил вперед танки и броневики с целью прорыва линии укреплений. Встреченный огнем выставленных к самым окопам орудий 15-й дивизии 1 танк повернул и пошел вдоль окопов на запад, в сторону большака. Здесь позиции занимала 2-я батарея 2-го легкого артиллерийского дивизиона 15-й дивизии, находившаяся в подчинении у командира сводного тяжелого артиллерийского дивизиона Латышской стрелковой дивизии В. Ралцевича. Орудие батареи, непосредственно руководимой В. Ралцевичем, подбило прорвавшийся танк.

Два других танка прошли через проволочные заграждения, сделав в них проходы на участке 45-й бригады, восточнее тракта. Начальник артиллерии 15-й дивизии выдвинул им навстречу орудие 1-го легкого артиллерийского дивизиона, которое подбило 1 танк. Тем временем другой танк и 1 бронемашина противника начали обстреливать с тыла подразделения 135-го полка 45-й бригады, который подвергся и фронтальной атаке пехоты. Полк не выдержал и отошел на несколько сот метров. Начальник артиллерии Латышской стрелковой дивизии Ф. Игал приказал В. Ралцевичу с одним орудием 2-й батареи 2-го артиллерийского дивизиона 15-й дивизии отправиться на розыски прорвавшегося танка восточнее тракта. В. Ралцевич в темноте умело вывел орудие между расположениями 135-го полка и пехотой врангелевцев, обнаружил там танк и, подпустив на близкое расстояние, метким огнем расстрелял его в упор. [305]

Увидев пылающий танк, 135-й полк поднялся в контратаку и выбил врангелевцев из своих окопов.

Во время боя в ночь с 4 на 5 сентября батареи латышского сводного тяжелого гаубичного дивизиола, находившиеся на позициях западнее тракта, своим огнем способствовали отражению атаки противника на участке 1-й бригады.

Атаки врангелевцев на каховский плацдарм выдохлись к 6 сентября. 7 сентября противник отошел с первой оборонительной линии перед участками 51-й и 52-й дивизий. Последние незамедлительно выдвинулись

вперед. В связи с этим Латышская и 15-я дивизии (44-я бригада) также получили приказ на рассвете 7 сентября занять передовые рубежи каховского плацдарма. Задача была выполнена.

После отражения натиска противника на каховский плацдарм на этом участке наступило временное затишье. Советским командованием оно было использовано для приведения в порядок и пополнения частей.

В период весенних и летних боев в Северной Таврии активно работали партийные организации Латышской стрелковой дивизии. Они сделали очень много по поднятию боевого духа и политического уровня стрелков и командиров дивизии. В середине сентября 1920 года в дивизии было более 2300 коммунистов{197}. Партийная работа не прекращалась [306] в самые горячие дни боев. С 6 августа начальником политотдела Латышской стрелковой дивизии вместо К. Пратниека стал Роберт Кисис, член партии с 1913 года. Комиссаром дивизии был Р. Апинис, комиссарами 1-й, 2-й и 3-й бригад — В. Озол, Я. Элферт и А. Букбарт.

Интенсивность партийно-политической работы в Латышской дивизии зависела в значительной мере от боевой обстановки. Во время затишья на перекопском направлении со второй половины апреля до 7 июня партийные организации вели активную политмассовую и культурно-просветительную работу. После начала наступления врангелевцев (7 июня) основная работа политотдела и партийных организаций была направлена на повышение боеспособности дивизии. Коммунисты находились в первых рядах стрелков во время самых тяжелых и кровопролитных боев. И не случайно, что среди них были самые тяжелые потери.

В августовских боях дивизия понесла большие потери, но боевой дух стрелков и командиров не был сломлен. Большая работа проводилась среди пополнения. Политотдел выделил специальных инструкторов, которые провели четырехдневные беседы с новыми красноармейцами.

После установления временного затишья на каховском участке фронта политотдел Латышской стрелковой дивизии начал подготовку к дивизионной партийной конференции. Конференция состоялась в Каховке 17 и 18 сентября 1920 года. На ней присутствовали 58 делегатов с решающим, 24 с совещательным голосом и 24 гостя. Делегаты представляли 2247 членов партии и 91 кандидата, итого 2338 коммунистов{198}. На повестке дня стояли следующие вопросы: 1) международное и внутреннее положение республики; 2) II конгресс Коммунистического Интернационала; 3) доклады с мест; 4) доклады начальника и заведующих отделов политотдела; 5) доклад отдела снабжения; 6) доклады санитарных частей; 7) работа среди местного населения и 8) текущие дела.

С докладом по вопросу о международном и внутреннем положении Советской России выступил представитель политотдела VI армии (так

была переименована правобережная группа XIII армии) Романов. С докладом о II конгрессе Коминтерна выступил представитель политотдела VI армии Муравьев. По двум первым вопросам была принята резолюция, одобряющая политику Советского правительства и приветствующая II конгресс Коммунистического Интернационала.

Далее конференция заслушала доклады с мест. Делегаты от частей и подразделений рассказали о работе своих партийных организаций, деятельности культурно-просветительных комиссий и ликвидации неграмотности. В период конференции в Латышской стрелковой дивизии были 143 коммунистические ячейки, 49 комиссаров с 14 помощниками и 100 политработниками. Среди старшего командного состава насчитывалось 148 коммунистов, а среди младшего — 204.

В дивизии работало 29 политико-просветительных школ и теоретических кружков, занятиями которых руководил 21 лектор. Занятия посещали 625 человек. [307]

Политотдел организовал 9 партийных школ, занятия которых посещали 179 слушателей.

Конференция коммунистических организаций Латышской стрелковой дивизии 17—18 сентября приняла по всем вопросам конкретные решения. Одной из важнейших была резолюция о политической и культурно-просветительной работе в дивизии. В ней говорилось о необходимости, несмотря на всю сложность боевой обстановки, максимально усиливать политическую и культурно-просветительную работу. Во все части и подразделения, где эта работа была налажена недостаточно, рекомендовалось направить опытных работников. Резолюция требовала уделить большое внимание коммунистическому воспитанию стрелков и местного населения.

Конференция коммунистических организаций явилась важным событием в политической жизни Латышской стрелковой дивизии. Она подвела итоги большого и славного боевого пути, пройденного коммунистами дивизии на врангелевском фронте, мобилизовала всех коммунистов дивизии, стрелков и командиров на успешное выполнение своей интернациональной задачи — активное участие в разгроме последнего оплота контрреволюции на юге республики.

В течение периода с конца августа до начала сентября 1920 года империалистические круги Запада, прежде всего Франция и США, убедились, что Польша, несмотря на свои временные военные успехи, долго продолжать войну не сможет. Поэтому они начали усиливать помощь Врангелю, надеясь добиться создания единого польско-врангелевского антисоветского фронта. Для врангелевской армии из различных стран Европы направлялось значительное количество военного снаряжения и бывших русских солдат, оставшихся там после первой

мировой войны. В августе из Франции в Крым были посланы 4000 русских солдат, воевавших на франко-германском фронте. Однако они не хотели воевать против Советской власти и дезертировали по пути. В августе — сентябре с помощью Антанты из Польши в Крым через Румынию был переброшен белогвардейский корпус генерала Бредова (около 10 тыс. солдат и офицеров). Таким образом Врангель получил новые пополнения в людских резервах и боевой технике и смог усилить свою армию, чтобы начать новые активные военные действия.

К середине сентября закончилась реорганизация врангелевской армии, которая была проведена с помощью французских военных инструкторов. Все действующие в Таврии войска были сведены в две армии. В I армию вошли Добровольческий и Донской корпуса, во II армию — 2-й и 3-й армейские корпуса и другие части. Командующим I армией стал генерал Кутепов, а II — генерал Драценко. 1-я и 2-я кавалерийские дивизии были сведены в корпус под командованием генерала Барбовича. Кубанские конные части составили отдельную группу во главе с генералом Бабиевым. Численность боевого состава врангелевских войск в Северной Таврии к середине сентября достигла 33 тыс. штыков и сабель{199}. [308]

Советская XIII армия имела в своем составе 54 тыс. штыков и 10,1 тыс. сабель при 294 легких и тяжелых орудиях{200}.

8 сентября правобережная группа XIII армии была переименована в VI армию. В нее вошли Латышская, 51-я и 52-я дивизии, отдельная кавалерийская бригада и Херсонская группа. 21 сентября 1920 года по приказу Реввоенсовета Республики был создан Южный фронт, в состав которого вошли VI, XIII и II конная армии. Командующим VI армией был назначен К. А. Авксентьевский. Командующим XIII армией оставался И. П. Уборевич, II конной армией командовал Ф. К. Миронов.

Решением Пленума ЦК РКП(б) , состоявшегося 20—21 сентября 1920 года, командующим войсками Южного фронта, по предложению В. И. Ленина, был назначен видный деятель большевистской партии, выдающийся пролетарский полководец М. В. Фрунзе.

Командование Южного фронта предполагало начать наступление против армии Врангеля в Северной Таврии в конце сентября. Переоценив успехи польской армии, Врангель в середине сентября также решил начать широкие наступательные операции. Прежде всего он хотел нанести удар в сторону Донбасса, разгромить XIII армию, а затем основными силами начать наступление на Правобережную Украину, надеясь соединиться с польскими войсками.

Бои на этом фронте завязались 14 сентября. Под давлением противника части советской XIII армии оставили линию реки Янчекрак и район города Орехова и отошли к речке Конка. Правофланговые части XIII армии под натиском противника вынуждены были 19 сентября оставить

Александровск и отойти на остров Хортица на Днепре, против Александровска. 22 сентября белогвардейцы заняли станцию Синельниково.

Оставив на фронте Синельниково — Александровск заслон из 1-го корпуса, белогвардейское командование затем перебросило остальные свои части (Донской корпус, 3-ю и 4-ю кубанские кавалерийские дивизии) на волновахское направление для наступления на Юзовку и Мариуполь. На следующий день, т. е. 29 сентября, Донской корпус противника подошел к границе Донской области у станции Доля. Но на этом и закончились территориальные успехи широко задуманной операции. XIII армия своими контратаками приостановила продвижение противника, который вынужден был прервать наступление, но тут же начал новое.

На этот раз он ставил себе целью обрушиться на левобережную николаевскую группу советских войск (II конная армия, 1-я стрелковая дивизия), считая ее ударной группой, предназначенной для вторжения в Крым, а затем разбить VI армию на каховском плацдарме и таким образом открыть себе путь на Правобережную Украину.

Эта новая операция противника развивалась во время начавшегося наступления центра и левого фланга XIII армии, сдержать которое уже не могли заслоны противника. 5 октября советские войска вновь заняли Волноваху и Мариуполь, а 6 октября они окончательно утвердились в Синельникове.

8 октября противник переправился через Днепр в районе Бурвальдской [309] переправы против Александровска и, сбив части 8-й бригады 3-й стрелковой дивизии, входившей в группу начальника 46-й дивизии И. Ф. Федько, которая составляла правый фланг XIII армии, начал быстро продвигаться в западном и юго-западном направлениях. 9 октября противник занял на правом берегу Днепра плацдарм глубиной 25 км.

Советское командование уже 8 октября приняло меры к ликвидации прорыва противника на правый берег Днепра. Против врангелевцев были двинуты 2 бригады 46-й дивизии, кавалерийская бригада Кицюка, а также 21-я кавалерийская дивизия. Эти части должны были с севера и юго-запада произвести нажим на клин противника. В то же время в районе станции Высокое советские войска были усилены 16-й кавалерийской дивизией II конной армии.

В ночь на 9 октября у селений Бабино и Ушкалка началась переправа через Днепр 3-го армейского корпуса Врангеля. 2-я бригада 1-й стрелковой дивизии была потеснена, что вынудило советское командование бросить на Никополь последние резервы II конной армии (2-ю кавалерийскую дивизию и отдельную кавалерийскую бригаду). В сражение на правом берегу Днепра начал втягиваться левый фланг VI армии, части ее 52-й дивизии. 11 октября 2 группировки врангелевцев соединились. Советские

части вынуждены были оставить Никополь и отойти на 25—30 км к северо-западу. Однако на этом, по существу, успехи противника кончились.

12 октября II конная армия и группа советских войск под командованием И. Ф. Федько успешно продвинулись на участке Подстепное — Никополь — колония Хортица. На следующий день левофланговые части Федько заняли колонию Хортица, Кичкас и повели наступление на остров Хортица. На правобережье начался перелом в пользу советских войск.

Во время никопольской операции противник перед каховским плацдармом держался пассивно, но, по показаниям пленных и перебежчиков, наступательные действия подготавливались и на этом участке.

Ввиду осложнившегося положения в районе станции Апостолово 12 октября Латышская стрелковая дивизия получила приказ к вечеру 14 октября прибыть в район Архангельское — Новоалександровск.

12 октября части Латышской стрелковой дивизии на каховском плацдарме были полностью сменены 51-й дивизией и в спешном марше по приказу командования направились через Берислав к Новоархангельску и Новоалександровску. К вечеру 15 октября 1-я бригада сосредоточилась в районе Архангельского, 2-я — в районе Новоархангельского и 3-я — в Малой Александровке. Но обстановка к вечеру 14 октября окончательно изменилась в пользу советских войск. 14 октября советские войска на правом берегу Днепра сломили сопротивление врангелевцев, которые начали поспешно переправляться на левый берег. Переправа белогвардейских войск через днепровские плавни происходила в чрезвычайном беспорядке, что впоследствии признал сам Врангель.

Успешно начавшаяся никопольская операция окончилась для Врангеля полным поражением. На правом берегу Днепра советское командование сконцентрировало достаточно сил и боевых средств, чтобы не [310] только приостановить наступление противника, но и отбросить его за Днепр.

Когда обнаружилась полная неудача никопольской операции, Врангель решил улучшить свое положение путем стремительного удара по каховскому плацдарму, чтобы затем освободившиеся здесь части перебросить на другие участки фронта.

Стянув к каховскому плацдарму все наличные силы, противник с раннего утра 14 октября при поддержке 14 танков и 15 бронемашин атаковал его. В результате упорного боя внешняя линия обороны была прорвана и занята, но дальше врангелевцам продвинуться не удалось. Лишь некоторые танки дошли до позиций батарей. Решительным контрударом 51-й дивизии и Огневой бригады противник был отброшен с

огромными потерями в личном составе. Он бросил 9 подбитых танков и несколько бронемашин. В бою за каховский плацдарм 14—15 октября участвовали также артиллеристы Латышского сводного тяжелого гаубичного дивизиона и 1-я батарея 2-го легкого артиллерийского дивизиона, которые подбили несколько танков.

16 октября Латышская дивизия выступила снова в бериславском направлении. По возвращении в район Берислава дивизия с 19 по 24 октября охраняла побережье Днепра от Казацкой до устья реки Ингулец.

Провал операции на правобережье Днепра, на которую Врангель и его вдохновители из империалистических кругов Запада возлагали большие надежды, означал начало крушения контрреволюции на юге республики. Красная Армия окончательно захватила инициативу в свои руки. Рухнули планы иностранных империалистов на объединение сил Врангеля и Польши. Перелом на врангелевском фронте в пользу советских войск ускорил завершение мирных переговоров между Советской Россией и буржуазно-помещичьей Польшей. После поражения на правом берегу Днепра армия Врангеля перешла к обороне, однако она еще не была окончательно разгромлена. На это указывал В. И. Ленин в своей телеграмме командующему войсками Южного фронта М. В. Фрунзе. «Помните, — писал В. И. Ленин, — что надо во что бы то ни стало на плечах противника войти в Крым. Готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма»{201}. Приближался завершающий этап затянувшейся в силу внешних причин борьбы против крымского очага русской контрреволюции.

3. Участие Латышской стрелковой дивизии в освобождении Северной Таврии

Общий план разгрома врангелевской армии в Северной Таврии разработал командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе в конце сентября. В приказе по войскам Южного фронта от 27 сентября ставилась задача освободить Крым до начала зимы. Согласно плану, Красная Армия должна была окружить и уничтожить главные силы врангелевцев в Северной [311] Таврии. Для этого намечалось нанести с каховского плацдарма удар по направлению Перекопа с целью отрезать отход основных сил противника в Крым. Важная роль в этой операции отводилась I конной армии, которую было намечено перебросить с Западного фронта на Южный. До окончания подготовки к наступлению Фрунзе решил проводить тактику активной обороны.

29 сентября 1920 года план разгрома Врангеля в Северной Таврии был обсужден и одобрен на совещании командующих армиями Южного фронта.

Перед началом наступления, приуроченного к подходу I конной армии в район Каховки, т. е. к концу октября, было заключено

Старобельское соглашение советского командования с Махно. Во время сентябрьских наступательных операций Врангеля на александровском и ореховском направлениях в руки врангелевских войск перешли почти все районы, где находились базы махновцев. Махно оставил в этих районах свои скрытые отряды, а с основными силами продолжал оперировать по тылам XIII армии. Действия махновцев наносили тылам советских войск значительный ущерб и отвлекали часть сил Красной Армии. Однако политическое положение Махно становилось все более неустойчивым. В глазах широких слоев крестьянства он превратился в фактического союзника Врангеля и тем самым терял у них поддержку. Чтобы избежать политического банкротства, Махно вынужден был пойти на соглашение с советским командованием о прекращении бандитских действий в тылу Красной Армии. Для советской стороны прекращение выступлений махновцев против Красной Армии облегчало проведение решительных операций по разгрому армии Врангеля. По Старобельскому соглашению, Махно выговорил себе некоторую внутреннюю автономию, но должен был предоставить свои войска в распоряжение Южного фронта.

Вторая половина октября на фронте в Северной Таврии прошла в относительном затишье.

Расположение советских войск к концу октября было следующим. VI армия (Латышская, 15-я, 51-я и 52-я дивизии, отдельная кавалерийская бригада и 1-я дивизия с приданными частями) располагалась на правом берегу Днепра — от Херсона до Ново-Воронцовки (40 км юго-западнее Никополя), а также на каховском плацдарме. Часть II конной армии (2-я и 21-я кавалерийские дивизии) занимала плацдарм южнее Никополя в районе Водной, а остальные соединения и части были сосредоточены в районе Никополя. IV армия в составе 23-й, 30-й, Сводной курсантской дивизий и интернациональной кавалерийской бригады находилась на рубеже Янчекрак — Орехов. XIII армия дислоцировалась от Орехова до побережья Азовского моря, западнее Ногайска. В нее входили 42-я и 9-я стрелковые дивизии и конный корпус Н. Д. Каширина (5-я, 7-я и 9-я кавалерийские и 9-я Донская дивизии). К 26 октября боевой состав Южного фронта достигал 99,5 тыс. штыков, 33,6 тыс. сабель, 527 орудий, 2664 пулеметов, 57 бронеавтомобилей, 17 бронепоездов и 45 самолетов{202}. [312]

Врангель располагал 23 тыс. штыков, около 12 тыс. сабель, 213 орудиями, 1663 пулеметами, 40 бронемашинами и примерно 5 танками. Следовательно, в живой силе и боевой технике советские войска имели большой перевес. Врангель видел, что с наличными силами он не сможет оказать серьезного сопротивления Красной Армии на растянутом фронте в Северной Таврии. Поэтому он начал уже 21 октября постепенно отводить

свои войска в Крым и закрепляться на Перекопском и Чонгарском перешейках.

Получив сведения о начале отхода врангелевской армии из Северной Таврии, В. И. Ленин 24 октября направил Реввоенсовету I конной армии телеграмму, в которой писал: «Врангель явно оттягивает свои части. Возможно, что он уже сейчас пытается укрыться в Крыму. Упустить его было бы величайшим преступлением. Успех предстоящего удара в значительной степени зависит от I Конной. Предлагаем РВС I Конной применить самые героические меры для ускорения сосредоточения I Конной»{203}.

Ускорив свой марш с Западного фронта, I конная армия к исходу 27 октября сосредоточилась в районе Берислава и Каховки.

В ночь на 26 октября М. В. Фрунзе провел на станции Апостолово совещание с командующими армиями и членами РВС фронта, на котором был детально разработан окончательный план операции в Северной Таврии. 26 октября был издан приказ об общем наступлении. Согласно приказу, армии Южного фронта должны были добить Врангеля, не дав ему отступить на Крымский полуостров и захватить перешейки.

VI армия (командующий А. Корк) с каховского плацдарма нацеливалась на Перекоп и Сальково. I конная армия (командующий С. М. Буденный) должна была от Каховки двинуться в район северной оконечности озера Молочное — к станции Федоровка, разгромить резервы противника, отрезать им пути отступления в Крым и преследовать их до полного уничтожения. II конная армия после переправы главных сил через Днепр южнее Никополя получила задание двинуться в юго-восточном направлении в район Федоровка — Михайловка и войти в связь с I конной армией, ударить в тыл Александровской и Пологской группам противника. IV и XIII армии должны были сковывать силы противника, стремиться разбить их и отбросить к I и II конным армиям. Ввиду некоторого запоздания подхода I конной армии наступление всех войск было назначено на 28 октября. До этого времени армии должны были занять исходное положение.

В ночь с 25 на 26 октября 2 бригады 52-й дивизии начали переправляться через Днепр с целью занять плацдарм в районе Нижний Рогачик — Карадубина. В то же время 46-я дивизия начала переправу на левый берег Днепра в районе села Верхне-Тарасовское. Противник силами Корниловской дивизии попытался препятствовать переправе 52-й дивизии. 26 и 27 октября в районе Нижний Рогачик завязались упорные бои, причем это селение переходило из рук в руки несколько раз. [313]

52-я дивизия переправилась и удержалась на левом берегу Днепра, но свой плацдарм расширить не смогла.

Южнее Никополя, где переправу производили основные силы II конной армии, также развернулись ожесточенные бои. На помощь Марковской дивизии противник вынужден был перебросить сюда 2 кавалерийские дивизии и одну конную бригаду с ореховского направления.

В ночь с 27 на 28 октября под покровом темноты на каховском плацдарме закончилась концентрация I конной армии, которая вместе с Латышской, 15-й и 51-й дивизиями должна была на рассвете перейти в решительное наступление. Латышской дивизии следовало 28 октября начать наступление на юго-восток от плацдарма, чтобы в первый день двинуться на рубежи Дмитровка — Константиновка — Горностаевка, имея общее направление на Нижние Серогозы. 51-я и 15-я дивизии с приданной кавалерией должны были нанести удар от каховского плацдарма на юг по направлению на Перекоп. Однако противник в ночь с 27 на 28 октября уже начал отвод своего 2-го корпуса к югу от каховского плацдарма к Перекопу. На рассвете 28 октября 51-я дивизия и 44-я бригада 15-й дивизии совместно с отдельной кавалерийской бригадой Ю. В. Саблина и конная группа Юшкевича (кавалерийские полки Латышской и 15-й дивизий) двинулись к югу. Левее их наступали части 1-й и 2-й латышских бригад, не имея соприкосновения с противником.

1-й латышский полк после перестрелки с конными подразделениями противника занял Антоновку. Тем временем 3-й полк после часового боя с противником овладел Константиновкой. Затем передовые подразделения 3-го полка выдвинулись на линию хутора Кошара. 5-й полк, не встретив сопротивления, взял хутор Затопленный Пад и двинулся дальше на юго-восток. К вечеру части 1-й и 2-й бригад выслали группы конных разведчиков в сторону хуторов Марьяновка и Вознесенка. Таким образом, части Латышской стрелковой дивизии в первый день наступления успешно справились с поставленной перед ними задачей.

28 октября 51-я и 15-я дивизии и приданные им 2 кавалерийские бригады продвигались вперед к Перекопу, не встречая сопротивления противника, 2-й корпус которого успел значительно оторваться от советских войск и находился в районе Чаплинки. На линии Черная Долина — Натальино врангелевцы оставили арьергарды для прикрытия своих сил. К исходу дня эти арьергарды были сбиты 51-й дивизией. В районе Херсона через Днепр переправилась и успешно начала продвигаться к Черноморскому побережью 1-я дивизия. 52-я дивизия сосредоточивалась в районе Нижний Рогачик, готовясь к продолжению наступления в направлении Ольгофельд — Рубановка.

II конная армия в ночь с 27 на 28 октября продолжала сосредоточиваться на плацдарме в районе южнее Никополя. Противник не предпринимал попытки отбросить ее обратно за Днепр, а начал оттягивать

свои войска на линию Ольгофельд — Верхний Рогачик — Большая и Малая Белозерка — Орлянск. Вслед за врангелевцами 28 октября двинулась 16-я кавалерийская дивизия II конной армии, стремясь войти в соприкосновение с противником.

На александровском и пологском направлениях передовые части [314] IV армии к вечеру 28 октября продвинулись на 5—15 км. В районе Большого Токмака XIII армия и врангелевцы сконцентрировали значительные силы и вели бои передовыми частями. За ночь с 28 на 29 октября части 3-го и Донского корпусов противника вновь успели оторваться от авангардов IV и XIII армий, а также махновских отрядов, отходя на Мелитополь. 29 октября в Северной Таврии полукольцо армий Южного фронта продолжало сжиматься вокруг врангелевских войск.

I конная армия, разделившись на 2 группировки — северную (6-я и 11-я дивизии) и южную (4-я и 14-я дивизии), приступила к выполнению своей задачи по преследованию противника. 6-я и 11-я кавалерийские дивизии нацелились на район Агайман — Верхние и Нижние Серогозы и должны были взаимодействовать с Латышской и 52-й дивизиями. 4-я и 14-я кавалерийские дивизии начали круто снижаться к югу, нацеливаясь на район Громовки.

Латышская дивизия к исходу 29 октября достигла района Новорепьевка — Вознесенка, приняв меры к установлению связи с частями 52-й дивизии и северной группы I конной армии.

На перекопском направлении 29 октября арьергарды врангелевцев уже уходили за Турецкий вал, а части 2-го корпуса начали занимать укрепленные в нем позиции. 51-я дивизия, и приданная ей кавалерия приближались к Перекопу. На сальковском направлении южная группа I конной армии (4-я и 14-я дивизии) в 14 часов вышла в район Громовка — Ново-Николаевка.

II конная армия своей 2-й дивизией захватила село Большая Белозерка, но не использовала основные силы для развития успеха.

30 октября на фронте в Северной Таврии боевые события начали вступать в решающую фазу. Южная группа I конной армии овладела Сальковым и Геническом, отрезав от Крыма основные силы противника, расположенные в районах Мелитополь — Федоровка — Михайловка — местность южнее Большой и Малой Белозерок — Рубановка — Нижние Серогозы — Калга.

51-я дивизия с приданными частями произвела первую попытку захвата Турецкого вала, но вынуждена была отойти на исходные позиции.

6-я и 11-я кавалерийские дивизии I конной армии и Латышская стрелковая дивизия 30 октября завязали в районе села Агайман бои с крупными силами противника, стремившимися прорваться к югу. Бой продолжался в течение целого дня. Врангелевцы, пользуясь

превосходством на этом участке, оттеснили 6-ю и 11-ю кавалерийские дивизии и части 1-й бригады Латышской стрелковой дивизии несколько на запад и закрепились в Агаймане.

На мелитопольском направлении части XIII армии с утра успешно вклинились в расположение противника, и уже в 10 часов конница корпуса Н. Каширина ворвалась в город Мелитополь. Надежды противника задержаться в этом районе рухнули. Однако XIII и IV армии 30 октября не использовали широких возможностей глубокого флангового охвата основной группировки противника западнее и северо-западнее Мелитополя и дали возможность арьергардам 3-го и Донского корпусов Врангеля ускользнуть из-под нависшего над ними удара. [315]

30 октября в Северной Таврии в самый решительный момент операции армии Южного фронта использовали лишь часть своих сил. Серьезную попытку преградить путь отступающим войскам врангелевцев предприняли части 1 конной армии и Латышской стрелковой дивизии.

Для того чтобы перерезать дорогу противнику, отходящему перед II конной, IV и XIII армиями, Латышской стрелковой дивизии 31 октября было приказано перейти в наступление в направлении Агайман — Петровское — Рыково.

Группа врангелевских войск под командованием генерала Кутепова из Агаймана отходила к Рождественскому, прикрывшись арьергардами от действий северной группы I конной армии и Латышской дивизии.

31 октября крупные силы врангелевцев под командованием генерала Кутепова атаковали и оттеснили 4-ю кавалерийскую дивизию I конной армии из Салькова и Геническа. Не получив поддержки, эта дивизия вынуждена была отойти на север, чтобы соединиться с 14-й дивизией. В это время части 3-го и Донского корпусов Врангеля уходили на юг, сближаясь с группой Кутепова. В ночь с 31 октября на 1 ноября группа Кутепова выбила 4-ю и 14-ю кавалерийские дивизии из Рождественского и соединилась с остатками 3-го и Донского корпусов. Утвердившись в Рождественском, основные силы врангелевцев временно прекратили свой отход к югу, чтобы обеспечить эвакуацию в Крым через Чонгарский перешеек и Арабатскую Стрелку тыловых частей, обозов и техники.

Получив сведения о том, что противник остановился в Рождественском, командир 2-й латышской бригады Ф. Лабренцис направил ординарца штаба в 6-й полк с приказом не атаковать этот населенный пункт. Однако в темноте ординарец не нашел 6-го полка. Командир полка Я. Бривкалн, имея устаревшие сведения о расположении в Рождественском частей 4-й и 14-й дивизий, с утра 1 ноября, согласно ранее данному ему маршруту и указаниям, повел к этому хутору свою часть от деревни Тимофеевка на восток. Обнаружив в Рождественском противника, 6-й полк остановился и приготовился к атаке. Противник располагал здесь

крупными силами кавалерии и пехоты. При поддержке нескольких батарей он немедленно обрушился на 6-й латышский полк. Два батальона полка, команды конных и пеших разведчиков и 2-я батарея 2-го легкого артиллерийского дивизиона были окружены.

2 часа длился неравный бой. Стрелки 6-го полка отчаянно сопротивлялись. 2-я батарея 2-го легкого артиллерийского дивизиона под командованием К. Заула прямой наводкой расстреливала густые колонны противника. В борьбе с превосходящими силами противника 6-й латышский полк геройски погиб. На поле боя пали 29 командиров и 394 стрелка. В последнюю минуту успели ускакать артиллеристы вместе с орудиями, тачанками и конные разведчики.

Помощник командира полка П. Бернхард отказался от поданной ему лошади и вместе с кучкой раненых бойцов попал в руки врага. Врангелевцы его расстреляли первым. «Да здравствует социалистическая революция!» — были последние слова этого замечательного командира. Вместе с П. Бернхардом зверски были расстреляны и другие стрелки и коммунисты, попавшие в руки противника. [316]

В ночь с 1 на 2 ноября группа Кутепова, прикрываемая Марковской и одной из донских дивизий, начала отход через Чонгарский перешеек в Крым. Утром 2 ноября 5-я кавалерийская дивизия II конной армии выступила на Сальково для преследования отступающих врангелевцев. Вслед за ними двигались части 30-й дивизии, а левее — II конная армия.

2 ноября 30-я дивизия, преследуя противника, сбила его арьергард с сальковских укрепленных позиций, ворвалась вслед за ним на Чонгарский перешеек и овладела им. Днем 3 ноября эта дивизия и 69-я бригада 23-й дивизии IV армии подошли к взорванным Чонгарскому и Сивашскому мостам, отбросив их защитников в Крым. Другие части и соединения IV, XIII армий, а также I и II конной армий вышли к побережью Азовского моря. 51-я дивизия VI армии расположилась перед Перекопом.

Таким образом, армии Южного фронта с 28 октября по 2 ноября очистили Северную Таврию от врангелевских войск. В руки Красной Армии попали богатые военные трофеи и много пленных. Однако основным силам армии Врангеля удалось уйти в Крым.

Латышская дивизия активно участвовала в очистке Северной Таврии от врангелевских белогвардейцев и вместе с другими частями Красной Армии продолжала громить отступающего противника.

Победа, одержанная над Врангелем в Северной Таврии, предрешила окончательный разгром его армии в Крыму.

В. И. Ленин, выступая 3 ноября 1920 года на Всероссийском совещании политпросветов, говорил: «Победы над Врангелем, о которых мы читали вчера и о которых вы прочтете сегодня и, вероятно, завтра, показывают, что одна стадия борьбы приходит к концу, что мы отвоевали

мир с целым рядом западных стран, а каждая победа на военном фронте освобождает нас для борьбы внутренней, для политики строительства государства»{204}.

Перед армиями Южного фронта стояла задача добить остатки армий Врангеля в Крыму и тем самым завершить ликвидацию оплота контрреволюции на юге России.

4. Участие латышских стрелков в штурме Юшуньских позиций и освобождении Крыма

До ноября 1920 года врангелевцы на Перекопском перешейке, Литовском полуострове и Арабатской Стрелке создали мощные оборонительные сооружения, которые хорошо сочетались с естественными препятствиями. Основное внимание было уделено укреплению Перекопского перешейка. На вершине Турецкого вала тянулась линия окопов, были сооружены пулеметные гнезда и блиндажи. На южном скате вала были вырыты так называемые «лисьи норы» для укрытия людей и боеприпасов. На северном скате тянулись 3 линии проволочных заграждений. На дне рва было заложено много фугасов, а перед самым рвом еще протянуты 2 линии [317] проволочных заграждений. На Турецком валу врангелевцы помимо пехоты расположили много пулеметов и орудий. С запада перекопские укрепления прикрывались военными судами противника, находившимися в Каркинитском заливе. На востоке защитой служил труднопроходимый в осеннее время Сивашский залив. Перекопский перешеек был перерезан целым рядом соленых озер (Старое, Красное, Безымянное и др.). Выход из Перекопского перешейка в Крым запирали юшуньские укрепления, состоявшие из 3 и местами 4 линий окопов. Перед ними тянулись проволочные заграждения. Юшуньские позиции имели большое количество блиндажей и других убежищ. По своей глубине эти позиции значительно превосходили перекопские.

Укреплению Литовского полуострова и берега Сиваша противник уделил меньше внимания, надеясь на обычную труднопроходимость Сивашского залива. Однако лето и осень 1920 года были очень сухими. Восточные и юго-восточные ветры не дули и северо-восточная часть Сиваша высохла. С наступлением зимы положение могло быстро измениться, что и случилось уже после начала наступательной операции советских войск, когда восточные ветры вдруг начали нагонять воду в высохшую часть Сиваша. На Литовском полуострове были созданы 2 линии окопов — одна на самой северной оконечности, а другая — несколько юго-западнее. Выходы на берег прикрывали проволочные заграждения и пулеметные гнезда. Арабатскую Стрелку пересекало несколько рядов колючей проволоки. Противник использовал ее узость для обороны сравнительно малыми силами.

Силы Врангеля, оборонявшие Перекопский перешеек и Литовский полуостров, насчитывали 13,5 тыс. штыков, 6000 сабель, около 750 пулеметов, 180 орудий (из них 12 шестидюймовых и 4 восьмидюймовых), 48 бронемашин. На Турецком валу находилось наиболее сильное из врангелевских соединений — Дроздовская дивизия, а на Литовском полуострове — части Кубанской кавалерийской дивизии генерала Фостикова. Юшуньские позиции прикрывали Корниловская и Марковская дивизии, 13-я и 34-я пехотные дивизии должны были находиться в резерве. Основные силы подвижного резерва составлял конный корпус генерала Барбовича.

Для штурма Перекопа командование Южного фронта выделило VI армию. Ее действия на завершающем этапе операции должны были поддержать I и II конные армии, а также IV армия. Командующий VI армией А. Корк решил атаку Перекопа произвести в 2 направлениях: прямо на укрепленные позиции противника на Турецком валу и через сухой отросток Сиваша на Литовский полуостров с целью выхода в тыл силам врангелевцев, находившихся на первой оборонительной линии (вдоль Турецкого вала).

В лоб Турецкий вал должны были штурмовать 2 бригады 51-й дивизии (151-я и Огневая). 52-я и 15-я дивизии, 153-я и отдельная кавалерийская бригады 51-й дивизии получили задание совершить обходный маневр через Сиваш и Литовский перешеек. Для их поддержки были, назначены махновские части под командованием Каретника и 7-я кавалерийская дивизия II конной армии. Латышская дивизия составляла резерв [318] армии и находилась в районе Анциферово — Аскания-Нова — Марьяновка. В резерве Южного фронта находились также части I и II конных армий. 1-я дивизия VI армии прикрывала участок побережья Черного моря северо-западнее и западнее Перекопа.

Общий боевой состав частей и соединений VI армии, участвовавших в атаке Перекопа, составлял 28,6 тыс. штыков, 3841 саблю, 907 пулеметов, 141 орудие, 3 танка, 14 бронемашин и 7 самолетов. В этот состав не входили 6191 штык, 511 сабель, 58 пулеметов и 24 орудия 1-й стрелковой дивизии. Латышская дивизия к 7 ноября располагала 5513 штыками, 577 саблями, 85 пулеметами и 23 орудиями{205}.

Таким образом, VI армия, назначенная для штурма Перекопа, имела существенный перевес над врангелевскими войсками. Сабель у Врангеля было больше, чем в VI армии, но советское командование имело в своем распоряжении i и II конные армии. У врангелевцев было на 39 орудий больше, но эти орудия были рассредоточены на Перекопском перешейке и Литовском полуострове, так что на решающих участках советские войска фактически сконцентрировали больше стволов, чем противник.

Разработанный А. Корком план штурма Перекопа был утвержден командующим Южного фронта М. В. Фрунзе. 5 ноября М. В. Фрунзе издал приказ о наступлении. 6 ноября последовал соответствующий приказ по войскам VI армии. К исходу дня 7 ноября соединения и части VI армии заняли указанные им исходные позиции. 6 ноября разведка донесла, что ввиду изменившегося направления ветра в Сиваше стала прибывать вода. Начало операции нельзя было откладывать. Командующий VI армией отдал приказ начать наступление через Сиваш в 22 часа 7 ноября, а на рассвете 8 ноября — на Турецкий вал.

7 ноября в 22 часа 15-я и 52-я дивизии, 153-я и отдельная кавалерийская бригады 51-й дивизии начали переход Сиваша. К 2 часам 8 ноября передовые отряды советских войск под прикрытием темноты и тумана достигли северной оконечности Литовского полуострова и, преодолев проволочные заграждения, завязали бой с врангелевцами. Особенно успешно действовала 45-я бригада 15-й дивизии под командованием Э. Лиепиня, которая уже в 2 часа прорвала оборону противника и начала продвигаться по Литовскому полуострову. Рядом наступала 52-я дивизия. Войска Фостикова были сбиты и отброшены с Литовского полуострова. 153-я бригада 51-й дивизии, перейдя Сиваш, атаковала противника севернее Караджаная. Но противник, подтянув 34-ю дивизию, утром у выхода с Литовского полуострова начал контратаки на советские войска.

В 10 часов севернее Турецкого вала советская артиллерия открыла огонь по позициям противника. Артиллерийская подготовка продолжалась до 14 часов, после чего 152-я и Огневая бригады (командиры И. В. Боряев и Ринкис) подошли к проволочным заграждениям и начали делать в них проходы. Под сильным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем цепи бойцов этих бригад вынуждены были залечь, а затем отойти с большими потерями. После этого советская артиллерия возобновила [320] огонь и в 18 часов 8 ноября атака 152-й и Огневой бригад 51-й дивизии на Турецкий вал повторилась при поддержке 15 бронемашин, но снова не принесла успеха. Цепи атакующих опять откатились с потерями.

У выхода с Литовского полуострова тем временем продолжался упорный бой. Около 15 часов были отбиты попытки прорваться через расположения 15-й и 52-й дивизий 6 бронемашин противника. 153-я бригада 51-й дивизии в районе Караджаная отбила атаку 2 полков Дроздовской дивизии и захватила много пленных. К исходу 8 ноября на Перекопском перешейке создалась следующая обстановка. Атаки частей 51-й дивизии на Турецкий вал были отбиты. 15-я и 52-я дивизии, а также 153-я и отдельная кавалерийская бригады 51-й дивизии достигли некоторого успеха, вырвались с Литовского полуострова, но были приостановлены контратаками противника. Однако советские войска

угрожающе нависли над группировкой врангелевцев в районе Турецкого вала. Командующий VI армией А. Корк приказал 51-й дивизии ночью 9 ноября возобновить атаку Турецкого вала 2 упомянутыми бригадами, а остальные части (153-я и отдельная кавалерийская бригады) должны были продолжать наступать севернее Караджаная с целью выхода в тыл группировки противника в районе Турецкого вала. 15-я дивизия получила задание наступать между Сивашским заливом и озером Красное на юг, а 52-я дивизия должна была двигаться в сторону Армянского Базара, чтобы перерезать путь отхода врангелевцев от Турецкого вала.

Ночью с 8 на 9 ноября вода в Сиваше начала быстро прибывать, угрожая отрезать от своих баз части 15-й, 52-й и 2 бригад 51-й дивизии. Инженерные подразделения 15-й дивизии при помощи местных жителей быстро воздвигли небольшую плотину, которая задержала на некоторое время подъем уровня воды в Сиваше. Опасаясь окружения, ночью 9 ноября противник начал отход с Турецкого вала, оставив на нем арьергард. Перешедшая в атаку 152-я бригада 51-й дивизии под прикрытием артиллерии в 3 часа 30 минут сбила этот арьергард и овладела Турецким валом. Дроздовской дивизии противника удалось через Армянский Базар уйти на юг, в сторону Юшуни.

Утром 9 ноября части 152-й бригады взяли Армянский Базар, где оставался только небольшой арьергард врангелевцев. В то же время наступление 15-й дивизии на юг встретило упорное сопротивление частей конного корпуса Барбовича и бригады генерала Фостикова.

Вечером 9 ноября 51-я дивизия вышла к юшуньским позициям противника, которые обороняли Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии. Левее ее наступала 52-я и дальше — 15-я дивизии.

Таким образом, в результате двухдневных боев VI армия выполнила часть намеченной операции. Была взята первая линия обороны противника на Перекопском перешейке — Турецкий вал. Большую роль при этом сыграл фланговый удар советских войск через Сиваш на Литовский полуостров. Противник на первом этапе операции VI армии получил серьезный удар, но не был еще разгромлен. Основные его силы сконцентрировались на юшуньских позициях. Ночь с 9 на 10 ноября обе стороны использовали для дальнейшего усиления своих войск. Врангелевцы расположили на юшуньских позициях Корниловскую и Марковскую дивизии. [321] Между озерами Красное и Безымянное в районе Адамани сконцентрировались части уже потрепанной Дроздовской дивизии, а на перешейке, соединяющем озера Красное и Сиваш, занимали позиции 13-я и 34-я дивизии, Кубанская бригада генерала Фостикова и конный корпус генерала Барбовича. Резервы врангелевцев на этом, по существу, исчерпывались.

Советская сторона располагала несравненно более сильными резервами. После переправы на Литовский полуостров в ночь с 9 на 10 ноября прибыли также части 7-й и 9-й кавалерийских дивизий II конной армии. На усиление 51-й дивизии из резерва VI армии была двинута Латышская стрелковая дивизия. Согласно приказу командующего армии А. Корка дивизия должна была 10 ноября из района Перво-Константиновка — Григорьевка двинуться на юг и сменить правофланговые части 51-й дивизии.

Начальник Латышской дивизии К. Стуцка двинул на смену частей 51-й дивизии 1-ю и 3-ю бригады, которые по занятии своего участка должны были перейти в энергичное наступление совместно с 51-й дивизией, овладеть юшуньскими укрепленными позициями противника и продолжать преследование врангелевцев. Артиллерия при переходе пехоты в наступление должна была развить максимальную силу огня и содействовать занятию укреплений противника.

10 ноября на Перекопском перешейке части 51-й, 52-й и 15-й дивизий продолжали наступательные операции на юшуньском и адаманском направлениях. 51-я дивизия на рассвете атаковала противника на участке между Каркинитским заливом до озера Красное. 151-я бригада, проделав проходы в проволочных заграждениях, в стремительном броске вперед овладела первой линией окопов противника, отбросив его на вторую линию. Сильный огонь врангелевцев приостановил дальнейшее продвижение бригады. Появившиеся в Каркинитском заливе военные суда противника начали обстрел расположения 151-й бригады. 152-я и Огневая бригады 51-й дивизии также выбили противника из первой оборонительной линии.

Около 15 часов 151-я и 152-я бригады 51-й дивизии пошли на штурм второй линии окопов юшуньских укреплений. Преодолев проволочные заграждения, они ворвались в окопы противника и очистили их. Было взято около 100 пленных, 15 пулеметов, 2 тяжелых орудия и другие трофеи. Противник отошел на третью линию обороны. Огневая бригада тем временем атаковала позиции противника между озерами Старое и Красное. Ломая упорное сопротивление врангелевцев, части 51-й дивизии в полночь на ряде участков прорвали третью линию обороны. 466-й полк вышел в район почтовой станции Юшунь. 10 ноября VI армия добилась серьезных тактических успехов, особенно отличилась 51-я дивизия, которая прорвала 3 оборонительные линии противника. Успешно действовали 52-я и 15-я дивизии. Однако противник не был еще окончательно разгромлен, хотя его силы и были серьезно надломлены.

К исходу 10 ноября врангелевцы собрали последние силы, чтобы восстановить свое положение. Они решили бросить свои оставшиеся [322]

основные ударные войска на 52-ю и 15-ю дивизии, разгромить их, а затем обойти вырвавшуюся вперед 51-ю дивизию.

К этому времени 1-я и 3-я латышские бригады уже подошли к правофланговым боевым порядкам 51-й дивизии, но командующий VI армией А. Корк несколько задержал намеченную смену ввиду возникшей угрозы прорыва противника на участке 15-й и 52-й дивизий.

В ночь с 10 на 11 ноября в районе почтовой станции Юшунь противник начал ожесточенную контратаку против частей 51-й дивизии и после упорного боя оттеснил их с третьей оборонительной линии на вторую.

В это же время части 2-го армейского корпуса, конного корпуса Барбовича, остатков Дроздовской дивизии и бригады Фостикова под прикрытием артиллерии и броневиков обрушились на 15-ю и 52-ю дивизии между озером Красное и Сивашом. После упорного сопротивления эти соединения начали отходить на Литовский полуостров. Однако, собрав последние резервы, они в 10 часов снова перешли в контратаку и при содействии 152-й и Огневой бригад 51-й дивизии отбросили противника на исходные позиции. Около 11 часов противник возобновил наступление при поддержке отборного офицерского батальона Корниловской и Дроздовской дивизий. В результате ожесточенного боя 15-я и 52-я дивизии, отряд Каретника и 7-я кавалерийская дивизия были оттеснены на самую северную оконечность Литовского полуострова. Конники Барбовича вырвались к Армянскому Базару, создав серьезную угрозу с тыла для частей 51-й и Латышской стрелковых дивизий.

В полночь 11 ноября 3-я латышская бригада начала сменять части 152-й бригады 51-й дивизии. 1-я латышская бригада несколько часов позже начала смену 151-й бригады, возобновив атаки на позиции противника.

В 6 часов 30 минут 7-й и 8-й латышские полки при поддержке сильного артиллерийского огня прорвали проволочные заграждения и в штыковой атаке выбили перед своим участком противника из окопов 3-й оборонительной линии, захватив много пленных и трофеев. Захваченные пленные были из 3-го дроздовского, 1-го корниловского и 3-го марковского полков.

Продолжая преследовать врангелевцев, полки выдвинулись на 2 км к юго-востоку от последней линии окопов. 2-й и 3-й полки 1-й бригады в 7 часов 40 минут также пошли на штурм 3-й оборонительной линии юшуньских укреплений и после яростной штыковой схватки выбили врангелевцев из окопов.

Противник на участке 3-й латышской бригады бросил в атаку густые цепи пехоты, поддерживаемые бронепоездом, 3 броневиками и танком. Бронепоезд, броневики и танк прорвались через расположения 7-го и 8-го

полков, принудили полки отойти на 3-ю линию юшуньских позиций. Однако стрелки этих полков снова бросились вперед, закидав гранатами броневики. Артиллерия тем временем отогнала бронепоезд и танк. В 9 часов 8-й полк, преодолевая упорное сопротивление врангелевцев, продвинулся вперед на 4 км вдоль тракта Армянский Базар — Симферополь. [323]

7-й полк, несмотря на сильный ружейный и пулеметный огонь, также продолжал движение вперед. В 11 часов, сломив сопротивление противника, 7-й полк при содействии слева 453-го полка 51-й дивизии и конной группы Житова с боем взял почтовую станцию Юшунь, затем продолжал наступление.

Части 1-й латышской бригады, овладев на своем участке третьей оборонительной линией, также успешно двигались вперед наравне с 3-й бригадой вдоль побережья Каркинитского залива.

152-я, Огневая и Отдельная кавалерийская бригады 51-й дивизии получили приказ оказать поддержку 15-й и 52-й дивизиям, которые очутились в тяжелом положении, нанести удар противнику между озерами Красное и Безымянное по направлению на Адамань. Обойдя озеро Красное с юга, части 51-й дивизии ударили с тыла по врангелевским войскам, нажимавшим на 52-ю и 15-ю дивизии на Литовском полуострове. Противник, опасаясь окружения, постепенно отходил к югу. 15-я и 52-я дивизии начали преследование отступающих врангелевцев.

11 ноября к 18 часам на участке Латышской дивизии бой утих и сильно поредевшие части 1-го корпуса противника поспешно стали отходить по направлению к Симферополю, бросив всю тяжелую артиллерию 1-й позиционной артиллерийской бригады. Части Латышской дивизии продолжали преследовать врангелевцев, выдвинув вперед 1-й и 2-й кавалерийские полки. Части 1-й и 3-й латышских бригад 11 ноября захватили 520 пленных и перебежчиков, 150 товарных вагонов и 50 платформ, 2 цистерны, 4000 снарядов, 600 ящиков с винтовками разных систем, 3910 ящиков с патронами и много других трофеев. Латышская дивизия блестяще справилась со своей боевой задачей. Прорвав совместно с частями 51-й дивизии 3-ю оборонительную линию юшуньских позиций, она наносила серьезные удары 1-му армейскому корпусу врангелевцев. Дорога в Крым была открыта. Левее Латышской дивизии успешно действовали 51-я, 52-я и 15-я дивизии, которые также на своем участке сломили сопротивление противника. 51-я дивизия достигла Бешеула на южном берегу озера Безымянное.

Со взятием юшуньских позиций судьба Врангеля в Крыму была решена. Наряду с прорывом третьей линии юшуньских позиций в ночь с 10 на 11 ноября началась переправа 30-й дивизии через Сиваш на Чонгарский полуостров. К исходу 11 ноября части дивизии, преодолев упорнейшее

сопротивление противника, овладели районом Тюп-Джанкой и подошли к станции Таганаш. В этих боях особенно отличился командир 25-й бригады В. Карлсон, награжденный орденом Красного Знамени. В боях принял участие тяжелый артиллерийский дивизион Латышской дивизии.

В ночь с 11 на 12 ноября разбитая армия Врангеля поспешно отступала к крымским портам. 12 ноября Латышская стрелковая дивизия двигалась на юг и юго-запад от Перекопского перешейка, не встречая сопротивления противника.

13 ноября командующий VI армией приказал Латышской стрелковой дивизии совместно с приданным ей бронеотрядом овладеть Евпаторией. Для овладения Евпаторией были выделены 1-й латышский кавалерийский [324] полк, 47-й бронеотряд и команды пеших разведчиков 7-го и 8-го полков при 1 легком орудии. По данным разведки, в направлении Евпатории действующие части противника не отступили, если не считать запасных батальонов 13-й пехотной и Марковской дивизий. Эти батальоны, достигнув Евпатории, рассеялись и частично погрузились на суда. Вечером 11 ноября власть в Евпатории перешла в руки местных рабочих. Латышская стрелковая дивизия во время марша к Евпатории 13 ноября взяла 4 брошенных противником орудия.

Рано утром 14 ноября ударная группа дивизии вошла в Евпаторию. Командующий VI армией приказал Латышской дивизии к исходу 15 ноября выйти к побережью Черного моря на всем протяжении от озера Бакальское до устья реки Кача и заступить на его охрану.

Тем временем 51-я дивизия 15 ноября вступила в Севастополь, который также уже был в руках восставших рабочих. 52-я дивизия 16 ноября освободила Ялту и Алушту. 16 и 17 ноября соседняя IV армия взяла Феодосию и Керчь. Уже после 13 ноября в преследование врангелевцев включились I и II конные армии. К 17 ноября весь Крым был освобожден. Многие врангелевцы сели на суда и бежали из Крыма. В руки советских войск попали около 20 тыс. пленных и почти все военные запасы врангелевской армии, вся артиллерия и более 160 пулеметов (не считая находившихся на складах), огромное количество патронов, снарядов и других трофеев.

VI армия во время Перекопской операции и освобождения Крыма потеряла 384 командира и 5027 бойцов. Командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе 17 ноября 1920 года издал приказ, в котором говорилось, что Врангель разбит и над Крымом взвилось победное красное знамя. Он особенно отмечал беззаветный героизм советских войск в боях с последним оплотом южной контрреволюции.

В. И. Ленин на VIII Всероссийском съезде Советов отметил, что Красная Армия проявила необычайный героизм в борьбе с Врангелем, одолев такие препятствия, которые даже военные специалисты и

авторитеты считали неприступными. «Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии — есть та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем. Таким образом, война, навязанная нам белогвардейцами и империалистами, оказалась ликвидированной»{206}.

Совет Труда и Обороны объявил всем войскам Южного фронта благодарность. За подвиги в борьбе за освобождение Крыма более 40 соединений, частей и подразделений были отмечены наградами. Несколько сот наиболее отличившихся бойцов и командиров, в том числе 27 человек из Латышской стрелковой дивизии, были награждены орденами Красного Знамени.

22 ноября Латышская стрелковая, 51-я и 52-я дивизии временно перешли в распоряжение командующего IV армией. После смены их [325] частями IV армии они должны были из Крыма направиться в район Одессы, Николаева и Херсона. Однако в это время обострился конфликт между советским командованием и махновцами. Военный союз с махновцами не мог быть продолжительным ввиду их антисоветской политики, грабежей и разбоев.

22 ноября в 6 часов 30 минут махновцы по дороге из деревни Михайловка в Саки предательски убили командира 2-й латышской стрелковой бригады Ф. Лабренциса.

26 ноября РВС Южного фронта предложил махновской группе Каретника приступить к реорганизации своих войск, но тот ответа не дал. В ночь с 26 на 27 ноября махновские части спешно снялись со своего участка на Черноморском побережье и направились к месту стоянки штаба Каретника в Булганчике и Кронентале. Затем утром 27 ноября они двинулись оттуда в северном направлении, чтобы прорваться через расположения советских войск и уйти из Крыма.

Части 3-го конного корпуса не были в достаточной мере информированы о конфликте с махновцами и, по существу, не подготовились к возможному бою. Махновцы воспользовались этим, в районе Кронентали обрушились на 7-ю кавалерийскую дивизию и прорвались через расположение ее частей. После этого войска Каретника численностью до 4000 человек на тачанках и в конном строю устремились к Юшуни.

2-я латышская стрелковая бригада получила приказ двинуться из района Саки в юго-восточном направлении, но махновцы уже ушли к Юшуни.

Накануне махновцы имели бой с частями 3-го конного корпуса у станции Войновка и направились частью через Перекоп, частью через Сиваш к Аскании-Нове.

Преследование частей Каретника было поручено конному корпусу Н. Д. Каширина и отдельной кавалерийской бригаде 51-й дивизии под командованием Житова. В эту бригаду 6 декабря вошел 1-й латышский кавалерийский полк под командованием Я. Кришьяниса. Конный корпус Каширина и отдельная кавалерийская бригада совместно с другими частями Красной Армии в декабре 1920 года рассеяли основные силы махновцев, вырвавшихся из Крыма в Северную Таврию. В начале 1921 года на Южной Украине продолжалась борьба с остатками махновских банд. В этой борьбе приняли участие 1-й и 2-й латышские кавалерийские полки. Латышская и 52-я дивизии после выхода из Крыма 2 декабря 1920 года двинулись в сторону Николаева.

Согласно мирному договору между Советской Россией и Латвией от 11 августа 1920 года, латышские национальные части в рядах Красной Армии подлежали расформированию. После разгрома Врангеля этот пункт договора был выполнен. Приказом по Южному фронту от 28 ноября за № 65 (463) Латышская стрелковая дивизия должна была влиться в состав 52-й дивизии. 10 декабря части Латышской стрелковой дивизии прибыли и сосредоточились в районе севернее и северо-западнее Николаева. Штаб дивизии расположился в Николаеве.

На 21 ноября 1920 года в Латышской стрелковой дивизии было боевого командного состава 567 человек и нестроевых командиров 258, бойцов [326] пехоты 4694, бойцов кавалерии 614, всего бойцов 6990. Личный состав дивизии достигал 16,3 тыс. человек.

В этих данных отсутствуют сведения о 1-м латышском кавалерийском полке. На 21 ноября полк насчитывал около 600 бойцов (940 человек личного состава). Следовательно, количество людей в Латышской дивизии в это время достигало 17,3 тыс. человек{207}.

Около 48% личного состава Латышской стрелковой дивизии были латыши (свыше 8000 человек), остальные — русские, украинцы, эстонцы и представители других национальностей. Боевой состав дивизии на 65% состоял из латышей.

До 31 декабря 1920 года слияние Латышской стрелковой дивизии с 52-й дивизией в основном завершилось. В течение 1921 года почти половина стрелков и командиров бывшей Латышской стрелковой дивизии была демобилизована. Многие стрелки и командиры остались служить в рядах Красной Армии. Почти весь командный состав Латышской дивизии и много стрелков остались в рядах 52-й дивизии, во главе которой встал бывший начальник Латышской стрелковой дивизии К. Стуцка. Часть бойцов и командиров Латышской стрелковой дивизии вошла также в состав 15-й, 51-й и других дивизий Южного фронта.

Врангелевский фронт явился заключительным и самым тяжелым этапом в истории латышских стрелков. В боях в Южной Таврии погибли

тысячи стрелков и командиров, но, несмотря на это, первая регулярная дивизия рабоче-крестьянской Красной Армии — Краснознаменная Латышская стрелковая дивизия — с честью закончила свой замечательный боевой путь, путь самоотверженного служения великим интернациональным целям пролетарской революции. [327]

Глава X. **Краткий историографический обзор**

Изучение истории революционных латышских стрелков имеет очень важное научное и политическое значение. Эти героические и самоотверженные борцы вписали много незабываемых страниц в историю Советского государства, в летопись борьбы за свободу всех народов СССР. Публикация исторических материалов по этой проблеме в нашей стране может быть разделена на несколько периодов. Первый период охватывает непосредственно годы гражданской войны (1918—1921), когда на страницах советских газет и журналов часто появлялись сведения о борьбе латышских стрелков. Второй период в изучении истории латышских стрелков начался в 20-х и завершился в середине 30-х годов. В это время широко проводился сбор фактов, готовились к печати различные сборники документов и воспоминаний, делались попытки оценить и обобщить весь огромный материал. В конце этого более чем пятнадцатилетнего периода исследования заметно изменились интенсивность и направленность в изучении проблемы. Третий период длился с момента восстановления Советской власти в Латвии в 1940 году до середины 50-х годов. Четвертый период, начавшийся после XX съезда КПСС, характеризуется серьезными достижениями в изучении рассматриваемой проблемы. В работу включились многие квалифицированные историки, расширилась база исторических источников и соответственно повысился научный уровень подготовленных к печати работ.

Не ставя перед собой цели рассмотреть работы, посвященные общей истории гражданской войны, укажем, однако, что в изданной в 20-х годах и в первой половине 30-х годов в Советском Союзе исторической литературе о гражданской войне нет недостатка в указаниях на боевые операции латышских стрелков. Так, книга В. Антонова-Овсеенко, посвященная истории гражданской войны{208}, повествует о пребывании латышских [328] стрелков в Петрограде и их участии в подавлении контрреволюционного мятежа Каледина.

В работах В. Д. Бонч-Бруевича, главным образом в его книге «На боевых постах Февральской и Октябрьской революций», высоко оценена боеспособность латышских стрелков, подчеркиваются их верность пролетарской революции, проявленные ими выдающиеся дисциплинированность и самообладание{209}. Автор рассказывает о том, как латышские стрелки помогли укрепить революционный порядок в Петрограде, описывает эпизоды, связанные с национализацией частных

банков и разоружением анархистов, а также переезд Советского правительства в марте 1918 года из Петрограда в Москву, во время которого правительственный поезд охраняли латышские стрелки.

Сведения об участии латышских стрелков в разгроме войск Деникина мы находим в 3-м томе издания «Гражданская война 1918—1921 гг.» (М.—Л., 1930).

Боевые операции латышских стрелков на Южном фронте в 1919 году подробно описаны в книге полководца периода гражданской войны А. Егорова «Разгром Деникина» (М., 1931) и в монографии советского военного историка К. Галицкого «Орловско-Кромское сражение» (М., 1932). Оба автора, прекрасно зная конкретный ход событий на Южном фронте и основываясь на анализе обширной группы источников, высказали много интересных и ценных мыслей о южной операции в целом, дали оценку боевым действиям Латышской стрелковой дивизии и ее отдельных полков. Упомянутые работы, написанные в хорошей историографической традиции, не утратили своего значения и по сей день.

Одной из первых работ, в которой нашли отражение действия Латышской стрелковой дивизии против Врангеля, является статья советского военачальника А. Корка «Взятие Перекопско-Юшуньских позиций войсками 6-й армии в ноябре 1920 г.»{210}. В ней приводятся сведения о численном составе Латышской дивизии и дается оценка ее боевой деятельности.

Стойким и боеспособным отрядом Красной Армии Латышская дивизия охарактеризована и в «Истории гражданской войны». Однако помещенные в ней материалы не дают цельного представления об участии латышских стрелков на последнем этапе разгрома войск Врангеля.

О боях латышских стрелков с врангелевцами рассказывает также книга А. Буйского «Борьба за Крым и разгром Врангеля» (М.—Л., 1930) и др.

Первые попытки осветить важнейшие события в истории латышских стрелков, много принципиально важных указаний и мыслей, на которые позднее опиралась посвященная этой проблеме советская научная литература, содержатся в статьях выдающихся латышских революционных деятелей П. Стучки и Ю. Данишевского, опубликованных в периоды революции, гражданской войны и позднее в советских газетах и журналах. П. Стучка одним из первых правильно оценил факт создания латышских [329] стрелковых батальонов во время первой мировой войны, убедительно показав, что латышская буржуазия, хлопоча о формировании «национальных» частей, в действительности ставила перед собой узкоклассовые цели. Она рассчитывала кровью своих соотечественников — латышских рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели, — выслужиться перед царским троном и его приближенными.

П. Стучка дал высокую оценку II съезду латышских стрелков и принятой им резолюции. Он писал: «17 мая в хронике российской, а следовательно, и мировой революции занимает особую страницу под названием «Латышский стрелок». Это не был день рождения латышского стрелка, но день его возрождения. Это был день, когда латышские стрелки не по одному, а, как всегда, организованно, все как один, перешли в стан революционных борцов и сразу же встали в их первые шеренги». П. Стучка описал переполох, вызванный в лагере буржуазии переходом латышских стрелков на сторону большевистской партии. Он указывал, что стрелки — это одетые в солдатские шинели труженики города и деревни, это вооруженные рабочие. «Рабочий не должен забывать, — говорил П. Стучка на I съезде Советов Объединенной Латвии, — что он является и стрелком, а стрелок не должен забывать, что, будучи стрелком, он в то же время является и рабочим»{211}.

Перу Ю. Данишевского принадлежат несколько статей, посвященных II съезду латышских стрелков, состоявшемуся в мае 1917 года. Одним из первых в советской историографии он описал, хотя и весьма схематично, участие Латышской дивизии в разгроме Деникина. Характеризуя Орловско-Кромскую операцию как поворотный пункт в осенних боях 1919 года на Южном фронте, Ю. Данишевский подчеркивал, что Латышская дивизия и Конная армия были там основными ударными частями войск молодой Советской республики. По мнению автора, важную роль в успехе ударной группы сыграло тесное боевое содружество между Латышской дивизией, частями Эстонской дивизии и бригадами Примакова и Павлова.

Первую попытку восстановить боевой путь латышских стрелков от создания латышских национальных батальонов в 1915 году до окончания гражданской войны сделал бывший начальник Латышской советской дивизии и первый главнокомандующий вооруженными силами РСФСР И. Вациетис в своей книге «Историческое значение латышских стрелков»{212}. Это — произведение мемуарного жанра, не претендующее на систематическое изложение всей истории латышских стрелков. Оно может быть использовано в качестве материала при написании такой истории. В книге отображаются бои, в которых принимали участие латышские стрелковые полки, главным образом 5-й Земгальский полк под командованием автора книги. Подробно освещены наступление немцев на [330] Рижский плацдарм и бои у Малой Югры. В исторической литературе немного воспоминаний, в которых так ярко изображается положение на Северном фронте в первые месяцы после Октябрьской революции. Вациетис подробно изложил ход освобождения Валки от контрреволюционных частей и впервые в исторической литературе описал, как в ноябре 1917 года Советское правительство вызвало в Петроград 6-й латышский стрелковый полк, как была

сформирована Сводная латышская стрелковая рота, охранявшая Смольный и Кремль.

И. Вациетис повествует об участии латышских стрелков в подавлении контрреволюционных мятежей Каледина и Довбор-Мусницкого, приводит данные о формировании Латышской стрелковой дивизии и ее боевом пути на различных фронтах гражданской войны. С большим интересом читаются страницы, рассказывающие об участии латышских стрелков в разгроме мятежа левых эсеров в Москве и в боях под Казанью. Более конспективно написаны разделы, посвященные боевым действиям стрелков на Южном фронте и их участию в разгроме войск Деникина и Врангеля. Книга содержит много интересных оценок и примечательных рассуждений (подчас верных, а иногда — ошибочных) об актуальных проблемах международной обстановки и внутреннего положения России того времени. Книга И. Вациетиса представляет собой типичные мемуары непосредственного участника событий со всеми присущими этому жанру сильными и слабыми сторонами.

Дальнейшим шагом в освещении этой проблемы явилась статья П. Виксне «Историческая роль латышских стрелков»{213}. До сего времени не утратили значения приведенные в статье сведения о результатах выборов в Учредительное собрание по латышским стрелковым полкам и по всей XII армии. Подчеркивая революционную настроенность латышских стрелков, П. Виксне правильно указывает, что латышские стрелковые полки были первыми частями старой регулярной армии, добровольно влившимися в состав новой, Красной Армии, которая начала формироваться в первой половине 1918 года.

Значительным достижением в разработке темы о латышских стрелках было принятое Комиссией по истории латышских стрелков решение об издании трехтомной «Истории латышских стрелков». Подробная программа издания была опубликована в 1928 году. Несколько слов о самой комиссии. После окончания гражданской войны латышские коммунисты, жившие в Советском Союзе, предложили создать центр для координирования сбора материалов по истории латышских стрелков и подготовки их к печати. Первоначально функции такого центра принял на себя Инициативный комитет по вопросам истории латышских стрелковых полков при Латышской секции Коминтерна, образованный в 1923 году, а с мая 1926 года — Комиссия по истории латышских стрелков при Латышской секции ЦК ВКП(б). В Инициативный комитет входили ветераны гражданской войны и видные командиры латышских стрелков К. Стуцка, Р. Апинис, Т. Драудынь, Р. Баузе, О. Дзенис, Ж. Зонберг и [331] А. Г. Васильев, а в Комиссию по истории латышских стрелков — Ю. Данишевский, Я. Ленцманис, П. Блюмфельд (Свирис), П. Целминь, А. Фелдманис, К. Янелис, К. Стуцка, В. Штраус, П. Виксне и др. Комиссии

возглавили всю работу по написанию истории латышских стрелков: создали авторские коллективы, организовали сбор материалов и запись воспоминаний, систематически информировали на страницах печати о своей деятельности, успехах и трудностях, обсуждали проекты задуманных исторических работ и публикаций.

В подготовительную работу по созданию истории латышских стрелков включилась Организация бывших латышских стрелков при Совете Осоавиахима СССР, которой руководило Центральное бюро секций бывших латышских стрелков. Бюро и секции проводили сбор, изучение и популяризацию материалов о революционной деятельности латышских стрелков и их боевых действиях во время гражданской войны, регулярно принимали участие в организации и проведении торжеств по поводу Дня латышских стрелков.

Бюро обратилось ко всем группам бывших латышских стрелков с призывом организовывать вечера воспоминаний, изучать и обсуждать боевые операции, посылать документы и материалы Комиссии по истории латышских стрелков и Главной редакции «Истории гражданской войны». В Центральном бюро секций бывших латышских стрелков работали 7 человек. В конце 1936 года председателем бюро был К. Стуцка, заместителем председателя — Р. Апинис, членами бюро — К. Дозитис, П. Виксне, К. Иокум, Б. Звайгзне и В. Штраус. Организация бывших латышских стрелков объединяла 1024 человека. Наиболее многочисленные секции были в Москве (415 человек), Ленинграде (173), Смоленске (102), Великих Луках (58), Харькове (55) и др.

Первый том «Истории латышских стрелков» хронологически должен был охватывать период с начала формирования латышских национальных подразделений до конца 1918 года, т. е. годы империалистической войны, Февральской революции, Великой Октябрьской социалистической революции и первый год гражданской войны. Второй том решено было посвятить борьбе стрелков за Советскую власть в Латвии (ноябрь 1918 — август 1919 года). Намечалось рассмотреть боевой путь отдельных латышских стрелковых частей и соединений. Хронологические рамки третьего тома охватывали период с середины 1919 по конец 1920 года. Этот том намечено было посвятить военным действиям Латышской дивизии на Южном фронте, в боях против Деникина и Врангеля, а также участию 5-го особого латышского полка в разгроме армии Юденича, наступавшей на Петроград.

Подчеркивая коллективный характер готовящегося издания, организаторы создания «Истории латышских стрелков» указывали, что включаемые статьи не будут ограничиваться только оперативным анализом боевых действий латышских стрелков, но и дадут широкий обзор

основных военных операций, имевших важное общественно-политическое значение.

«История латышских стрелков» с самого начала мыслилась как произведение смешанного жанра: наряду со статьями решено было публиковать [332] документы, а также воспоминания командиров, политработников и стрелков. Таким образом, в издании предусматривались 3 типа материалов — статьи, воспоминания и документы.

В условиях того времени (малая степень изученности проблемы, отсутствие подготовленных кадров, разбросанность источников) это была единственная приемлемая форма разработки столь объемистой темы. Широта хронологических рамок, важность описываемых событий и чрезвычайное богатство фактического материала вынудили составителей с самого начала произвести существенные изменения: первый том был разделен на 2 части, а второй — даже на 3. Первую часть первого тома решено было посвятить периоду первой империалистической войны, вторую — Февральской и Великой Октябрьской социалистической революциям, а также первому году гражданской войны.

В первой части второго тома было предусмотрено поместить статьи общеполитического характера, а также статьи, содержащие анализ военных операций. Вторая часть отводилась под воспоминания и небольшие статьи, посвященные отдельным боевым эпизодам войсковых подразделений, а третья — важнейшим документам, связанным с борьбой за Советскую власть в Латвии в 1919 году. В 1928 году вышли в свет первая и вторая части первого тома «Истории латышских стрелков», а в 1934 году — вторая часть второго тома{214}. К этому времени была уже проделана значительная работа по подготовке первой части второго тома, для которой издательство «Прометейс» получило несколько крупных статей (о политике правительства Советской Латвии по аграрному вопросу, боевых действиях красных партизан, снабжении армии, а также оперативный обзор боевых действий) общим объемом в 16 авторских листов. Однако во второй половине 30-х годов изучение столь важной в политическом и научном отношении темы было сначала прервано, а затем прекращено полностью.

Из запланированных 3 томов истории латышских стрелков целиком вышел в свет только один. Таким образом, ценное издание, еще сегодня поражающее новаторством мысли, смелостью и размахом организационной работы, осталось незавершенным. Однако вышедшие 3 части (объемом около 100 печатных листов) оказали серьезное влияние на всю латышскую историографию и послужили базой для послевоенных исследований советских историков.

В начале 30-х годов зародилась идея издания новой серии исторических статей. К публикации было решено подготовить сборник «Латышский революционный стрелок» в 3 томах. В 1934 году издательство «Прометейс» выпустило в свет первый том, а через год вышел второй{215}. Комиссия по истории латышских стрелков сама мотивировала выпуск нового сборника необходимостью обсудить неясные и спорные вопросы истории латышских стрелков и опубликовать новые исследования, воспоминания и документы, которые были обнаружены после освещения соответствующих периодов в изданных томах «Истории латышских [333] стрелков». В предисловии к первому тому сборника «Латышский революционный стрелок» Комиссия выражала уверенность, что вскоре последуют второй и третий тома, но издать удалось только 2 тома, однако и в них уже ощутима тенденциозность в подборе материала.

Рассмотрим эти труды несколько подробнее. Большое значение имеет предисловие к первому тому «Истории латышских стрелков», принадлежащее перу П. Стучки и содержащее глубокие суждения принципиального характера. Прежде всего П. Стучка указывает на революционные настроения латышских стрелков. Отметив пролетарский состав стрелков, он напоминает, что во все решающие моменты борьбы за Советскую власть латышские стрелки были в первых рядах революционных бойцов рабочего класса. П. Стучка рассказывает об отношении вождя мирового пролетариата В. И. Ленина к латышским стрелкам, о том, как внимательно Ильич следил за событиями в латышских полках и как высоко ценил переход латышских стрелков на сторону большевистской партии в мае 1917 года. По словам автора, В. И. Ленин доверял латышским стрелкам выполнение важнейших заданий правительства. П. Стучка подчеркивает также несокрушимое единство латышских стрелков со всеми бойцами Красной Армии.

Статья К. Иокума «Как возникли латышские стрелковые батальоны» — одна из первых работ в советской историографии, посвященных формированию латышских национальных подразделений и первым военным операциям стрелков на фронтах мировой войны. Очень интересны собранные К. Иокумом документы (главным образом переписка) о боях в Тирельских болотах, у Пулеметной горки, о «рождественских боях».

В статьях Ю. Данишевского, Т. Драудыня, А. Фелдманиса и других работах, вошедших в данное издание, также рассматриваются различные вопросы этой темы. Важное место в них отводится характеристике руководящей роли партии и деятельности массовых организаций трудящихся, а также анализу обстановки в латышских стрелковых полках.

Очерк А. Фелдманиса «Комитет коммунистической организации латышских стрелковых полков» является первой попыткой всесторонне

осветить возникновение и деятельность партийных организаций в латышских частях. Большую ценность имеют приводимые в очерке сведения о численном составе партийных организаций, характеристика ее деятельности, а также освещение хода партийных конференций. Прослеживая развитие событий на фронте, автор подчеркивает важность работы, проводившейся Комитетом коммунистической организации совместно с Исколастрелом по мобилизации стрелков на защиту завоеваний Великого Октября.

В статье К. Озолиня-Томаса анализируется деятельность газеты «Бривайс стрелниекс» («Свободный стрелок») в период подготовки и проведения социалистической революции, отражена борьба с буржуазными и мелкобуржуазными элементами внутри самой редакции, переход газеты на сторону большевиков. В ней приводятся примеры, свидетельствующие о том, что новая политическая линия редакции находила полную поддержку в широких массах латышских стрелков. Автор показывает, [334] как на страницах газеты находили отражение важнейшие вопросы политической жизни того времени. Основная ценность упомянутых статей заключается в том, что они реалистически отображают ситуацию, сложившуюся осенью 1917 года в районе XII армии.

Одну из первых попыток подробно описать боевые действия латышских стрелков в первый год гражданской войны предпринял Р. Баузе. В его статье «Латышские стрелки в 1918 году» затрагивается вопрос о намерении создать латышский корпус, которое не получило одобрения Временного правительства. Этот проект был утвержден после победы пролетарской революции — в декабре 1917 года. Автор рассказывает, как 6-й Тукумский полк охранял революционный порядок в Петрограде, как стрелки боролись с корпусом польских белогвардейцев Довбор-Мусницкого и отрядами генерала Каледина. Он приводит также места дислокации латышских стрелковых полков в марте 1918 года (Москва, Петроград, Бологое, Старая Русса и др.). Р. Баузе развенчивает состряпанную латышскими буржуазными историками легенду о единстве интересов солдат и офицеров прежних латышских стрелковых полков и на конкретном материале показывает, что немало латышских офицеров перешли на сторону контрреволюции и приняли активное участие в борьбе против Советской власти, тогда как большинство латышских стрелков оставались верными идеям социалистической революции и вступили в ряды Красной Армии. Он подчеркивает, что полковые комитеты под руководством партийных организаций провели большую работу по переформированию стрелковых частей и созданию Латышской дивизии — дивизии Красной Армии. Характеризуя специфику внутренней структуры латышских полков, Р. Баузе последовательно проводит мысль о том, что в

1918 году полковые комитеты играли положительную роль, так как они способствовали укреплению боеспособности латышских национальных частей.

Заслуживают внимания приводимые в статье сведения о создании латышских отрядов в Саратове, Витебске, Пензе и Харькове. Интересны описания участия латышских стрелков в подавлении мятежа левых эсеров в Москве и ликвидации заговора Локкарта.

Во второй части первого тома «Истории латышских стрелков» помещена статья К. Иокума, посвященная борьбе латышских стрелков с белочехами на Восточном фронте. Автор повествует об отдельных боевых эпизодах под Казанью в августе 1918 года (о гибели комбрига Я. Юдыня, окружении и пленении 143 стрелков, о зверствах контрреволюционеров и т. п.), цитируя ряд интересных документов (к сожалению, как и во многих изданиях того времени, без ссылки на источники).

Очень ценными источниками для изучения истории латышских стрелков являются опубликованные во второй части первого тома документальные материалы, а также воспоминания К. Дозитиса, А. Фелдманиса, Я. Ларозе-Мазайса, П. Апара, К. Гайлиса, Я. Бале, К. Жубитиса и др.

К достоинствам этого издания следует отнести и тщательно составленные приложения: хронику событий, указатель географических названий и различные схемы. В целом выпущенная издательством [335] «Прометейс» «История латышских стрелков» представляет собой богатый фактами источник, успешно выдержавший испытание временем.

Среди статей, помещенных в сборнике «Латышский революционный стрелок», следует выделить работу Р. Апиниса «Латышская дивизия на врангелевском фронте», статьи К. Стуцки о боях латышских стрелков на Перекопском перешейке и В. Примакова об Орловско-Кромском сражении.

В первом томе сборника «Латышский революционный стрелок» в порядке дискуссии опубликована статья Р. Берзиня «Управление армией Советской Латвии и Исколастрел». Автор концентрирует внимание на негативных сторонах действий Армии Советской Латвии и ее внутренней структуры, подвергая критике выборность органов латышских стрелковых полков. В статье отражена борьба мнений в рядах Коммунистической партии Латвии по вопросу о внутренней структуре Армии Советской Латвии. Следует указать, что Р. Берзинь несколько упрощенно отвечает на вопрос о том, почему в латышских стрелковых полках в 1919 году сохранялась специфичная внутренняя организация. В сущности, он сводит весь вопрос к тому, что отсутствовали четкие указания со стороны руководства (Центрального Комитета КП Латвии, правительства и Военного комиссариата Советской Латвии). Нам же кажется, что сам автор

недостаточно полно оценил конкретные исторические условия, существовавшие в Латвии в то время, прежде всего тот факт, что деятельность выборных органов латышских стрелков имела существенные революционные традиции.

Из воспоминаний Я. Лаубе, П. Апара, Я. Бривкална, Я. Гредзена и К. Бралитиса историки могут почерпнуть немало сведений о том, как латышские стрелки в конце 1917 года выполняли важные задания правительства. Среди этих воспоминаний выделяется повествование А. Лайцена, который с подлинным литературным мастерством изображает эпизоды из жизни и боевой деятельности латышских стрелков. Большой интерес представляет описание выступления В. И. Ленина перед латышскими стрелками в Смольном в феврале 1918 года. Увлекательны воспоминания К. Урбановича о боевых действиях Витебского латышского кавалерийского полка в конце 1918 года. Высоко оценивая 2 тома издания «Латышский революционный стрелок», без изучения которых в наше время не может обойтись ни один исследователь истории латышских стрелков, следует все же отметить, что они не представляют собой цельного исторического исследования, а скорее являются материалами для его написания.

Важный вклад в разработку истории латышских стрелков внесла изданная в 1931 году книга В. Штрауса «Советская Латвия и международная контрреволюция»{216}. Книга написана на основе достоверных источников и насыщена богатым фактическим материалом. Она удачно совмещает серьезные научные обобщения с простотой и ясностью изложения. Привлекают внимание анализ международного положения и умение автора [336] находить взаимосвязь между событиями в Латвии в конце 1918—первой половине 1919 года и явлениями мирового значения. С большим умением В. Штраус характеризует классовую сущность политики различных группировок латышской буржуазии. Он вскрывает также серьезные противоречия, существовавшие между капиталистическими государствами, стремившимися подчинить себе прибалтийские страны. На ярких примерах автор разоблачает предательскую антинародную политику латышских буржуазных деятелей и темные закулисные стороны «провозглашения независимой Латвии».

Центральное место в книге занимает анализ военных операций, который иллюстрируется ценными сведениями о численном составе Армии Советской Латвии и ее противников, о протяженности фронтов и о вооружении. Автор подчеркивает, что весной 1919 года Советская Латвия находилась в очень невыгодном стратегическом положении, так как на нее наступали объединенные силы международной контрреволюции, а в Эстонии и Литве Советская власть уже пала. Серьезно аргументирован и обоснован неопровержимым фактическим материалом важнейший вывод

В. Штрауса о том, что вооруженным рабочим и крестьянам Латвии в 1919 году приходилось сражаться не столько с внутренней контрреволюцией, сколько с объединенными силами международного империализма, с армиями немецкого генерала фон дер Гольца, польских и эстонских белогвардейцев. Приводимые в книге факты убедительно показывают, что подразделения латышских буржуазных националистов весной 1919 года не играли сколько-нибудь заметной роли среди вооруженных врагов Советской Латвии. Положительной чертой книги является то, что ход событий в Латвии излагается в тесной взаимосвязи с развитием военных операций на территории Литвы и Эстонии. Ценны также тщательно составленные схемы военных операций. В. Штраус отнюдь не упрощает рассматриваемый вопрос, а показывает всю сложность ситуации того времени, не скрывая трудностей борьбы с контрреволюцией и не замалчивая отдельные неудачи на фронтах.

Поэтому важнейшие идеи книги В. Штрауса послужили базой для дальнейших исследований советских историков. Труд В. Штрауса и в наши дни по праву может считаться одним из лучших исследований, посвященных иностранной интервенции в Латвии в 1918 и 1919 годах. Одновременно это работа, в которой наиболее полно анализируются военные операции в Латвии в соответствующий период.

Первой специальной работой о латышских стрелках, опубликованной после Великой Отечественной войны, является очерк Р. Кисиса «Октябрьская революция и латышские стрелки»{217}, который в несколько дополненном виде вышел и на русском языке под измененным названием «Латышские стрелки в период гражданской войны» (Рига, 1951). Автор — бывший латышский революционный стрелок — делает попытку в самых общих чертах (насколько это позволяют рамки небольшого очерка) [337] напомнить широким массам читателей о славном боевом пути легендарных латышских частей.

После XX съезда КПСС начался новый период в изучении истории латышских стрелков. Возросло число историков, обратившихся к исследованию этой проблемы. Доступными стали богатые фонды архивных материалов. В 60-х годах была проделана значительная работа по освоению наследия советской историографии о латышских стрелках, возникшей в 20-х и в первой половине 30-х годов. Достигнуты заметные успехи в разработке отдельных важных аспектов этой обширной проблемы. Круг изучаемых вопросов с каждым годом расширяется и непрерывно повышается научный уровень подготовляемых к публикации исследований.

Наибольший вклад в изучение истории латышских стрелков внесли Т. Драудынь, Я. Кайминь, Б. Томан, Я. Крастынь, А. Спреслис, В. Берзиньш. В целой серии работ Т. Драудыня и в его книге «Боевой путь Латышской

стрелковой дивизии в дни Октября и в годы гражданской войны (1917—1920 гг.)» (Рига, 1960) показан процесс быстрой большевизации латышских стрелковых полков, отражено единство латышских стрелков, рабочих и трудовых крестьян в революционной борьбе.

Умелым сочетанием новых конкретных материалов, обнаруженных в различных архивах нашей страны, с данными других источников характеризуется обширная монография Я. Кайминя «Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. 1917—1918» (Рига, 1961), представляющая собой значительный шаг вперед в освещении вопроса об участии латышских стрелковых полков и других частей XII армии в борьбе за победу Октябрьской революции.

Процессу революционизации латышских стрелков и их переходу на сторону социалистической революции посвящены и очерки Я. Крастыня. Участие латышских стрелков в борьбе за Советскую власть отражено в обобщающих трудах по истории Латвийской ССР и Коммунистической партии Латвии. Некоторые новые материалы о революционной борьбе латышских стрелков содержат монографии М. Капустина, Ф. Шурыгина и Д. Гразкина, вышедшие в свет во второй половине 50-х годов.

Толчком к дальнейшему исследованию вопроса о латышских стрелках и заговоре Локкарта явилась принципиально важная статья старых коммунистов и активных революционеров Т. Драудыня, Р. Кисиса, А. Дижбите, Я. Кайминя, опубликованная в 1957 году в 6-м номере журнала «Коммунист Советской Латвии». В своем письме в редакцию они доказывали, что совершенно необоснованной и выдуманной является сравнительно популярная в конце 30-х и в 40-х годах версия, в соответствии с которой латышские стрелки, в частности командир 1-го легкого артиллерийского дивизиона Эдуард Берзинь, были соучастниками Локкарта. Цитируя документы и фрагменты изданий советской печати того времени, авторы письма сделали первый шаг на пути восстановления исторической истины, рассказали подлинную историю о «заговоре послов» и роли латышских стрелков в его раскрытии. [338]

Героическая борьба латышских стрелков за Советскую власть в первый год гражданской войны (с ноября 1917 по ноябрь 1918 года) описана в работах историков Б. Томана{218} и А. Спрелиса{219}.

Посвятив несколько лет сбору архивных материалов, Б. Томан подверг анализу множество новых документов о боевых действиях латышских стрелков в 1918 году. Он приводит также сведения о национальном и социальном составе латышских частей. Представляют ценность данные о численном составе этих частей, полученные в результате обработки и других документальных материалов. Изучив боевой путь латышских стрелков в 1918 году, Б. Томан ввел много совсем новых, не известных до сих пор фактов. Наиболее детально он

рассматривает формирование и организационную работу партийной организации Латышской стрелковой дивизии — первой дивизии Красной Армии.

В монографии А. Спреслиса впервые в исторической литературе приводится сравнительно обширное описание боевого пути латышских стрелков в первый год гражданской войны, когда родилась и окрепла Красная Армия, были сформированы ее первые дивизии и армии, сложились фронты. Автор ввел в научный оборот новые документы и материалы, показав бои V армии на Восточном фронте за освобождение Казани в сентябре 1918 года, осветив боевые действия II и III армий на Восточном фронте. Впервые в латышской историографии подробно описаны бои, которые вели 3-я латышская стрелковая бригада и приданные ей части и подразделения на Южном фронте — у Поворина и Косарки. В книге рассказывается о боевых заслугах многих командиров различных латышских частей и подразделений, а также рядовых стрелков. В меньшей мере в ней отражены политико-массовая работа, деятельность партийной организации, вопросы вооружения, военной тактики и военного искусства.

Вопросами, касающимися освобождения территории Латвии от немецких оккупантов и латышских белогвардейцев в конце 1918 — начале 1919 года, занимались главным образом два историка — А. Зиле и В. Берзиньш{220}. В их работах анализируется военно-стратегическое положение, сложившееся в конце 1918 года, прослеживаются маршруты передвижения частей красных латышских стрелков и других частей Красной Армии, показаны события, связанные с освобождением Цесиса, Валмиеры, Риги, Тукумса, Елгавы и других городов. Авторы подчеркивают, что во многих местах трудящиеся Латвии изгнали оккупантов и установили Советскую власть еще до прихода регулярных частей Красной Армии.

К сожалению, существующие исследования советских историков не дают четкого представления о численности вражеских вооруженных сил [339] в конце 1918 — начале 1919 года, о тактических и стратегических замыслах советского и немецкого командований. Причиной этого, по-видимому, является недостаточное знакомство с немецкими архивными материалами и частично с вышедшей в Германии соответствующей исторической литературой.

Более полно изучены вопросы организации и структуры Армии Советской Латвии в 1919 году. В статьях А. Зиле и В. Берзиньша, появившихся в периодической печати в 60-е годы, освещается процесс формирования новых воинских частей. Приводятся данные о численности и национальном составе Армии Советской Латвии, указывается число добровольцев и коммунистов. Шире и полнее, чем раньше, освещена

деятельность партийных организаций и полковых комитетов. Однако, подчеркивая большую положительную работу, проводившуюся коммунистами и партийными организациями всех частей и подразделений Армии Советской Латвии, авторы вместе с тем не умалчивают о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться членам партии, не скрывают недостатков партийной работы в армии. Изучив два периода формирования вооруженных сил Советской Латвии, А. Зиле приходит к выводу, что и на первом этапе, когда армия формировалась на основе принципа добровольности, она была регулярной, централизованной армией, ядро которой составляли полки красных латышских стрелков, уже ранее героически сражавшихся с белогвардейцами. В статьях излагается содержание дискуссий, разгоревшихся в ходе обсуждения принципов построения Армии Советской Латвии, рассказывается о III конференции коммунистических организаций латышских стрелковых полков, показана специфика внутренней организации частей латышских стрелков. В то же время в работах А. Зиле временами проявляется увлечение иллюстративным методом. Например, рассказывая о мобилизации населения, она не приводит данных о численности призванных в Армию Советской Латвии в 1919 году.

Исследования В. Берзиньша помогают составить конкретное представление о боевых действиях латышских стрелков в Латгале во второй половине 1919 и в начале 1920 года. Все военные операции латышских стрелков в Латгале рассмотрены в органической взаимосвязи с ходом событий в соседних VII и XVI армиях.

В своей монографии «Борьба латышских стрелков за Советскую Латвию в 1919 году» В. Берзиньш на основе архивного и другого материала освещает борьбу латышских стрелков за Советскую власть в Латвии в 1919 году и показывает роль Армии Советской Латвии в защите завоеваний Великого Октября. Он знакомит с формированием вооруженных сил молодой Латвийской Советской республики, дает оценку внутренней организации Армии Советской Латвии, показывает, что наряду с комиссарами в латышских частях существовали выборные полковые комитеты во главе с Исколастрелом. Видное место в работе отводится характеристике численного и социального состава Армии Советской Латвии. Автору удалось показать взаимодействие латышских стрелков с другими частями Красной Армии, защищавшими Советскую Латвию, а также их совместную борьбу за Советскую власть на юге Эстонии. [340]

Вопроса об участии латышских стрелков в боях на Южном фронте против деникинцев касались многие исследователи — П. Макеев, Т. Драудынь, Я. Крастынь и др.

В публикациях Т. Драудыня и Я. Крастыня шире всего освещены вопросы участия Латышской дивизии в Орловско-Кромском сражении,

учтены результаты новейших исследований советской историографии, освоено наследие 20-х и первой половины 30-х годов (широко использована работа К. Галицкого «Орловско-Кромское сражение»). В меньшей мере авторы использовали архивные материалы.

Тему «В. И. Ленин и латышские стрелки» разрабатывали многие исследователи. Уже в 20-х годах этому вопросу было посвящено несколько статей П. Стучки. В трудах Т. Драудыня, Я. Кайминя, Р. Трея и А. Дризула, появившихся после XX съезда КПСС, читатель найдет немало фактов и эпизодов, рассказывающих об отношении вождя революции к латышским стрелкам.

Реально ощутимый прогресс наметился в освещении боевого пути виднейших командиров стрелков. Среди новейшей литературы следует отметить монографии В. Берзиньша и Я. Рубертса о И. Вациетисе{221} и А. Спреслиса о Р. Эйдеманисе{222}.

В книге о И. Вациетисе впервые в нашей литературе в рамках специального исследования на широкой документальной основе прослеживается жизненный и боевой путь этого видного советского военачальника периода гражданской войны. В книге рассказывается о тесных связях И. Вациетиса с латышскими стрелками, большое место уделяется его деятельности на постах командующего Восточным фронтом (июль — сентябрь 1918 года) и главнокомандующего всеми Вооруженными Силами Советской России (с сентября 1918 по июль 1919 года).

Во второй монографии автор знакомит читателя с рядом новых фактов, почерпнутых из архивных фондов и относящихся к роли Р. Эйдеманиса как начальника Каховской группы XIII армии.

Во второй половине 50-х годов возобновились публикации источников. Ценные воспоминания современников и документы опубликованы в сборнике «Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917 — 1920 гг.» (Рига, 1962). В нем помещены интересные и в основном архивные материалы (военно-оперативные документы, решения партийных собраний и конференций), воспоминания и биографические очерки, посвященные командирам и политработникам.

Среди опубликованных документов особенно интересны адресованное Я. М. Свердлову донесение комиссара Латышской дивизии К. Петерсона о заговоре Локкарта и об участии стрелков в его ликвидации, описание боевых действий дивизии за период с 9 по 16 ноября 1920 года (освобождение Крыма), выдержка из резолюции VI съезда Коммунистической партии Латвии об основных принципах коммунистической организации Армии Советской Латвии. В сборнике помещены высказывания Я. М. Свердлова, С. М. Буденного, А. И. Егорова, в которых дается высокая [341] оценка боевых действий красных

латышских стрелков на фронтах гражданской войны. Ярки, интересны и содержательны опубликованные в сборнике воспоминания П. Плаудиса, В. М. Примакова, Я. Балодиса, К. Заула и др. Некоторые статьи и воспоминания, включенные в сборник, перепечатаны из прежних изданий, выпущенных издательством «Прометейс».

Определенное значение имеет и публикация «Латышские стрелки» (М., 1960), вышедшая в свет под редакцией и с предисловием генерал-полковника артиллерии Н. М. Хлебникова. Помещенные в ней очерки К. Иокума, Э. Эферта-Клусайса, О. Рихтера, Р. Эйдеманиса, А. Цеплиса и др. повествуют о героизме латышских стрелков, об их беспредельной преданности делу революции, знакомят читателя с целым рядом интересных деталей и ярких эпизодов из боевой деятельности этих дисциплинированных и отважных бойцов Октября.

Сборник воспоминаний «1917 год в Латвии» (Рига, 1957) освещает положение в латышских стрелковых полках в 1917 году. Часть этих воспоминаний (А. Анскина, Р. Баузе. А. Фелдманиса и др.) прежде была опубликована издательством «Прометейс», но воспоминания А. Муцениека, К. Жубитиса, Р. Кисиса и других увидели свет впервые.

В сборнике воспоминаний латышских стрелков «Рушится старый мир...»{223} следует выделить мемуары Я. Витола, Ф. Маркуса, К. Парума и И. Ласманиса.

Ценные сведения о латышских стрелках содержит книга П. Д. Малькова «Записки коменданта Московского Кремля» (М., 1967). В ней повествуется о безграничной преданности латышских стрелков Советской власти. П. Д. Мальков был свидетелем того, как в упорных боях с классовым врагом росла и крепла дружба трудящихся Латвии и России, как латышские стрелки шаг за шагом завоевывали себе славу гвардейцев Великого Октября.

Ратным подвигам первого в нашей стране кавалера четырех орденов Красного Знамени Яна Фабрициуса посвящен сборник воспоминаний его современников «Легендарный комбриг» (Рига, 1971).

Цель публикации «Главнокомандующий всеми Вооруженными Силами Республики И. И. Вациетис»{224}, подготовленной к печати сотрудниками Института истории АН Латвийской ССР совместно с Центральным Государственным архивом Советской Армии, привлечь внимание исследователей к военной деятельности И. Вациетиса и документально подтвердить его вклад в дело организации защиты социалистической революции. Имя И. Вациетиса неразрывно связано с первыми победами Красной армии на Восточном фронте в начале осени 1918 года, разгромом войск генерала Краснова, отражением наступлений Колчака на востоке и белогвардейской Северо-Западной армии под Петроградом весной 1919 года.

Крупнейшим научным результатом многолетней творческой деятельности [342] историков Советской Латвии является написание капитального труда, дающего четкое представление о всей истории латышских стрелков в целом — от создания первых национальных подразделений в 1915 году до расформирования Латышской стрелковой дивизии в 1920 году в связи с подписанием мирного договора между Советской Россией и буржуазной Латвией. Это — «История латышских стрелков (1915—1920)» (Рига, 1972). В этом исследовании детально описаны возникновение латышских батальонов и боевые действия латышских стрелков на Северном фронте в годы первой мировой войны, показан процесс революционизации латышских стрелков и их переход на сторону социалистической революции. В книге повествуется о героической борьбе латышских стрелков на Восточном, Северном и Южном фронтах гражданской войны, приведено немало новых материалов об их участии в подавлении контрреволюционных мятежей, подробно освещаются борьба латышских стрелков за Советскую Латвию в конце 1918 и в 1919 году, политическая работа коммунистов в армии и т. д.

Важным достоинством книги является показ боевых действий латышских стрелков на широком фоне событий периода гражданской войны в Советской России в органической связи с ратными делами основных воинских формирований Красной Армии.

Опубликованные в последние годы работы советских историков, основанные на солидной документальной базе, значительно шире, чем прежде, освещают ряд важных этапов в истории латышских стрелков. В них хорошо аргументирован и разъяснен переход латышских стрелков на сторону пролетарской революции, показана их непреклонная верность Советской власти. Работы советских историков наносят удар по антинаучным концепциям буржуазных националистов, которые либо искажают факты, черня латышских стрелков, боровшихся за Советскую власть, либо пытаются скрыть революционное содержание их борьбы, приписывая ей узконационалистический характер.

Сознательно фальсифицируя историю, буржуазные историки тщетно пытались убедить своих читателей в том, что создание латышских стрелковых батальонов в годы первой мировой войны было якобы проявлением идеи национальной независимости, что это был своеобразный этап борьбы за «автономию» и «независимость» Латвии. Однако в действительности, как известно, латышские буржуазные деятели в области политики вели грязную антинародную игру, не упуская возможности проявить свою преданность монархии Романовых и двуглавому орлу и даже не требуя ликвидации имений немецких баронов.

Латышские буржуазные историки полностью замалчивали все факты, свидетельствовавшие о росте революционных настроений среди

латышских стрелков, об их переходе на сторону большевиков и о деятельности массовых организаций стрелков. Основное место в своих работах они отводили чисто военным и оперативным вопросам, описывая боевые действия латышских стрелковых полков и батальонов на фронтах первой мировой войны, либо восторгались «подвигами» латышских белогвардейцев в борьбе с «большевиками и немцами» в 1919 году. Борьбу латышских стрелков за Советскую власть на фронтах гражданской войны буржуазные [343] историки описывают весьма односторонне, сдержанно и тенденциозно. В их работах не нашли отражения совместная борьба трудящихся различных национальностей России за социальную свободу, международное значение Октябрьской социалистической революции. Пытаясь представить социалистическую революцию в России как «чисто русскую» или как «большевистский переворот», они искусственно отгораживают события в России от исторического процесса в Латвии.

Буржуазно-националистическая литература, посвященная истории латышских стрелков, довольно обширна. Она охватывает немало толстых томов, десятки брошюр, сотни статей и мемуаров. Как в юбилейных изданиях, так и публикациях штаба армии буржуазной Латвии и школьных учебниках превозносилась антисоветская борьба местной буржуазии и ее лидеров.

XXIV и XXV съезды КПСС, уделившие большое внимание советской науке и перспективам ее развития, призвали советских историков к дальнейшей разработке кардинальных проблем отечественной истории, в том числе истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. В свете этих указаний работа по истории латышских стрелков как одной из конкретных тем истории героической борьбы трудящихся нашей страны с иностранной интервенцией, на наш взгляд, должна вестись по двум основным направлениям: по линии монографической разработки ключевых вопросов истории латышских стрелков и подготовки к печати документальных материалов. Наряду с этим нужно возобновить начатую в Советском Союзе в 20-х годах работу по написанию истории отдельных частей и соединений латышских стрелков и приступить к составлению широкой и обстоятельной хроники событий. Необходимо продолжить издание биографических работ, посвященных жизни и деятельности командиров и комиссаров латышских стрелков, а также подготовить монографическое исследование, отражающее вклад, который внесли лучшие сыны латышского народа в общее дело создания и укрепления вооруженных сил молодой Советской Республики. (Достаточно напомнить, какие ответственные посты в Красной Армии занимали И. Вациетис, Ю. Данишевский, Р. Эйдеманис, Е. Алкснис, А. Лапинь, Я. Фабрициус, Р. Берзинь и многие другие.) Немаловажное значение при этом имеют расширение источниковедческой

базы за счет новых материалов, хранящихся в центральных и местных архивах страны, а также совершенствование исследовательской методики, смелое новаторство и неутомимость научного поиска. [344]

Заключение

Разгромом последней опоры контрреволюции в европейской части России — армии генерала Врангеля — завершилась трехлетняя гражданская война, которую республике Советов навязала международная контрреволюция. Эту блестящую победу народ одержал под руководством Коммунистической партии, проводившей единственно верную политику укрепления союза пролетариата и трудового крестьянства.

В разгроме сил международной контрреволюции Советской России оказал помощь пролетариат всего мира. В годы гражданской войны во всех крупных капиталистических странах развернулось мощное революционное движение рабочих. Против вмешательства во внутренние дела Советской России категорически выступили рабочие Англии, провозгласившие лозунг «Руки прочь от Советской России!» В Лондоне проходили массовые митинги и демонстрации в поддержку Республики Советов. В промышленных центрах Англии и Франции началось активное стачечное движение. В числе политических требований забастовщиков был призыв к прекращению военной интервенции против Советской России. Во Франции против вооруженной интервенции боролись также докеры и моряки, объявлявшие забастовки протеста в связи с поставками оружия русским белогвардейцам. Портовые рабочие отказывались грузить оружие на суда. Революционное движение в годы гражданской войны вспыхнуло также и в других капиталистических странах.

Войска стран Антанты, направленные в Россию для борьбы с Советской властью, быстро революционизировались, и их пребывание в Республике Советов становилось опасным для самих империалистических государств. Попытки западных империалистических государств задушить Советскую власть силой потерпели полную неудачу.

Перелом в борьбе Красной Армии с Деникиным и Колчаком наступил тогда, когда изменился социальный состав вооруженных сил белогвардейцев, когда сильно потрепанные, деморализованные кадры их армий растворились в мобилизованной крестьянской массе, которая, несмотря на зверский террор белых, не хотела воевать против Советской власти. Крестьяне, увидев, что белогвардейцы в захваченных ими областях устанавливают антинародный террористический режим, возвращают помещикам конфискованные у них имения и под видом реквизиции скота и хлеба открыто грабят население, окончательно убедились в том, что только Советская власть может улучшить их тяжелое положение.

В кровопролитных битвах гражданской войны, завершившейся полной победой над международной контрреволюцией, активно участвовал и латышский народ в лице своих доблестных стрелков.

Воспитанные Коммунистической партией, преданные великим идеям В. И. Ленина, латышские стрелки на протяжении своего боевого пути высоко несли знамя пролетарского интернационализма. Долгим был овеянный славой путь латышских стрелков. Они прошли с боями от Балтийского до Черного моря, сражались против иностранных интервентов в самой Латвии, участвовали в подавлении антисоветских мятежей [345] в Москве, Ярославле, Нижнем Новгороде, Калуге, Рыбинске, Вологде, Архангельске, Муроме и в других местах. Они покрыли себя неувядаемой славой в боях с белочехами на Восточном фронте, армией Юденича на петроградском фронте, армиями Каледина, Деникина и Врангеля на Южном фронте.

Латышские стрелки отличались высокой политической сознательностью, дисциплинированностью и смелостью. Из их рядов выдвинулось немало командиров и организаторов Красной Армии. Многие тысячи латышских стрелков в боях за власть Советов сложили головы на берегах Волги, на Украине, в степях Северной Таврии, в Крыму и в других местах, а также и в самой Латвии. В качестве ударной силы Красной Армии они вместе с другими советскими частями громили кадровые войска Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля и тем самым помогали ускорить победу над белогвардейцами.

Особенно велика была заслуга латышских стрелков в Орловско-Кромском сражении осенью 1919 года, когда они вместе с другими ударными частями остановили продвижение противника на Москву, вырвали инициативу из его рук и способствовали наступлению коренного перелома в борьбе с деникинцами на Южном фронте.

Владимир Ильич Ленин неоднократно давал высокую оценку борьбе латышских стрелков. Их героизм был высоко оценен также членами Реввоенсовета РСФСР и видными полководцами. Так, маршал Советского Союза С. М. Буденный в 1929 году в своем приветствии бывшим латышским стрелкам писал: «В дни смертельных схваток с мировой и русской контрреволюцией, в жестоких боях гражданской войны я видел вас всегда на передовых позициях, на самых ответственных участках, где решалась судьба пролетарской Революции.

С беспримерным в истории мужеством железной, несокрушимой грудью вы отстаивали подступы к завоеваниям Октябрьской революции. Ваши ряды не знали колебаний при выполнении задач, которые возлагали на вас рабоче-крестьянская власть и вождь рабочего класса — Коммунистическая партия»{225}.

Идеологи латышской буржуазии, которых раздражала боевая слава латышских стрелков, добытая на фронтах гражданской войны, фальсифицировали исторические факты, пытаясь доказать, что активное участие стрелков в борьбе за Советскую власть якобы определили случайные факторы, а не их преданность пролетарской революции. Нет необходимости доказывать полную несостоятельность подобных утверждений.

Незабываемые, яркие страницы вписали в историю латышского народа и всех народов Советского Союза доблестные латышские стрелки своей борьбой за власть Советов. Руководимые Коммунистической партией, латышские стрелки, не щадя жизни, мужественно защищали завоевания Октябрьской революции от посягательств контрреволюционеров, до последнего вздоха храня верность пролетарской революции и Советской власти. Боевая слава легендарных латышских стрелков будет жить в веках. [346]

Именной указатель

Аболтынь В. — 149
Авен П. — 142
Авксентьевский К. А. — 308
Адамсон Я. — 300
Азинь В. — 117
Алексеев М. В. — 30
Алкснис Е. — 343
Андерсон А. — 122
Андерсон А. — 186
Андерсон Н. — 294
Андреев Г. П. — 138
Аннус А. — 263
Анскин А. — 16, 18, 341
Антонов — 253
Антонов-Овсеенко В. А. — 60, 71, 75, 76, 327
Апар П. — 334, 335
Апинис Р. — 136, 139, 267, 281, 303, 306, 330, 331, 335
Апинис Я. — 282, 285
Аралов С. И. — 129, 168
Арним С. фон — 150
Арсеньев — 247
Аун Э. — 172
Аустринь Р. — 99
Ауэр Я. — 192
Бабиев — 307
Бале Я. — 156, 334

Балодис А. — 108
Балодис Я. — 341
Барбович — 282, 289, 292, 295, 296, 307, 317, 320, 3(21, 322
Барда П. — 21, 26—28, 40, 61
Баузе Р. — 94, 96, 156, 161, 184, 330, 334, 341
Бауманис М. — 128, 155
Бауслитис Ю. — 186
Безладнов — 16
Бейгрант И. — 155, 170, 186
Бейка Д. — 39
Бейка Я. — 101, 145, 194, 195
Белоусов — 64
Берг — 248
Бергис С. — 164
Берзинь Р. — 74, 116, 152, 154, 335, 343
Берзинь Х. — 167
Берзинь Э. — 106, 108, 225, 337
Берзинь Я. — 250
Берзинь-Зиемелис Я. — 39, 63
Берзиньш В. — 12, 337—340
Бермонт-Авалов П. Р. — 245, 246
Берновскис Ф. — 146
Бернхард П. — 315
Биезайс Я. — 341
Бирон А. — 12
Бичерахов Л. Ф. — 132
Блумберг Р. — 90
Блюмкин Я. Г. — 103
Блюмфельд П. (Свирис) — 331
Блюхер В. К. — 289, 292, 302
Богаевскии А. П. — 197
Бокис Г. — 193, 220, 271
Болдырев В. Г. — 32, 45
Бонч-Бруевич В. Д. — 72, 103, 328
Боряев И. В. — 318
Бралитис К. — 335
Бредов Н. Э. — 307
Бривкалн Я. — 315, 335
Бриедис Г. — 250, 252
Бриедис К. — 144, 180, 186
Бриедис Я. — 262
Брикс — 199

Британ К. — 111, 112
Брош Я. — 182
Бруниниек П. — 27, 55
Буденный С. М. — 199, 202, 205, 212, 222, 226, 230, 231, 234, 237, 312, 340, 345
Буйлис Я. — 192
Буйский А. — 328
Букбарт А. — 306
Булак-Балахович С. Н. — 242, 247, 262
Булан Я. — 271, 279, 298
Булочкин — 286
Буманис Р. — 172, 192
Бутевиц Ю. — 125
Бутков А. — 281
Бухманис В. — 130
Вайнянис Р. — 83, 178, 221
Валдбах Х. — 15, 18, 94, 95, 155
Валюшис О. — 127
Ванаг Я. — 174, 175
Васильев А. Г. — 15, 25, 60, 63, 331
Вациетис И. И. — 46—48, 61, 62, 66, 70 74, 75, 86, 87, 89, 106, 106, 114, 118—124, 129, 132, 135, 138, 141, 161, 168, 200, 201, 243, 329, 330, 340, 341, 343
Видзе А. — 129
Викманис Э. — 15, 18, 27, 53, 94, 96, 98, 155
Виксне П. — 330, 331
Виксне Я. — 184
Вилкс Я. — 16
Винниг А. — 140
Вирсис А. — 292
Витковский — 214, 296, 303
Витол Э. — 148
Витол Я. — 341
Войтинский В. С. — 43
Володарский В. (Гольдштейн М. М.) 72, 85
Ворошилов К. Е. — 230 [347]
Врангель П. Н. — 197, 236, 264, 270, 272—275, 278, 280, 281, 286—289, 292, 293, 296—298, 303, 307, 309—312, 314 — 318, 323—325, 328, 330, 331, 344, 345
Гайлис К. — 16, 39, 60, 70, 334
Гайлитис Я. — 110, 122
Галвинь В. — 129

Галицкий К. — 205, 216, 220, 328, 340
Гаррис Э. — 120
Герцберг К. — 81, 116
Гесте Я. — 250, 259
Гилнер Ю. — 136
Гипслис Я. — 108
Гиттис В. М. — 193
Голово А. — 193
Гольц Р. фон дер — 146, 150, 171, 176, 244, 245, 336,
Гоппер К. — 20, 26, 35, 36, 38, 50, 52, 54, 107
Городовиков О. И. — 288
Гразкин Д. И. — 15, 25, 3, 37
Грегор Я. — 120, 121, 250, 255, 258, 259
Гредзен Я. — 335
Грийтал Т. — 95
Грубе Э. — 180
Грюйер Г. — 138
Гусев С. И. (Драбкин Я. Д.) — 122
Дайбус И. — 108
Даниел М. — 186
Дайишевский Ю. — 21, 27, 29, 34, 37, 94, 97, 103-106, 108, 114, 121, 124, 156, 161, 328, 329, 331, 333, 343
Дауге П. — 96
Даумайис А. — 82, 142, 156, 161
Деникин А. И. — 12, 165, 186, 187, 193, 196—203, 205, 207, 211, 212, 217, 219, 222, 224, 226, 230, 233, 235—237, 239, 242, 243, 246, 262, 264, 265, 268, 270, 290, 296, 328—331, 344, 345
Дзарахохов Хаджи-Мурат — 128
Дзенис О. — 330
Дзерве К. — 184
Дзержийский Ф. Э. — 103, 106
Диаманди Дж. — 49
Дижбите А. — 39, 99, 337
Димитриев Р. — 15, 16, 19, 24—26, 35, 37, 43
Довбор-Мусницкий Ю. — 112, 330, 334
Дозитис К. — 74, 86, 87, 93, 105, 186, 207, 225, 267, 331, 334
Драгомиров А. М. — 25
Драудынь Т. — 27, 330, 333, 337, 340
Драценко Д. П. — 307
Дризул А. — 12, 24, 51, 66, 340
Думинь Я. — 92, 267
Дутов А. И. — 101

Дыбенко П. Е. — 82
Егоров А. И. — 204, 211, 224, 234, 238, 328, 340
Егорьев В. И. — 204
Еремеев К. С. — 73, 85
Жарновецкий К. С. — 82
Житов — 323, 3125
Жлоба Д. И. — 281, 284
Жубитис К. — 149, 334, 341
Заринь И. — 190
Заринь Ю. — 92, 122
Заул К. — 315, 341
Захрамов — 253
Звайгзне Б. — 331
Зекке Т. — 154, 155, 170
Зелтынь И. — 172
Зиедынь К. — 167, 182
Зилгалвис Р. — 192, 271
Зиле А. — 338, 339
Зиновьев Г. Е. — 243, 249
Золотов Н. И. — 292, 293
Зонберг Ж. — 330
Зостынь Ю. — 108
Зубков А. В. — 291
Иван А. — 236
Иванов Н. И. — 14
Игал Ф. — 304
Иленда Л. — 182
Илзинь Е. — 180
Ильин — 26
Индриксон К. — 258
Иокум К. — 331, 333, 334, 341
Ионас Я. — 155, 186
Истенайс Н. — 217
Казак Б. — 164
Кайминь Я. — 337, 340
Каледин А. М. — 76, 197, 328, 330, 334, 345
Калнынь К. — 76
Калнынь О. — 113
Калнынь П. — 26
Калнынь Ф. — 161, 178, 193, 207, 217, 218, 220, 225, 227, 235, 236, 267, 270, 281
Каменев С. С. — 105, 124, 200, 201, 203, 211, 212, 229, 266, 270

Каппель В. О. — 118
Капустин М. — 337
Карбышев Д. М. — 292
Каретник — 317, 325
Карклинь — 52
Карклинь О. — 54, 69, 94, 96, 98
Карлсон В. — 323
Кауфелд Т. — 163, 181, 182
Каширин Н. Д. — 311, 325
Кваст Ф. фон — 146
Керенский А. Ф. — 26, 30, 38, 40, 51, 59, 63, 65, 66
Кирдецов Г. — 244 [348]
Кирхенштейн Р. — 64
Кисис Р. — 62, 156, 306, 336, 337, 341
Кицюк П. Н. — 309
Клейст Э. фон — 150
Клембовский В. Н. — 35, 37, 42
Козицкий А. Д. — 208
Колосов Г. — 226
Колчак А. В. — 165, 241—244, 256, 262, 265, 341, 344, 345
Копманис — 225
Корбель — 199
Корин З. А. — 282, 290, 292
Корк А. И. — 190, 312, 317, 318, 320—322, 328
Корнилов Л. Г. — 42, 43, 49—52, 196
Косматов А. В. — 70
Краснов П. Н. — 65, 66, 128, 197, 198, 341
Красновскис Э. — 148
Красткалн А. — 17
Крастынь — 225
Крастынь Я. — 12, 24, 51, 337, 340
Крекис Ю. — 292, 293
Кржижек Я. — 112
Кригер К. — 170
Крижманис К. — 168
Крикманис Я. — 155, 170, 186
Кришьянис Я. — 125, 228, 289, 325
Крузе М. — 167
Крузкоп А. — 172
Круминь-Пилат Я. — 53, 60, 61, 94
Крустынь П. — 98, 155, 186
Крыленко Н. В. — 70, 74

Куйбышев В. В. — 113, 114
Кун Б. — 106
Кутепов А. С. — 208, 217, 220, 224, 226, 274, 275, 277, 307, 315, 316
Кучин Г. — 62
Кюхлер Ф. фон — 150
Лабренцис Ф. — 138, 235, 283—285, 298, 315, 325
Лаздынь П. — 168
Лайдонер Ю. — 149
Лайцен А. — 335
Лапинь А. — 122, 343
Ларозе Я. (Мазайс) — 16, 334
Ласманис И. — 341
Лаубе Я. — 335
Лаубе — 99
Лахтин В. Л. — 110
Лацис М. (Судраб) — 99, 104
Лацис О. — 15, 18, 167, 225, 291, 300
Лацис Я. — 74, 113, 281, 284, 303
Левандовский М. К. — 297
Ленин В. И. — 11, 12, 22, 23, 28, 33, 35, 37—40, 52, 53, 59, 60, 63, 70—73, 76, 77, 79, 80, 88, 93, 94, 97, 102—106, 108—110, 114, 121, 123, 124, 129, 141, 194, 200—204, 211, 219, 225, 226, 239, 242, 243, 249, 250, 255, 256, 258, 263—266, 288, 308, 310, 312, 316, 324, 333, 335, 340, 345
Ленцманис Я. — 27, 39, 94, 107, 169, 184, 331
Лианозов С. — 246
Либкнехт К. — 28, 94, 174
Ливен А. П. — 151, 245, 252
Лиелбиксис Р. — 136
Лйепинь А. — 120
Лиепинь К. — 108
Лйепинь Э. — 172, 192, 271, 318
Лоден И. — 285
Локкарт Р. — 108, 334, 337, 340
Лукомский А. С. — 196
Лукстынь К. — 40, 50
Луначарский А. В. — 72
Лундберг Я. — 258
Лундеквист — 248
Лундер Я. — 98, 250, 252, 258, 287
Майгур П. М. — 142
Май-Маевский В. З. — 199, 230
Макеев П. — 340

Мальков П. Д. — 72, 73, 341
Мамонтов К. К. — 199, 202, 205, 208, 222, 250
Мангулис Г. — 64
Мантейфель Г. фон — 144
Маргулис М. В. — 259
Маркус Ф. — 60, 61, 341
Мартусевич А. — 168, 193, 204, 205, 207, 210, 212—215, 217
Марч — 246
Матисон П. — 101, 143, 163, 171, 172, 176, 181
Матсон Г. — 168
Мауринь К. — 116
Махно Н. И. — 198, 239, 268, 311, 319
Медведев М. Т. — 209
Меденис Ф. — 149
Меднис Э. — 192
Межарауп П. — 273
Межлаук В. — 122
Менгеле Э. — 90
Мендер Ф. — 30
Миезис Ф. — 90
Миезитис И. — 147, 267, 271
Милюков П. Н. — 23, 196
Минкин А. Е. — 110
Мирбах В. — 103
Миронов Ф. К. — 130, 308
Морозов — 103
Морозов — 278
Муравьев — 306
Муравьев М. А. — 103, 114, 115
Муцениек А. — 181, 341
Мясников (Мясникян) А. Ф. — 112
Надежный Д. Н. — 172, 245, 250, 259, 262
Назаров — 286 [349]
Нахимсон С. (Михальчи) — 54, 56, 57, 60, 61, 63, 68, 81, 106
Недзвецкий — 290, 292
Нейбут А. — 115
Нестерович В. С. — 270, 271, 274—279
Ниедра А. — 134, 171
Николай Ii — 14, 38
Новов М. — 127
Нуммур П. — 186
Одинцов С. И. — 259

Озол В. — 21, 26, 28
Озол В. — 95, 98, 186, 267, 306
Озол Ж. — 142, 156
Озол П. — 168
Озолинь А. — 136
Озолинь К. — 130
Озолинь К. — 144
Озолинь К. (Томас) — 30, 33, 3
Окулов А. — 200
Олдберг Я. — 15, 18
Орджоникидзе Г. К. — 204, 227, 233, 234
Павар В. — 250, 251, 254, 255, 259, 287
Павлов П. А. — 204, 207, 209, 210, 212, 213, 215, 218, 227, 232, 329
Павлович М. Л. — 235
Пален — 247
Палцманис П. — 148
Парский Д. П. — 43, 45
Парум К. — 341
Паука Я. — 269, 270
Пелитис К. — 144, 145
Петерс Е. — 186, 189
Петерс Я. — 63, 94, 99
Петерсон А. — 70, 122
Петерсон К. — 20, 40, 62, 63, 71, 82, 86—88, 93, 99, 104—108, 122, 149, 154, 161, 226, 340
Петерсон Р. — 122
Петерсон Ю. — 172
Печак К. — 96
Пигене З. — 91
Пиече Я. — 142
Писарев — 274
Плаудис П. — 341
Пленснер А. — 38
Плесум А. — 115
Плуме — 225
Подвойский Н. И. — 252
Полло Э. — 295
Поэма К. — 98, 105, 186, 239, 267
Пратниек К. — 27, 281, 306
Приверт А. — 160, 161
Приедкалн А. — 17
Примаков В. М. — 207, 223, 227, 228, 230, 231, 238, 329, 335, 340

Пулькис Н. — 116
Пурвинь П. — 75, 76
Путвик В. — 193
Рабенау Ф. фон — 150
Радко-Димитриев, см. Димитриев Р.
Райнис Я. — 28
Ралцевич В. — 304
Pamat Э. — 38
Ратниек Я. — 100
Рейзинь Р. — 192
Рибе А. — 40
Рид Дж. — 62
Риекст Ф. — 138, 144, 162, 189, 267
Римша К. — 39
Ринкис — 318
Рихтер А. — 155, 170
Рихтер О. — 341
Родзянко А. П. — 241, 242, 246, 247
Родзянко М. В. — 48, 196, 242
Розинь Ф. (Азис) — 28, 67, 69, 94, 96
Розитис — 252
Романов — 306
Руберт Я. — 12, 340
Рузский Н. В. — 15, 16
Рундал В. — 147, 191, 276
Рутманис К. — 194
Рутынь Р. — 170
Рыдз-Смиглы Э. — 190
Саблин Ю. В. — 208, 212, 281, 283, 297—300, 302—304, 313
Савинков Б. В. — 196
Сакенфелд Э. — 271
Сауле И. — 156
Свердлов Я. М. — 72, 88, 94, 97, 98, 103, 340
Сект Г. фон — 146
Сиверс Р. Ф. — 15, 25, 76
Силинь Я. — 128
Скайдынь А. — 170
Скалон — 45
Склянский Э. М. — 202, 266, 288
Скрастынь В. — 167
Скуениек М. — 21, 30, 34
Славен П. — 118, 122, 131

Слащев Я. А. — 237, 238, 265, 266, 270, 274, 279, 280, 289, 295, 296
Сниедзе — 259
Солодухин П. А. — 291
Спреслис А. — 12, 337, 338, 340
Сталин И. В. — 129, 211
Стангут А. — 250
Стапран С. — 38
Старке П. — 62
Стеклов (Нахамкис) Ю. М. — 97
Стига О. — 142
Страздынь Г. — 148
Страутынь В. — 16
Стумбур А. — 111
Стуцка К. — 139, 162, 192, 207, 221, 223, 228, 267, 271, 281, 290, 303, 3, 21, 326, 330, 331, 335 [350]
Стучка П. — 11, 12, 16, 27, 28, 37, 39, 49, 63, 71, 72, 94, 97, 98, 104, 106, 136, 156, 194, 328, 329, 333, 340
Судраб П. — 85
Суздальцева (Тагунова) В. И. — 126, 127
Суйтынь А. — 250, 258
Тетерис М. — 167
Тилиб Н. — 61
Тимерманис Ю. — 21
Тимме Е. — 127
Томан Б. — 12, 337, 338
Трей Р. — 340
Троцкий Л. Д. — 204, 243, 249, 263
Тупинь А. — 52
Тупинь Я. — 142
Уборевич И. П. — 227, 230, 233, 234, 286, 289, 308
Удрис Э. — 71
Улагай С. Г. — 296
Улманис Ж. — 170
Улманис К. — 135, 171, 246, 342
Урбанович К. — 146, 335
Урицкий М. С. — 108
Фабрициус Я. — 82, 136, 341, 343
Федько И. Ф. — 280, 284, 309
Фелдманис А. — 95, 98, 155, 331, 333, 334 341
Филимонов — 110
Филипповский М. С. — 127
Флетчер А. — 151

Фостиков М. А. — 317—322
Францис Я. — 16
Фрейберг А. — 83, 136, 193, 207, 210, 225, 267
Фридрихсон Ф. — 136
Фрунзе М. В. — 308, 310—312, 318, 324
Хаджи-Мурат, см. Дзарахохов Хаджи-Мурат
Хараш Я. А. — 62
Харламов С. Д. — 250, 251, 253, 254, 256
Харламов — 296, 297
Хаустов Ф. П. — 25
Херманис Я. — 30
Хлебников Н. М. — 341
Целминь П. — 331
Целминь Р. — 167
Цеплис А. — 341
Циецер Я. — 139
Циммерманис Э. — 170
Чаринь Ю. — 61
Чекстер Р. — 279
Черемисов В. А. — 65
Черепов — 296, 297
Чуче М. — 155, 186
Шабанов — 119
Шаронов — 253
Шварте Я. — 170
Шведе К. — 167, 207, 225, 236, 267, 303
Шведе П. — 219
Швец И. — 119
Шенберг А. — 102, 112
Шиллинг Н. Н. — 237, 238
Шилф-Яунзем Я. — 32
Шкуро А. Г. — 202, 205, 208, 222
Шмидре П. — 40
Шмит А. — 90
Шмит Ф. — 258
Шмит Я. — 250, 252
Шнука А. — 186, 192, 267, 289
Шорин В. И. — 204
Штал М. — 18
Штейн Е. — 132, 145
Штейнхарт В. — 27, 28, 70
Штраус В. — 331, 335, 336

Штраус М. — 96, 186
Штраус Я. — 40
Штюльпнагель К. фон — 150
Шурыгин Ф. — 337
Щаденко Е. А. — 230
Эглигис А. — 300
Эглитис Я. — 85
Эйдеманис Р. — 115, 234, 266, 280, 285, 289, 291, 292, 340, 341, 343
Эйдук А. — 127
Эйланд П. — 15, 18, 32
Эйхе Р. — 32
Элтерманис Г. — 116
Элферт Я. — 283, 306
Эндруп Р. — 17
Эсбах Э. — 182
Эста Д. — 152
Эферт Э. (Клусайс) — 39, 341
Эшмит А. — 98, 155, 170, 186
Юденич Н. Н. — 12, 121, 176, 211, 239, 241, 242, 245—249, 252—254, 256—260, 262—265, 331, 345
Юдынь Я. — 122, 123, 334
Юзефович Я. Д. — 65, 208
Юревич Э. — 15, 18, 33
Юрре В. — 192
Юшкевич — 313
Якобсон К. — 120
Якобсон Я. — 61
Янелис К. — 55, 96, 100, 331
Яновскис А. — 181
Янсон О. — 258
Янсон Я. — 138

Примечания

{1}Правда, 1979, 16 дек.
{2}Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы. Рига, 1957, с. 136.
{3}О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии. Рига, 1959, с. 24.
{4}О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии. Рига, 1959, с. 24.
{5}ЦГИА ЛатвССР, ф. 5434, оп. 1, д. 647, лл. 406—408.
{6}ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1486, л. 310.
{7}Cīņa, 1917, 26. martā, 16. nr.
{8}ЦГИА ЛатвССР, ф. 5434, оп. 1, д. 647, л. 517.
{9}Latvju strēlnieku vēsture, 1. sēj., 2. d. M., 1928, 568.—574. lpp.

{10}*Ленин В. И.* Доклад на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) апреля 1917 г. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 106.

{11}Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Протоколы. М., 1958, с. 243.

{12}*Drizulis A., Krastinš J.* Cīņa par Padomju varu Latvijā. 1917.—1920. Rīga, 1967, 55.—57. lpp.

{13}Ciņa, 1917, 21. maijā, 8. nr.

{14}Brīvais Strēlnieks, 1917, 26. maijā, 34. nr.

{15}Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии. Рига, 1969, с. 112.

{16}Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы. Рига, 1957, с. 136.

{17}Latvju strēlnieku vēsture, 1. sēj., 2. d., 85. lpp.

{18}Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции. 1917. Документы и материалы. Рига, 1963, с. 833.

{19}*Ленин В. И.* Восемнадцатое июня. — Полн. собр. соч., т. 32, с. 360.

{20}Brīvais Strēlnieks, 1917, 4. jūl, 66. nr.

{21}ЦГИА ЛатвССР, ф. 5434, оп. 1, д. 647, л. 1415.

{22}Шестой съезд РСДРП (б). Протоколы. М., 1958, с. 87—88.

{23}Brīvais Strēlnieks, 1917, 2. aug., 91. nr.

{24}*Войтинский В.* Падение Риги. Пг., 1917, с. 5—6.

{25}ЦГВИА, ф. 2152, оп. 1, д. 309, лл. 117—118.

{26}ЦГВИА, ф. 2152, оп. 7, д. 305, л. 176.

{27}ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 358, л. 142.

{28}*Vācietis j.* Latviešu strēlnieku vēsturiskā nozīme, 1. d. <Pleskava>, 1922, 82. lpp.

{29}История гражданской войны в СССР, т. 1. М., 1939, с. 243.

{30}*Стучка П.* В борьбе за Октябрь. Рига, 1960, с. 151—152.

{31}*Drizulis A., Ķrastiņš L* Cīņa par padomju varu Latvijā. 1917—1920, 109. lpp.

{32}*Ленин В. И.* Большевики должны взять власть. — Полн. собр. соч., т. 34, с. 239.

{33}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 42, оп. 1, д. 9, лл. 4, 5, 10—13.

{34}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 42, оп. 1, д. 7, л. 56.

{35}Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции, с. 407.

{36}*Ленин В. И.* Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области. — Полн. собр. соч., т. 34, с. 390.

{37}*Антонов-Овсеенко В.* В революции. М., 1957, с. 135.

{38}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 42, оп. 1, д. 7, л. 22.

{39}*Рид Дж.* Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957, с. 93.

{40}Октябрьская революция в Латвии, с. 248—251.

{41}*Дризул А. А.* Ленин и революционная Латвия. Рига, 1970, с. 130—131.
{42}Brīvais Strēlnieks, 1917, 14. nov., 17. nr.
{43}Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции. 1917. Документы и материалы. Рига, 1963, с. 592.
{44}Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы. Рига, 1957, с. 323.
{45}Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии. Рига, 1969, с. 118.
{46}*Ленин В. И.* Проект постановления СНК по вопросу о военном министерстве. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 382.
{47}См.: Красная звезда, 1926, 20 янв.
{48}Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 30 нояб.
{49}См.: *Бонч-Бруевич В.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930, с. 262.
{50}*Мальков П.* Записки коменданта Московского Кремля, изд. 2. М., 1961, с. 61.
{51}ЦГАСА, ф. 25888, он. 5, д. 22, лл. 162—163.
{52}Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции, с. 609.
{53}*Ленин В. И.* Надпись на удостоверении П. Пурвина. — Полн. собр. соч., т. 50, с. 22.
{54}Brīvais Strēlnieks, 1918, 17. febr., 27. nr.
{55}*Ленин В. И.* Телеграмма В. А. Антонову-Овсеенко. — Полн. собр. соч., т. 50, с. 46.
{56}*Ленин В. И.* О чесотке. — Полн. собр. соч., т. 35, с. 361.
{57}Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции, с. 656.
{58}*Ленин В. И.* Речь перед латышскими стрелками 20 февраля 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 35, с. 342.
{59}История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967, с. 270.
{60}*Ленин В. И.* Разговор с Московским Советом по прямому проводу 20 февраля 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 35, с. 341.
{61}Известия ВЦИК, 1918, 28 (15) февр., № 36.
{62}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 42, оп. 1, д. 36, л. 47.
{63}Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот, 1918, 9 апр., №56.
{64}*Vācietis J.* Latviešu strēlnieku vēsturiska nozīme, 1. d. <Pleskava>, 1922, 6. lpp.
{65}Известия Народного комиссариата по военным делам, 1918, 12 июня, № 36.
{66}О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии. Рига, 1959, с. 142.
{67}*Vācietis I.* Latviešu strēlnieku vēsturiskā nozīme, 1. d., 6. lpp.
{68}*Ленин В. И.* Отношение к военным специалистам («военспецам»). — Полн. собр. соч., т. 39, с. 56.

{69}Российское бюро ЦК СДЛ образовалось весной 1918 года в Москве из тех членов ЦК СДЛ, которые в связи с оккупацией Латвии эвакуировались в Советскую Россию. В состав Бюро входили П. Стучка, Ф. Розинь, Я. Ленцманис, Ю. Данишевский и др.

{70}Партийно-политическая работа в Красной Армии. Сборник документов. М., 1961, с. 146.

{71}Latvijas Komunstiskā partija 1918. un 1919. gadā. Rīga, 1958, 141. lpp.

{72}Там же. с. 148.

{73}ЦГАСА, ф. 46, оп. 1, д. 35, л. 30.

{74}Известия Народного комиссариата по военным делам, 1918, 19 июня, № 41.

{75}Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии. Рига, 1969, с. 161—162.

{76}См.: *Ленин В. И.* Даты жизни и деятельности В. И. Ленина. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 723; Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, с. 114.

{77}*Данишевский Ю., Каменев С.* Воспоминания о Ленине. М., 1934, с. 14.

{78}Известия ВЦИК, 1918, 8 июля.

{79}О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии. Рига, 1959, с. 14.

{80}*Данишевский Ю., Каменев С.* Воспоминания о Ленине, с. 26—27.

{81}Красная Армия, 1918, 4 сент.

{82}*Ленин В. И.* Телеграмма А. Е. Минкину. — Полн. собр. соч., т. 50, с. 156.

{83}*Ленин В. И.* Телеграмма А. Е. Минкину. — Полн. собр. соч., т. 50, с. 161. В Пензе находились следующие отряды латышских стрелков: Петроградский отряд, прибывший в марте с Экспедицией заготовления государственных бумаг (120 стрелков с 2 пулеметами), тогда же прибывший Московский отряд под командованием Я. Гайлитиса (178 стрелков с 6 пулеметами) и отряд 2-го полка (1-я и 3-я роты, всего ПО стрелков), прибывший в конце июня и сопровождавший поезд с золотом и ценными бумагами.

{84}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 45, оп. 2, д. 316, лл. 110—112.

{85}См.: *Кржижек Я.* Пенза. Славные боевые традиции чехословацких красноармейцев. Пенза, 1958, с. 210.

{86}Боевое прошлое. Воспоминания. Куйбышев, 1958, с. 75.

{87}Самарская губерния в годы гражданской войны. Сб. документов и материалов. Куйбышев, 1958, с. 92, 93.

{88}Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, с. 174—175.

{89}ЦГАСА, ф. 1577, оп. 1, д. 2, лл. 53—54.

{90}Papērs Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918, Russia, V. 2. Washington, 1932, p. 374.

{91}ЦГАСА, ф. 5001, оn. l, д. 4, л. 27.

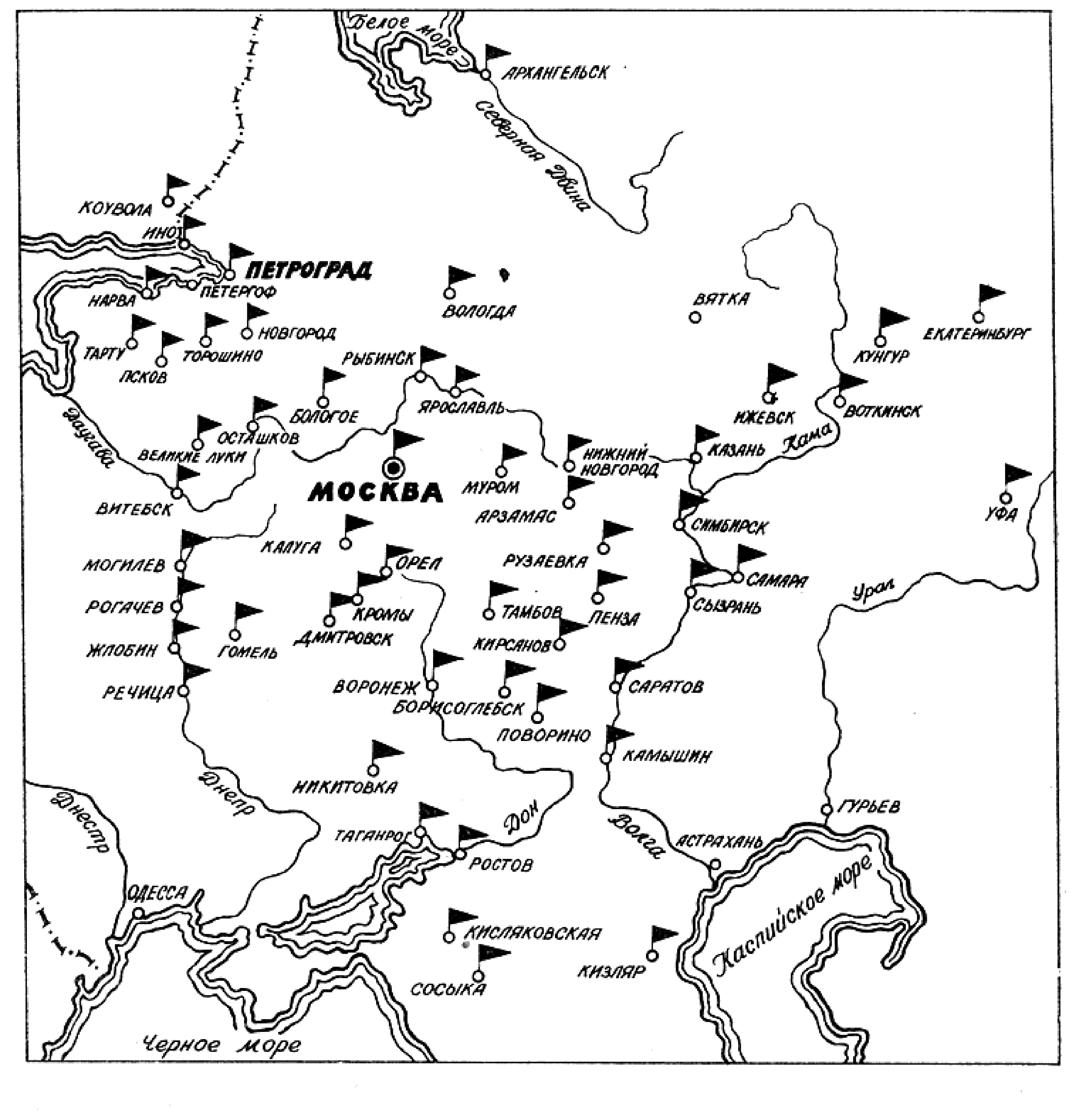
{92}ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 39, л. 244.
{93}ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 27а, л. 102.
{94}См.: Ленинский сборник, т. 37. М., 1970, с. 101.
{95}*Ленин В. И.* Письмо красноармейцам, участвовавшим во взятии Казани. — Полн. собр. соч., т. 37, с. 96.
{96}*Данишевский Ю., Каменев С.* Воспоминания о Ленине, с. 44.
{97}*Суздальцева В. И. (Тагунова).* Партийная работа на Северном фронте. 1918 — 1919. Архангельск, 1936, с. 35.
{98}ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, д. 111, л. 84.
{99}ЦГАСА, ф. 100, оп. 2, д. 85, лл. 1, 2.
{100}Latvju revolucionārais strēlnieks, 1. sēj. M., 1934, 288. lpp.
{101}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 45, оп. 3, д. 36, л. 119.
{102}Социалистическая Советская Республика Латвия в 1919 г. и иностранная интервенция. Сборник документов и материалов, т. 1. Р., 1959, с. 140—143.
{103}ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 33, л. 119.
{104}Latvju strēlnieku vēsture, 2. sēj., 2. d. M., 1934, 273. lpp.
{105}Ziņotājs (Cēsu apr.), 1919, 10. janv.
{106}ЦГИА ЛатвССР, ф. 6033, оп. 1, д. 277, л. 265.
{107}Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). Сборник документов. М., 1969, с. 190—191.
{108}ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 227, л. 1.
{109}Latvju strēlnieku vēsture, 2. sēj., 2. d., 51., 52. lpp.; ЦГАСА, ф. 200, оп. l, д. 11, л. 519.
{110}ЦГАОР ЛатвССР, ф. 47, оп. 1, д. 45, л. 34; д. 16, лл. 170—171.
{111}Боевые подвиги частей Красной Армии (1918—1922 гг.). М., 1957, с. 24—25.
{112}ЦГИА ЛатвССР, ф. 6033, оп. 1, д. 290, л. 3.
{113}Sarkanais Strēlnieks, 1919, 4. martā.
{114}ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 119, лл. 13—15.
{115}ЦГАСА, ф. 6, оп. 6, д. 123, л. 26.
{116}ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 59, лл. 272, 318.
{117}ЦГАСА, ф. 200, оп. 1, д. 18, л. 59.
{118}ЦГАОР ЛатвССР, ф. 25, оп. 1, д. 218, л. 85.
{119}Darstellungen aus den Nachkriegskampfen deutscher Truppen und Freikorps. Zweiter Band: Der Feldzug im Baltikum bis zur zweiten Einnahme von Riga. Berlin, 1973, S. 99.
{120}ЦГАСА, ф. 6, оп. 5, д. 119, л. 146.
{121}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 45, оп. 2, д. 125, л. 138; д. 241, л. 197; ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 111, л. 289.
{122}Latvju revolucionārais strēlnieks, 1. sēj. M., 1934, 140. lpp.
{123}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 43, оп. 1, д. 11, лл. 1—2.

{124}Latvijas Komunistiskā partija 1918. un 1919. gada. Dokumenti un materiāli. R., 1958, 380. lpp.
{125}ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 726, л. 3.
{126}Latvju strēlnieku vēsture, 2. sēj., 2. d. M., 1934, 288-289. lpp.
{127}ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 103, л. 36.
{128}Latvju strēlnieku vēsture, 1. sēj., 1. d. M., 1928, VI lpp.
{129}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 45, оп. 3, д. 85, лл. 30-31.
{130}История гражданской войны в СССР, т. 4. М., 1959, с. 351.
{131}*Ленин В. И.* Все на борьбу с Деникиным! — Полн. собр. соч., т. 39, с. 44, 45.
{132}История гражданской войны в СССР, т. 4, с. 221.
{133}*Ленин В. И.* Военная переписка (1917—1920). М., 1957, с. 186.
{134}История гражданской войны в СССР, т. 4, с. 259.
{135}*Галицкий К.* Орловско-Кромское сражение. М., 1951, с. 125—126.
{136}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 45, оп. 3, д. 42, л. 7.
{137}*Егоров А. И.* Разгром Деникина. М., 1951, с. 164.
{138}*Сталин И. В.* Сочинения, т. 4. М., 1954, с. 277.
{139}*Галицкий К.* Орловско-Кромское сражение, с. 148.
{140}Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917—1920 гг. Воспоминания и документы. Рига, 1962, с. 369.
{141}*Ленин В. И.* Речь перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт. 24 октября 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 244, 245.
{142}Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917—1920 гг., с. 446.
{143}*Галицкий К.* Орловско-Кромское сражение, с. 215.
{144}История гражданской войны в СССР, т. 4, с. 271.
{145}*Буденный С. М.* Пройденный путь. М., 1959, с. 277.
{146}ЦГАСА, ф. 100, оп. 5, д. 1132, л. 172.
{147}Latvju revolucionārais strēlnieks, 1. sēj. M., 1934, 322. lpp.
{148}*Ленин В. И.* Военная переписка (1917—1920), с. 218—219.
{149}История гражданской войны в СССР, т. 4, с. 274.
{150}*Буденный С. М.* Пройденный путь, с. 313.
{151}История гражданской войны в СССР, т. 4, с. 282.
{152}Гражданская война на Украине 1918—1920, т. 2. Киев, 1967, с. 598.
{153}Белое дело, т. 5. Берлин, 1928, с. 246.
{154}*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 394, 395.
{155}*Ленин В. И.* VIII Всероссийская конференция РКП(б). 2—4 декабря 1919 г. Политический доклад Центрального Комитета 2 декабря. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 348, 349.
{156}История гражданской войны в СССР, т. 4. М., 1959, с. 149.
{157}Правда, 1919, 22 мая.

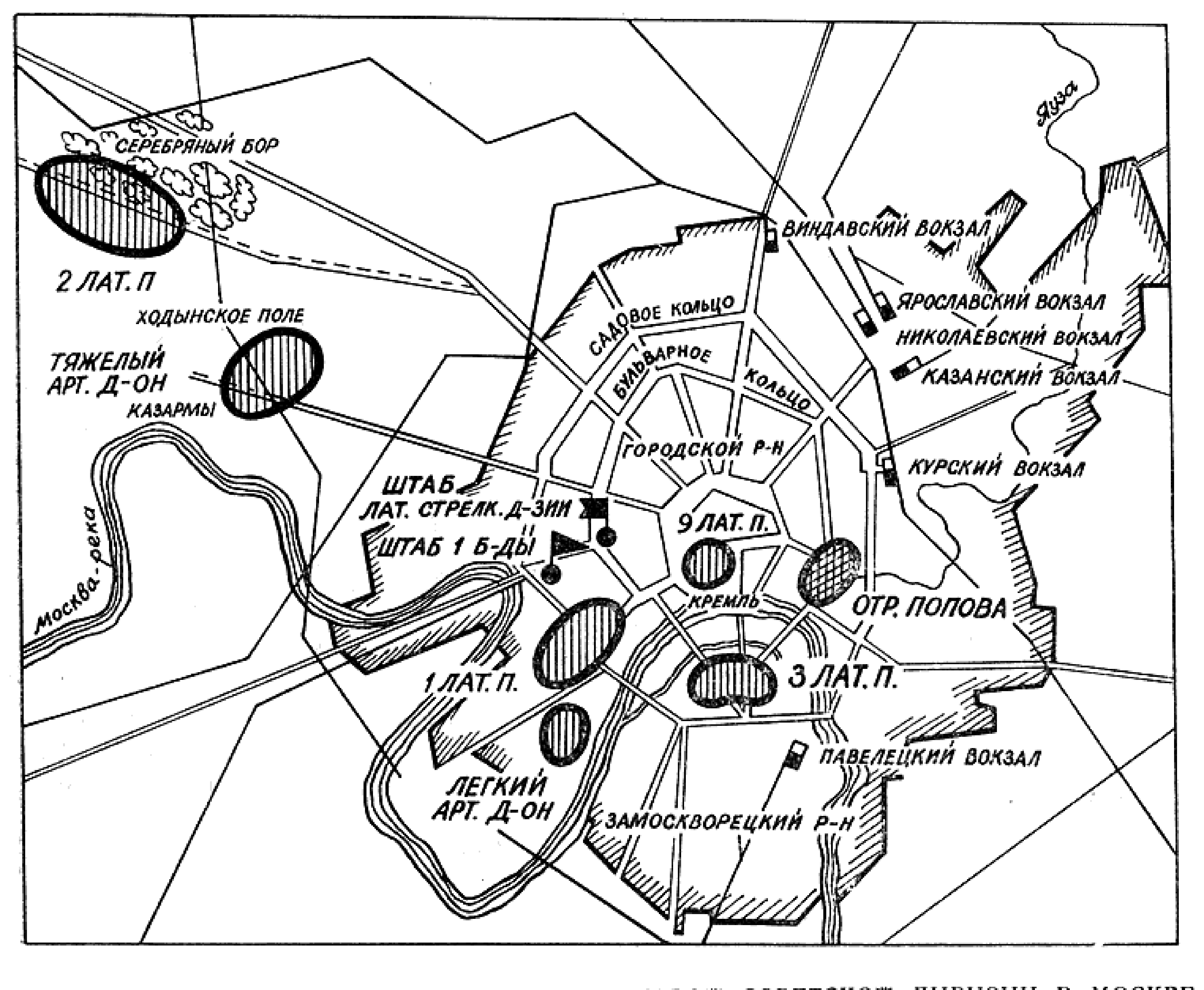
{158}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 45, оп. 5, д. 38, л. 21.
{159}*Кирдецов Г.* У ворот Петрограда. Берлин, 1921, с. 255.
{160}*Надежный Д.* На подступах к Петрограду летом 1919 года. М., 1928, с. 151.
{161}*Родзянко А. П.* Воспоминания о Северо-Западном сражении. Берлин, 1921, с. 95.
{162}История гражданской войны в СССР, т. 4, с. 330.
{163}Там же.
{164}История гражданской войны в СССР, т. 4, с. 335.
{165}*Ленин В. И.* К рабочим и красноармейцам Петрограда. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 231.
{166}История гражданской войны в СССР, т. 4, с. 339.
{167}Там же, с. 340.
{168}Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917—1920 гг. Воспоминания и документы. Рига, 1962, с. 374.
{169}*Подвойский Н.* Коммунары, защищающие Красный Петроград. М., 1920, с. 62—63.
{170}Latvju revolucionārais strēlnieks, 1. sēj. M., 1934, 325. lpp.
{171}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 45, оп. 3, д. 38, л. 53.
{172}Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917—1920 гг., с. 375, 376.
{173}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 45, оп. 5, д. 55, л. 70.
{174}История гражданской войны в СССР, т. 4, с. 242.
{175}*Ленин В. И.* Привет петроградским рабочим. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 283, 284.
{176}*Маргулис М. В.* Год интервенции. Берлин, 1923, с. 88, 92.
{177}ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 266, л. 11.
{178}ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 266, л. 41.
{179}*Ленин В. И.* Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 95.
{180}Борьба за Советскую власть в Прибалтике. М., 1967, с. 240.
{181}*Ленин В. И.* К рабочим и красноармейцам Петрограда. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 230.
{182}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 45, оп. 3, д. 36, лл. 87—91.
{183}*Ленин В. И.* Речь на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 113—115.
{184}История гражданской войны в СССР, т. 5. М., 1958, с. 46.
{185}*Ленин В. И.* Телеграмма Э. М. Склянскому. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 161—162.
{186}ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 725, лл. 2—3.
{187}Там же.
{188}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 45, оп. 2, д. 98, л. 1.

{189}ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 725, лл. 2—3, 71.
{190}ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 725, лл. 105—107.
{191}ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 725, лл. 190, 364—370.
{192}Белое дело, т. 6. Берлин, 1928, с. 94.
{193}Правда, 1920, 10 июня.
{194}*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 237, 438.
{195}Гражданская война 1918—1921 гг. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной Армии, т. 3. М — Л., 1930, с. 489.
{196}ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 6, л. 6.
{197}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 45, оп. 2, д. 98, л. 1; д. 96, л. 2.
{198}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 45, оп. 1, Д. 99, л. 25.
{199}История гражданской войны в СССР, т. 5. М., 1958, с. 156.
{200}Гражданская война 1918—1921 гг., т. 3, с. 508.
{201}*Ленин В. И.* Телеграмма М. В. Фрунзе. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 307.
{202}История гражданской войны в СССР, т. 5, с. 165.
{203}*Ленин В. И.* Телеграмма Реввоенсовету I конной армии. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 315.
{204}*Ленин В. И.* Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 41, с. 406, 407.
{205}Lielā ceļa posmi. Atmiņas par pilsoņu karu. Rīga, 1964, 467. lpp.
{206}*Ленин В. И.* VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 130.
{207}ПА ИИП при ЦК КПЛ, ф. 45, оп. 2, д. 109, лл. 19, 20.
{208}*Антонов-Овсеенко В.* Записки о гражданской войне, т. 1, 2. М., 1924.
{209}*Бонч-Бруееич В. Д.* Избранные сочинения, т. 3. М., 1963.
{210}Революционная армия, 1921, № 1.
{211}*Stučka P.* Latvju strēlnieku goda diena. — Krievijas Cīņa, 1924, 31. maijā; *Стучка П.* За Советскую власть в Латвии. 1918—1920. Сборник статей. Рига, 1960, с. 110.
{212}*Vācietis J.* Latviešu strēlnieku vēsturiskā nozīme, 1., 2. d. Pleskava, Maskava, 1922, 1924.
{213}*Vīksne P.* Latvju strēlnieku vēsturiskā loma. — Darba kalendārs 1928. gadam. M., 1928.
{214}Latvju strēlnieku vēsture. 1. sēj., 1., 2. d. M., 1928; 2. sēj., 2. d. M., 1934.
{215}Latvju revolucionārais strēlnieks, 1., 2. sēj. M., 1934, 1935.
{216}*Strauss V.* Padomju Latvija un starptautiska kontrrevolūcija. M., 1931.
{217}*Ķīsis R.* Oktobra revolūcija un latviešu strēlnieki. Rīga, 1948.
{218}*Tomanis B.* Revolūcijas dēli. Latviešu strēlnieki un sarkangvardi pirmajā Padomiu varas gadā. Rīga 1970; *Томан Б.* За свободную Россию, за свободную Латвию. М., 1975.

{219}*Спреслис А.* Латышские стрелки на страже завоеваний Октября. 1917—1918 гг. Рига, 1967.
{220}*Zile A.* Ausa jauna diena. Padomju varas atjaunošana Latvija. 1918.—1919. Rīga, 1958; *Bērziņš V.* Latviešu strēlnieki cīņā par Padomju Latviju 1919. gadā. Rīga, 1969.
{221}*Bērziņš V., Ruberts J.* Pirmais virspavēlnieks. Rīga. 1973.
{222}*Sprēslis A.* Roberts Eidemanis. Rīga, 1977.
{223}Grūst veca pasaule... (Oktobra revolūcijas dalībnieku atminu krājums). Sast. J. Biezais. Rīga, 1957.
{224}Главнокомандующий всеми Вооруженными Силами Республики И. Вациетис. Сборник документов. Рига, 1978.
{225}Latvju revolucionārais strēlnieks, 1. d. M., 1934, 325. lpp.

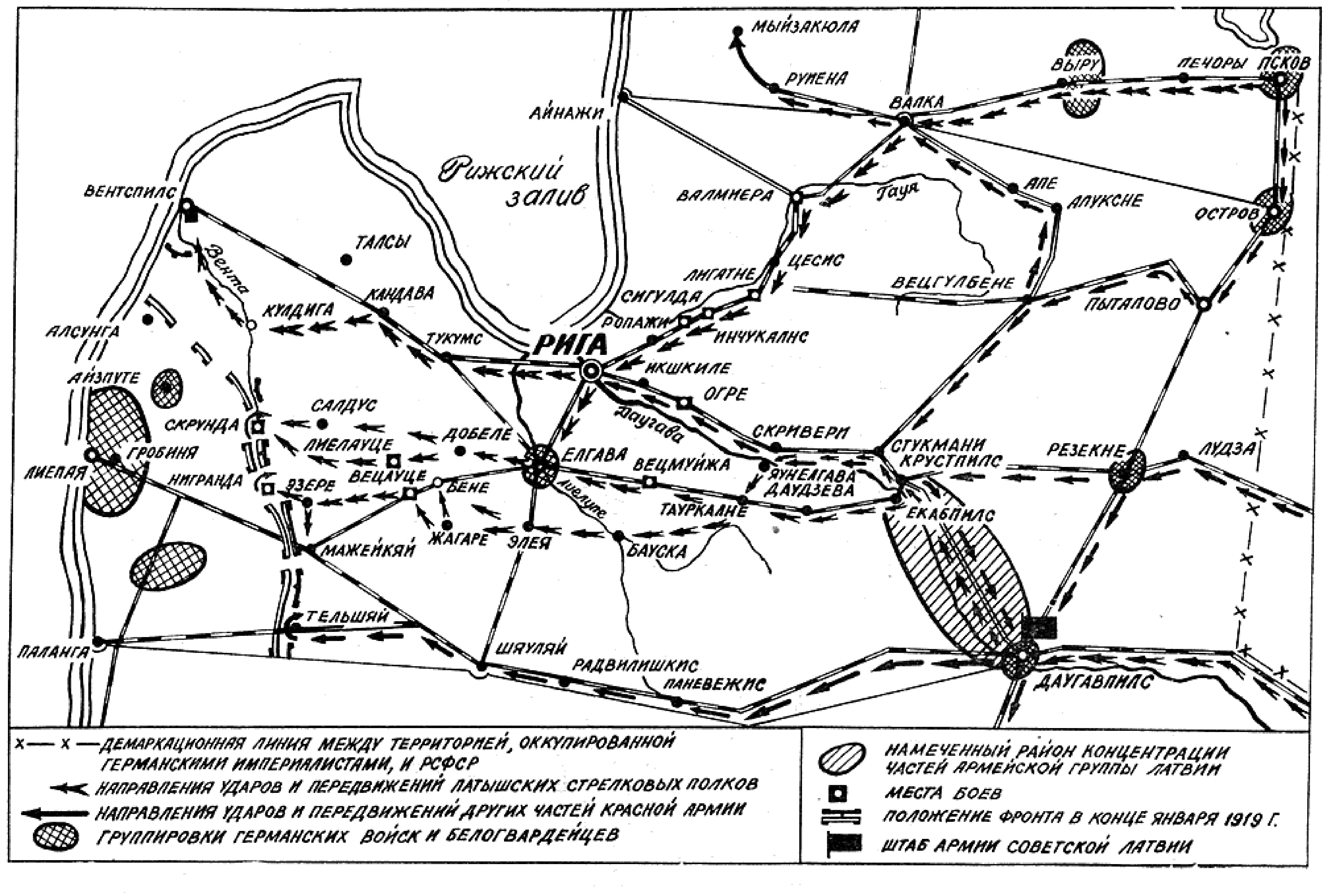


МЕСТА БОЕВ ЛАТЫШСКИХ СТРЕЛКОВ НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КОНЦЕ 1917 И В 1918 ГОДУ.



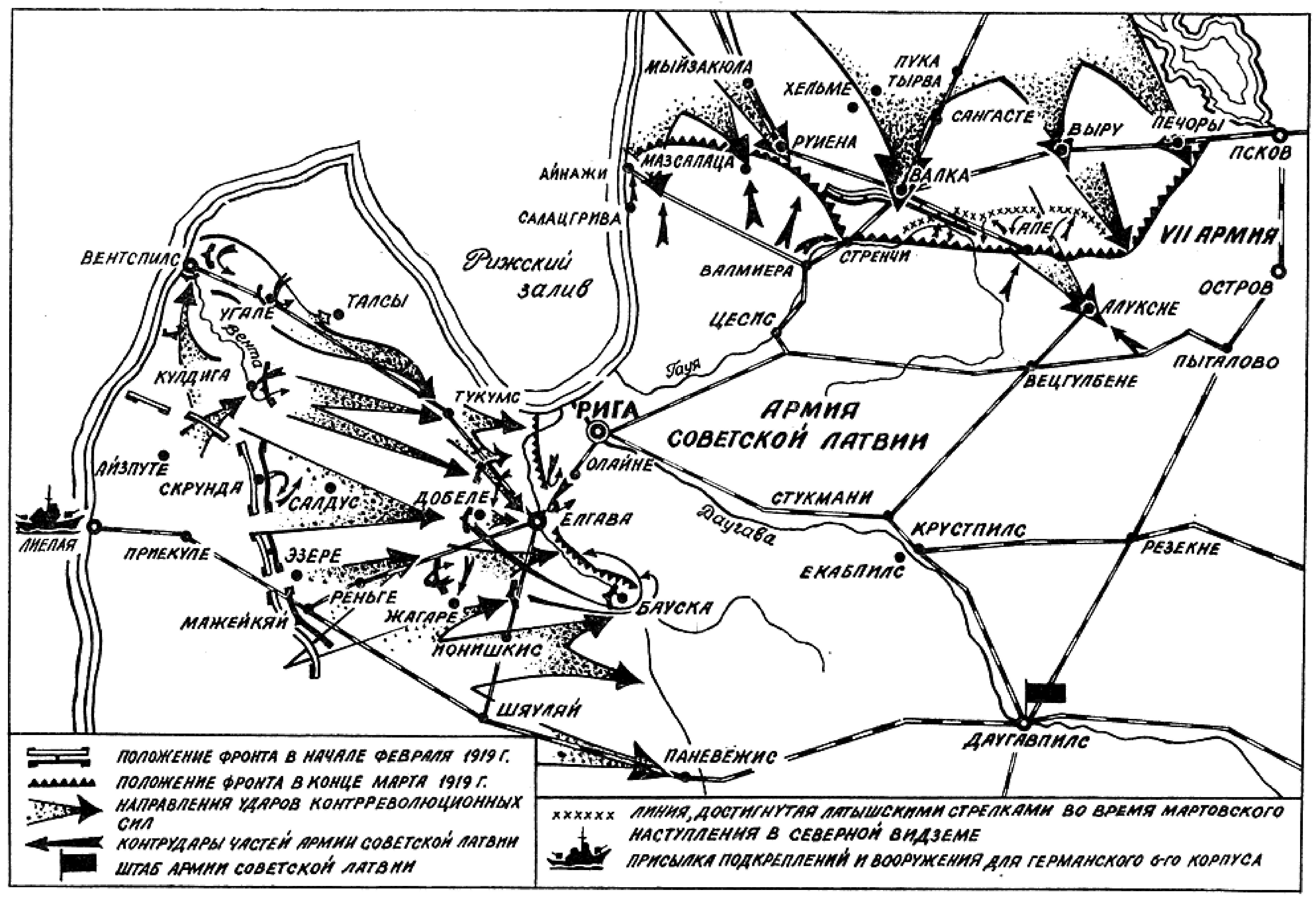
РАСПОЛОЖЕНИЕ ЧАСТЕЙ ЛАТЫШСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ СОВЕТСКОЙ ДИВИЗИИ В МОСКВЕ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЯХ 6 ИЮЛЯ 1918 ГОДА.

ДОБЛЕСТНОМУ
5-МУ ЛАТЫШСКОМУ
СТРЕЛКОВОМУ
СОВЕТСКОМУ
ПОЛКУ
ОТ В.Ц.И.К-ТА

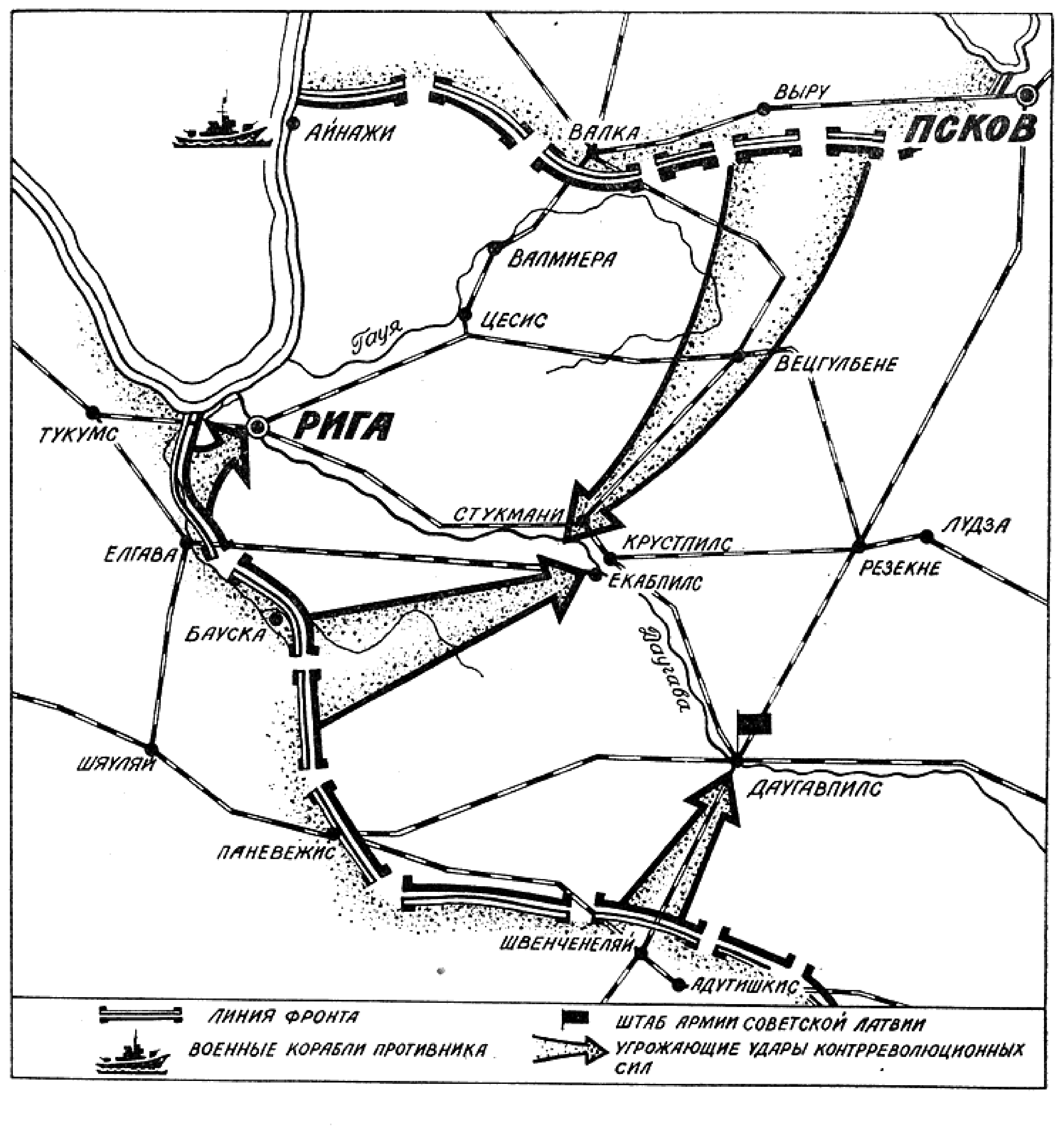


ОСВОБОЖДЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИИ В ДЕКАБРЕ 1918 — ЯНВАРЕ 1919 ГОДА.

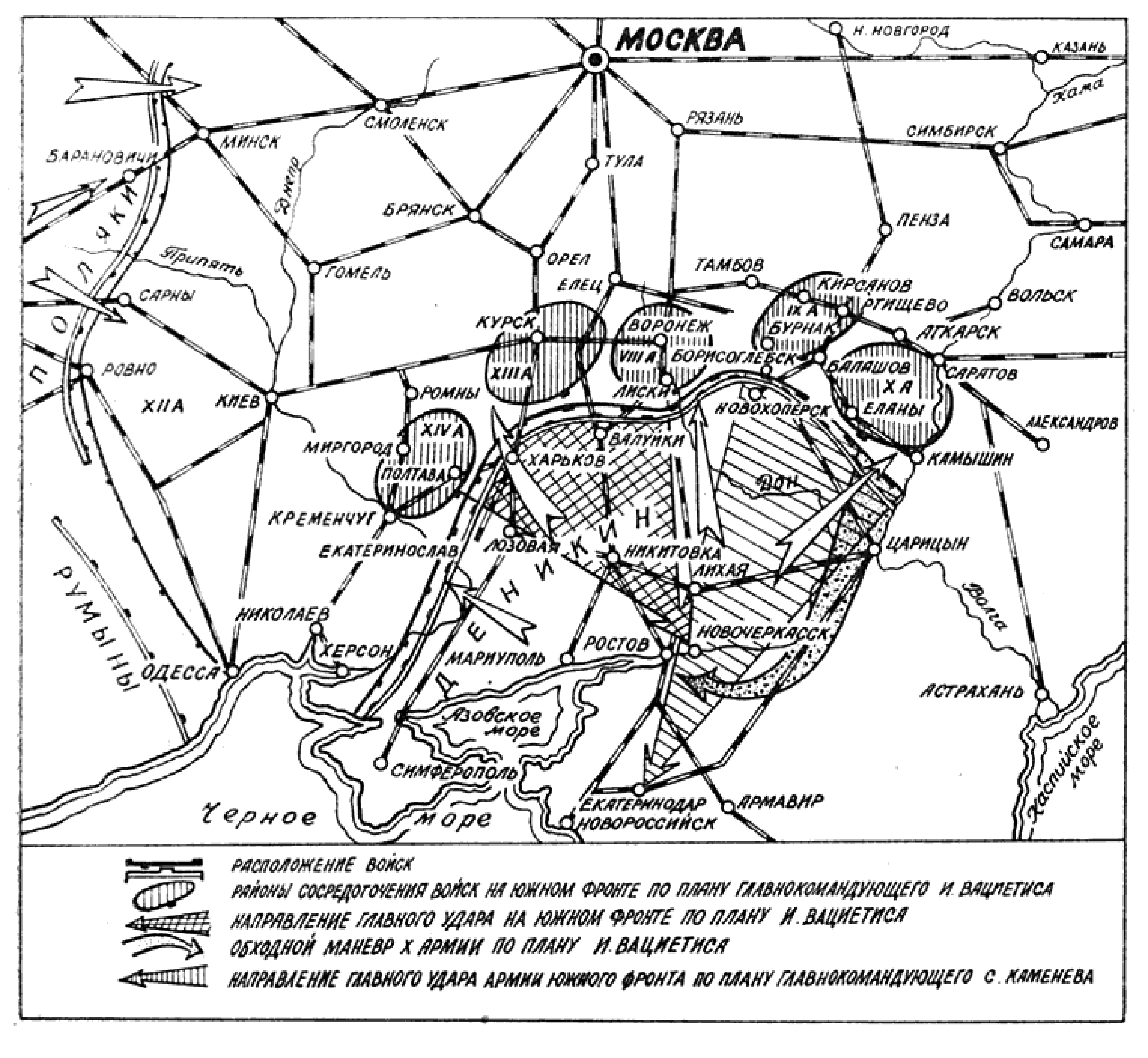
ОТ
ВЦИК
7 СТРЕЛК. ПОЛКУ
СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ



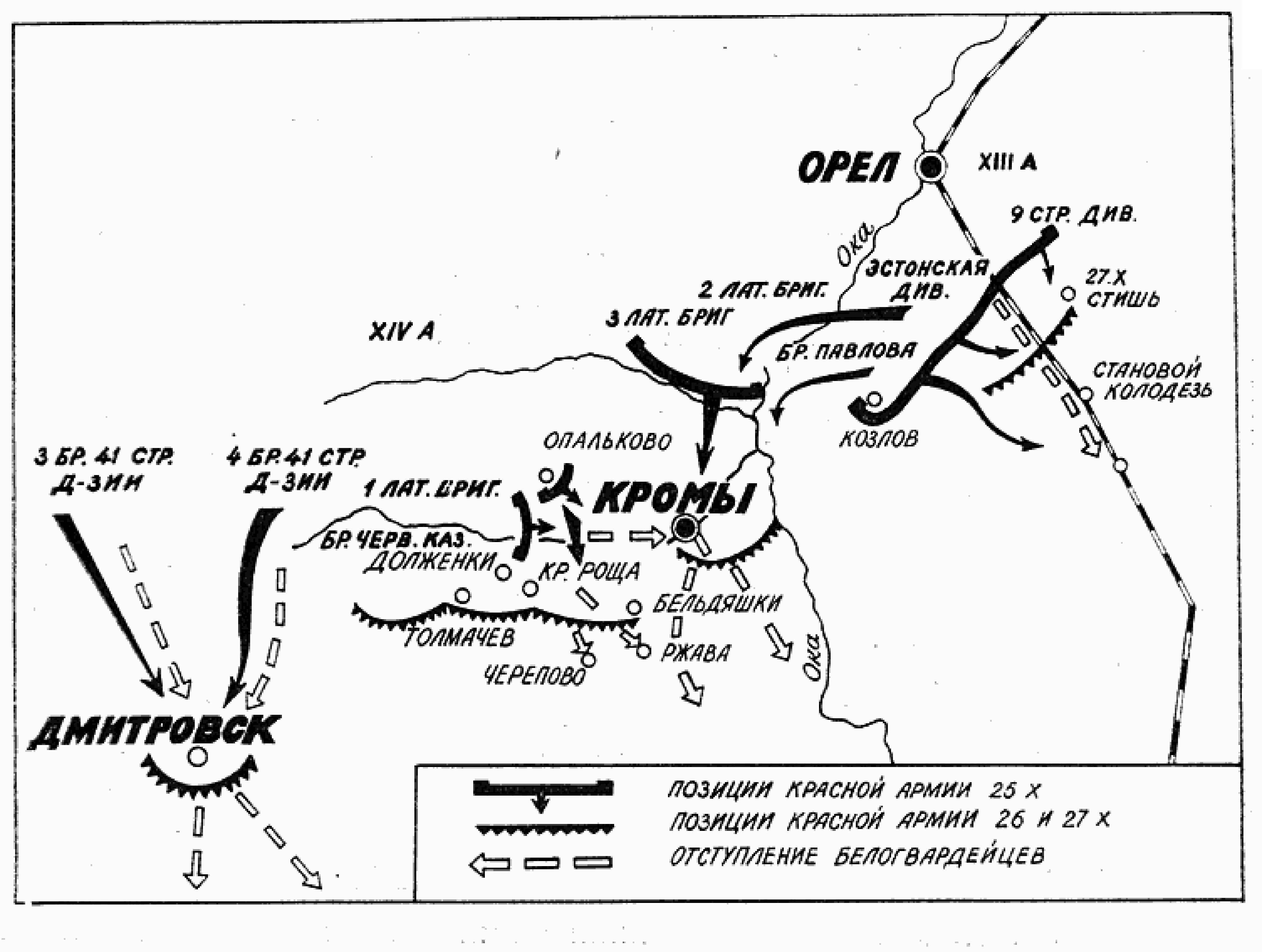
НАСТУПЛЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ НА СОВЕТСКУЮ ЛАТВИЮ В ЯНВАРЕ—МАРТЕ 1919 ГОДА.



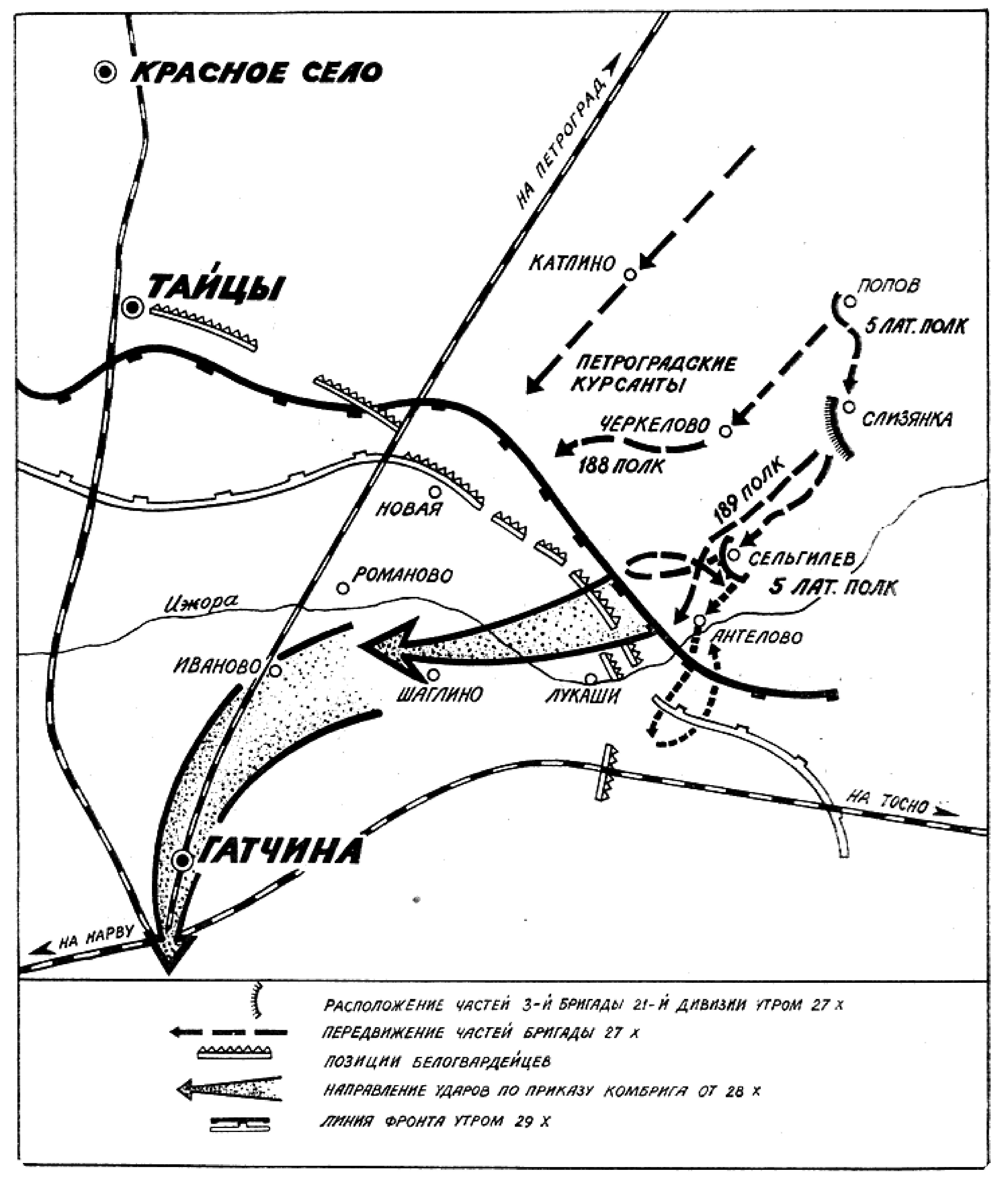
ПОЛОЖЕНИЕ АРМИИ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ 21 МАЯ 1919 ГОДА.



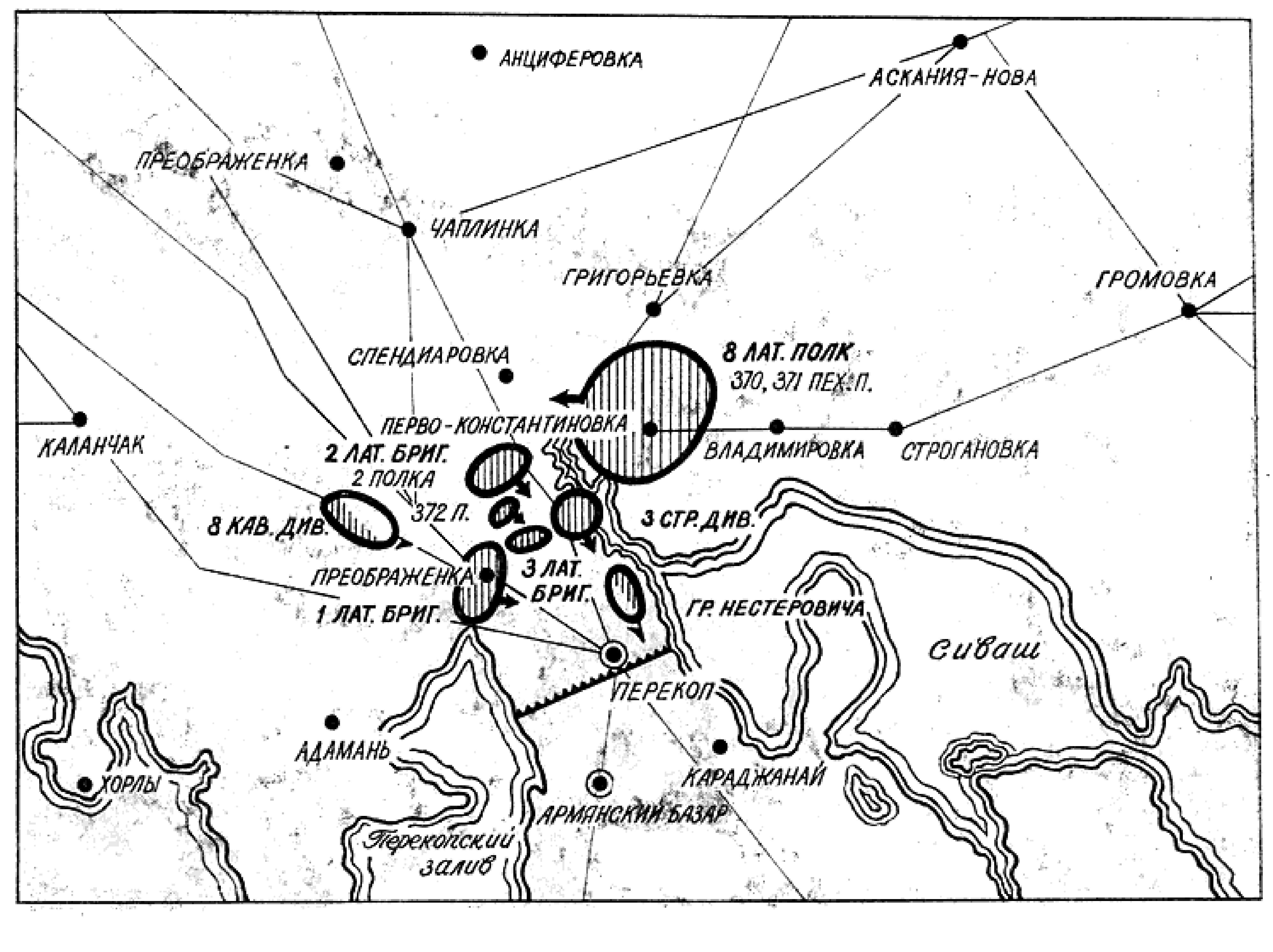
ПОЛОЖЕНИЕ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ В ИЮЛЕ 1919 ГОДА И ПЛАН ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО И. ВАЦИЕТИСА, НАПРАВЛЕННЫЙ НА РАЗГРОМ АРМИИ ДЕНИКИНА.



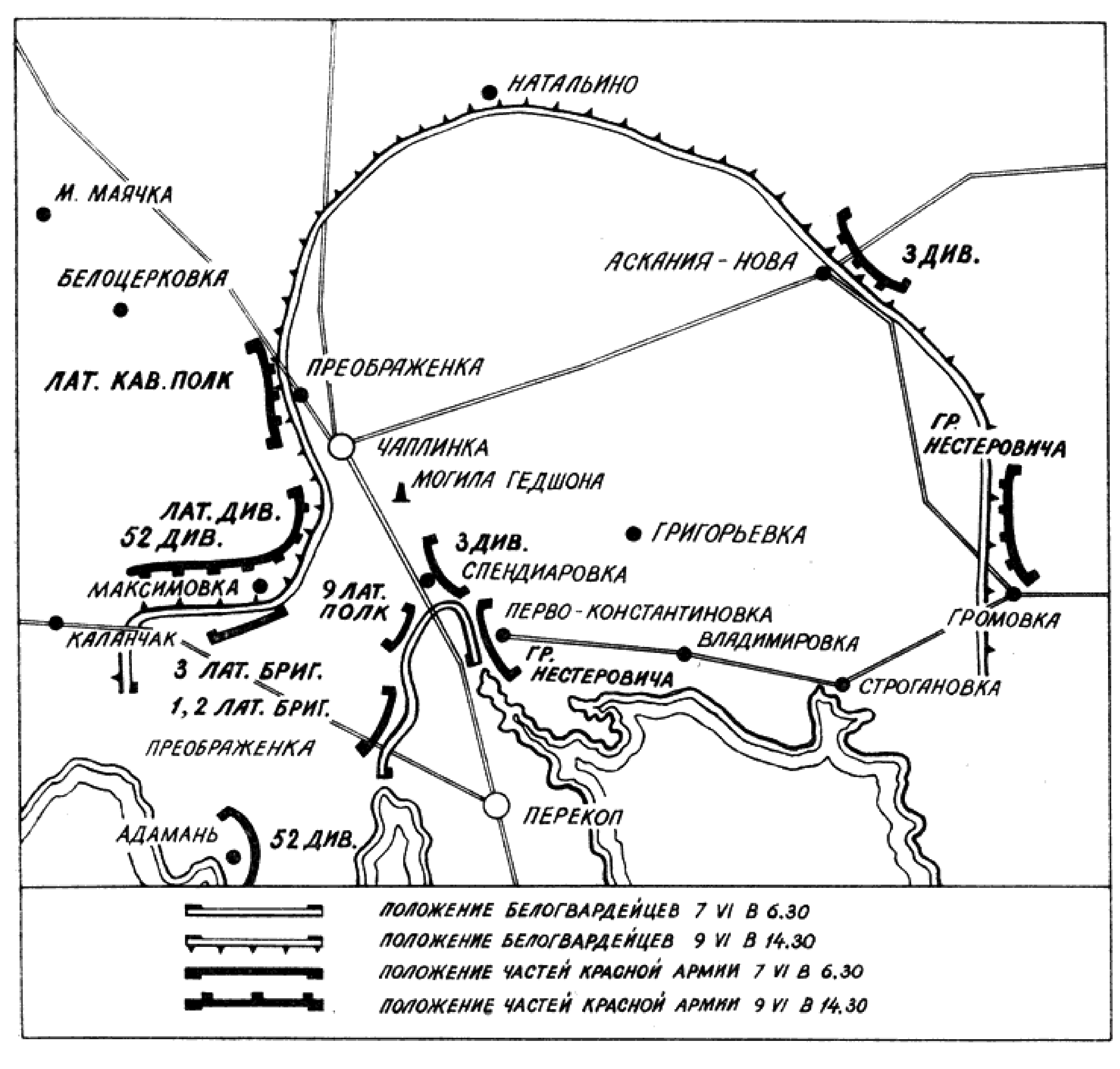
РАЗГРОМ ДРОЗДОВСКОЙ ДИВИЗИИ В РАЙОНЕ КРОМ И ОТСТУПЛЕНИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ ПО ВСЕМУ ФРОНТУ.



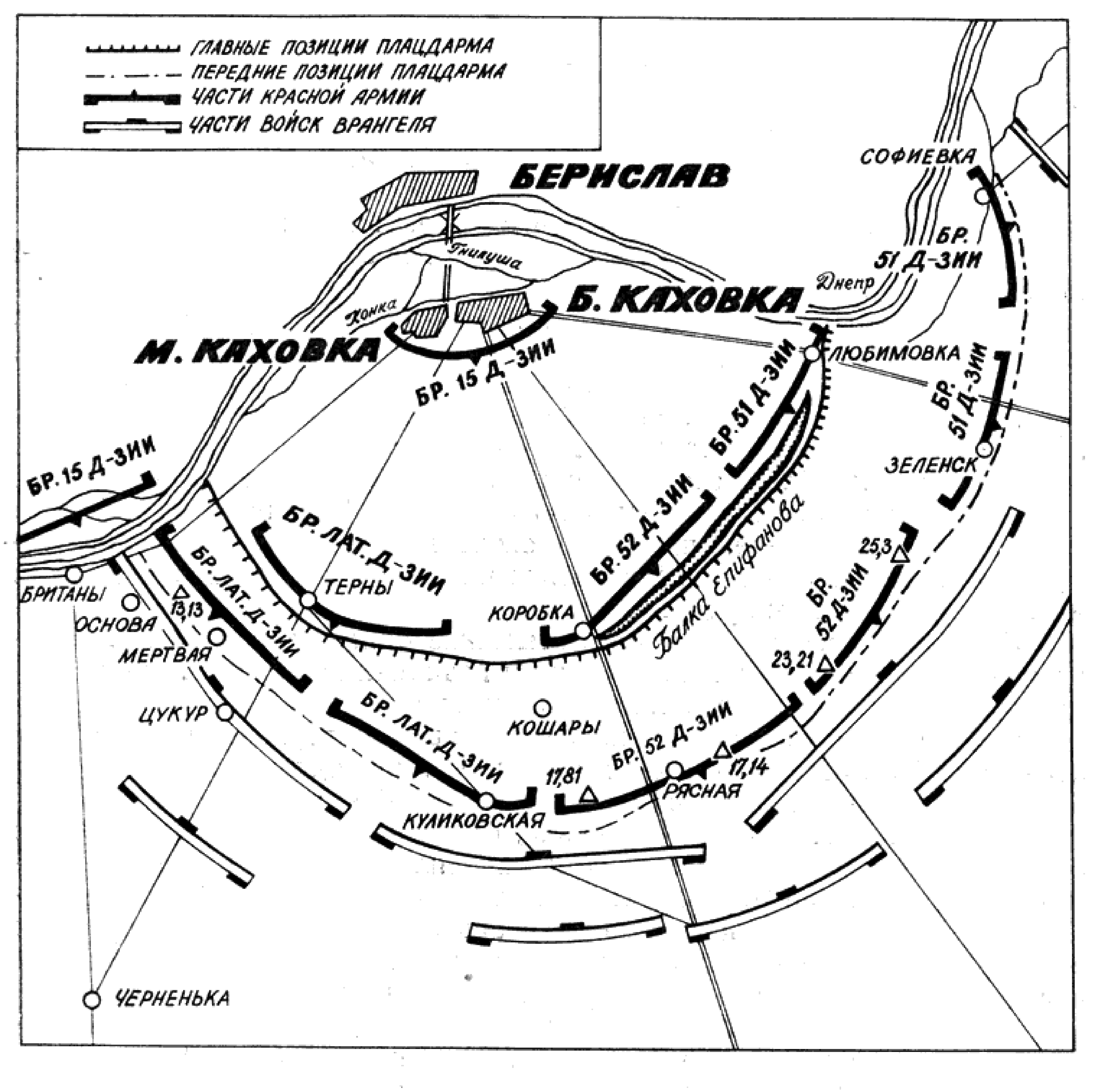
БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 3-Й БРИГАДЫ 21-Й ДИВИЗИИ С 27 ОКТЯБРЯ ПО 2 НОЯБРЯ 1919 ГОДА.



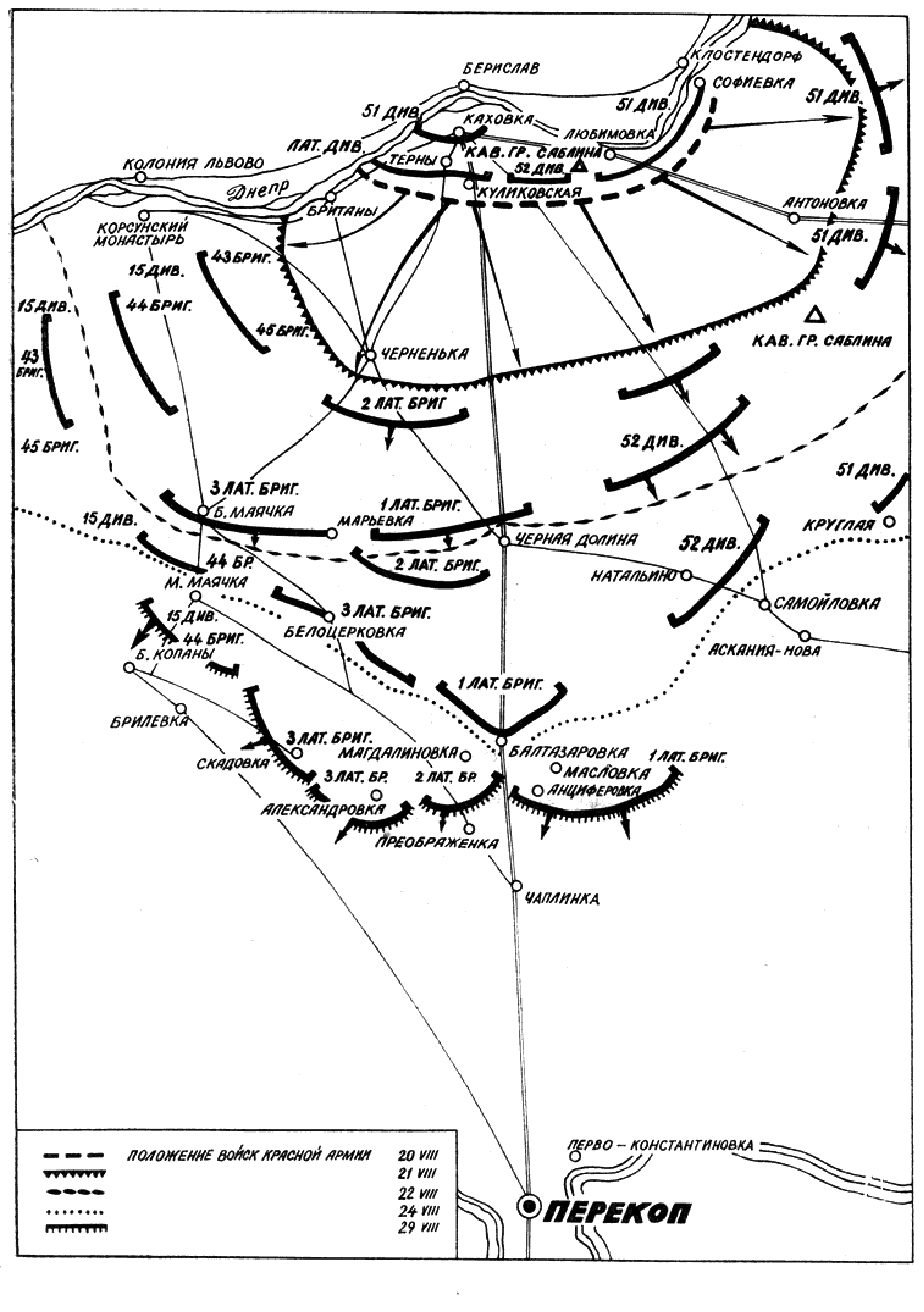
РАСПОЛОЖЕНИЕ ЧАСТЕЙ ПЕРЕКОПСКОЙ ГРУППЫ 14 АПРЕЛЯ В 6 ЧАСОВ.



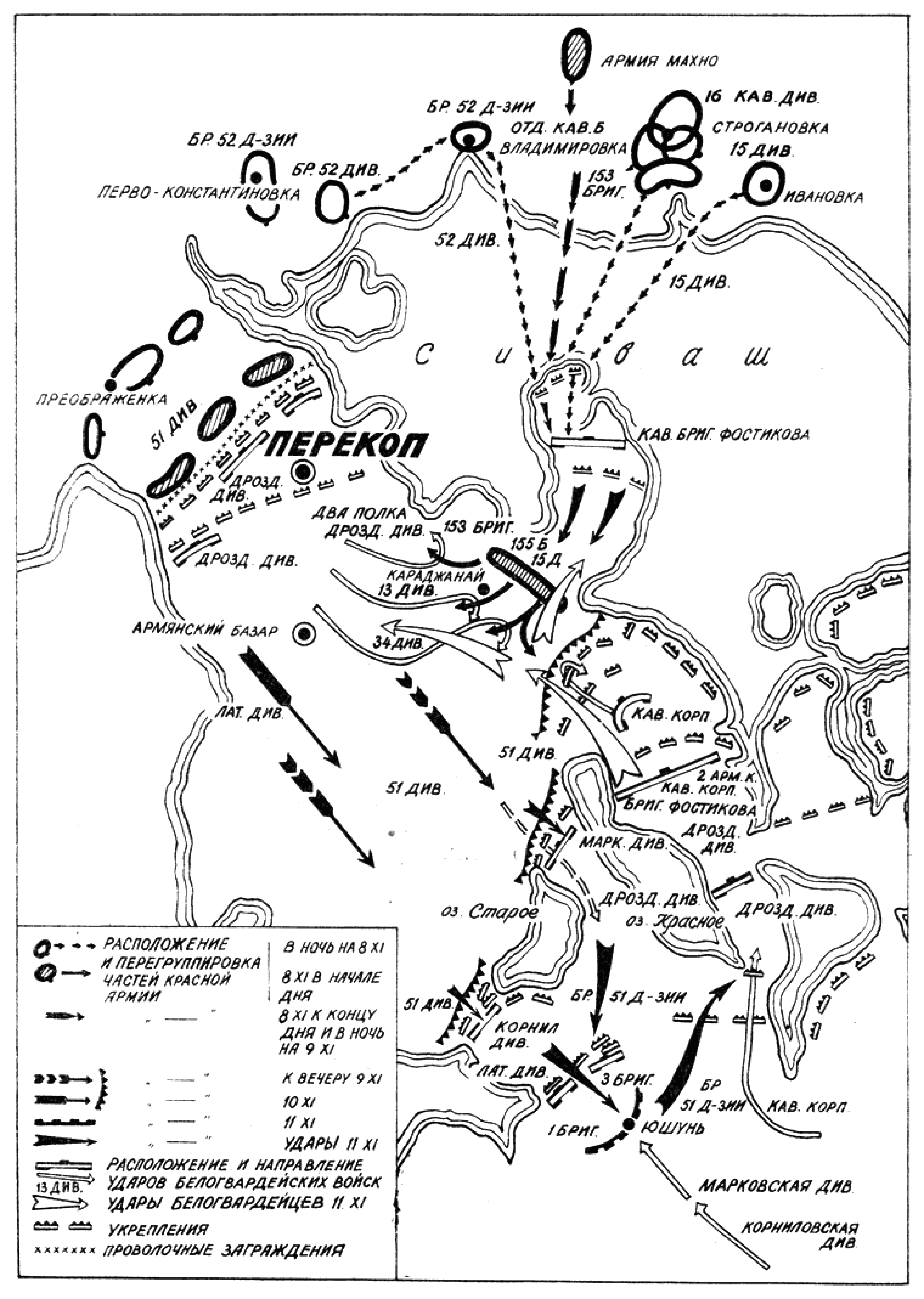
НАСТУПЛЕНИЕ ВРАНГЕЛЯ ИЗ КРЫМА 7—9 ИЮНЯ 1920 ГОДА.



ПРАВОБЕРЕЖНАЯ ГРУППА XIII АРМИИ НА ЗАЩИТЕ КАХОВСКОГО ПЛАЦДАРМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ АВГУСТА 1920 ГОДА.



ВТОРОЕ НАСТУПЛЕНИЕ КАХОВСКОЙ ГРУППЫ НА ПЕРЕКОПСКОМ НАПРАВЛЕНИИ



ПЕРЕКОПСКАЯ ОПЕРАЦИЯ С 8 ПО 11 НОЯБРЯ 1920 ГОДА.